

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

РАССКАЗЫ О ПИЛОТЕ ПИРКСЕ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Рассказы о пилоте Пирксе (сборник)

Станислав Герман Лем

Аннотация
Станислав Лем. Рассказы о пилоте Пирксе (сборник)
Испытание
  1
  2
Условный рефлекс
Патруль
Альбатрос
Терминус
  1
  2
  3
  4
Охота
Рассказ Пиркса
Несчастный случай
Дознание
Ананке

Аннотация

Сборник «Рассказы о пилоте Пирксе» – одна из жемчужин творческого наследия Станислава Лема. История приключений героя, поначалу – курсанта, а потом – уже опытного космического пилота, восхищает читателей не только сюжетным многообразием и увлекательностью, но и фирменным «лемовским» юмором и тонким, неожиданным философским подтекстом…

Станислав Лем
Рассказы о пилоте Пирксе (сборник)

Испытание

1

— Курсант Пиркс!

Голос Ослиного Лужка заставил его очнуться. Он как раз представил себе, что в часовом кармашке старых гражданских брюк, спрятанных на дне шкафа, завалялась двухкроновая монетка. Серебряная, звенящая, забытая. Еще минуту назад он точно знал, что там ничего нет — разве что старая почтовая квитанция, — но постепенно уверил себя, что монета там могла быть, и, когда Ослиный Лужок назвал его имя, он уже в этом не сомневался. Он прямо-таки осязал ее округлость и видел, как она распирает кармашек. Можно сходить в кино, и полкроны еще останется. А если только на хронику, останется полторы; крону он отложил бы, а на остальное сыграл бы на автоматах. А вдруг автомат заест, и он начнет без конца сыпать монеты прямо в протянутую ладонь — только успевай рассовывать по карманам и опять подставлять руку… случилось же такое со Смигой! Он уже сгибался под тяжестью неожиданно привалившего к нему богатства, когда его вызвал Ослиный Лужок.

Преподаватель, заложив, как обычно, руки за

спину и опираясь на здоровую ногу, спросил:

— Курсант Пиркс, что бы вы сделали, если бы в патрульном полете встретили инопланетный корабль?

— Я бы приблизился, — проговорил он глухим, почему-то огрубевшим голосом.

Аудитория замерла. Это обещало быть поинтереснее лекции.

— Очень хорошо, — отечески подбодрил его Ослиный Лужок. — И что же дальше?

— Я бы затормозил, — выпалил курсант Пиркс, чувствуя, что вышел далеко за переднюю линию своих познаний. Он лихорадочно искал в опустевшей вдруг голове какие-то параграфы «Поведения в Пространстве». Ему казалось, что он в жизни туда не заглядывал. Он скромно потупил глаза и увидел, что Смига что-то шепчет одними губами. Он угадал подсказку и повторил ее вслух, прежде чем смысл сказанного дошел до него:

— Я бы им представился.

Весь курс застонал от смеха. Даже Ослиный Лужок не смог удержаться. Однако серьезность очень скоро вернулась к нему.

— Курсант Пиркс, завтра зайдете ко мне с бортовым журналом. Курсант Бёрст!

Пиркс сел так осторожно, точно стул был из

стекла, еще не совсем остывшего. Он даже не очень-то обижался на Смигу — такой уж он был, Смига, не мог пропустить удачной оказии. Он не слышал ни слова из того, что говорил Бёрст, — тот чертил на доске кривые, а Ослиный Лужок, как обычно, приглушал ответы электронного Вычислителя, так что отвечавший в конце концов запутывался в расчетах. Устав разрешал прибегать к помощи Вычислителя, но у Ослиного Лужка была собственная теория на этот счет: «Вычислитель — тот же человек, — говорил он, — и может оплошать». Пиркс и на Ослиного Лужка не обижался. Он вообще ни на кого не обижался. Почти никогда. Пять минут спустя он уже стоял перед магазином на улице Диерхоф и разглядывал выставленные в витрине газовые пистолеты. Из них можно было стрелять холостыми зарядами — пулевыми и газовыми, полный комплект шесть крон, вместе с сотней патронов. Понятно, на Диерхоф он тоже был только в мечтах.

После звонка курсанты двинулись к выходу — но без крика и топота, как первый или второй курс; в конце концов они уже не дети! Чуть ли не половина курса пошла в столовую — есть там пока было нечего, зато можно было встретить новую официантку. Говорят, хорошенькая.

Пиркс медленно спускался по лестнице, минуя остекленные стеллажи, заставленные звездными глобусами, и надежда на то, что в кармашке действительно есть монета, таяла с каждым шагом. На последней ступеньке он уже точно знал, что ее там никогда не было.

У арки ворот стояли Бёрст, Смига и Паярц, с которым они полгода сидели за одним столом на космодезии. Он тогда замазал тушью все звезды в атласе Пиркса.

— У тебя завтра пробный полет, — сказал Бёрст, когда Пиркс поравнялся с ними.

— Порядок, — отозвался он флегматично. Его так просто не разыграешь.

— Не веришь — прочти! — Бёрст ткнул пальцем в стекло доски приказов.

Пиркс хотел пройти дальше, но голова повернулась сама. В списке было только три имени. «Курсант Пиркс» — значилось там черным по белому, в самом верху.

Несколько мгновений он ничего не видел.

Потом откуда-то издалека услышал собственный голос:

— Ну так что? Я же сказал — порядок.

Дорожка вела между клумбами. В этом году тут было множество незабудок, искусно высаженных

в виде приземляющейся ракеты. Лютики изображали выхлопной огонь, но они уже отцвели. Пиркс не видел ни клумб, ни дорожки, ни незабудок, ни Ослиного Лужка, поспешным шагом вышедшего из бокового флигеля Института, чуть было не налетел на него в воротах и отдал честь перед самым его носом.

— А, Пиркс! — сказал Ослиный Лужок. — Вы ведь завтра летите? Хорошей тяги! Может, вам посчастливится встретить тех — инопланетян.

Здание общежития находилось напротив, в парке, за большими плакучими ивами. Оно стояло у пруда, и каменные колонны бокового крыла высились над самой водой. Кто-то пустил слух, будто эти колонны привезены прямо с Луны, — вздор, разумеется, — но первокурсники со священным трепетом вырезали на них инициалы и даты. Где-то там было и имя Пиркса — он усердно выдолбил его четыре года назад.

В своей комнате — такой маленькой, что он жил в ней один, — он долго не мог решить, стоит ли открывать шкаф. Он точно помнил, где лежат старые брюки. Их запрещалось оставлять у себя, потому-то он их и оставил. Ну, какой еще от них прок? Он зажмурился, присел на корточки, через приоткрытую дверцу сунул руку вовнутрь — и

ощупал кармашек. Ну конечно, он так и знал. Там ничего не было.

2

Он стоял в ненадутом комбинезоне на стальном помосте, под самой крышей ангара, цепляясь локтем за трос, протянутый вместо поручней: обе руки у него были заняты. В одной он держал бортовой журнал, в другой — шпаргалку. Шпаргалку одолжил ему Смига — говорили, что с ней летал весь курс. Неясно, правда, как она возвращалась обратно, ведь после первого пробного полета курсантов сразу же отправляли на север, на Базу, и зубрежка к выпускным экзаменам шла уже там. Но, видно, как-то она возвращалась, — может, ее сбрасывали на парашюте? Конечно, это была только шутка.

Он стоял на пружинящей стальной доске, над сорокаметровой бездной, и коротал время, пробуя угадать, будут ли его обыскивать, — это, увы, случалось. В пробные полеты курсанты брали самые неожиданные и строжайше запрещенные вещи: от плоских фляжек с водкой и жевательного табака до фотографий знакомых девушек. Не говоря уж, само собой, о шпаргалках. Пиркс долго искал на себе место, где бы ее спрятать. Он перепрятывал ее раз пятнадцать — в ботинок под

пятку, между двумя носками, за край ботинка, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас — карманные брать разрешалось; подошел бы футляр для очков, но, во-первых, футляр понадобился бы громадный, во-вторых, он не носил очков. Чуть позже он сообразил, что в очках его бы не приняли в Институт.

Итак, он стоял на стальном помосте в ожидании обоих инструкторов и Шефа, а те почему-то опаздывали, хотя старт был назначен на девятнадцать сорок, а часы уже показывали девятнадцать двадцать семь. Будь у него кусочек пластыря, он, пожалуй, прилепил бы шпаргалку под мышкой. Говорят, коротышка Джеркес так и сделал, а когда инструктор дотронулся до него, запищал, что, дескать, боится щекотки, — и проскочил. Но Пиркс не был похож на человека, который боится щекотки. Он это знал и не обманывался на свой счет. Поэтому он просто держал шпаргалку в правой руке; потом, вспомнив, что придется здороваться за руку со всей троицей, переложил шпаргалку в левую, а бортжурнал — из левой в правую. Манипулируя таким образом, он незаметно привел в движение стальной помост — тот уже раскачивался, как трамплин. И тут он услышал шаги. Идущих он увидел не сразу — под крышей ангара

было темно.

Явились все трое, как обычно ради такой оказии — в мундирах, стройные и подтянутые, особенно Шеф. А на нем, на курсанте Пирксе, был комбинезон, который даже без воздуха выглядел как двадцать сложенных вместе доспехов регбийного игрока, к тому же по обе стороны высокого ворота свисали разъемы кабелей ближней и дальней радиосвязи, на шее болтался шланг кислородного аппарата с вентилем на конце, в спину врезался резервный баллон, в двойном противопотном белье было дьявольски жарко, но пуще всего его донимало устройство, благодаря которому в полете не надо отлучаться по нужде (впрочем, в ракете первой ступени, служившей для пробных полетов, отлучиться было бы некуда).

Помост вдруг начал подпрыгивать. Кто-то шел сзади — это был Бёрст, в таком же комбинезоне; он четко отдал честь рукой в огромной перчатке и остановился так близко от Пиркса, словно всерьез решил спихнуть его вниз.

Когда начальство двинулось наконец вперед, Пиркс удивленно спросил:

— Ты тоже летишь? Тебя же не было в списке.

— Брендан заболел. Я за него, — ответил Бёрст.

Пирксу стало как-то не по себе. В конце концов это была редкая, прямо-таки единственная возможность хотя бы на миллиметр подняться к недосягаемым высотам, на которых пребывал Бёрст, словно бы вовсе о том не заботясь. У них на курсе он был не только самым способным — с этим Пиркс еще примирился бы, он даже питал уважение к математическим талантам Бёрста, с тех пор как имел случай наблюдать его мужественный поединок с электронным Вычислителем: Бёрст стал отставать лишь при извлечении корней четвертой степени, мало того что он был из состоятельной семьи и не имел нужды предаваться мечтам о монетах, завалявшихся в старых штанах, — но он к тому же показывал превосходные результаты в легкой атлетике, прыгал как черт, отлично танцевал и, что тут скрывать, был очень хорош собой, чего нельзя было сказать о Пирксе.

Они шли по длинному помосту между решетчатыми консолями перекрытия, мимо выстроенных в ряд ракет, пока полумрак не сменился солнечным светом: здесь перекрытие было уже раздвинуто на протяжении двухсот метров. Над огромными бетонированными воронками, которые вбирали в себя и отводили пламя выхлопа,

высились рядом две конусообразные громадины — во всяком случае, Пирксу они показались громадинами: сорок восемь метров в высоту и одиннадцать в диаметре в самом низу, у ускорителей.

К люкам, уже открытым, были переброшены мостики, но проход загораживали маленькие красные флажки на гибких флагштоках и свинцовых подставках. Пиркс знал, что сам отодвинет флажок, когда на вопрос, готов ли он выполнить задание, ответит «готов», — и сделает это впервые в жизни. И тут же им овладело предчувствие, что, отодвигая флажок, он споткнется о трос и непременно растянется на помосте — такое случалось. А если с кем-то случалось, то с ним случится *наверняка:* временами ему казалось, что он невезучий. Преподаватели смотрели на это иначе — дескать, он ротозей, растяпа, и вечно думает о чем угодно, только не о том, о чем полагалось бы думать. И правда, мало что давалось ему с таким трудом, как слова. Между его поступками и мыслями, облеченными в слова, зияла… не то чтобы пропасть, но, во всяком случае, какой-то зазор, который осложнял ему жизнь. Преподаватели не догадывались о том, что Пиркс мечтатель. Об этом не догадывался никто. Считалось, что он

вообще ни о чем не думает. А это было не так.

Краешком глаза он увидел, что Бёрст уже стоит, как положено, в одном шаге от переброшенного к люку ракеты мостика, вытянувшись по стойке «смирно» и прижав руки к ненадутым резиновым сочленениям комбинезона.

Он подумал, что Бёрсту к лицу даже этот чудной наряд, словно сшитый из сотни футбольных мячей, и что комбинезон Бёрста действительно не надут, тогда как его собственный надут как-то неравномерно, и поэтому в нем так неудобно ходить, приходится так широко расставлять ноги. Он сдвинул их как можно теснее, но каблуки все равно не сходились. Почему же они сходились у Бёрста? Непонятно. Впрочем, если бы не Бёрст, он начисто забыл бы о том, что надо встать по стойке «смирно» спиной к ракете, лицом к трем людям в мундирах. Сперва они подошли к Бёрсту — допустим, лишь потому, что тот начинался на «Б», но и это не было чистой случайностью, вернее, было случайностью не в пользу Пиркса: ему всегда приходилось подолгу маяться в ожидании вызова, и он всякий раз нервничал — уж если должно случиться что-то плохое, то лучше бы сразу.

Он с пятого на десятое слышал, что говорили Бёрсту, а тот, вытянувшись в струнку, отвечал

так быстро, что Пиркс ничего не понял. Потом они подошли к нему, и, когда Шеф начал говорить, Пиркс вдруг вспомнил, что лететь должны были трое, а не двое, куда же девался третий? К счастью, он все же услышал слова Шефа и в последнюю минуту успел выпалить:

— Курсант Пиркс к полету готов!

— Мда-а… — протянул Шеф. — И курсант Пиркс заявляет, что здоров телом и духом… гм… в пределах своих возможностей?

Шеф любил украшать стереотипные вопросы подобными завитушками и мог себе это позволить — на то он был и Шеф.

Пиркс подтвердил, что здоров.

— На время полета произвожу вас, курсант Пиркс, в пилоты, — произнес Шеф сакраментальную фразу. — Задание: вертикальный старт на половинной мощности ускорителей. Выйти на эллипс Б-68. Затем ввести поправку для выхода на постоянную орбиту с периодом обращения 4 часа 26 минут. На орбите ждать два корабля прямой связи типа ИО-2. Вероятная зона радарного контакта — сектор III, спутник ПАЛ, допустимое отклонение шесть угловых секунд. Установить радиотелефонную связь с целью согласования маневра. Маневр: сойти с постоянной орбиты

курсом 60 градусов 24 минуты северной широты, 115 градусов 3 минуты 11 секунд восточной долготы. Начальное ускорение 2,2 *g*. Конечное ускорение по истечении 83 минут — ноль. Поддерживая радиотелефонную связь, пилотировать оба ИО-2 в строю треугольником до Луны, выйти на временную орбиту в ее экваториальной зоне согласно указаниям Луны-ПЕЛЕНГ, убедиться, что ведомые корабли находятся на орбите, сойти с нее и, выбирая ускорение и курс самостоятельно, вернуться на постоянную орбиту в зоне спутника ПАЛ. Там ожидать дальнейших приказаний.

Курсанты говорили, что скоро взамен нынешних шпаргалок появятся электронные — электромозги размером с вишневую косточку; дескать, сунешь их в ухо или под язык, и они всегда и везде подскажут что хочешь. Но Пиркс в это не верил, полагая — вполне основательно, — что если что-нибудь такое появится, то курсанты будут уже не нужны. Пока что ему пришлось самому повторить задание — и ошибся он только раз, зато основательно, спутав минуты и секунды времени с минутами и секундами долготы. После чего, потный как мышь в своем противопотном белье под толстой оболочкой комбинезона, стал ждать дальнейшего развития событий. Повторить-то он

повторил, но смысл задания еще не начал доходить до него. Единственной застрявшей в голове мыслью было: «Ну и досталось же мне сегодня!»

В левой руке он сжимал шпаргалку, правой протянул Шефу бортовой журнал. Устный пересказ был просто педантством: все равно задание вручалось в письменном виде, с вычерченным начальным отрезком курса. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек, приклеенный к обложке журнала, вернул журнал Пирксу и спросил:

— Пилот Пиркс, к старту готовы?

— Готов! — ответил пилот Пиркс. В эту минуту ему хотелось лишь одного: очутиться в рулевой рубке. Только бы расстегнуть комбинезон, хотя бы у шеи!

Шеф отступил на шаг.

— По раке-е-там! — крикнул он великолепным, стальным голосом, который, как колокол, перекрыл глухой, неустанный гул огромного ангара.

Пиркс развернулся кругом, схватил красный флажок, споткнулся о трос ограждения, в последний момент удержал равновесие и тяжело, словно Голем, вступил на узенький мостик. Он был еще только на середине, когда Бёрст (сзади он все же смахивал на футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Пиркс спустил ноги внутрь, ухватился за толстую обшивку люка, съехал по эластичному желобу вниз, не притрагиваясь к перекладинам («перекладины — только для умирающих пилотов», — говаривал Ослиный Лужок), и начал задраивать люк. Они отрабатывали это на тренажерах, а потом на настоящем люке, снятом с ракеты и установленном посреди учебного зала. Сотни, тысячи раз, до осточертения — левая рукоятка, правая рукоятка, пол-оборота, проверить герметичность, обе рукоятки до конца, дожать, проверить герметичность под давлением, задраить внутреннюю крышку люка, выдвинуть противометеоритный экран, покинуть входной туннель, запереть дверцу кабины, дожать, рукоятка, вторая рукоятка, стопор, все.

Пиркс подумал, что Бёрст, должно быть, давно уже сидит в своем стеклянном колпаке, тогда как он сам еще доворачивает маховик затвора, — и тут же вспомнил, что они ведь стартуют не одновременно, а с шестиминутным интервалом, так что спешить некуда. И все-таки лучше заранее сидеть на своем месте с включенным радиофоном — по крайней мере услышишь команды, которые отдают Бёрсту. Интересно, у него-то какое задание?

Свет в кабине включился автоматически, как только он задраил наружную крышку люка. Заперев свою лавочку на все засовы, он по маленькому ступенчатому скату, выстланному шершавым и в то же время мягким пластиком, перешел на место пилота.

Бог знает, почему в этих маленьких одноместных ракетах пилот сидел в большой — три метра в диаметре — стеклянной банке. Банка эта, хотя и совершенно прозрачная, была, конечно, не из стекла и к тому же пружинила наподобие толстой, очень твердой резины. Этот пузырь, с раскладывающимся креслом пилота посередине, помещался внутри самой рулевой рубки, слегка конусообразной, так что пилот в своем «зубоврачебном кресле» (так его именовали курсанты) мог свободно вращаться по вертикальной оси и сквозь прозрачные стенки пузыря, в котором он был заключен, видел все циферблаты, индикаторы, передние, задние, боковые экраны, табло обоих вычислителей и астрографа и, наконец, святая святых — траектометр, на матовом, выпуклом стекле которого яркой, толстой чертой обозначался путь ракеты относительно неподвижных звезд в проекции Гаррельсбергера. Элементы этой проекции надо было знать наизусть и уметь

читать ее по приборам в любом положении, даже вися вверх ногами. Слева и справа от сидящего в кресле пилота располагались четыре главные рукоятки реактора и рулевых отклоняющих дюз, три аварийные рукоятки, шесть рычагов малого пилотажа, рычаги пуска и холостого хода, регуляторы мощности тяги и продувки дюз; над самым полом — большое спицевое колесо климатизаторной и кислородной регулировки, рукоятки противопожарного устройства и катапульты реактора (на случай возникновения неконтролируемой ядерной реакции), тросик с петлей, закрепленной на верхней части шкафчика с термосами и едой, а под ногами — тормозные педали с мягким покрытием и петлями в виде стремян и еще педаль аварийной эвакуации: если на нее нажать (для этого надо было ногой разбить ее колпачок), пузырь катапультировался вместе с креслом, пилотом и ленточно-кольцевым парашютом.

Кроме этой главной цели — спасения пилота в случае неустранимой аварии, — насчитывалось еще не меньше восьми крайне важных причин, из-за которых понадобился стеклянный пузырь, и в более благоприятных условиях Пиркс даже сумел бы одним духом перечислить их все, но ни

одна из них не казалась ему (да и другим курсантам) достаточно веской.

Расположившись как следует, он, с немалым трудом сгибаясь в поясе, принялся ввинчивать все свисавшие и торчавшие из него трубки, кабели и провода в разъемы, которыми ощетинилось кресло (причем всякий раз, когда он наклонялся вперед, комбинезон мягкой булкой упирался ему в живот), и, конечно, перепутал кабель радиофона с обогревательным; хорошо еще, что у них была разная резьба, но ошибку он заметил только тогда, когда пот потек с него в три ручья; наконец сжатый воздух, шипя, мгновенно наполнил комбинезон, и Пиркс со вздохом облегчения откинулся назад, прилаживая руками оба набедренно-наплечных ремня.

Правый защелкнулся сразу, но левый почему-то не поддавался. Ворот, надутый, как автомобильная шина, не позволял оглянуться, он безуспешно тыкал вслепую широкой застежкой ремня, — а в наушниках уже заговорили приглушенные голоса:

— …Пилот Бёрст на АМУ-18! Старт по радиофону по счету *ноль*. Внимание — готов?

— Пилот Бёрст на АМУ-18 готов к старту по радиофону по счету *ноль!*— мгновенно отчеканил

Бёрст.

Пиркс выругался — и карабин защелкнулся. Он откинулся в мягкое кресло, такой обессиленный, словно только что вернулся из долгого-долгого межзвездного рейса.

— До старта — двадцать три… До старта — двадцать два… Два… — бубнило в наушниках.

Говорят, однажды, услышав громовое «Ноль!», стартовали оба курсанта сразу — тот, кому полагалось, и другой, ожидавший рядом своей очереди, — и вертикальными свечами шли в каких-то двухстах метрах друг от друга, рискуя в любое мгновение столкнуться. Так, во всяком случае, рассказывали на курсе. И будто бы с тех пор запальный кабель подключают в последний момент, дистанционно, это делал сам комендант космодрома из своей остекленной кабины управления, — так что весь этот отсчет был просто блефом. Но как там на самом деле, никто не знал.

– *Ноль!* — загремело в наушниках, и одновременно до Пиркса донесся приглушенный, протяжный грохот, кресло слегка задрожало, чуть сдвинулись с места искорки света в прозрачной оболочке, под которой он лежал распростертый, уставившись в потолок — то есть в астрограф,

в индикаторы циркуляции охлаждения, тяги главных дюз, вспомогательных дюз, плотности потока нейтронов, изотопных загрязнений и еще восемнадцать других, из которых половина следила исключительно за самочувствием ускорителя; дрожь ослабла, стена глухого грохота прошла где-то рядом и таяла там, вверху, будто в небе поднимали невидимый занавес; гром уходил все дальше, как обычно, становясь все больше похожим на отголоски далекой грозы; наконец наступила тишина.

Что-то зашипело, зажужжало — он даже не успел испугаться. Это автоматическое реле включило заблокированные прежде телеэкраны: если рядом кто-нибудь стартовал, объективы закрывались снаружи, чтобы их не повредило слепящее пламя атомного выхлопа.

Пиркс подумал, что такие автоматические устройства очень полезны, — так он размышлял о том и о сем, пока вдруг не почувствовал, что волосы встают у него дыбом под выпуклым шлемом.

«Господи, я же лечу! Я, я сейчас полечу!!!» — мелькнуло у него в голове.

Он судорожно начал готовить рукоятки к старту — то есть дотрагиваться до них в нужном порядке, считая про себя: раз, два, третья… а где

четвертая? — потом эта… так, вот этот индикатор… и педаль… нет, не педаль… ага, вот она… красная рукоятка, зеленая, потом на автомат… так… или красная после зеленой?!

— Пилот Пиркс на АМУ-27! — прервал его размышления голос, ударяющий в самое ухо. — Старт по радиофону по счету *ноль!* Внимание — готов?

«Еще нет!» — порывалось что-то крикнуть устами пилота Пиркса, но он ответил:

— Пилот Бё… пилот Пиркс на АМУ-27 готов… э-э… к старту по радиофону по счету *ноль!*

Он чуть было не сказал «пилот Бёрст», потому что хорошо запомнил, как тот отвечал. «Дубина!» — выругал он себя самого в наступившей тишине. Автомат (и почему это у всех автоматов голос унтер-офицера?) отрывисто лаял:

— До старта шестнадцать… пятнадцать… четырнадцать…

Пилот Пиркс обливался потом. Он силился вспомнить что-то ужасно важное — он знал, что это вопрос жизни и смерти, — и никак не мог.

— …до старта шесть… пять… четыре…

Мокрыми пальцами он стиснул стартовую рукоятку. Хорошо хоть шероховатая. Неужели все так потеют? Наверное, все… — тут наушники рявкнули:

– Ноль!!!

Его рука сама — совершенно сама — потянула за рукоятку и, доведя ее до середины, застыла. Пророкотало. Словно эластичный пресс упал ему на грудь и на голову. «Ускоритель», — успел он подумать, и в глазах потемнело. Однако не очень сильно и лишь на мгновение. Когда зрение вернулось к нему — хотя разлившаяся по всему телу тяжесть не отпускала уже ни на миг, — экраны, во всяком случае, те три, что были прямо перед ним, бурлили как убегающее из миллиона кастрюль молоко.

«Ага, пробиваю облако», — догадался он. Теперь мысли текли медленней, как-то сонливо, зато он был совершенно спокоен. Спустя какое-то время им овладело чувство, будто он — всего только зритель этой, немного смешной, картины: детина развалился в «зубоврачебном кресле» и ни рукой, ни ногой; облака исчезли, небо еще отдает синевой, но какой-то поддельной, словно подведенное тушью, а на нем как будто бы звезды — или это не звезды?

Да, это были звезды. Стрелки сновали по потолку, по стенам, каждая на свой лад, каждая что-то показывала, и за всеми надо следить, а у него только пара глаз. Однако в ответ на короткий,

повторяющийся писк в наушниках его левая рука сама — снова сама — потянула за рукоятку выбрасывателя ускорителя. Сразу стало полегче — скорость 7,1 в секунду, высота 201 километр, заданная траектория старта на исходе, ускорение 1,9, можно сесть, и вообще — теперь-то все только и начинается!

Он медленно возвращался в сидячее положение, нажимая на подлокотники и поднимая тем самым спинку кресла, — и вдруг застыл в ужасе.

— Где шпаргалка?!

Это и была та невероятно важная вещь, которую он никак не мог вспомнить. Он обшаривал глазами пол, словно вокруг и в помине не было полчищ подмигивающих со всех сторон индикаторов. Шпаргалка валялась под самым креслом, — он наклонился, ремни, разумеется, не пустили, времени уже не было, и с таким чувством, словно он стоит на самом верху высоченной башни и валится вместе с ней в пропасть, он достал из наколенного кармана бортовой журнал и вынул из конверта задание. Ничего не понять — где же, черт подери, орбита Б-68? Ага, вот эта! — он глянул на траектометр и начал входить в поворот. Даже странно — пока все шло как надо.

На эллипсе Вычислитель благосклонно выдал

данные для поправки, он опять маневрировал, соскочил с орбиты, слишком резко притормозил, в течение десяти секунд ускорение достигало 3g, но ему это было хоть бы что, физически он был очень крепок («будь у тебя мозги как бицепсы, — говаривал Ослиный Лужок, — из тебя, глядишь, и получился бы толк»); с поправкой вышел на постоянную орбиту, по радиофону сообщил данные Вычислителю, тот ничего не ответил, на его табло проплывали синусоиды холостого хода, Пиркс прорычал данные еще раз — ну конечно, забыл переключиться, — переключил радиофон, и на табло выскочила мерцающая вертикальная линия, а все окошечки дружно показывали одни единицы. «Я на орбите!» — обрадовался он. Да, но период обращения — 4 часа 29 минут, а надо — 4 и 26. Теперь он уже совершенно не соображал, допустимо такое отклонение или нет. Он напрягал память, даже подумал, не отстегнуть ли ремни, — шпаргалка лежала под самым креслом, но черт его знает, может, в ней этого и нет, — и вдруг вспомнил, что говорил им на лекциях Каль: «Орбиты рассчитываются с погрешностью 0,3 процента»; на всякий случай ввел данные в Вычислитель: погрешность была в норме. «Ну, более-менее», — сказал он себе и лишь теперь

осмотрелся по-настоящему.

Сила тяжести исчезла, но он был привязан к креслу на совесть и только ощущал необычайную легкость. Передний экран: звезды, звезды и белесо-бурая полоска в самом низу, боковой экран — ничего, лишь чернота и звезды. Нижний экран — ага! Пиркс с любопытством разглядывал Землю: он мчался над ней на высоте от 700 до 2400 километров на разных участках орбиты — Земля была огромная, заполняла целый экран, он как раз пролетал над Гренландией — ведь это Гренландия? — пока он соображал, что это, под ним была уже Северная Канада. Вокруг полюса сверкали снега, океан был фиолетово-черный, выпуклый, гладкий, словно отлитый из металла, облаков удивительно мало, точно по выпуклой поверхности кое-где расплескали жидкую кашицу. Пиркс взглянул на часы.

Он летел уже одиннадцать минут.

Теперь надо было поймать позывные ПАЛа и, проходя через его зону, следить за радаром. Как называются те два корабля? РО? Нет, ИО, — а номера? Он заглянул в листок с заданием, сунул его в карман вместе с бортовым журналом и шевельнул ручку настройки у себя на груди. Эфир заполняло попискивание и потрескива-

ние, ПАЛ — какой у него код? Ага, Морзе, — он напрягал слух, поглядывал на экраны, Земля неторопливо вращалась под ним, звезды быстро проплывали в экранах, а ПАЛ куда-то запропастился — не видать его, не слыхать.

Вдруг он услышал жужжание.

«ПАЛ? — подумал он и тут же отбросил эту мысль. — Глупости, спутники не жужжат. А что тогда жужжит?»

«Ничего не жужжит, — ответил он сам себе. — Так что же это?»

Авария?

В общем-то он даже не испугался. Что еще за авария при выключенном двигателе? Жестянка разваливается сама по себе, что ли? А может, короткое замыкание? Замыкание! Господи боже! Инструкция на случай пожара III-А: «Пожар в пространстве на орбите», параграф... а, чтоб им всем! — все жужжит и жужжит, он едва различал попискивание далеких сигналов.

«Ну прямо как муха в стакане», — вконец ошалев, подумал он, перебегая глазами от индикатора к индикатору, — и тут он ее увидел.

Это была муха-гигант, черная, с зеленоватым отливом, из тех омерзительных мух, что, кажется, созданы лишь для того, чтобы отравлять людям

жизнь, настырная, наглая, дурацкая и в то же время шустрая муха; она каким-то чудом (а как же еще?) забралась в ракету и теперь летала снаружи стеклянного пузыря, жужжащим комочком тычась в светящиеся циферблаты.

Пролетая над Вычислителем, в наушниках она гудела как четырехмоторный самолет: там, над верхней рамой Вычислителя, помещался еще один микрофон, резервный, им можно было пользоваться без ларингофона, встав с кресла, когда кабели внутренней связи отключены. Зачем? На всякий случай. Таких устройств было множество.

Он проклинал этот микрофон — боялся, что не услышит ПАЛ. Муха, точно ей было этого мало, начала расширять зону облетов. Несколько минут, не меньше, он невольно водил за ней глазами, пока наконец не сказал себе строго, что плевать ему на эту муху.

Жаль, нельзя подсыпать туда какого-нибудь дуста.

— Хватит!

В наушниках зажужжало так, что он скривился. Муха прохаживалась по Вычислителю. Стало тихо — она чистила крылышки. Что за мерзкая тварь!

В наушниках возник ритмичный, далекий писк: три точки, тире, две точки, два тире, три точки, тире — ПАЛ.

«Ну а теперь надо глядеть в оба!» — сказал он себе, еще немного приподнял кресло, чтобы видеть три экрана сразу, еще раз проследил за вращением фосфоресцирующего поискового луча на экране радара и стал ждать. На радаре ничего не было, но по радио кто-то вызывал:

— А-7 Земля — Луна, А-7 Земля — Луна, сектор три, курс сто тринадцать, вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ. Дайте пеленг. Прием.

«Вот незадача, как я теперь услышу мои ИО!» — встревожился Пиркс.

Муха взвыла в наушниках и куда-то пропала. Минуту спустя его сверху накрыла тень — словно на лампу уселась летучая мышь. Это вернулась муха. Она сновала по стеклянному пузырю, будто желала дознаться, что там такое внутри. Тем временем в эфире становилось тесно: он увидел ПАЛ (тот и впрямь походил на палицу — восьмисотметровый алюминиевый цилиндр со сферической шишкой обсерватории на конце); Пиркс летел над ним примерно в четырехстах километрах или чуть больше — и постепенно его обгонял.

— ПАЛ ПЕЛЕНГ вызывает А-7 Земля — Луна, сто восемьдесят запятая четырнадцать, сто шесть запятая шесть. Отклонение возрастает линейно. Конец.

— Альбатрос-4 Марс — Земля вызывает ПАЛ-Главный, ПАЛ-Главный, иду на заправку сектор два, иду на заправку сектор два, горючее на исходе. Прием.

— А-7 Земля — Луна вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ…

Дальше он не расслышал — все перекрыло жужжание. Наконец муха затихла.

— ПАЛ-Главный Альбатросу-4 Марс — Земля, заправка квадрант семь, Омега-Главная, заправка переносится, Омега-Главная. Конец.

«Они нарочно тут собрались, чтобы я ничего не услышал», — подумал Пиркс.

Противопотное белье плавало на его теле. Муха с бешеным жужжанием кружила над Вычислителем, словно во что бы то ни стало хотела догнать собственную тень.

— Альбатрос-4 Марс — Земля, Альбатрос-4 Марс — Земля вызывает ПАЛ-Главный, направляюсь квадрант семь, направляюсь квадрант семь, прошу вести меня по ближней радиосвязи. Конец.

Удаляющееся попискивание радиофона пото-

нуло в нарастающем жужжании. Потом из него выделились слова:

— ИО-2 Земля — Луна, ИО-2 Земля — Луна вызывает АМУ-27, АМУ-27. Прием.

«Интересно, кого это он вызывает?» — подумал Пиркс и вдруг подпрыгнул в своих ремнях.

«АМУ», — хотел он сказать, но охрипшее горло не пропустило ни звука. В наушниках жужжало. Муха. Он закрыл глаза.

— АМУ-27 вызывает ИО-2 Земля — Луна. Нахожусь квадрант четыре, сектор ПАЛ, включаю позиционные. Прием.

Он включил позиционные огни — два боковых красных, два зеленых на носу, один голубой сзади — и ждал. Кроме мухи, ничего не было слышно.

— ИО-2-бис Земля — Луна, ИО-2-бис Земля — Луна, вызываю…

Снова жужжание.

«Наверно, меня?» — подумал он в отчаянии.

— АМУ-27 вызывает ИО-2-бис Земля — Луна, нахожусь квадрант четыре, граничный сектор ПАЛ, все позиционные включены. Прием.

Теперь оба ИО отозвались одновременно; он включил селектор очередности, чтобы приглушить отозвавшегося вторым, но в наушниках

жужжало по-прежнему. Конечно, муха.

«Я, наверно, повешусь», — подумал он. Ему не пришло в голову, что в невесомости даже такой выход невозможен.

На экране радара он увидел оба своих корабля: они шли за ним параллельными курсами в каких-нибудь девяти километрах друг от друга, то есть в опасной близости; как ведущий он должен был их развести на безопасное расстояние — 14 километров. Он как раз уточнял на радаре положение пятнышек, означающих корабли, когда на одно из них уселась муха. Он швырнул в нее бортжурналом, тот не долетел, шлепнулся о стекло пузыря и, вместо того чтобы соскользнуть по нему, отскочил вверх, ударился о крышку стеклянной банки и принялся свободно порхать — невесомость! Муха даже не соизволила отлететь — она отошла пешком.

— АМУ-27 Земля — Луна вызывает ИО-2, ИО-2-бис. Вас вижу, у вас бортовое сближение. Приказываю перейти на параллельные курсы с поправкой ноль запятая ноль один. По завершении маневра перейти на прием. Конец.

Пятнышки начали медленно расходиться, может быть, они что-то ему говорили, но он уже слышал только муху. Та оглушительно разгули-

вала по микрофону Вычислителя. Бросать в нее было уже нечем. Бортжурнал парил над ним, мягко шелестя страницами.

— ПАЛ-Главный вызывает АМУ-27 Земля — Луна. Освободите граничный квадрант, освободите граничный квадрант, принимаю транссолнечный. Прием.

«Вот наглость, транссолнечного еще не хватало — какое мне до него дело?! Преимущество у кораблей, идущих в строю!» — подумал Пиркс и закричал, вложив в этот крик всю свою бессильную ненависть к мухе:

— АМУ-27 Земля — Луна вызывает ПАЛ-Главный. Квадранта не покидаю, чихать я хотел на транссолнечный, иду в строю треугольником: АМУ-27, ИО-2, ИО-2-бис, эскадра Земля — Луна, ведущий АМУ-27. Конец.

«Зря я насчет транссолнечного, — подумал он. — Теперь накинут штрафные очки. Холера их всех возьми. А за муху кто схлопочет штрафные? Тоже я».

С этой мухой только ему могло так повезти. Великое дело, муха! Он живо вообразил, как покатывались бы со смеху Смига с Бёрстом, узнай они об этой дурацкой мухе. В первый раз после старта он вспомнил о Бёрсте. Но времени на раз-

мышления не было — ПАЛ все заметнее начинал отставать. Они летели втроем уже пять минут.

— АМУ-27 вызывает ИО-2, ИО-2-бис Земля — Луна. Время двадцать ноль семь. Маневр выхода на параболический курс Земля — Луна начинаем в двадцать ноль десять. Курс сто одиннадцать… — читал он с листка, который ему только что удалось, акробатически изогнувшись, поймать над головой. Ведомые отозвались. ПАЛ уже скрылся из виду, но Пиркс все еще слышал его — то ли его, то ли муху. Вдруг жужжание как бы раздвоилось. Ему захотелось протереть глаза. Ну да. Их уже было две. Откуда вторая-то вылезла?

«Теперь они меня доконают», — спокойно, совершенно спокойно подумал он.

Было даже что-то утешительное в убеждении, что не стоит уже стараться, не стоит зря трепать нервы — они его все равно угробят. Это продолжалось секунду — потом он взглянул на часы: о господи, именно это время он сам назначил для начала маневра и даже не взялся еще за рукоятки!

Но тысячи изнурительных тренировок не пропали, как видно, даром — он вслепую, не отрывая глаз от траектометра, нашел обе рукоятки, потянул левую, потом правую. Двигатель глухо

отозвался, что-то зашипело, он почувствовал удар по голове и даже вскрикнул от неожиданности. Бортовой журнал корешком врезался ему в лоб — под самым козырьком шлема — и теперь закрывал лицо. Смахнуть его он не мог — обе руки были заняты. В наушниках гудели и клокотали любовные игрища мух на Вычислителе. «В полет должны выдавать револьвер», — подумал он, чувствуя, как бортжурнал, тяжелея от перегрузки, расплющивает ему нос. Он бешено мотал головой — только бы увидеть траектометр! Журнал уже весил добрых три килограмма; наконец он со стуком упал на пол, — ну да, было почти 4g. Пиркс сразу же сбросил ускорение до величины, необходимой для маневрирования, и поставил рукоятки на стопор, — теперь индикатор показывал 2g. Неужели мухам это нипочем? Вот именно, нипочем. Они чувствовали себя превосходно. Так ему предстояло лететь 83 минуты. Он посмотрел на экран радара: оба ИО шли следом, дистанция между ними и его кормой возросла километров до семидесяти — потому что несколько секунд ускорение доходило до 4g и он выскочил вперед. Не страшно.

Теперь у него было немного свободного времени, до самого конца полета с ускорением 2g — не

бог весть что такое. Сейчас он весил сто сорок два кило — всего лишь. А ведь он, бывало, по полчаса просиживал в лабораторной карусели при 4*g*.

Конечно, приятного было мало: руки и ноги словно чугунные, а головой и пошевелить нельзя — темнеет в глазах.

Он еще раз проверил положение обоих кораблей у себя за кормой. Интересно, что теперь делает Бёрст? Он представил себе его лицо — небось хоть в кино снимай… Один подбородок чего стоит! Нос прямой, глаза серые, даже серо-стальные, — уж он-то точно не взял с собой никаких шпаргалок! Впрочем, и ему шпаргалка пока не понадобилась. Жужжание в наушниках стало тише — обе мухи ползали над его головой по стеклянному верху банки, их тени задевали его лицо, в первый раз его даже передернуло. Он посмотрел вверх — черные мушиные лапки на концах были приплюснуты, брюшки отливали в свете ламп металлическим блеском. Фу, гадость!

— Порыв-8 Марс — Земля вызывает Треугольник Земля — Луна, квадрант шестнадцать, курс сто одиннадцать запятая шесть. Идете сходящимся со мной курсом, схождение через одиннадцать минут тридцать две секунды, прошу изменить курс. Прием.

«Ну надо же! — екнуло у него в груди. — Лезет, болван, напрямик — видит же, что я в строю!»

— АМУ-27, ведущий Треугольник Земля — Луна ИО-2, ИО-2-бис, вызывает Порыв-8 Марс — Земля. Иду в строю, курс не меняю, выполняйте маневр расхождения. Конец.

Одновременно он искал этого наглеца на радаре — и нашел! В каких-то полутора тысячах километров!

— Порыв-8 вызывает АМУ-27 Земля — Луна, у меня пробита гравиметрическая система, немедленно выполняйте маневр расхождения, точка схождения курсов сорок четыре ноль восемь, квадрант Луна четыре, граничная зона. Прием.

— АМУ-27 вызывает Порыв-8 Марс — Земля, ИО-2, ИО-2-бис Земля — Луна, выполняю маневр расхождения время двадцать тридцать девять, одновременный поворот за ведущим на расстоянии видимости, отклонение к северу сектор Луна один ноль запятая шесть, включаю двигатели малой тяги. Прием.

Еще продолжая говорить, он включил обе нижние рулевые дюзы. Ведомые ответили сразу, выполнили поворот, звезды проплыли в экранах, «Порыв» поблагодарил — он летел к Луне Главной. Пиркс, в неожиданном приливе

воодушевления, пожелал ему мягкой посадки, это считалось хорошим тоном, тем более что у того была авария, — он видел его в тысяче километров от себя с включенными позиционными огнями, — потом снова вызвал свои ИО, и началось возвращение на прежний курс — ужас! Известное дело — сойти с курса легче легкого, а вот поди отыщи потом нужный отрезок параболы! Другое ускорение — он не успевал вводить данные, по Вычислителю ползали мухи, потом замельтешили перед радаром, их тени носились по экрану. И откуда у этих тварей столько сил? Прошло добрых двадцать минут, прежде чем он вышел на заданный курс.

«А у Бёрста, должно быть, дорога как пылесосом вычищена, — подумал Пиркс. — Впрочем, что ему! Он и так управится одной левой!»

Он включил автомат тяги, чтобы на 83-й минуте согласно заданию сбросить ускорение до нуля, — и тут увидел такое, что насквозь промокшее противопотное белье показалось ему сшитым изо льда.

С распределительного щита медленно, по миллиметру, сползала белая крышка. Ее, как видно, плохо закрепили, и во время рывков при маневрировании (он действительно дергал

слишком уж резко) зажимы ослабли. Между тем ускорение все еще было 1,7g, крышка сползала медленно, словно кто-то тянул ее вниз невидимой ниткой, — и вдруг соскочила, ударилась о стекло колпака снаружи, соскользнула по нему и осталась лежать на полу. Заблестели четыре оголенных медных провода высокого напряжения, а под ними — предохранители.

«Ну, и чего я, собственно, перепугался? — сказал он себе. — Крышка упала, подумаешь. С крышкой, без крышки, не все ли равно?»

И все-таки ему было тревожно — такого случаться не должно. Если слетает крышка с предохранителей, то может и корма отвалиться.

До конца полета с ускорением оставалось всего двадцать семь минут, когда он сообразил, что после выключения тяги крышка станет невесомой и начнет летать по кабине. Пожалуй, еще наделает бед? Да нет, вряд ли. Слишком легка. Даже стеклышка не разобьет. Э-э, обойдется.

Он поискал взглядом мух — гоняясь друг за дружкой, жужжа, мельтеша, они описывали круги вокруг банки, пока не уселись под предохранителями. Он потерял их из виду.

На экране радара он нашел оба своих ИО — на заданном курсе. Передний экран заполнял

огромный, вполнеба, лунный диск. Когда-то они проходили селенографическую практику в кратере Тихо, и Бёрст с помощью обычного переносного теодолита смог вычислить… э-э, к дьяволу, чего он только не может! Пиркс попытался отыскать Луну Главную на внешнем склоне кратера Архимеда. Она глубоко зарылась в скалы и была почти не видна; лишь по сигнальным огням можно было бы различить отутюженную посадочную площадку — разумеется, ночью, но теперь там светило солнце. И хотя станция лежала в полосе тени от кратера, контраст с ослепительно сверкающим диском был так резок, что слабые сигнальные огни совершенно терялись.

Луна выглядела так, словно на нее не ступала нога человека, от Лунных Альп на равнину Моря Дождей ложились длинные-длинные тени. Он вспомнил, как перед полетом на Луну — всей группой, и летели они простыми пассажирами, — Ослиный Лужок попросил его проверить, видны ли с Луны звезды седьмой величины, а он, дурак, согласился с величайшей готовностью! У него начисто вылетело из головы, что днем с Луны звезд вообще не видно: слишком слепит глаза сияние солнца, отраженное от лунной поверхности. Ослиный Лужок потом еще долго донимал

его этими «звездами с Луны». Лунный диск понемногу распухал на экранах — в переднем он уже вытеснял последние клочки черного неба.

Странно — жужжание стихло. Он глянул направо — и остолбенел.

Одна муха сидела на выпуклом боку предохранителя и чистила крылышки, другая с ней заигрывала. В каких-то миллиметрах от них блестел кабель. Изоляция кончалась чуть выше — все четыре провода, толщиной почти с карандаш, были оголены, напряжение не слишком высокое, 1000 вольт, поэтому и расстояние между ними было небольшим — семь миллиметров. Он случайно знал, что семь. Как-то они разбирали всю проводку, и за то, что он не знал расстояния между проводами, ассистент наговорил ему всякого. Муха покончила с флиртом и теперь ползала по голому проводу. Понятно, это ей ничем не грозило. Но если бы ей вздумалось перелезть на другой… Как видно, это-то ей и вздумалось: она зажужжала и уселась на крайнем медном проводе. Как будто во всей кабине не нашлось другого места! Если ее передние лапки окажутся на одном проводе, а задние на другом…

Ну и что? В худшем случае будет короткое замыкание, впрочем, муха, пожалуй, не так уж и

велика. А даже если… что ж, закоротит на секунду, предохранитель автоматически выключит ток, муха сгорит, автомат опять включит ток, вот и все, — зато от мухи он будет избавлен! Как загипнотизированный, он смотрел на щит высокого напряжения. И все-таки лучше бы этой твари не пробовать. Короткое замыкание — один дьявол знает, чем это может кончиться. Вроде бы ничем — но лучше не надо.

Время: еще восемь минут на постепенно убывающей тяге. Скоро конец. Он еще не перевел взгляд с циферблата, как что-то сверкнуло — и свет погас. На какую-то треть секунды, не дольше. «Муха!» — успел он подумать, с затаенным дыханием ожидая включения автомата. Автомат сработал.

Свет зажегся, но оранжевый, тусклый, и тут же предохранитель щелкнул опять. Темень. Автомат снова включил ток. Выключил. Включил. И так пошло — без конца. Свет загорался вполнакала, в чем дело? В мгновенных, периодически повторяющихся проблесках света он с трудом разглядел: от мухи — эта тварь втиснулась-таки между проводами — остался обугленный трупик, он-то и продолжал соединять провода.

Нельзя сказать, чтобы он очень уж испугался.

Он был неспокоен, да, но разве после старта он успокаивался хоть на минуту? Часы были плохо видны. Табло индикаторов имели автономное освещение, радар тоже. Тока хватало ровно настолько, чтобы ни аварийные огни, ни резервная цепь не включалась, — но не настолько, чтобы было светло. До выключения двигателей оставалось четыре минуты.

Ему не приходилось об этом заботиться: редуктор выключит двигатель автоматически. Ледяная струйка пробежала у него по спине — как же выключит, если в сети замыкание?

Он было засомневался: может, это не та цепь, а другая? — пока не сообразил, что это главные предохранители. Для всей ракеты и всех цепей. Но реактор, реактор-то сам по себе?..

Реактор — да. Но не автомат. Он ведь сам его включил. Значит, надо теперь отключить. Или лучше не трогать? Может, все-таки обойдется?

Конструкторы не учли, что в кабину может попасть муха, что крышка может сползти и будет замыкание — да какое!

Свет мигал не переставая. Что-то надо было делать. Но что?

Очень просто: переключить главный рубильник — сзади, под полом. Он отключит главную

цепь и подсоединит аварийную. Только и всего. Ракета сконструирована не так уж бестолково, все предусмотрено, и даже с запасом надежности.

Интересно, а Бёрст тоже сразу бы до этого додумался? Как ни обидно — пожалуй, да. И даже… но оставалось всего две минуты! Он не успеет выполнить маневр! Пиркс рванулся в своих ремнях. Он же напрочь забыл о тех!

Он закрыл глаза и сосредоточился.

— АМУ-27 ведущий Земля — Луна вызывает ИО-2, ИО 2 бис. У меня замыкание в рулевой рубке. Маневр выхода на временную стационарную орбиту над экваториальной зоной Луны выполню с опозданием… э-э… неопределенной продолжительности. Выполняйте маневр самостоятельно в установленное время. Прием.

— ИО-2-бис ведущему АМУ-27 Земля — Луна. Выполняю маневр выхода на временную стационарную орбиту над экваториальной зоной совместно с ИО-2. У тебя девятнадцать минут до Диска. Желаю удачи. Конец.

Едва дослушав, он отвинтил кабель радиофона, кислородный шланг, второй кабель, поменьше, — ремни он отстегнул еще раньше. Когда он вставал с кресла, автомат редуктора вспыхнул рубиновым светом. Кабина периодически выны-

ривала из темноты в мутно-оранжевый полусвет. Двигатель не включился. Рубиновый огонек глядел из полутьмы, словно спрашивая совета. Послышалось монотонное гудение — сигнал тревоги. Автомат не смог выключить двигатели.

С трудом удерживая равновесие, он бросился туда, за кресло.

Рубильник помещался в кассете, вделанной в пол. Кассета — заперта на ключ. Так и есть, заперта. Он рвал на себя крышку — та не поддавалась. Где ключ?

Ключа не было. Он дернул еще раз — впустую.

Он выпрямился. Смотрел перед собой невидящими глазами — на передних экранах сияла уже не серебристая, а белая, как горные снега, огромная Луна. Зубчатые тени кратеров проплывали по ее диску. Включился радарный альтиметр — или он работал уже давно? Под его мерное тиканье из полутьмы выскакивали зеленые цифирки: расстояние — двадцать одна тысяча километров.

Свет непрерывно мигал, предохранитель выключал и включал ток. Но кабина уже не погружалась во тьму: призрачное сияние Луны наполняло ее и лишь ненамного ослабевало, когда лампы загорались полуживым светом.

Корабль летел все прямо и прямо, продолжая

набирать скорость при остаточном ускорении 0,2g, — а Луна притягивала его все сильнее. Что делать?! Он еще раз метнулся к кассете, пнул ногой крышку — сталь даже не дрогнула.

Сейчас! О господи! Как он мог так поглупеть! Надо… надо всего лишь попасть туда, за прозрачную стенку! Ведь можно же! У самого выхода, где стеклянный пузырь, сужаясь, переходит в воронку, которая заканчивается у люка, под табличкой «ТОЛЬКО ПРИ АВАРИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ» есть покрытый красным лаком рычаг. Стоит его перевести, и стеклянная банка приподнимется почти на метр — можно пролезть, каким-нибудь кусочком изоляции очистить провода и…

В один прыжок он очутился у красного рычага.

«Болван!» — мысленно рявкнул он на себя, вцепился в стальной рычаг и рванул его так, что в плечах хрустнуло. Рукоятка выскочила во всю длину отливающего маслом стального прута, — а банка даже не шелохнулась. Он ошалело таращился на нее — в глубине виделись экраны, заполненные сияющей Луной, свет по-прежнему мигал над его головой, — он дернул еще раз, хотя рукоятка и так была уже выдвинута до предела… Все напрасно…

Ключ! Ключ от кассеты с рубильником! Он

ничком бросился на пол, заглянул под кресло. Там валялась только шпаргалка…

Лампы непрестанно мигали, предохранитель включал и выключал ток. Когда огни гасли, все вокруг становилось белым, как скелет, словно выструганным из костей.

«Конец!» — подумал он. Катапультироваться вместе с банкой? Вместе с креслом, в капсуле? Нельзя, парашют не сработает, на Луне ведь нет атмосферы. «На помощь!!!» — хотелось ему крикнуть, но звать было некого — он был один. Что делать?! Должен же быть какой-нибудь выход!

Он снова рванулся к рукоятке — рука чуть не выскочила из суставов. От отчаяния хотелось заплакать. Так глупо, так глупо… Где ключ? Почему механизм заело? Альтиметр… Он бросил взгляд на табло: девять с половиной тысяч километров. На сверкающем диске ясно виднелись зубчатые края Тимохариса. Ему почудилось, будто он уже видит то место, где врежется в покрытую пемзой скалу. Будет гром, вспышка и…

Вдруг, в секундном проблеске света, его бешено скачущие глаза упали на четверной ряд медных жил. Там отчетливо чернел уголек, соединявший провода, — все, что осталось от мухи. Выставив плечо, он отчаянно, по-вратарски прыгнул впе-

ред, удар был страшный, он чуть не лишился сознания. Стенка не дрогнула. Он вскочил, тяжело дыша, с окровавленным ртом, готовый снова броситься на стеклянную стену.

Посмотрел вниз.

Рукоятка малого пилотажа. Для больших, порядка 10g, но кратковременных ускорений. Действовала она напрямую, через механическое сцепление. И на долю секунды давала аварийную тягу.

Но ею он мог лишь прибавить скорость, то есть — еще быстрее долететь до Диска. А не затормозить. Тяга была слишком кратковременной. А торможение должно быть непрерывным. Значит, малый пилотаж — бесполезен?

Он кинулся к рукоятке, падая, схватил ее, рванул, уже без амортизирующей защиты кресла; ему показалось, что кости у него разлетаются, так его бросило о пол. Он дернул еще раз. Еще один страшный, мгновенный прыжок ракеты! Он ударился головой оземь, если бы не пенопласт — разбился бы вдребезги.

Предохранитель звякнул — и мигание вдруг прекратилось. Кабину залило нормальное, спокойное сияние ламп.

Мгновенные ускорения малого пилотажа

двойным ударом выбили трухлявый уголек, застрявший между проводами. Замыкание было устранено. Чувствуя соленый привкус крови во рту, он прыгнул в кресло, словно нырял с трамплина, но промахнулся, пролетел высоко над спинкой, — страшный удар о верх пузыря, лишь отчасти смягченный шлемом.

Как раз тогда, когда он отталкивался для прыжка, заработавший автомат выключил двигатель. Остаточная сила тяжести исчезла. Корабль, теперь уже по инерции, камнем падал прямо на скалистые руины Тимохариса.

Он оттолкнулся от потолка. Кровавая слюна — его собственная — серебристо-красными пузырьками плавала возле него. Отчаянно извиваясь, он вытягивал руки к спинке кресла. Выгреб из карманов все, что там было, и швырнул за спину.

Сила отдачи медленно, мягко подтолкнула его, он опускался все ниже, пальцы, вытянутые так, что лопались сухожилия, царапнули ногтями никелированную трубку и впились в нее. Теперь он уже не отпустил. Головой вниз, как гимнаст, выполняющий стойку на брусьях, подтянулся, поймал ремни, съехал по ним вниз, обернул их вокруг туловища — застежка… застегивать

было некогда, он зажал конец ремня зубами — держало. Теперь руки на рукоятки, ноги — в стремянные педали!

Альтиметр: до Диска — тысяча восемьсот километров. Ну что, успеет затормозить? Исключено! 45 километров в секунду! Нужно выполнить разворот, глубокий выход из пике — только так!

Он выключил рулевые дюзы — 2, 3, 4g! Мало! Мало!

Дал полную тягу на разворот. Сверкающий ртутью диск, до сих пор словно бы встроенный в экран, дрогнул и начал все быстрее уплывать вниз. Кресло поскрипывало под растущей тяжестью тела. Корабль описывал дугу над самой поверхностью Луны, дугу огромного радиуса, ведь скорость была громадная. Рукоятка стояла не шелохнувшись, доведенная до упора. Его все глубже вдавливало в губчатое сиденье, дыхание перехватывало — комбинезон не был соединен с кислородным компрессором, он чувствовал, как прогибаются ребра, сероватые пятна замелькали перед глазами. Ежесекундно ожидая потери зрения, он все же не отрывал глаз от рамки радарного альтиметра, перемалывавшего в своих окошечках цифры, один ряд выскакивал за другим: 990—900—840—760 километров…

Он знал, что идет на полной тяге, и все-таки продолжал выжимать рукоятку. Он делал самый крутой поворот, какой только был возможен, и все же продолжал терять высоту — цифры по-прежнему уменьшались, хотя все медленнее и медленнее — он все еще был в нисходящей части огромной дуги. С трудом — глазные яблоки едва поворачивались — он скосился на траектометр.

Экран аппарата, как и обычно при полете в опасной близости от небесных тел, показывал не только траекторию корабля, вместе с ее слабо мерцающим вероятным продолжением, но и профиль участка лунной поверхности, над которым выполнялся маневр.

Обе кривые — полета и лунного профиля — почти сходились. Пересекались они или нет?

Нет. Но его дуга почти касалась поверхности. Было неясно, проскользнет он над Диском — или врежется в грунт. Погрешность составляла семь-восемь километров, и Пиркс не мог знать, где проходит кривая: над скалами или под ними.

В глазах темнело — 5g делали свое. Но сознания он не терял. Лежал, ослепший, стиснув пальцы на рукоятках, чувствуя, как понемногу сдают амортизаторы кресла. В то, что пришел конец, он не верил. Просто не мог поверить. Уже и губы

отказывались пошевелиться — и в наступившей для него темноте он медленно считал про себя: двадцать один… двадцать два… двадцать три… двадцать четыре.

При счете «пятьдесят» мелькнула мысль: вот оно, столкновение — если ему вообще суждено случиться. И все-таки он не разжал ладоней. Ему становилось все хуже: удушье, звон в ушах, во рту полно крови, в глазах — кровавая темень…

Пальцы разжались сами — рукоятка медленно сдвинулась, он уже ничего не слышал, ничего не видел. Тьма постепенно серела, дышать становилось легче. Он хотел открыть глаза, — но они оставались все время открытыми и теперь горели огнем: пересохла роговица.

Он сел.

Гравиметр показывал 2*g*. Передний экран — пуст. Звездное небо. Луны ни следа. Куда девалась Луна?

Она осталась внизу — под ним. Из своего смертельного пике он взмыл ввысь — и теперь удалялся от нее с убывающей скоростью. Как близко он прошел над Луной? Альтиметр, конечно, зарегистрировал, но в эту минуту у него были дела поважнее, чем выпытывать цифровые данные у прибора. Лишь теперь до его сознания

дошло, что сигнал тревоги наконец-то замолк. Много пользы от такого сигнала! Уж лучше бы подвесили колокол. Погост — так погост. Что-то тихонько зажужжало — муха! Та, вторая! Жива, проклятая тварь! Она кружила над самой банкой. Во рту у него торчало что-то отвратительное, шершавое, с привкусом полотна — конец предохранительного ремня! Он все еще сжимал его в зубах. И даже не замечал этого.

Он застегнул ремни, положил ладони на рукоятки: теперь надо вывести ракету на заданную орбиту. Обоих ИО, конечно, и след простыл, но он должен дотянуть, куда следует, и доложить о себе Луне Навигационной. А может, Луне Главной, ведь у него авария? Черт их разберет! Или сидеть тихо? Исключено! Когда он вернется, увидят кровь, даже стеклянный верх забрызган красным (теперь он это заметил), впрочем, регистрирующее устройство записало на пленку все, что тут творилось, — и безумства предохранителя, и его борьбу с аварийной рукояткой. Хороши эти АМУ, нечего сказать! А еще лучше те, что подсовывают пилотам такие гробы!

Но пора уже было рапортовать, а он все еще не знал кому; он отпустил плечевой ремень, нагнулся и протянул руку к шпаргалке, валявшейся

под креслом. В конце концов, почему бы и не заглянуть в нее? Хоть теперь пригодится.

И тут позади он услышал скрип — точь-в-точь будто отворилась какая-то дверь.

Никакой двери там не было, он знал это точно, а впрочем, привязанный ремнями к креслу, не мог обернуться, — но на экраны упала полоса света, звезды поблекли, и он услышал приглушенный голос Шефа:

— Пилот Пиркс!

Он хотел вскочить, ремни не пустили, он опять упал в кресло — с ощущением, будто сходит с ума. В проходе между стенками кабины и пузыря появился Шеф. Шеф стоял перед ним в своем сером мундире, серыми глазами смотрел на него — и улыбался. Пиркс не понимал, что такое с ним происходит.

Стеклянная оболочка приподнялась — он машинально начал отстегивать ремни, встал, — экраны за спиной Шефа внезапно погасли, словно их ветром задуло.

— Совсем неплохо, пилот Пиркс, — сказал Шеф. — Совсем неплохо.

Пиркс все еще не соображал, что с ним, и, стоя навытяжку перед Шефом, сделал нечто ужасное — повернул голову, насколько позволял

надутый ворот.

Весь проход вместе с люком раздался по сторонам — как будто ракета здесь лопнула. В полосе вечернего света виднелся помост ангара, какие-то люди на нем, тросы, решетчатые консоли… Пиркс с полуоткрытым ртом взглянул на Шефа.

— Подойди-ка, дружище, — сказал Шеф и медленно протянул ему руку. Пиркс пожал ее. Шеф усилил пожатие и добавил: — От имени Службы Полетов выражаю тебе признательность, а от своего собственного — прошу извинения. Это… это необходимо. А теперь зайдем-ка ко мне. Ты сможешь умыться.

Он направился к выходу. Пиркс пошел за ним, ступая тяжело и неуклюже. На воздухе было холодно и дул слабый ветерок: он проникал в ангар через раздвинутую часть перекрытия. Обе ракеты стояли на прежних местах — только к их носовым частям тянулись, провисая дугой, длинные, толстые кабели. Раньше этих кабелей не было.

Стоявший на помосте инструктор что-то ему говорил. Через шлем было плохо слышно.

— Что? — машинально переспросил он.

— Воздух! Выпусти воздух из комбинезона!

— А, воздух…

Пиркс повернул вентиль — зашипело. Он стоял

на помосте. Двое в белых халатах чего-то ждали перед тросами ограждения. Нос ракеты казался распоротым. Мало-помалу его охватывала какая-то странная слабость… изумление… разочарование… все отчетливее перераставшее в гнев.

Рядом открывали люк второй ракеты. Шеф стоял на помосте, люди в белых халатах что-то объясняли ему. Из люка послышался слабый шорох…

Какой-то коричневый, полосатый, извивающийся клубок выкатился оттуда, смутным пятном мелькала голова без шлема, захлебывалась ревом…

Ноги под ним подогнулись.

Этот человек…

Бёрст врезался в Луну.

Условный рефлекс

Случилось это на четвертом году обучения, как раз перед каникулами.

К тому времени Пиркс отработал все практические занятия, остались позади зачеты на имитаторе, два настоящих полета и «самостоятельное колечко» — полет на Луну с посадкой и обратным рейсом. Он чувствовал себя докой, старым космическим волком, для которого любая планета — дом родной, а поношенный скафандр — излюбленная одежда; который первым замечает в космосе мчащийся навстречу метеоритный рой и с сакраментальным возгласом «Внимание! Рой!» совершает молниеносный маневр, спасая от гибели корабль, себя и своих менее расторопных коллег.

Так, по крайней мере, он себе это представлял, с огорчением отмечая во время бритья, что по его виду никак не скажешь, сколько ему довелось пережить… Даже паскудный случай при посадке в Центральном Заливе, когда прибор Гаррельсбергера взорвался чуть ли не у него в руках, не оставил Пирксу на память ни одного седого во-

лоска! Что говорить — он понимал бесплодность своих мечтаний о седине (а чудесно было бы иметь тронутые инеем виски!), но пускай бы хоть собрались у глаз морщинки, с первого взгляда говорящие, что появились они от напряженного наблюдения за звездами, лежащими по курсу корабля! Пиркс как был толстощек, так и остался. А поэтому он скоблил притупившейся бритвой физиономию, которой втайне стыдился, и придумывал каждый раз все более потрясающие ситуации, из которых в конце концов выходил победителем.

Маттерс, который кое-что знал о его огорчениях, а кое о чем догадывался, посоветовал Пирксу отпустить усы. Трудно сказать, шел ли этот совет от души. Во всяком случае, когда Пиркс однажды утром в уединении приложил обрывок черного шнурка к верхней губе и посмотрелся в зеркало, его затрясло — такой у него был идиотский вид. Он усомнился в Маттерсе, хотя тот, возможно, не желал ему зла; и уж наверняка ни в чем не была виновата хорошенькая сестра Маттерса, которая сказала однажды Пирксу, что он выглядит «ужасно добропорядочно». Ее слова доконали Пиркса. Правда, в ресторане, где они тогда танцевали, не произошло ни одной из тех неприятностей,

которых обычно побаивался Пиркс. Он только однажды перепутал танец, а она была настолько деликатна, что промолчала, и Пиркс не скоро заметил, что все остальные танцуют совсем другое. Но потом все пошло как по маслу. Он не наступал ей на ноги, в меру сил старался не хохотать (его хохот заставлял оборачиваться прохожих на улице), а потом проводил ее домой.

От конечной остановки нужно было порядочно пройти пешком, и он всю дорогу прикидывал, как дать ей понять, что он вовсе не «ужасно добропорядочен» — слова эти задели его за живое. Когда они подходили к дому, Пиркс переполошился. Он так ничего и не придумал, а вдобавок из-за усиленных размышлений молчал как рыба; в голове его царила пустота, отличавшаяся от космической лишь тем, что была пронизана отчаянным напряжением. В последнюю минуту метеорами пронеслись две-три идеи: назначить ей новое свидание, поцеловать ее, пожать ей руку (об этом он где-то читал) многозначительно, нежно и в то же время коварно и страстно. Но ничего не получилось. Он ее не поцеловал, не назначил свидания, даже руки не подал… И если б на этом все кончилось! Когда она своим приятным, воркующим голоском произнесла: «Спокойной ночи»,

повернулась к калитке и взялась за задвижку, в нем проснулся бес. А может, дело в том, что в ее голосе он ощутил иронию, действительную или воображаемую, Бог знает, но совершенно инстинктивно, когда она повернулась спиной, такая самоуверенная, спокойная… это, конечно, из-за красоты, держалась она королевой, красивые девушки всегда так… Ну, короче, он дал ей шлепок по одному месту, и притом довольно сильный. Услышал тихий, сдавленный вскрик. Должно быть, она порядком удивилась! Но Пиркс не стал дожидаться, что будет дальше. Он круто повернулся и убежал, словно боялся, что она погонится за ним… На другой день, завидев Маттерса, он подошел к нему, как к мине с часовым механизмом, но тот ничего не знал о случившемся.

Пиркса все это беспокоило. Ни о чем он тогда не думал (как легко это ему, к сожалению, дается!), а взял да отвесил шлепок. Разве так поступают «ужасно добропорядочные» люди?

Он не был вполне уверен, но опасался, что, пожалуй, так. Во всяком случае, после истории с сестрой Маттерса (с той поры он ее избегал) Пиркс перестал по утрам кривляться перед зеркалом. А ведь одно время он пал так низко, что с помощью второго зеркала пытался найти поворот лица,

который хоть частично удовлетворял бы его великие запросы. Разумеется, он не был законченным идиотом и понимал, как смехотворны эти обезьяньи ужимки, но, с другой стороны, искал он не признаки красоты, помилуй Бог, а черты характера! Ведь он читал Конрада и с пылающим лицом мечтал о великом молчании Галактики, о мужественном одиночестве, а разве можно представить себе героя вечной ночи, отшельника, с такой ряшкой? Сомнения не рассеялись, но с кривлянием перед зеркалом он покончил, доказав себе, какая у него твердая, несгибаемая воля.

Волнующие переживания несколько улеглись, когда подошла пора сдавать экзамен профессору Меринусу, которого за глаза называли Мериносом. По правде сказать, Пиркс почти не боялся этого экзамена. Он всего лишь три раза наведывался в Институт навигационной астродезии и астрогнозии, где у дверей аудитории курсанты караулили выходящих от Мериноса товарищей не столько для того, чтобы отпраздновать их успех, сколько чтобы разузнать, какие новые каверзные вопросики придумал Зловещий Баран. Такова была вторая кличка сурового экзаменатора. Этот старик, который в жизни не ступал ногой не то что на Луну, а даже на порог ракеты! — благодаря

своей теоретической эрудиции знал каждый камень в любом из кратеров Моря Дождей, скалистые хребты астероидов и самые неприступные районы на спутниках Юпитера; говорили, что ему прекрасно известны метеориты и кометы, которые будут открыты спустя тысячелетие, — он уже сейчас рассчитал их орбиты, предаваясь своему любимому занятию — анализу возмущений небесных тел. Необъятность эрудиции сделала его придирчивым к микроскопическим знаниям курсантов.

Пиркс, однако, не боялся Меринуса, потому что подобрал к нему ключик. Старик пользовался собственной терминологией, которой в специальной литературе никто другой не применял. Пиркс, движимый врожденной сметливостью, заказал в библиотеке все труды Меринуса и — нет, вовсе он их не читал — попросту перелистал и выписал сотни две мериносовских словесных уродцев. Вызубрил их как следует и уверился, что не провалится. Так оно и случилось. Профессор, уловив стиль ответа, встрепенулся, поднял лохматые брови и слушал Пиркса, как соловья. Тучи, обычно не сходившие с его чела, рассеялись. Он словно помолодел — ведь он слушал будто самого себя. А Пиркс, окрыленный переменой в профес-

соре и собственным нахальством, несся на всех парусах, и, хотя полностью засыпался на последнем вопросе (тут нужно было знать формулы, и вся мериносовская риторика не могла помочь), профессор вывел жирную четверку и выразил сожаление, что не может поставить пять.

Так Пиркс укротил Мериноса. Взял его за рога. Куда больше страха испытывал он перед «сумасшедшей ванной» — последним этапом накануне выпускных экзаменов.

Когда дело доходило до «сумасшедшей ванны», не помогали никакие уловки. Курсанты являлись к Альберту, который числился обычным служителем при кафедре экспериментальной астропсихологии, но фактически был правой рукой доцента — его слово стоило больше, нежели мнение любого ассистента. Он был доверенным лицом еще у профессора Балло, вышедшего год назад на пенсию на радость курсантам и к огорчению служителя (ибо никто так хорошо не понимал его, как отставной профессор). Альберт вел испытуемого в подвал и в тесной комнатке снимал с его лица парафиновый слепок. Полученная маска подвергалась небольшой операции: в носовые отверстия вставлялись две металлические трубки. На этом дело кончалось.

Затем испытуемый отправлялся на второй этаж в «баню». Конечно, это была вовсе не баня, но, как известно, студенты никогда не называют вещи подлинными именами. Это было просторное помещение с бассейном, полным воды. Испытуемый — на студенческом жаргоне «пациент» — раздевался и погружался в воду, которую нагревали, пока он не терял ощущение температуры. Это было индивидуально: для одних вода «переставала существовать» при двадцати девяти градусах, для других — лишь после тридцати двух. Когда юноша, лежавший навзничь в воде, поднимал руку, воду прекращали нагревать, и один из ассистентов накладывал ему на лицо парафиновую маску. Затем в воду добавляли какую-то соль — но не цианистый калий, как всерьез уверяли те, кто уже искупался в «сумасшедшей ванне», — кажется, простую поваренную соль. Ее сыпали, пока «пациент» (он же «утопленник») не всплывал так, что тело его свободно держалось в воде чуть пониже поверхности. Металлические трубки высовывались наружу, и он мог свободно дышать.

Вот, собственно, и все. На языке ученых этот опыт назывался «устранение афферентных импульсов». И в самом деле, лишенный зрения,

слуха, обоняния, осязания — присутствие воды скоро становилось неощутимым, — уподобленный египетской мумии, «утопленник», скрестив руки на груди, покоился в состоянии невесомости. Сколько времени? Сколько мог выдержать.

Как будто ничего особенного. Однако с человеком начинало твориться нечто странное. Конечно, о переживаниях «утопленников» можно было почитать в учебниках по экспериментальной психологии. Но в том-то и дело, что переживания эти были сугубо индивидуальны. Около трети испытуемых не выдерживали не то что шести или пяти, а даже и трех часов. Но игра стоила свеч — направление на преддипломную практику зависело от оценки за выносливость: занявший первое место получал первоклассную практику, совсем не похожую на мало интересное, в общем-то даже нудное пребывание на различных околоземных станциях. Невозможно было предсказать, кто из курсантов окажется «железным», а кто сдастся: «ванна» подвергала нешуточному испытанию цельность и твердость характера.

Пиркс начал неплохо, если не считать того, что без всякой нужды втянул голову под воду до того, как ассистент наложил ему маску; при этом он

глотнул добрую порцию воды и смог убедиться, что это самая обыкновенная соленая вода.

После того как наложили маску, Пиркс почувствовал легкий шум в ушах. Он находился в абсолютной темноте. Расслабил мускулы, как было предписано, и неподвижно завис в воде. Глаза он не мог открыть, даже если б захотел: мешал парафин, плотно прилегавший к щекам и ко лбу. Сначала зазудело в носу, потом зачесался правый глаз. Сквозь маску, конечно, почесаться было нельзя. В отчетах других «утопленников» о зуде ничего не говорилось; по-видимому, это был его личный вклад в экспериментальную психологию. Совершенно неподвижный, покоился он в воде, которая не согревала и не охлаждала нагое тело. Через несколько минут он вообще перестал ее ощущать.

Разумеется, Пиркс мог пошевелить ногами или хотя бы пальцами и убедиться, что они скользкие и мокрые, но он знал, что с потолка за ним наблюдает глаз регистрирующей камеры; за каждое движение начислялись штрафные очки. Вслушавшись в самого себя, он вскоре начал различать тоны собственного сердца, необычно слабые и будто доносящиеся с огромного расстояния. Чувствовал он себя совсем не плохо. Зуд

прекратился. Ничто его не стесняло. Альберт так ловко приладил трубки к маске, что Пиркс забыл о них. Он вообще ничего не ощущал. Но пустота становилась тревожащей. Прежде всего он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Пиркс прикинул, давно ли он находится под водой, с этим белым парафином на лице. И с удивлением понял, что он, умевший без часов определять время с точностью до одной-двух минут, не имеет ни малейшего представления, сколько минут — или, может, десятков минут? — прошло после погружения в «сумасшедшую ванну».

Пока Пиркс удивлялся этому, он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы — вообще ничего. Совсем так, будто его вообще нет. Такое чувство не назовешь приятным. Оно, скорее, пугало. Пиркс будто растворялся постепенно в воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Вот уже и сердца не слышно. Изо всех сил он напрягал слух — безрезультатно. Зато тишина, наполнявшая его, сменилась глухим гулом, непрерывным белым шумом, таким неприятным, что хотелось заткнуть уши. Мелькнула мысль, что прошло, наверное, немало времени и

несколько штрафных очков не испортят общей оценки: ему хотелось шевельнуть рукой.

Нечем было шевельнуть: руки исчезли. Он даже не испугался — скорее, поразился этому. Правда, он читал что-то о «потере ощущения тела», но кто бы подумал, что дело дойдет до такой крайности?

«По-видимому, так и должно быть, — успокаивал он себя. — Главное — не шевелиться; если хочешь занять хорошее место, надо вытерпеть до конца». Эта мысль поддерживала его некоторое время. Сколько? Он не знал.

Потом стало еще хуже.

Темнота, в которой он находился, вернее темнота-он-сам, заполнилась слабо мерцающими кругами, плавающими где-то на границе поля зрения, — круги не светились, только смутно белели. Он повел глазами, почувствовал это движение и обрадовался. Но странно: после нескольких движений и глаза отказались повиноваться…

Но зрительные и слуховые феномены: мерцания, мелькания, шумы и гулы — были безобидным прологом, игрушкой по сравнению с тем, что началось потом.

Он распадался. Даже не его тело — о теле речи

не было, — оно не существовало с незапамятных времен, стало давнопрошедшим, утратилось навсегда. А может, его не было никогда?

Случается, придавленная, лишенная притока крови рука отмирает на некоторое время, но к ней можно прикоснуться другой, живой и чувствующей рукой, словно к обрубку дерева. Почти каждому знакомо это странное ощущение, неприятное, но, к счастью, быстро проходящее. Человек при этом остается нормальным, способным ощущать, живым, лишь несколько пальцев или кисть руки мертвеют, становятся будто посторонней вещью, прикрепленной к его телу. А у Пиркса не осталось ничего или, вернее, почти ничего, кроме страха.

Он распадался — не на какие-то там отдельные личности, а именно на страхи. Чего Пиркс боялся? Он понятия не имел. Он не жил ни наяву — какая может быть явь без тела? — ни во сне. Ведь не сон же это: он знал, где находится, что с ним делают. Это было нечто третье. И на опьянение абсолютно не похоже.

Он об этом читал. Это называлось «Нарушение деятельности коры головного мозга, вызванное лишением внешних импульсов».

Звучало это неплохо. Но на деле…

Он был немного здесь, немного там — все расползалось. Верх, низ, стороны — ничего не осталось. Он силился припомнить, где потолок. Но что думать о потолке, если нет ни тела, ни глаз?

— Сейчас, — сказал он себе, — наведем порядок. Пространство — размеры — направления…

Слова эти ничего не значили. Он думал о времени, повторял «время, время», будто жевал комок бумаги. Скопление букв без всякого смысла. Уже не он повторял это слово, а некто другой, чужой, вселившийся в него. Нет, это он вселился в кого-то. И этот кто-то раздувался. Распухал. Становился безграничным. Пиркс бродил по непонятным недрам, раздулся, как шар, превратился в немыслимый слоноподобный палец, весь стал пальцем, но не своим, не настоящим, а каким-то невероятным, неизвестно откуда взявшимся. Этот палец обособлялся, становился чем-то угнетающим, неподвижным, сгибался укоризненно и вместе с тем нелепо, а Пиркс, сознание Пиркса возникало то по одну, то по другую сторону этой глыбы, неестественной, теплой, омерзительной, никакой…

Глыба исчезла. Он кружился. Вращался. Падал камнем, хотел крикнуть. Глаза, округлые, вытара-

щенные, наступали на него, расплывались, когда он пробовал им сопротивляться, распирали его изнутри, словно он резервуар из тонкой пленки, готовый вот-вот лопнуть.

И он взорвался…

Он распался на независимые друг от друга куски темноты, которые парили, как беспорядочно взлетевшие клочки обуглившейся бумаги. В этих мельканиях и взлетах было непонятное напряжение; усилие, будто при смертельной болезни, когда сквозь мглу и пустоту, прежде бывшие здоровым телом и превратившиеся в бесчувственную стынущую пустыню, что-то жаждет в последний раз отозваться, дотянуться до другого человека, увидеть его, прикоснуться к нему.

— Сейчас, — удивительно четко произнес кто-то, но это шло извне, это был не он. Может, какой-то добрый человек сжалился и заговорил. С ним? С кем? Где? Но ведь он слышал! Нет, это был не настоящий голос.

— Сейчас. Другие-то выдержали. От этого не умирают. Нужно держаться.

Эти слова повторялись, пока не утратили смысл. Опять все расползалось, как размокшая серая промокашка. Как снежный сугроб на солнце. Его размывало, он, недвижимый, несся куда-то,

исчезал.

«Сейчас меня не будет», — подумал он вполне серьезно, ибо это походило на смерть, а не на сон. Только одно он знал еще: это не сон. Его окружали со всех сторон. Нет, не его. Их. Их было несколько. Сколько? Он не мог сосчитать.

— Что я тут делаю? — спросило что-то в нем. — Где я? В океане? На Луне? Испытание…

Не верилось, что это испытание. Как же так: немного парафина, какая-то подсоленная вода — и человек перестает существовать? Пиркс решил покончить с этим во что бы то ни стало. Он боролся, сам не зная с чем, будто приподнимал придавивший его огромный камень. Но не мог даже шелохнуться. В последнем проблеске сознания он собрал остатки сил и застонал. И услышал этот стон — приглушенный, отдаленный, словно радиосигнал с другой планеты.

На какое-то мгновение он почти очнулся, сосредоточился — чтобы впасть в очередную агонию, еще более мрачную, все разрушающую.

Никакой боли он не ощущал. Э, была бы боль! Она сидела бы в теле, напоминала о нем, очерчивала какие-то границы, терзала бы нервы. Но это была безболезненная агония — мертвящий, нарастающий прилив небытия. Он почувство-

вал, как судорожно вдыхаемый воздух входит в него — не в легкие, а в хаос трепещущих, скомканных обрывков сознания. Застонать, еще раз застонать, услышать себя…

— Если хочешь стонать, не мечтай о звездах, — послышался тот же неизвестный, близкий, но чужой голос.

Он одумался и не застонал. Впрочем, его уже не было. Он не знал, во что превратился: в него вливали липкие, холодные струи, а хуже всего было — почему ни один болван даже не упомянул об этом? — что все шло сквозь него. Он стал прозрачным — дырой, решетом, извилистой цепью пещер и подземных переходов.

Потом и это распалось — остался только страх, который не рассеялся, даже когда тьма задрожала, как в ознобе, замерцала — и исчезла.

Потом стало хуже, намного хуже. Об этом, однако, Пиркс не мог впоследствии ни рассказать, ни даже вспомнить отчетливо и подробно: для таких переживаний не существовало слов. Ничего он не смог из себя выдавить. Да, да, «утопленники» обогащались, именно обогащались еще одним дьявольским переживанием, которого непосвященные представить себе не могут. Другое дело, что завидовать тут нечему.

Пиркс прошел еще много состояний. Некоторое время его не было, потом он снова появился, многократно умноженный; потом что-то выедало у него мозг, потом были какие-то путаные, невыразимые словами мучения — их объединял страх, переживший и тело, и время, и пространство. Все.

Страха он наглотался досыта.

Доктор Гротиус сказал:

— Первый раз вы застонали на сто тридцать восьмой минуте, второй раз — на двести двадцать седьмой. Всего три штрафных очка — и никаких судорог. Положите ногу на ногу. Проверим рефлексы… Как вам удалось продержаться так долго — об этом потом.

Пиркс сидел на сложенном вчетверо полотенце, шершавом и поэтому очень приятном. Ни дать ни взять — Лазарь. Не в том смысле, что он внешне походил на Лазаря, но чувствовал он себя воистину воскресшим. Он выдержал семь часов. Занял первое место. За последние три часа тысячу раз умирал. Но не застонал. Когда его вытащили из воды, обтерли, промассировали, сделали укол, дали глоток коньяку и повели в лабораторию, где ждал доктор Гротиус, он мельком взглянул в зеркало. Он был совершенно оглушен, одурманен,

будто не один месяц пролежал в горячке. Он знал, что все уже позади. И все же взглянул в зеркало. Не потому, что надеялся увидеть седину, а просто так. Увидел свою круглую физиономию, быстро отвернулся и зашагал дальше, оставляя на полу мокрые следы. Доктор Гротиус долго пытался вытянуть из него хоть какие-нибудь описания пережитого. Шутка сказать — семь часов! Доктор Гротиус теперь по-иному смотрел на Пиркса: не то чтобы с симпатией — скорее, с любопытством, как энтомолог, открывший новый вид бабочки. Или очень редкую букашку. Может быть, он видел в нем тему будущего научного труда?

Нужно с сожалением признать, что Пиркс оказался не особенно благодарным объектом для исследования. Он сидел и придурковато хлопал глазами: все было плоским, двумерным, когда он тянулся к какому-нибудь предмету, тот оказывался ближе или дальше, чем рассчитывал Пиркс. Это было обычное явление. Но не очень обычным был его ответ на вопрос доктора, пытавшегося добиться подробностей.

— Вы там лежали? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет, — удивился доктор Гротиус, — а что?

— Так полежите, — предложил ему Пиркс, —

тогда сами увидите, каково там.

На следующий день Пиркс чувствовал себя уже настолько хорошо, что мог даже острить по поводу «сумасшедшей ванны». Теперь он ежедневно наведывался в главное здание, где под стеклом на доске объявлений вывешивались списки с указанием места практики. Но до конца недели его фамилия так и не появилась.

А в понедельник его вызвал Шеф.

Встревожился Пиркс не сразу. Сначала он стал вспоминать свои прегрешения. Речь не могла идти о мыши, запущенной в ракету Остенса, — дело давнее, да и мышь была крошечная, и вообще тут говорить не о чем. Потом была история с будильником, автоматически включавшим ток в сетку кровати, на которой спал Мебиус. Но и это, собственно, пустяк. И не такое вытворяют в двадцать два года; к тому же Шеф был снисходителен. До каких-то пределов. Неужели он узнал о «привидении»?

«Привидение» было собственной, оригинальной выдумкой Пиркса. Разумеется, ему помогали коллеги — есть же у него друзья. Но Барна следовало проучить. Операция «Привидение» прошла как по-писаному. Набили порохом бумажный кулек, из пороха же сделали дорожку, трижды

опоясали ею комнату и вывели под стол. Пороху, пожалуй, насыпали многовато. Другим концом пороховая дорожка выходила через щель под дверью в коридор. Барна заранее обработали: целую неделю по вечерам только и говорили, что о призраках. Пиркс, не будь прост, расписал роли: одни парни рассказывали всякие страсти, другие разыгрывали из себя неверующих, чтобы Барн не догадался о подвохе.

Барн не принимал участия в метафизических спорах, лишь иногда посмеивался над самыми ярыми апологетами потустороннего мира. Но надо было видеть, как вылетел он в полночь из спальни, ревя, словно буйвол, спасающийся от тигра. Огонь ворвался сквозь щель под дверью, трижды обежал вокруг комнаты, и так под столом рвануло, что книги посыпались. Пиркс, однако, переборщил — занялся пожар. Несколькими ведрами воды пламя погасили, но осталась выжженная дыра в полу и вонь. В известном смысле номер не удался. Барн в призраки не поверил. Пиркс решил, что вызывают его, наверное, из-за «привидения». Утром он встал пораньше, надел свежую сорочку, на всякий случай заглянул в «Книгу полетов», в «Навигацию» и пошел, махнув на все рукой.

Кабинет у Шефа был великолепный. Так по крайней мере казалось Пирксу. Стены были сплошь увешаны картами неба, на темно-синем фоне светились желтые, как капельки меда, созвездия. На письменном столе стоял маленький немой лунный глобус, вокруг было полным-полно книг, дипломов, а у самого окна стоял второй, гигантский глобус — подлинное чудо: нажмешь кнопку и сразу вспыхивают и выходят на орбиту любые спутники, — говорят, там были не только нынешние, но и самые старые, включая первые, исторические спутники 1957 года.

В этот день, однако, Пирксу было не до глобуса. Когда он вошел в кабинет, Шеф писал. Сказал, чтобы Пиркс сел и подождал. Потом снял очки — он начал носить их всего год назад — и посмотрел на Пиркса, будто раньше его в жизни не видел. Такая у него была манера. От этого взгляда мог растеряться даже святой, не имевший на совести ни одного грешка. Пиркс не был святым. Он заерзал в кресле. То проваливался в глубину, принимая позу неподобающе свободную, словно миллионер на палубе собственной яхты, то сползал вперед, чуть ли не на ковер и на собственные пятки. Выдержав паузу, Шеф спросил:

— Ну, как твои дела, парень?

Он обратился на «ты», значит, дела обстоят неплохо. Пиркс понял, что все в порядке.

— Говорят, ты искупался.

Пиркс подтвердил. К чему бы это? Настороженность не покидала его. Может, из-за невежливости по отношению к доктору?..

— Есть одно свободное место для практики на станции «Менделеев». Знаешь, где это?

— Астрофизическая станция на той стороне… — ответил Пиркс.

Он был несколько разочарован. Была у него тайная надежда, настолько сокровенная, что он из суеверия даже самому себе в ней не признавался. Он мечтал о другом. О полете. Столько ракет, столько планет, а он должен довольствоваться обычной стационарной практикой на той стороне… Когда-то считалось особым шиком называть «той стороной» невидимое с Земли полушарие Луны. Но сейчас все так говорят.

— Верно. Ты знаешь, как она выглядит? — спросил Шеф.

У него было странное выражение лица — словно он недоговаривал чего-то. Пиркс на миг заколебался: врать или нет?

— Нет, — сказал он.

— Если возьмешься за это задание, я дам тебе

документацию.

Шеф положил руку на кипу бумаг.

— Значит, я имею право не взяться? — с нескрываемым оживлением спросил Пиркс.

— Имеешь. Потому что задание опасное. Точнее, может оказаться опасным…

Шеф собирался сказать еще что-то, но не смог. Он замолчал, чтобы лучше приглядеться к Пиркcу; тот уставился на него широко раскрытыми глазами, потом медленно, благоговейно вздохнул — и замер, будто забыл, что надо дышать. Зардевшись, как девица, перед которой предстал королевич, он ждал новых упоительных слов. Шеф откашлялся.

— Ну, ну, — произнес он отрезвляюще. — Я преувеличил. Во всяком случае, ты ошибаешься.

— То есть как? — пробормотал Пиркс.

— Я хочу сказать, что ты не единственный на Земле человек, от которого все зависит… Человечество не ждет, что ты его спасешь. Пока еще не ждет.

Пиркс, красный как рак, терзался, не зная, куда деть руки. Шеф, известный мастер на всякие штучки, минуту назад показал ему райское видение: Пиркса-героя, который после совершения подвига проходит по космодрому сквозь застыв-

шую толпу и слышит восторженный шепот: «Это он! Это он!» — а сейчас, будто совсем не понимая, что делает, начал принижать задание, сводить масштабы миссии к обыкновенной преддипломной практике и наконец разъяснил:

— Персонал станции комплектуется из астрономов, их отвозят на ту сторону, чтобы они отсидели положенный им месяц, и только. Нормальная работа там не требует никаких выдающихся качеств. Поэтому кандидатов подвергали обычным испытаниям первой и второй категорий трудности. Но сейчас, после того случая, нужны люди, проверенные тщательнее. Лучше всего подошли бы, конечно, пилоты, но, сам понимаешь, нельзя же сажать пилотов на обычную наблюдательную станцию…

Пиркс понимал это. Не только Луна, но и вся Солнечная система требовала пилотов, навигаторов и других специалистов — их все еще не хватало. Но что это за случай, о котором упомянул Шеф? Пиркс благоразумно молчал.

— Станция очень мала. Построили ее по-дурацки: не на дне кратера, а под северной вершиной. С размещением станции была целая история, ради сохранения престижа пожертвовали данными селенодезических исследований. Но со

всем этим ты познакомишься позже. Достаточно сказать, что в прошлом году обвалилась часть горы и разрушила единственную дорогу. Теперь добраться туда можно лишь днем, и то с трудом. Начали проектировать подвесную дорогу, но работу приостановили, поскольку приняли решение перенести в будущем году станцию вниз. Ночью станция практически отрезана от мира. Прекращается радиосвязь. Почему?

— Простите — что?

— Почему, я спрашиваю, прекращается радиосвязь?

Вот такой он был, этот Шеф. Облагодетельствовал миссией, завел невинный разговор — и вдруг превратил все в экзамен. Пиркс начал потеть.

— Поскольку Луна не имеет ни атмосферы, ни ионосферы, радиосвязь поддерживается с помощью ультракоротких волн… С этой целью построены радиорелейные линии, сходные с телевизионными…

Шеф, опершись локтями о письменный стол, вертел в пальцах ручку, давая понять, что будет терпелив и дослушает до конца. Пиркс умышленно распространялся о вещах, известных любому младенцу, надеясь отсрочить минуту, когда придется вступить в область, где его знания

оставляли желать лучшего.

— Передаточные линии находятся как на этой, так и на той стороне. — Тут Пиркс набрал скорость, как корабль, входящий в родные воды. — На той стороне их восемь. Они соединяют Луну Главную со станциями «Центральный Залив», «Сонное Болото», «Море Дождей»…

— Это ты можешь опустить, — великодушно разрешил Шеф. — И гипотезу о возникновении Луны — тоже. Я слушаю…

Пиркс заморгал.

— Помехи в связи возникают, когда линия оказывается в зоне терминатора. Когда некоторые ретрансляторы находятся еще в тени, а над остальными уже восходит Солнце…

— Что такое терминатор, я знаю. Не надо объяснять, — задушевно сказал Шеф.

Пиркс закашлялся. Потом высморкался. Но нельзя же тянуть до бесконечности.

— В связи с отсутствием атмосферы корпускулярное излучение Солнца, бомбардируя поверхность Луны, вызывает… э-э… помехи в радиосвязи. Именно эти препятствия препятствуют…

— Препятствия препятствуют — совершенно верно, — поддакнул Шеф. — Но в чем же они

состоят?

— Это вторично возбуждаемое излучение, эффект. Но… Но…

— Но?.. — благосклонно повторил Шеф.

— Новинского! — выкрикнул Пиркс. Вспомнил все же. Но и этого было мало.

— В чем заключается этот эффект?

Вот этого Пиркс и не знал. Вернее, раньше знал, но забыл. Вызубренные когда-то сведения он донес до порога экзаменационного зала, как жонглер несет на голове пирамиду из самых невероятных предметов, но теперь-то экзамен остался позади… Шеф сочувственно покачал головой, прерывая его бредовые измышления об электронах, вынужденном излучении и резонансе.

— Н-да, — произнес этот безжалостный человек, — а профессор Меринус поставил тебе четверку… Неужели он ошибся?

Пирксу показалось, что он сидит вовсе не в кресле, а на вулкане.

— Мне не хотелось бы огорчать его, — продолжал Шеф, — так что пусть он лучше ничего не узнает…

Пиркс облегченно вздохнул.

— …но я попрошу профессора Лааба, чтобы на выпускном экзамене…

Шеф многозначительно умолк. Пиркс замер. Не от этой угрозы: рука Шефа медленно отодвигала документы, которые Пиркс должен был получить вместе со своей миссией.

— Почему не осуществляется связь посредством кабеля? — спросил Шеф, не глядя на него.

— Потому что это дорого. Коаксиальный кабель соединяет пока только Луну Главную с Архимедом. Но в течение ближайших пяти лет намечают всю радиорелейную сеть сделать кабельной.

Не переставая хмуриться, Шеф вернулся к первоначальной теме.

— Ну ладно. Практически каждую ночь на Луне станция «Менделеев» отрезана от всего мира на двести часов. До сих пор работа там шла нормально. В прошлом месяце после обычного перерыва в связи станция не откликнулась на позывные «Циолковского». На рассвете со станции «Циолковский» отправили специальную команду. Главный люк был открыт, а в шлюзовой камере лежал человек. Дежурили канадцы Шалье и Сэвидж. В камере лежал Сэвидж. Стекло его шлема треснуло. Он умер от удушья. Шалье удалось найти лишь сутки спустя на дне пропасти под Солнечными Воротами. Причина смерти — падение. В остальном на станции был полный порядок:

нормально работала аппаратура, сохранились нетронутыми запасы продовольствия, — не удалось обнаружить никаких признаков аварии. Ты читал об этом?

— Читал. Но газеты писали о несчастном случае. Психоз… двойное самоубийство в припадке помешательства…

— Вздор, — перебил Шеф. — Я знал Сэвиджа. Еще по Альпам. Такие люди не меняются. Ну ладно. В газетах писали чепуху. Прочти-ка доклад смешанной комиссии. Послушай! Такие парни, как ты, в принципе проверены не хуже, чем пилоты, но дипломов у вас нет, значит, летать вы не можете. А преддипломную практику тебе так или иначе пройти надо. Если согласишься — завтра полетишь.

— А второй кто?

— Не знаю. Какой-то астрофизик. В общем-то там нужны астрофизики. Боюсь, ему от тебя будет мало пользы, но может, ты подучишься немного астрографии. Ты понял, о чем идет речь? Комиссия пришла к выводу, что произошел несчастный случай, но остается оттенок сомнения: ну, скажем, неясность. Там произошло что-то непонятное. Что именно — неизвестно. Вот и решили, что хорошо было бы послать туда

в следующую смену хоть одного человека с психической подготовкой пилота. Я не вижу повода отказать им. В то же время, наверно, ничего особенного там не случится. Разумеется, смотри в оба, но никакой детективной миссии мы на тебя не возлагаем, никто не рассчитывает, что ты откроешь какие-то дополнительные подробности, проливающие свет на это происшествие, и это не твоя задача. Тебе что, плохо?

— Что, простите? Нет! — возразил Пиркс.

— Мне так показалось. Ты уверен, что сумеешь вести себя благоразумно? У тебя, я вижу, голова закружилась. Я подумываю…

— Я буду вести себя рассудительно, — заявил Пиркс самым решительным тоном, на какой был способен.

— Сомневаюсь, — сказал Шеф. — Я посылаю тебя без особого энтузиазма. Если б ты не вышел на первое место…

— Так это из-за «ванны»! — только сейчас понял Пиркс.

Шеф сделал вид, что не слышал. Он подал Пирксу сначала бумаги, потом руку.

— Старт завтра в восемь утра. Вещей бери поменьше. Впрочем, ты уже бывал там, сам знаешь. Вот билет на самолет, вот броня на один из ко-

раблей «Трансгалактики». Полетишь на Луну Главную, оттуда тебя перебросят дальше…

Шеф говорил еще что-то. Высказывал пожелания? Прощался? Пиркс не знал. Он ничего не слышал. Не мог слышать, потому что был очень далеко, уже на той стороне. В ушах у него стоял грохот старта, в глазах — белый, мертвый огонь лунных скал, и на лице было написано полнейшее остолбенение. Сделав поворот налево кругом, он наткнулся на большой глобус. Лестницу преодолел в четыре прыжка, словно и вправду находился уже на Луне, где притяжение меньше в шесть раз. На улице Пиркс чуть не угодил под автомобиль, который затормозил с таким визгом, что прохожие остановились, — но он даже не заметил этого. Шеф, к счастью, не мог наблюдать, как Пиркс начинает вести себя «рассудительно».

За последующие двадцать четыре часа с Пирксом, вокруг Пиркса, в связи с Пирксом произошло столько всего, что временами он чуть ли не тосковал по теплой, соленой «ванне», в которой абсолютно ничего не происходит.

Как известно, человеку одинаково вредны и нехватка, и избыток впечатлений. Но Пиркс таких выводов не делал. Все старания Шефа преуменьшить, ослабить и даже принизить зна-

чение его миссии не возымели, скажем прямо, никакого действия. В самолет Пиркс вошел с таким выражением лица, что хорошенькая стюардесса невольно отступила на шаг; впрочем, это было явное недоразумение — Пиркс вообще ее не заметил. Шагал он так, словно возглавлял железную когорту; уселся в кресло с видом Вильгельма Завоевателя; кроме того, он был еще Космическим Спасителем Человечества, Благодетелем Луны, Открывателем Страшных Тайн, Победителем Призраков Той Стороны — все лишь в будущем, в мечтах, но это ничуть не портило ему настроение, совсем наоборот, наполняло его безграничной доброжелательностью и снисходительностью к спутникам, которые понятия не имели о том, кто находится вместе с ними в чреве огромного реактивного самолета! Он смотрел на них, как Эйнштейн в старости на малышей, играющих в песке.

«Селена», новый корабль компании «Трансгалактика», стартовала с Нубийского космодрома в сердце Африки. Пиркс был доволен. Он, правда, не думал, что со временем в этих местах установят мемориальную доску с соответствующей надписью, — нет, так далеко в мечтах он не заходил. Но был довольно близок к этому. Правда, в чашу

наслаждений понемногу просачивалась горечь. В самолете могли не знать о нем. Но на палубе межпланетного корабля? Оказалось, что сидеть придется внизу, в туристском классе, среди каких-то обвешанных фотоаппаратами французов, которые перебрасывались чертовски быстрыми и совершенно непонятными репликами. Он — в толпе галдящих туристов?!

Никому не было до него дела. Никто не облачал его в скафандр, не накачивал воздух, не спрашивал при этом, как он себя чувствует, не прилаживал ему за спину баллоны. Пиркс утешил себя, что так нужно для конспирации. Салон туристского класса выглядел почти так же, как в реактивном самолете, только кресла были побольше и поглубже да табло, на котором вспыхивали различные надписи, торчало под самым носом. Надписи эти в основном запрещали всякие вещи: вставать, ходить, курить. Напрасно пытался Пиркс выделиться из толпы несведущих в астронавтике тем, что принял вполне профессиональную позу, положил ногу на ногу и не пристегнулся ремнем. Второй пилот приказал ему пристегнуться — и это был единственный случай, когда кто-либо из экипажа обратил на него внимание.

Наконец один из французов, видимо, по ошибке угостил его фруктовой помадкой. Пиркс взял ее, старательно забил рот сладкой клейкой массой и, покорно откинувшись в глубину надутого кресла, предался размышлениям. Постепенно он снова уверился в том, что миссия его крайне опасна, и медленно смаковал ее ужас, словно закоренелый пьяница, которому попала в руки покрытая плесенью бутылка вина наполеоновских времен.

Ему досталось место у окна. Пиркс решил, разумеется, вообще не глядеть в окно — столько раз он уже это видел!

Однако не выдержал. Едва «Селена» вышла на околоземную орбиту, с которой ей предстояло взять курс на Луну, Пиркс прилип к окну. Уж очень захватывал момент, когда исчерченная линиями дорог и каналов, покрытая пятнами городов и поселков поверхность Земли словно очищалась от всяких следов человеческого присутствия; под кораблем открылась пятнистая, облепленная хлопьями облаков выпуклость планеты, и взгляд, перебегая с черноты океанов на материки, тщетно старался обнаружить хоть что-нибудь созданное человеком. С расстояния в несколько сот километров Земля казалась пустой, ужасающе пустой, словно жизнь на ней

только начинала зарождаться, слабым налетом зелени отмечая самые теплые места.

Пиркс видел эту перемену уже много раз, и она всегда заново ошеломляла его: было в ней нечто, с чем он не мог согласиться. Может быть, наглядное свидетельство микроскопичности человека по сравнению с космосом? Переход в сферу других, планетарных масштабов? Картина ничтожности многовековых усилий человека? Или, наоборот, торжество ничтожно малой величины, которая преодолела мертвую, ко всему безразличную силу тяготения ужасающей глыбы и, оставив за собой дикие горные массивы и щиты полярных льдов, ступила на поверхность других небесных тел? Эти размышления, вернее, не выразимые словами ощущения ушли без следа, когда корабль изменил курс, чтобы сквозь дыру в радиационных поясах над Северным полюсом рвануться к звездам.

Долго смотреть на звезды ему не пришлось: на корабле зажглись огни. Подали обед, во время которого двигатели работали, чтобы создать искусственное тяготение. После обеда пассажиры опять легли в кресла, свет погас, и теперь можно было разглядывать Луну.

Они приближались к ней с южной стороны.

За полтораста-двести километров от полюса полыхал отраженным солнечным светом кратер Тихо — белое пятно с идущими во все стороны лучевидными полосами; изумительная правильность этих полос поражала не одно поколение земных астрономов, а потом, когда загадка была решена, стала предметом студенческих шуток. Редкому первокурснику не внушали, что «белая шайба Тихо» есть «дырка для лунной оси», а лучевидные полосы — это попросту слишком толсто нарисованные меридианы!

Чем ближе подлетали они к висящему в черной пустоте шару, тем нагляднее убеждались, что Луна — это застывший, запечатленный в отвердевших массивах лавы облик мира, каким он был миллиарды лет назад, когда раскаленная Земля вместе со своим спутником проносилась сквозь тучи метеоритов, оставшихся от эпохи формирования планет, когда град железа и камней неустанно молотил по тонкой коре Луны, дырявил ее, выпуская на поверхность потоки магмы. Через бесконечно долгий срок, когда очистилось и опустело окружающее пространство, шар, лишенный воздушной оболочки, сохранился как омертвелое поле боя, как немой свидетель эпохи горообразовательных катаклизмов. А потом его

изуродованная бомбардировками каменная маска стала источником вдохновения для поэтов и лирическим фонарем для влюбленных.

«Селена», несшая на своих двух палубах пассажиров и четыреста тонн груза, повернулась кормой к растущему лунному диску, начала медленное, плавное торможение и наконец, слегка вибрируя, села в одну из больших воронок на космодроме.

Пиркс побывал здесь уже трижды, причем два раза прилетал в одиночку и «собственноручно садился» на учебном поле, удаленном на полкилометра от пассажирской посадочной площадки.

Сейчас он даже не видел учебного поля, так как гигантский, обшитый керамическими плитами корпус «Селены» передвинули на платформу гидравлического лифта и спустили в герметический ангар на таможенный досмотр: наркотики? алкоголь? вещества взрывчатые, отравляющие, разъедающие? Пиркс располагал небольшим количеством отравляющего вещества, а именно плоской фляжкой коньяку, которую дал ему Маттерс. Она была спрятана в заднем кармане брюк. Затем последовала санитарная проверка: свидетельства о прививках, справка о стерилизации багажа — чтобы не затащить на Луну какие-либо

микробы; это Пиркс прошел быстро. У барьера он задержался, думая, что, может, кто-нибудь встретит его.

Он стоял на балконе. Ангар представлял собой вырубленное в скале и забетонированное огромное помещение с плоским полом и куполообразным сводом. Света здесь было вдоволь — искусственного, дневного, он лился из люминесцентных пластин; множество людей сновали во все стороны; на электрокарах развозили багаж, баллоны со сжатым газом, аккумуляторы, ящики, трубы, катушки кабеля, а в глубине помещения неподвижно темнело то, что вызвало всю эту возню, — корпус «Селены», точнее, только его средняя часть, напоминавшая огромный газгольдер; корма покоилась глубоко под бетонным полом, в просторном колодце, а верхушка толстого тела уходила через круглое отверстие в верхний этаж ангара.

Пиркс стоял, пока не вспомнил, что нужно заняться собственными делами. В управлении космодрома его принял какой-то служащий. Торопясь куда-то, он устроил Пиркса на ночлег и сказал только, что ракета на ту сторону отправляется через одиннадцать часов. Пиркс вышел в коридор, убежденный, что тут форменный кавар-

дак. Он даже не знал толком, по какому маршруту полетит — через Море Смита или напрямик к «Циолковскому»? И где все-таки его неизвестный будущий напарник? А какая-то комиссия? А программа предстоящей работы?

Он думал об этом, пока раздражение не перешло в ощущение более материальное, сосредоточившись в желудке. Пирксу захотелось есть. Он разыскал подходящий лифт и, изучив табличку с надписями на шести языках, которая висела в кабине, спустился в столовую для летного состава, но там узнал, что, поскольку он не пилот, питаться ему надлежит в обычном ресторане.

Только этого не хватало. Он направился было в проклятый ресторан и вдруг вспомнил, что не получил свой рюкзак. Поднялся наверх, в ангар. Багаж уже отправили в гостиницу. Пиркс махнул рукой и пошел обедать. Его затерло между двумя потоками туристов: в ресторан направлялись французы, прилетевшие вместе с ним, и туда же шли какие-то швейцарцы, голландцы и немцы, только что вернувшиеся на селенобусе с экскурсии к подножию кратера Эратосфена. Французы подпрыгивали, как обычно делают люди, впервые испытывающие очарование лунной гравитации, под женский смех и визг взлетали

к потолку и наслаждались плавным спуском с трехметровой высоты. Немцы держались более деловито, они вливались в просторные залы ресторана, развешивали на спинках стульев фотоаппараты, бинокли, штативы, чуть ли не телескопы; уже подали суп, а они все показывали друг другу осколки горных пород, которые команды селенобусов продавали туристам в качестве сувениров. Пиркс склонился над тарелкой, поглощая свой второй обед за день, — в этой немецко-французско-греческо-голландско-... Бог знает еще какой суматохе, среди всеобщего энтузиазма и восхищения он, наверно, оставался единственным мрачным человеком. Какой-то голландец, решив уделить ему внимание, поинтересовался, не страдает ли Пиркс космической болезнью после ракетного полета — «Вы впервые на Луне, да?» — и предложил ему таблетки. Эта капля переполнила чашу. Пиркс не доел второе, купил в буфете четыре пачки сдобного печенья и отправился в гостиницу. Вся его злость вылилась на портье, который хотел продать ему «кусочек Луны», а точнее говоря, осколок остекленевшего базальта.

— Отвяжись, торгаш! Я был тут раньше тебя! — заорал Пиркс и, дрожа от бешенства, прошел

мимо портье, пораженного этим взрывом.

В двухместном номере сидел, устроившись под лампой, невысокий мужчина в полинялой куртке, рыжеватый, седеющий, с загорелым лицом, на лоб его спадала прядь волос. При появлении Пиркса он снял очки. Звали его Лангнер, доктор Лангнер, он был астрофизиком и вместе с Пирксом направлялся на станцию «Менделеев». Это и был неведомый лунный компаньон. Пиркс, заранее готовый к самому плохому, тоже назвался, пробурчал что-то себе под нос и сел. Лангнеру было около сорока; по мнению Пиркса, этот старик неплохо сохранился. Он не курил; вероятно, не пил и вроде даже не разговаривал. Читал он три книги сразу: первая представляла собой логарифмическую таблицу, страницы второй сплошь усеивали формулы, а в третьей не было ничего, кроме спектрограмм. В кармане он носил портативный калькулятор, которым очень ловко пользовался при вычислениях. Время от времени он, не отрываясь от своих формул, задавал Пирксу какой-нибудь вопрос; тот отвечал, продолжая жевать печенье. В крошечном номере стояла двухъярусная койка, в душевую не пролез бы человек солидной комплекции, всюду висели таблички, заклинавшие на многих

языках экономить воду и электричество. Хорошо еще, что не запрещают глубокие вздохи: ведь кислород здесь тоже привозной! Пиркс запил печенье водой из-под крана и убедился, что от нее ломит зубы, — очевидно, резервуары с водой находились близко к поверхности базальта. Часы Пиркса показывали без малого одиннадцать, на электрических часах, висевших в номере, было семь вечера, а на часах Лангнера стрелки уже перевалили за полночь.

Они переставили свои часы на лунное время, однако и это было ненадолго; на станции «Менделеев» было другое, свое время, как повсюду на той стороне.

До старта ракеты оставалось девять часов. Лангнер, ничего не сказав, ушел. Пиркс расположился в кресле, потом пересел под лампу, попытался читать какие-то старые, потрепанные журналы, лежавшие на столике, но не смог усидеть и тоже вышел из комнаты. За поворотом коридор переходил в небольшой холл, где напротив телевизора, вмонтированного в стену, стояли кресла. Австралия передавала программу для Луны Главной — какие-то соревнования легкоатлетов. Пирксу не было никакого дела до этих соревнований, но он сидел и смотрел на экран,

пока его не начало клонить ко сну. Он забыл о слабом притяжении и, вставая с кресла, взлетел на полметра. Все стало ему безразлично. Когда он сможет снять штатское тряпье? Кто выдаст ему скафандр? Где можно получить инструкции? И вообще, что все это значит?

Он, может, и пошел бы куда-нибудь допытываться, даже скандалить, но его компаньон, этот самый доктор Лангнер, по-видимому, находит их положение совершенно нормальным — так не лучше ли держать язык за зубами? Передача закончилась. Пиркс выключил телевизор и вернулся в номер. Не так он представлял себе пребывание на Луне! Пиркс принял душ. Сквозь тонкую стенку были слышны разговоры в соседнем номере. Конечно, это знакомые по ресторану туристы, которых Луна доводит до блаженного исступления. Он сменил сорочку — нужно было чем-нибудь заниматься, — а когда улегся на койку, вернулся Лангнер. С четырьмя новыми книгами.

Пиркса дрожь пробрала. Он начал понимать, что Лангнер — фанатик науки, нечто вроде второго издания профессора Меринуса.

Астрофизик разложил на столе новые спектрограммы и, разглядывая их в лупу с величайшей

сосредоточенностью, с какой Пиркс не рассматривал даже фотографии своей любимой актрисы, вдруг спросил, сколько Пирксу лет.

— Сто одиннадцать, — сказал Пиркс, а когда тот поднял голову, добавил: — По двоичной системе.

Лангнер впервые улыбнулся и стал похож на человека. У него были белые крепкие зубы.

— Русские пришлют за нами ракету, — сказал он. — Полетим к ним.

— На станцию «Циолковский»?

— Да.

Станция находилась на той стороне. Значит, еще одна пересадка. Пиркс раздумывал, как они проделают оставшуюся тысячу километров. Наверно, не в сухопутном экипаже, а в ракете? Однако он ни о чем не спросил. Не хотелось выдавать свое невежество. Лангнер, кажется, говорил еще что-то, но Пиркс уже заснул, так и не раздевшись. Проснулся он внезапно: Лангнер, склонившись над койкой, тронул его за плечо.

— Пора, — только и сказал он.

Пиркс сел. Похоже было, что Лангнер все время читал да писал: стопка бумаг с расчетами выросла. В первую минуту Пиркс подумал, что Лангнер говорит об ужине, но речь шла о ракете. Пиркс навьючил на себя набитый рюкзак, а лангнеров-

ский был еще больше и тяжелый, будто камнями набитый; потом выяснилось, что, кроме сорочек, мыла да зубной щетки, там были только книги.

Уже без таможенного досмотра, без всякой проверки они поднялись на верхний этаж, где их ждала лунная ракета, некогда серебристая, а теперь, скорее, серая, пузатая, на трех растопыренных, коленчато-изогнутых двадцатиметровых ногах. Не аэродинамическая, поскольку на Луне нет атмосферы. На таких Пиркс еще не летал. К ним должен был присоединиться какой-то астрохимик, но он опоздал. Стартовали вовремя; полетели они вдвоем.

Отсутствие атмосферы на Луне порождало множество хлопот: невозможно было пользоваться ни самолетами, ни вертолетами — ничем, кроме ракет. Даже машинами на воздушной подушке, такими удобными для передвижения по пересеченной местности: им пришлось бы тащить на себе весь запас воздуха. Ракета движется быстро, но не везде может сесть: ракета не любит ни гор, ни скал.

Пузатое трехногое насекомое загудело, загремело и пошло свечой вверх. Кабина была всего раза в два больше гостиничной комнатушки. В стенах — иллюминаторы, в своде — круглое окно,

рубка пилота расположена не наверху, а внизу, чуть ли не между выхлопными дюзами, чтобы пилот как следует видел, куда садиться. Пиркс ощущал себя чем-то вроде посылки, отправленной куда-то, неизвестно толком, куда и зачем, неизвестно, для чего… Вечная история.

Они вышли на эллиптическую орбиту. Кабина и длинные ноги ракеты приняли наклонное положение. Луна проплывала под ними, огромная, выпуклая, — казалось, на нее никогда не ступала нога человека. Есть такая зона в пространстве между Землей и Луной, откуда величина обоих тел кажется примерно одинаковой. Пиркс хорошо запомнил впечатление от первого полета. Земля, голубоватая, в дымке, с размытыми очертаниями континентов, казалась менее реальной, чем каменная Луна с четко проступающим скалистым рельефом — ее неподвижная тяжесть была почти осязаемой.

Они летели над Морем Облаков, кратер Буллиальд остался уже позади, на юго-востоке виднелся Тихо в ореоле своих блестящих лучей, пересекших полюс и протянувшихся на ту сторону; на большой высоте, как обычно, возникало трудно определимое представление о высшей точности, по законам которой все это создавалось. Залитый

солнечным светом Тихо был как бы центром конструкции: белесыми своими «руками» он охватывал и прорезал Море Влажности и Море Облаков, а северный его луч, самый большой, исчезал за горизонтом, в направлении к Морю Ясности. Когда они, обогнув с запада цирк Клавий, начали снижаться над полюсом и полетели по той стороне над Морем Мечты, обманчивое впечатление правильности по мере снижения терялось, будто гладкая, темная поверхность «моря» лишь теперь обнажала неровности и расселины. На северо-востоке засверкали зубцы кратера Берне. Они теряли высоту; вблизи Луна представала перед ними в своем настоящем виде: плоскогорья, равнины, впадины кратеров и кольцеобразных горных цепей — все было в одинаковой степени изрыто воронками — следами космической бомбардировки. Языки лавы пересекали кольца каменных обломков, переплетались с ними, будто тех, кто вел этот титанический обстрел, все еще не удовлетворяли произведенные разрушения. Не успел Пиркс разглядеть массив Циолковского, как ракету подтолкнули ненадолго включенные двигатели, она приняла вертикальное положение, и Пиркс видел теперь лишь океан темноты, поглотивший все

западное полушарие, а за линией терминатора возвышалась, сверкая макушкой, вершина Лобачевского. Звезды в верхнем окне ракеты замерли неподвижно. Спускались они, как в лифте, и это несколько напоминало вхождение в атмосферу; ракета погружалась в столб сгущавшегося под кормой огня от собственных двигателей, и газы завывали, обтекая выпуклости наружной брони. Автоматически откинулись спинки кресел, через верхний иллюминатор Пиркс видел все те же звезды — они теперь стремительно летели вниз, ощущалось мягкое, но довольно упорное сопротивление гремящих двигателей, которые давили на ракету снизу. Вдруг двигатели загрохотали во всю мощь. «Ага, становимся на огонь!» — подумал Пиркс, чтобы не забыть, что он как-никак настоящий астронавт, хотя еще и без диплома.

Удар. Что-то задребезжало, бахнуло, будто огромный молот ударил по камням. Кабина мягко скользнула вниз, вернулась вверх, вниз и опять вверх; так она довольно долго качалась на яростно булькающих амортизаторах, пока три двадцатиметровые, судорожно растопыренные ноги не впились как следует в груды скальных обломков. Наконец пилот погасил раскачку кабины, несколько повысив давление в маслопроводе;

послышалось легкое шипение, и кабина повисла неподвижно.

Пилот вылез к ним через люк в середине пола и открыл стенной шкаф, в котором — наконец-то! — оказались скафандры.

Пиркс несколько воспрянул духом, однако ненадолго. В шкафу было четыре скафандра: один для пилота, а кроме того, большой, средний и маленький. Пилот моментально влез в свой скафандр, только шлем не надел и ждал спутников. Лангнер тоже управился быстро. Один Пиркс, красный, вспотевший и злой, не знал, что делать. Скафандр среднего размера был ему мал, большой — чересчур велик. В среднем он упирался головой в донышко шлема, а в большом болтался, как кокосовое ядро в высохшей скорлупе. Конечно, ему давали добрые советы. Пилот заметил, что просторный скафандр всегда лучше тесного, и посоветовал заполнить пустые места бельем из рюкзака. Он даже предлагал одолжить свое одеяло. Но Пирксу мысль напихать что-то в скафандр представлялась кощунственной, вся его душа астронавта вставала от этого на дыбы. Завернуться в какие-то тряпки?!

Он надел скафандр поменьше. Спутники ничего не сказали. Пилот открыл отверстие шлюзовой

камеры, и они вошли туда; пилот повернул винтовое колесо и открыл выходной люк.

Не будь рядом Лангнера, Пиркс сразу прыгнул бы и, возможно, ухитрился бы при первом же шаге вывихнуть ногу: до поверхности было метров двадцать, и если учесть вес скафандра, то даже при здешнем малом притяжении это было все равно что прыгнуть со второго этажа на рассыпанную груду камней.

Пилот спустил за борт складную лестницу, и они сошли по ней на Луну.

И тут никто их не встречал цветами и не было триумфальных арок. Кругом — ни души. На расстоянии менее километра возвышался бронированный купол станции «Циолковский», освещенный косыми лучами жуткого лунного солнца. За станцией виднелась вырубленная в скалах небольшая посадочная площадка, но она была занята: на ней в два ряда стояли транспортные ракеты; они были куда больше той, на которой прилетели Пиркс и Лангнер.

Их ракета, чуть-чуть скособочившись, покоилась на треноге; камни под ее дюзами почернели, опаленные выхлопным огнем. К западу местность была почти плоской, если можно назвать плоской безбрежную каменную россыпь, из ко-

торой там и сям торчали обломки величиной с городской дом. К востоку равнина поднималась — сначала отлого, а потом вереницей почти вертикальных уступов переходила в главный массив Циолковского; его стена, обманчиво близкая, лежала в тени и была черна как уголь. Градусов на десять выше хребта пылало солнце; оно так слепило, что в ту сторону невозможно было смотреть. Пиркс тотчас опустил дымчатый фильтр над стеклом шлема, но это мало помогло — разве что не пришлось щурить глаза.

Осторожно ступая по неустойчивым глыбам, они двинулись к станции. Свою ракету они сразу потеряли из виду, так как пришлось пересечь неглубокую котловину. Станция господствовала над этой котловиной и над всей округой; ее здание на три четверти углублялось в монолитную каменную стену, которая походила на взорванную крепость, хранившую в памяти мезозойские времена. Сходство остро срезанных углов с оборонительными башнями крепости было поразительно, но лишь издалека: чем ближе они подходили, тем заметнее «башни» теряли правильность формы, расплывались, а черные полосы, бегущие по ним, оказывались глубокими трещинами. По лунным понятиям местность

тут была относительно ровная, и двигались они быстро. Каждый шаг вздымал облачко пыли, этой знаменитой лунной пыли, которая подымалась выше пояса, окутывала людей молочно-белым облаком и никак не оседала. Шли они поэтому не гуськом, а в ряд, и когда у самой станции Пиркс оглянулся, то увидел весь пройденный путь: его отмечали три толстые змеистые линии, три извилистые косы пыли, более светлой, чем любая земная.

Пиркс знал о ней много любопытного. Первые покорители Луны были поражены этим явлением: насчет пыли они знали, но ведь даже самая мелкая пыль должна была немедленно оседать в безвоздушном пространстве. А лунная пыль почему-то не оседала. И, что особенно интересно, только днем, под солнцем. Оказалось, электрические явления здесь протекают не так, как на Земле. Там существуют атмосферные разряды, молнии, громы, огни святого Эльма. На Луне, конечно, этого нет. Но камни, бомбардируемые корпускулярным излучением, заряжаются тем же зарядом, что и покрывающая их пыль. А поскольку одноименные заряды отталкиваются, то поднятая пыль из-за электростатического эффекта не садится иногда по целому часу. Когда

на Солнце много пятен, Луна «пылит» больше. Во время спада солнечной активности — меньше. Это явление исчезает лишь через несколько часов после наступления ночи, здешней ужасной ночи, которую можно выдержать только в специальных двухслойных скафандрах, сконструированных по принципу термоса и тяжелых, даже здесь чертовски тяжелых.

Эти ученые размышления Пиркса прервались, когда они подошли к главному входу станции. Приняли их радушно. Увидев научного руководителя станции профессора Ганшина, Пиркс несколько растерялся. Он был весьма доволен своим высоким ростом, так как полагал, что это в какой-то мере скрадывает его толстощекую физиономию. Но Ганшин смотрел на Пиркса сверху вниз — не в переносном, а в прямом смысле слова. А его коллега, физик Пнин, был еще выше — пожалуй, метра два.

Было там еще трое русских, а может, и больше, но они не показывались: наверно, несли вахту. На верхнем этаже разместились астрономическая обсерватория и радиостанция. Наклонный туннель, вырубленный в скале и забетонированный, вел в отдельное помещение, над куполом которого неустанно вращались огромные решет-

ки радарных установок; через иллюминаторы просматривалось на самой вершине хребта нечто вроде ослепительно серебристой, симметрично сплетенной паутины — это был главный радиотелескоп, самый крупный на Луне. К нему добирались за полчаса по канатной подвесной дороге.

Потом выяснилось, что станция куда больше, чем кажется вначале. В ее подземельях в огромных резервуарах хранились запасы воды, воздуха и продуктов. В скальную расщелину возле одного из зданий станции были встроены совершенно незаметные из котловины преобразователи лучистой энергии Солнца в электричество. А еще имелось совершенно изумительное сооружение — огромная гидропонная оранжерея под куполом из кварца, армированного сталью; кроме множества цветов и больших резервуаров с какими-то водорослями, поставлявшими витамины и белки, в самой середине росла банановая пальма. Пиркс и Лангнер съели по банану, выращенному на Луне. Пнин, посмеиваясь, объяснил, что бананы не входят в ежедневный рацион сотрудников станции и предназначены главным образом для гостей.

Лангнер, немного разбиравшийся в лунном

строительстве, начал расспрашивать о конструкции кварцевого купола, который поразил его больше, чем бананы; это была действительно уникальная постройка. Поскольку ее окружало безвоздушное пространство, купол должен был выдерживать постоянное давление в девять тонн на квадратный метр, что при размерах оранжереи давало внушительную сумму — две тысячи восемьсот тонн. Именно с такой силой давил во всех направлениях заключенный здесь воздух, пытаясь взорвать изнутри кварцевую оболочку. Конструкторы, вынужденные отказаться от железобетона, погрузили в кварц сварные ребра, которые всю мощь давления, без малого три миллиона килограммов, передавали вверх на диск, изготовленный из иридия; снаружи этот диск удерживался прочными стальными тросами, глубоко заякоренными в окружающие базальтовые скалы. Так что это был единственный в своем роде «кварцевый воздушный шар на привязи».

Из оранжереи они направились прямо в столовую. На станции как раз наступило время обеда. Для Пиркса это был уже третий обед: первый он съел в ракете, второй — на Луне Главной. Похоже было, что на Луне только обедают.

Столовая, она же кают-компания, оказалась

небольшой; стены были обшиты деревом — не панелями, а сосновыми брусьями. Даже смолой пахло. После ослепительных лунных пейзажей подчеркнуто «земная» обстановка была особенно приятна. Впрочем, профессор Ганшин признался, что лишь верхний, тонкий слой стен сделали из дерева — чтобы меньше тосковать по Земле.

Ни за обедом, ни после не говорилось о станции «Менделеев», о происшествии, о несчастных канадцах, о предстоящем отлете — будто Пиркс и Лангнер приехали погостить и бог знает сколько здесь пробудут.

Русские держались так, словно им нечем было заниматься, кроме беседы с гостями: расспрашивали о земных новостях, интересовались делами на Луне Главной; в порыве откровенности Пиркс признался в стихийной неприязни к лунным туристам и их манерам — похоже, его слушали с одобрением. Лишь спустя некоторое время гости заметили, что то один, то другой из хозяев покидает компанию, а потом вновь возвращается. Выяснилось, что они ходят в обсерваторию — на Солнце появился удивительно красивый протуберанец. Стоило произнести это слово, как для Лангнера перестало существовать все остальное. Свойственное ученым самозабвение овладело

всеми сидевшими за столом. Принесли фотографии, потом продемонстрировали фильм, отснятый через коронограф. Протуберанец был и впрямь исключительный: он протянулся на три четверти миллиона километров и напоминал допотопное чудовище с огнедышащей пастью.

Когда зажгли свет, Ганшин, Пнин, третий русский астроном и Лангнер начали переговариваться; глаза у них блестели, они были глухи ко всему постороннему. Кто-то вспомнил о прерванном обеде; вернулись в столовую, но и тут, отодвинув в сторону тарелки, все принялись что-то подсчитывать на бумажных салфетках. Наконец Пнин сжалился над Пирксом, для которого эти споры были китайской грамотой, и увел его в свою комнату, маленькую, но привлекательную, — из ее широкого окна открывался вид на восточную вершину хребта Циолковского. Солнце, низкое, зияющее как врата ада, бросало в хаос скальных нагромождений другой хаос — теней, которые чернотой своей поглощали контуры предметов, словно за каждой гранью освещенного камня открывалась дьявольская пропасть, ведущая к самому центру Луны. Каменные вершины, наклонные башни, шпили, обелиски будто растворялись в пустоте, а потом

выскакивали из чернильной тьмы, словно окаменевшие языки пламени. Взгляд терялся среди нагромождений совершенно несовместимых форм и находил облегчение лишь в круглых черных ямах, напоминавших глазницы: это были воронки маленьких кратеров, до краев наполненные тенью.

Пейзаж был единственным в своем роде. Пиркс уже бывал на Луне, о чем раз шесть упомянул в беседе, но не в такую пору, за девять часов до захода солнца. Они долго сидели у окна. Пнин называл Пиркса коллегой, а тот не знал, как ему отвечать, и мудрил с грамматикой изо всех сил. У русского была фантастическая коллекция фотоснимков, сделанных во время горных восхождений: он, Ганшин и еще один их товарищ, который ненадолго улетел на Землю, в свободное время занимались альпинизмом.

Кое-кто пытался ввести в обиход слово «лунизм», но термин не привился, тем более что существуют Лунные Альпы.

Пиркс, который ходил в горы еще до того, как стал курсантом, обрадовался, что встретил своего брата альпиниста, и начал расспрашивать Пнина, чем отличается лунная техника восхождения от земной.

— Коллега, надо помнить об одном, — отвечал Пнин, — только об одном. Делайте все, «как дома», пока возможно. Льда здесь нет — разве что в очень глубоких расщелинах, да и там попадается чрезвычайно редко; снега, разумеется, тоже, так что вроде тут очень легко, тем более что можно упасть с высоты тридцати метров и ничего с тобой не случится, но об этом лучше не думать.

— Почему? — очень удивился Пиркс.

— Потому что здесь нет воздуха, — объяснил астрофизик. — И сколько бы вы ни ходили, все равно не научитесь правильно определять расстояние. Тут и дальномер не очень-то поможет, да и кто ходит с дальномером? Взойдешь на вершину, глянешь в пропасть — и кажется тебе, что в ней пятьдесят метров. А в ней, может, действительно пятьдесят, а может, триста или все пятьсот. Случилось мне однажды… Впрочем, вы знаете, как это происходит. Стоит человеку раз внушить себе, что можно сорваться, так он обязательно рано или поздно упадет. На Земле голову разобьешь — заживет со временем, а здесь один хороший удар по шлему, стекло треснет — и все. Держитесь, как в земных горах. Что позволяете себе там, то и здесь можно. Кроме прыжков через расщелины. Поищите сначала камешек, швыр-

ните его на ту сторону и проследите за полетом. По правде говоря, я, положа руку на сердце, не советую вообще прыгать. Как обычно бывает: прыгнешь раз-другой на двадцать метров, так тебе уж и пропасти не страшны, и горы по колено — тогда жди несчастья. Горноспасательной службы здесь нет… так что сами понимаете…

Пиркс начал расспрашивать о станции «Менделеев». Почему она построена почти на вершине, а не внизу? Трудная ли там дорога? Говорят, приходится карабкаться?

— Карабкаться почти не приходится, но путь довольно опасный — прошла каменная лавина из-под Солнечных Ворот и снесла дорогу… Что касается расположения станции — мне об этом неловко говорить. Особенно сейчас, после такого несчастья… Но вы, наверно, читали о нем, коллега?..

Пиркс, ужасно сконфузившись, промямлил, что как раз в то время у него была экзаменационная сессия. Пнин усмехнулся, но тотчас стал серьезным.

— Так вот… Луна — международное владение, но каждое государство имеет здесь зону научных исследований — нам досталось это полушарие. Когда выяснилось, что радиационные пояса

препятствуют прохождению космических лучей на том полушарии, которое обращено к Земле, англичане попросили разрешения построить станцию на нашей стороне. Мы не возражали. В это время мы сами вели подготовку к строительству на хребте Менделеева и предложили англичанам этот район, с тем что они возьмут завезенные нами строительные материалы, а рассчитываться будем потом. Англичане согласились, а затем передали все канадцам, поскольку Канада входит в Британское содружество. Для нас это значения не имело.

Поскольку мы уже произвели предварительную разведку района, один из наших ученых, профессор Анимцев, хорошо знающий местные условия, стал консультантом канадских проектировщиков. И вдруг мы узнали, что англичане по-прежнему принимают участие в этом деле. Они прислали Шэннера, и тот заявил, что на дне кратера могут возникнуть потоки вторичной радиации, которые будут искажать результаты исследований. Наши специалисты считали, что это невозможно, но решали все англичане: ведь это их станция. Они постановили перенести станцию наверх.

Конечно, стоимость строительства возросла

ужасающе, и всю разницу покрывали канадцы. Но дело не в этом. Мы деньги в чужом кармане не считаем. Они выбрали место для станции, начали проектировать дорогу. Анимцев сообщал: «Англичане предложили перебросить через две пропасти мосты из железобетона, но канадцы возражают, потому что стоимость из-за этого возрастает чуть ли не вдвое; они хотят вгрызться в хребет Менделеева и направленными взрывами пробить два скальных выступа. Я им не советую: это может нарушить равновесие кристаллического базальтового основания. Они не слушают. Что делать?» Что же мы могли сделать? Они ведь не дети. У нас опыт селенологических исследований побогаче, но, раз они не хотят прислушаться к совету, мы не будем навязываться. Анимцев записал особое мнение, и на этом все кончилось. Начали взрывать скалу. Так первая бессмыслица — неправильный выбор места — повлекла за собой вторую. А результаты, к сожалению, не заставили себя долго ждать. Англичане построили три противолавинные стены, сдали станцию в эксплуатацию, по дороге пошли гусеничные транспортеры — пожалуйста, полная удача. Станция проработала три месяца, когда у основания каменного навеса, под Солнечными Воротами,

ниже большой зазубрины на западной грани хребта, показались трещины…

Пнин встал, вынул из шкафа несколько больших снимков и показал Пирксу.

— Вот в этом месте. Здесь лежит, вернее лежала, полуторакилометровая плита, местами нависавшая над пропастью. Дорога пролегала примерно на одной трети высоты, по этой красной линии. Канадцы встревожились. Анимцев — он все еще находился там — объяснил им: разница между дневной и ночной температурами составляет триста градусов, трещины будут расширяться, и тут ничего не поделаешь. Разве подопрешь чем-нибудь плиту в полтора километра?! Путь нужно немедленно перекрыть, а к станции, раз уж она построена, провести подвесную канатную дорогу. Они же вызывают эксперта за экспертом из Англии, из Канады, и разыгрывается форменная комедия: экспертов, которые говорят то же, что наш Анимцев, немедленно отправляют домой. Остаются только те, которые пытаются как-то управиться с трещинами. Начинают пломбировать трещины цементом. Применяют глубокое нагнетание раствора, подкосы, цементируют и цементируют, а конца не видно: что зацементировано днем, лопается в первую же ночь. Уже

бегут по расселинам небольшие лавины, но их задерживают каменные стены. Возводят систему клиньев, чтобы рассеивать более крупные лавины. Анимцев втолковывает, что дело не в лавинах: вся плита может рухнуть! Я просто смотреть на него не мог, когда он к нам приезжал. Он ведь из кожи вон лез: видел надвигающуюся беду, но ничего не мог поделать.

Скажу вам беспристрастно: у англичан есть прекрасные специалисты, но тут дело не в специальных селенологических проблемах, а в престиже: построили дорогу и не могут отступиться. Анимцев в который уж раз заявил протест и уехал. Потом дошло до нас известие, что начались споры и трения между англичанами и канадцами — все из-за плиты, из-за этого краешка так называемого Орлиного Крыла. Канадцы хотели взорвать ее — пусть разрушит дорогу, но зато можно будет проложить новый, безопасный путь. Англичане возражали. Впрочем, это была утопия. Анимцев подсчитал, что для взрыва понадобится водородный заряд в шесть мегатонн, а конвенция ООН запрещает применять радиоактивные материалы в качестве взрывчатых веществ. Так они спорили и ссорились, пока плита не рухнула… Англичане писали потом, что

во всем виноваты канадцы, отвергшие первоначальный проект — виадуки из железобетона.

Пнин с минуту смотрел на другой снимок, изображавший зазубрину хребта почти в двойном увеличении; черными точками было обозначено место обвала, который обрушился на дорогу и уничтожил ее вместе со всеми укреплениями.

— В результате станция временами недоступна. Днем туда можно легко добраться — несколько небольших переходов по гребням, но, как я уже говорил, дорога весьма опасна. Зато ночью пройти туда практически невозможно. У нас тут Земли нет, сами знаете…

Пиркс понял, о чем говорит русский: на этой стороне долгие лунные ночи не освещает огромный фонарь Земли.

— А инфракрасные здесь не помогут? — спросил он.

Пнин усмехнулся.

— Инфракрасные очки? Какой в них толк, коллега, если через час после захода солнца поверхность камней остывает до ста шестидесяти градусов ниже нуля… Теоретически можно идти с радароскопом, но вы пробовали когда-нибудь ходить в горы с таким снаряжением?

Пиркс признался, что не пробовал.

— И не советую. Это самый сложный способ самоубийства. Радар хорош на равнине, но не в горах…

В комнату вошли Лангнер и Ганшин: пора было отправляться. До станции «Менделеев» — полчаса в ракете, еще два часа отнимет пеший путь, а через семь часов зайдет солнце. Семь часов — запас немалый. Тут выяснилось, что с ними полетит Пнин. Пиркс и Лангнер объясняли, что это не нужно, но хозяева и слушать не хотели.

В последнюю минуту Ганшин спросил, не хотят ли они передать что-нибудь на Землю — теперь случай представится не скоро. Правда, между станциями «Менделеев» и «Циолковский» налажена радиосвязь, но через семь часов они пересекут терминатор и возникнут сильные помехи.

Пиркс подумал, что недурно было бы послать сестре Маттерса привет с той стороны, но не отважился на это. Они поблагодарили и пошли вниз, но опять-таки выяснилось, что русские проводят их до ракеты. Тут Пиркс не выдержал и пожаловался на свой скафандр. Ему подобрали другой, а прежний остался в шлюзовой камере станции «Циолковский».

Русский скафандр отличался устройством от

тех, с которыми был знаком Пиркс. Шлем имел не два фильтра, а три: один предохранял от солнца в зените, другой — от низкого солнца, а третий, темно-оранжевый, — от пыли. По-иному располагались воздушные клапаны, очень забавное устройство имелось в ботинках: можно накачать подошвы воздухом — и ходи как на подушках. Камней вообще не чувствуешь, а внешний слой подошвы идеально прилегает даже к самой неровной поверхности. Это была «высокогорная» модель. Кроме того, скафандр был наполовину серебряный, наполовину черный. Повернешься черной стороной к солнцу — начинаешь потеть, повернешься серебряной — по телу пробегает приятная прохлада. Пирксу это показалось не слишком удачной выдумкой: ведь не всегда можно повернуться к солнцу как захочешь. Задом наперед идти, что ли?

Русские ученые расхохотались. Они показали переключатель на груди: он перемещал цвета. Можно было сделать скафандр черным спереди, а серебряным сзади, и наоборот. Интересен был и способ перемещения цветов. Узкое пространство между прозрачной внешней оболочкой из твердого пластика и собственно корпусом скафандра заполнялось двумя разными видами красителей

или, скорее, полужидких веществ, приготовленных на алюминии и на угле. Перемещались они просто под давлением кислорода, поступавшего из аппарата для дыхания.

Пора было идти к ракете. В первый раз Пиркс вошел в шлюзовую камеру станции с солнечной стороны и был так ослеплен, что ничего не видел. Теперь он обратил внимание, что камера сконструирована особым образом: ее наружная стена двигалась вверх и вниз, как поршень. Пнин объяснил, что благодаря этому можно одновременно впускать или выпускать сколько угодно людей и не расходовать воздух попусту. Пиркс ощутил нечто вроде зависти, потому что камеры Института были почтеннейшими ящиками, устаревшими по меньшей мере на пять лет; а пять лет технического прогресса — это целая эпоха.

Солнце как будто вовсе не снизилось. Странно было шагать в надувных башмаках — словно и не касаешься почвы, но Пиркс освоился с этим, прежде чем дошел до ракеты.

Профессор Ганшин придвинул свой шлем к шлему Пиркса и прокричал несколько прощальных слов, потом они пожали друг другу руки в тяжелых перчатках, и вслед за пилотом отлетающие влезли внутрь ракеты, которая чуть осела

под увеличившейся тяжестью.

Пилот подождал, пока провожающие отойдут на безопасное расстояние, и запустил двигатели. В скафандре угрюмый грохот нарастающей тяги звучал, как за толстой стеной. Нагрузка возросла, но они даже не почувствовали, как ракета оторвалась от площадки. Только звезды заколебались в верхних иллюминаторах, а гористая пустыня в нижних провалилась и исчезла.

Они летели теперь совсем низко и поэтому ничего не видели, только пилот наблюдал за проплывавшим внизу призрачным ландшафтом. Ракета висела почти вертикально, как вертолет. Нарастание скорости угадывалось по усилившемуся грохоту двигателей и легкой вибрации всего корпуса.

— Внимание, снижаемся! — послышалось в шлемофоне. Пиркс не понял, говорит это пилот по бортовому радио или Пнин. Откинулись спинки кресел. Пиркс глубоко вздохнул, он стал легким — таким легким, что того гляди полетит; он инстинктивно ухватился за подлокотники. Пилот резко затормозил, дюзы запылали, завыли, языки пламени с невыносимым шумом устремились вверх, вдоль обшивки корабля, перегрузка возросла, опять упала, и наконец до ушей Пиркса

донесся двойной сухой стук — они сели. А дальше случилось нечто неожиданное. Ракета, которая уже начала свои странные колебания и качалась вверх-вниз, будто подражая мерным приседаниям длинноногих насекомых, вдруг накренилась и под нарастающий грохот камней стала заметно сползать с места.

«Катастрофа!» — мелькнуло в голове у Пиркса. Он не испугался, но непроизвольно напряг все мышцы. Его попутчики лежали неподвижно. Двигатели молчали. Пиркс отлично понимал пилота: корабль, кренясь и колеблясь, сползает вниз вместе с каменной осыпью, и если включить двигатели, то при одной опущенной ноге они, не успев взлететь, либо опрокинутся, либо ударятся о скалы.

Скрежет и грохот каменных глыб, катящихся под стальными лапами ракеты, все слабел и наконец утих. Еще несколько струек гравия звонко пробарабанили по металлу, еще какой-то обломок подался вглубь под нажимом шарнирной ноги — и кабина медленно осела с креном градусов в десять.

Пилот выбрался из своего колодца слегка сконфуженный и начал объяснять, что изменился рельеф местности: видимо, по северному склону

прошла новая лавина. Он садился на осыпь под самой стеной, чтобы доставить их поближе к цели.

Пнин ответил, что это не слишком-то удачный способ сокращать дорогу: каменная осыпь — не космодром, и без необходимости рисковать не следует. На этом короткий диалог кончился, пилот пропустил пассажиров в шлюзовую камеру, и они по лесенке спустились на осыпь.

Лангнер и Пиркс пошли с Пниным, а пилот остался в ракете — дожидаться возвращения русского.

Пиркс считал, что хорошо знает Луну. Однако он ошибался. Район станции «Циолковский» был просто прогулочной площадкой по сравнению с местом, где они оказались сейчас. Ракета, накренившись на раздвинутых до предела ногах, ушедших в каменную осыпь, стояла всего в трехстах шагах от границы тени главного массива хребта Менделеева. Пылающее в черном небе солнечное жерло почти коснулось зубцов горной цепи, и казалось, зубцы плавятся, но это был обман зрения. Однако отвесные стены, возникшие из тьмы в километре-двух, не были иллюзией. К изрезанной глубокими рытвинами равнине — дну кратера — сбегали из расселин

немыслимо белые треугольники осыпей; места свежих обвалов легко распознавались по размытым очертаниям камней, окутанных медленно оседающей пылью. Потрескавшуюся лаву на дне кратера тоже покрывал слой светлой пыли; вся Луна была припудрена микроскопическими частицами метеоров — мертвого дождя, миллионы лет падавшего на нее со звезд. По обе стороны тропы — она в сущности была нагромождением глыб и обломков, столь же диким, как все вокруг, и называлась так лишь потому, что была обозначена вцементированными в камень алюминиевыми вехами, каждая из которых увенчивалась чем-то вроде рубинового шарика, — по обе стороны этого пути, нацеленного вверх по осыпи, стояли наполовину залитые светом, наполовину черные, как галактическая ночь, стены, с которыми не могли сравниться даже громады Гималаев.

Слабое лунное притяжение позволяло камням на века застывать в формах, будто рожденных в кошмарном сне. Даже привыкшие к виду пропастей люди рано или поздно поражались этому при восхождении к вершинам. Впечатление нереальности, фантастичности окружающего ландшафта усиливалось тем, что белые глыбы пемзы от пинка ногой взлетали вверх, как пузы-

ри, а тяжеленный обломок базальта, брошенный вниз по склону, летел неестественно медленно, долго и падал беззвучно, будто во сне.

Когда они поднялись на сотню-другую шагов, цвет скал изменился. Реки розоватого порфира с двух сторон окаймляли расселину, в которой шли Пнин, Лангнер и Пиркс. Глыбы громоздились местами в несколько этажей, сцепившись заостренными краями, будто ждали легкого прикосновения, чтобы ринуться вниз неудержимой лавиной.

Пнин вел их через этот лес окаменевших взрывов, шагая не очень быстро, но безошибочно. Иногда камень, на который он ставил свою ногу в огромном башмаке скафандра, шатался. Тогда Пнин замирал на мгновение и либо шел дальше, либо обходил это место, по известным лишь ему приметам угадывая, выдержит камень тяжесть человека или нет. К тому же звук, так много открывающий альпинисту, здесь не существовал. Одна из базальтовых глыб оторвалась без видимых причин и покатилась вниз — замедленно, словно во сне, потом увлекла за собой массу других камней, которые яростными скачками мчались все быстрее, и наконец белая как молоко пыль скрыла дальнейший путь лавины. Это было

совсем как в бреду: огромные глыбы сталкивались совершенно беззвучно, и даже подрагивание почвы не ощущалось сквозь надувные подошвы. За крутым поворотом Пиркс увидел след лавины, а сама она уже казалась волнистым, спокойно стелющимся облаком. С невольным беспокойством он начал искать взглядом ракету, но она была в безопасности, стояла на прежнем месте, километрах в двух отсюда, и Пиркс видел ее блестящее брюшко и три черточки-ножки. Будто странное лунное насекомое присело на старой осыпи, которая раньше казалась Пирксу крутой, а отсюда выглядела плоской, как стол.

Когда они приблизились к полосе тени, Пнин ускорил шаг. Пиркс так увлекся зрелищем дикой и грозной природы, что ему просто некогда было взглянуть на Лангнера. Только сейчас он заметил, что маленький астрофизик ступает уверенно и совсем не спотыкается.

Пришлось прыгать через четырехметровую расщелину. Пиркс вложил в прыжок слишком много сил; он взмыл вверх и, бесцельно перебирая ногами, опустился в добрых восьми метрах за противоположным краем пропасти. Такой лунный прыжок мог обогатить человека опытом, не имевшим ничего общего с паясничанием ту-

ристов в гостинице на Луне.

Они вошли в тень. Пока они находились сравнительно недалеко от залитых солнцем скал, отблески света смягчали тьму, играли на выпуклостях скафандров. Но вскоре мрак настолько сгустился, что путники потеряли друг друга из виду. В тени была ночь. Сквозь все антитермические слои скафандра Пиркс ощутил ее ледяной холод; он не добирался до тела, не жег кожу, но будто напоминал о своем молчаливом присутствии: части бронированного скафандра заметно подрагивали, охладившись на двести с лишним градусов. Когда глаза привыкли к темноте, Пиркс заметил, что красные шары на верхушках алюминиевых мачт довольно ярко светятся; бусинки этого рубинового ожерелья уходили вверх и исчезали в свете солнца — там растрескавшийся горный хребет устремлялся в долину, создавая три гигантских крутых уступа, громоздившихся друг на друга; их разделяли узкие горизонтальные выходы горных пластов, образуя нечто вроде острых карнизов. Пирксу показалось, что исчезающая вдали шеренга мачт ведет к одной из этих каменных полок, но он подумал, что это, пожалуй, невозможно. У самого верха сквозь гребень, словно расколотый ударом молнии, прорывался

почти горизонтальный сноп солнечного света. Он напоминал возникший в глухом молчании взрыв, брызнувший раскаленной белизной на скальные выступы и расщелины.

— Вон там станция, — донесся через шлемофон близкий голос Пнина. Русский остановился на границе ночи и дня, мороза и зноя, показывая рукой куда-то вверх, но Пиркс не мог различить ничего, кроме чернеющих обрывов, не посветлевших даже под солнцем.

— Видите Орла?.. Так мы назвали этот хребет. Это голова, вон клюв, а это крыло!..

Пиркс видел только нагромождение света и теней. Над восточной, искрящейся гранью хребта торчала наклонная вершина; из-за отсутствия воздушной дымки, размывающей очертания, она казалась совсем близкой. И вдруг Пиркс увидел всего Орла. Крыло — это и была та стена, к которой они направлялись; выше, на фоне звезд, выделялась голова птицы, наклонная вершина была клювом.

Пиркс посмотрел на часы. Прошло сорок минут. Значит, остается идти по меньшей мере еще столько же.

Перед очередной полосой тени Пнин остановился, чтобы переключить свой климатизатор.

Пиркс воспользовался этим и спросил, куда ведет дорога.

— Туда. — Пнин показал рукой вниз.

Пиркс видел лишь пропасть, а на дне ее — конус осыпи, из которой торчали огромные обломки скал.

— Оттуда откололась плита, — объяснил Пнин, указывая теперь на просвет в гребне. — Это Солнечные Ворота. Сейсмографы на «Циолковском» зарегистрировали сотрясение почвы; по нашим подсчетам, рухнуло около полумиллиона тонн базальта…

— Позвольте, — перебил его ошеломленный Пиркс. — А как же теперь доставляют наверх грузы?

— Сами увидите, когда придем, — ответил Пнин и зашагал вперед.

Пиркс последовал за ним, пытаясь на ходу решить загадку, но ничего не придумал. Неужели они таскают на спине каждый литр воды, каждый баллон кислорода? Нет, это невозможно.

Теперь они шли быстрее. Над пропастью торчала последняя алюминиевая мачта. Темнота снова окутала их, и пришлось зажечь фонарики на шлемах; белые пятна света мерцали, перескакивали с одного каменного выступа на другой. Теперь

они шли по карнизу, который иногда сужался до ширины двух ладоней. Они шли, как по канату, по совершенно плоской полке; ее шершавая поверхность служила хорошей опорой. Правда, хватило бы одного неверного шага, легкого головокружения.

«Почему бы нам не пойти в связке?» — подумал Пиркс, и в эту минуту световое пятно впереди замерло: Пнин остановился.

— Веревка, — сказал он.

Пнин подал конец веревки Пирксу, а тот, пропустив ее через специальный карабин, бросил дальше, Лангнеру. Пока они не двигались, Пиркс мог, прислонившись спиной к скале, посмотреть вниз.

Воронка кратера лежала перед ним как на ладони, черные лавовые ущелья казались сеточкой трещин, приземистый центральный конус отбрасывал длинную тень.

Где была ракета? Пиркс не мог ее обнаружить. Где дорога? Эти извилины, помеченные рядами алюминиевых мачт? Они тоже исчезли. Виднелось лишь пространство каменного цирка в ослепительно ярком блеске и в полосах черной тьмы, тянущихся от одной груды камней к другой; светлая каменная пыль, присыпавшая

скалы, подчеркивала рельеф местности с гротескными группами кратеров, все уменьшавшихся; в одном лишь районе хребта Менделеева были, наверное, сотни кратеров разного диаметра — от полукилометровых до еле заметных; все они были идеально круглые, с пологим наружным скатом и более крутым внутренним, в центре у них располагалась горка либо небольшой конус, на худой конец — нечто наподобие пупка; самые маленькие были точной копией средних, средние ничем не отличались от больших, и все это находилось внутри огромного каменного кольца диаметром тридцать километров.

Соседство хаоса и точности раздражало человеческий разум; в этом созидании и разрушении форм по единому образцу математическое совершенство сочеталось с полнейшей анархией смерти. Пиркс посмотрел вверх, потом назад: сквозь Солнечные Ворота по-прежнему хлестали потоки белого огня.

Через несколько сотен шагов, за узкой расщелиной, скала отступила; они все еще шли в тени, но стало светлее от лучей, отражаемых вертикально торчащей каменной палицей, которая вырастала из мрака чуть ли не на два километра. Они перебрались через каменистую осыпь, и впереди

открылся довольно пологий, ярко освещенный склон. Пиркс начинал ощущать странное одеревенение — не мускулов, а разума, наверное, оттого, что внимание было перенапряжено: ведь на него обрушилось все сразу — и Луна с ее дикими горами, и ледяная ночь вперемежку с приливами неподвижного зноя, и это великое всепоглощающее молчание, среди которого человеческий голос, время от времени звучащий в шлеме, кажется таким же неестественным и неуместным, как попытка донести на вершину Маттергорна золотую рыбку в аквариуме.

Пнин свернул за последний пик, отбрасывавший тень, и весь вспыхнул, будто облитый огнем. Тот же огонь брызнул в глаза Пирксу, прежде чем он сообразил, что это — солнце, что они выбрались на верхний, уцелевший участок дороги.

Теперь они быстро шагали рядом, опустив на шлемах сразу по два противосолнечных фильтра.

— Сейчас придем, — сказал Пнин.

По такой дороге, проделанной в скале управляемыми взрывами, действительно могли ездить машины. Она вела под навесом Орлиного Крыла на самую вершину кратера; там было нечто вроде седловины с естественно образовавшимся

каменным котлом. Этот котел и помог наладить снабжение станции после катастрофы. Грузовая ракета привозила припасы, и специальное устройство, предварительно пристрелявшись по котлу, выстреливало контейнеры с грузом. Несколько контейнеров обычно раскалывалось, но большинство выдерживало и выстрел, и удар о скалу, потому что их бронированные корпуса отличались исключительной прочностью. Раньше, когда не было еще ни Луны Главной, ни вообще каких-либо станций, доставлять припасы экспедициям, углублявшимся в район Центрального Залива, можно было, лишь сбросив контейнер с ракеты; а поскольку парашюты были совершенно бесполезны, приходилось так конструировать эти дюралевые или стальные ящики, чтобы они выдержали самый сильный удар. Их сбрасывали, словно бомбы, а участники экспедиции потом их собирали — иной раз для этого приходилось обыскивать квадратный километр пространства. Теперь эти контейнеры снова пригодились.

За седловиной дорога шла под самым гребнем к северной вершине Орлиной Головы; метров на триста пониже сверкал бронированный колпак станции. Со стороны склона станцию окружало полукольцо глыб: они катились в пропасть и

задержались, встретив на пути стальной купол. Несколько глыб лежало на бетонной площадке у входа в станцию.

— Да неужели нельзя было найти места получше? — вырвалось у Пиркса.

Пнин, который уже поставил ногу на первую ступеньку лестницы, приостановился.

— Вы говорите совсем как Анимцев, — сказал он.

Пнин ушел за четыре часа до захода солнца. Но, собственно, он ушел в ночь: почти вся дорога, которую ему предстояло пройти, была уже окутана непроглядной тьмой… Лангнер, знавший Луну, сказал Пирксу, что, когда они шли, не было еще по-настоящему холодно — камни лишь начинали остывать. Мороз как следует прихватит примерно через час после наступления темноты.

С Пниным договорились, что он даст знать, когда доберется до ракеты. Действительно, через час двадцать минут они услышали его голос по радио. Разговор был короткий, нельзя было терять ни секунды, тем более что стартовать приходилось в трудных условиях: ракета стояла не вертикально, ее ноги довольно глубоко ушли в каменную осыпь и действовали, как якори с балластом. Пиркс и Лангнер, отодвинув метал-

лический ставень окна, видели этот старт, но, конечно, не самое начало — место стоянки заслоняли выступы главного хребта. Вдруг темноту, густую и бесформенную, прошила огненная линия, а снизу взвилось рыжее зарево — это был свет выхлопных огней, отраженный взметнувшейся пылью. Огненное копье уходило все выше и выше, ракета совсем не была видна, только эта раскаленная струна, все более тонкая, рвущаяся, распадающаяся на волокна, — нормальная пульсация двигателя, работающего на полной мощности. Пиркс и Лангнер запрокинули головы: огненная линия, отмечающая путь ракеты, проходила уже среди звезд; потом она плавно отклонилась от вертикали и красивой дугой ушла за горизонт.

Они остались вдвоем в абсолютной темноте, так как нарочно погасили все огни, чтобы лучше видеть старт. Задвинули бронированный ставень, включили свет и поглядели друг на друга. Лангнер слегка усмехнулся, ссутулившись, подошел к столу, где лежал его рюкзак, и начал доставать книги. Пиркс стоял, прислонившись к вогнутой стене. В голове у него все перемешалось: холодные подземелья Луны Главной, узкие гостиничные коридоры, лифты, туристы,

подпрыгивающие до потолка и обменивающиеся кусками оплавленной пемзы, полет на станцию «Циолковский», рослые русские исследователи, серебряная паутинка радиотелескопа, еще один полет и, наконец, эта дьявольская дорога сквозь каменный холод и зной, с пропастями, глядящими прямо в стекло шлема. Он не мог поверить, что так много уместилось в какие-нибудь несколько часов: время гигантски растянулось, охватило все эти картины, поглотило их, а теперь они возвращались, будто борясь за первенство. Пиркс на мгновение сомкнул пылающие, сухие глаза и снова открыл.

Лангнер по какой-то своей системе расставлял книги на полке. Пирксу показалось, что он понял этого человека. Спокойные движения его рук, выстраивающих книги в ровный ряд, не свидетельствовали об отупении или равнодушии. Лангнера не угнетал этот мертвый мир, потому что он ему служил: прибыл он на станцию по доброй воле, по дому не грустил, дом для него — спектрограммы, результаты вычислений и то место, где эти вычисления производились; он всюду мог чувствовать себя как дома, ибо был поглощен ненасытной жаждой знаний; у него была цель жизни. Никогда бы Пиркс не сознался ему в

своих романтических мечтах о великом подвиге! Он, наверное, даже не усмехнулся бы, как минуту назад, а выслушал бы и вернулся к своей работе. Пиркс на мгновение позавидовал его уверенности. Но вместе с тем он чувствовал, что Лангнер чужой, что им не о чем разговаривать, а ведь предстояло вместе пережить надвигающуюся ночь, и день, и еще одну ночь…

Пиркс обвел взглядом кабину, будто впервые увидел ее. Покрытые пластиком вогнутые стены. Закрытое броневым клапаном окно. Потолочные, вделанные в пластик лампы. Несколько цветных репродукций между полками со специальной литературой; узенькая табличка в рамке, на ней в два столбца написаны фамилии всех, кто жил здесь. По углам порожние кислородные баллоны, консервные банки, наполненные разноцветными кусочками минералов. Легкие металлические стулья с нейлоновыми сиденьями. Небольшой рабочий стол, над ним лампа, укрепленная на шарнире. Сквозь приоткрытые двери видна аппаратура радиостанции.

Лангнер наводил порядок в шкафу, набитом негативами. Пиркс вышел в прихожую; слева была кухонька, прямо — выход в шлюзовую камеру, справа — две крошечные комнаты. Он открыл

свою. Кроме койки, складного стула, выдвижного столика и полочки, там ничего не было. Потолок с одной стороны, над койкой, был скошен, как в мансарде, но не просто, а дугообразно, соответственно кривизне наружной брони.

Пиркс вернулся в прихожую. Дверь шлюзовой камеры была скруглена на углах, края ее покрывал толстый слой герметизирующего пластика. Пиркс посмотрел на спицевое колесо и лампочку, которая загоралась, когда наружный люк открывался и в камере устанавливался вакуум. Сейчас лампочка не горела. Пиркс открыл дверь. Автоматически вспыхнули две лампы, осветив узкое помещение с голыми металлическими стенами и вертикальной лесенкой посередине — лесенка упиралась в выходной люк в потолке. Под нижней ступенькой лесенки виднелся слегка затертый шагами меловой контур. Здесь нашли Сэвиджа: он лежал на боку, скорчившись, и его не сразу смогли поднять — кровь, залившая ему глаза и лицо, примерзла к шероховатым плитам. Пиркс поглядел на белесоватый абрис, еще напоминающий человеческий силуэт, потом попятился и, заперев герметическую дверь, поднял глаза к потолку: сверху доносились шаги. Это Лангнер полез наверх по приставной лесенке в

противоположном конце коридора и возился в обсерватории. Просунув голову в круглый люк в полу обсерватории, Пиркс увидел зачехленный телескоп, похожий на маленькую пушку, камеры астрографов и два довольно больших аппарата: это были камера Вильсона и другая, масляная, с устройством для фотографирования следов частиц.

Станция была предназначена для исследования космических лучей, и пластинки, которые применяются для этой цели, валялись повсюду; их оранжевые пакеты лежали между книгами, под полками, в ящиках столов, у кроватей, даже в кухоньке. И это все? Собственно, все, если не считать больших резервуаров с водой и кислородом, размещенных под полом, упрятанных в лунный грунт, в камень хребта Менделеева.

Над каждой дверью висел круглый индикатор, регистрирующий концентрацию углекислого газа в помещении. Над ним виднелось ситечко климатизатора. Установка работала бесшумно. Она всасывала воздух, очищала от углекислого газа, добавляла необходимое количество кислорода, увлажняла или осушала и опять нагнетала во все помещения станции. Пиркс был рад каждому звуку, долетавшему из обсерватории; когда

Лангнер не шевелился, тишина так разрасталась, что можно было расслышать ток собственной крови, совсем как в экспериментальном бассейне, в «сумасшедшей ванне», но из бассейна можно было вылезти в любую минуту…

Лангнер спустился вниз и приготовил ужин бесшумно и умело; когда Пиркс вошел в кухоньку, все было уже готово. Они ели, обмениваясь дежурными фразами: «Передайте мне соль». — «Хлеб еще есть в банке?» — «Завтра придется открыть новую». — «Кофе или чаю?»

Только и всего. Пирксу сейчас немногословность была по душе. Что они, собственно, едят? Третий обед за день? Или четвертый? А может, это уже завтрак следующих суток? Лангнер сказал, что должен проявить отснятые пластинки. Он ушел наверх. Пирксу нечем было заняться. Он вдруг понял все. Его прислали сюда, чтобы Лангнер не был в одиночестве. Пиркс ведь не разбирается ни в астрофизике, ни в космических лучах. Разве станет Лангнер обучать его обращению с астрографом! Вышел он на первое место, психологи заверили, что такой человек не рехнется, поручились за него. Теперь придется просидеть в этом горшке две недели ночи, а потом две недели дня, неизвестно чего ожидая,

неизвестно на что глядя…

Это Задание, эта Миссия, которая несколько часов назад казалась ему невероятным счастьем, теперь предстала перед ним в подлинном облике — как бесформенная пустота. От чего должен он охранять Лангнера и самого себя? Каких следов искать? И где? Может, он считал, что откроет такое, чего не заметили лучшие специалисты, входившие в состав комиссии люди, годами изучавшие Луну? Каким же идиотом он был!

Пиркс сидел у стола. Надо было вымыть посуду. И завернуть кран, потому что утекала по капле вода, бесценная вода, которую привозили в виде замороженных глыб и забрасывали по дуге в два с половиной километра в каменный котел у подножия станции.

Но он не двигался. Даже не пошевелил рукой, безвольно лежавшей на краю стола. В голове были жар и пустота, безмолвие и тьма, со всех сторон обступившие стальную скорлупу станции. Он протер глаза, они горели, будто их засыпало песком. С трудом встал, словно весил вдвое больше, чем на Земле. Отнес грязную посуду к раковине, с шумом бросил на дно, под струйку теплой воды. И, моя тарелки, соскребая с них застывшие остатки жира, Пиркс усмехнулся,

вспомнив свои мечты, которые развеялись еще где-то на дороге к хребту Менделеева; они были теперь такими смешными и чуждыми, такими давними, что он даже не стыдился их.

С Лангнером можно было прожить хоть день, хоть год — это ничего не меняло. Работал он усердно, но размеренно. Никогда не торопился. Не имел никаких дурных привычек, никаких странностей и чудачеств. Если живешь с кем-нибудь в такой тесноте, любой пустяк начинает раздражать: что твой компаньон долго торчит под душем, что отказывается открыть банку со шпинатом, поскольку не любит шпината, что ему бывает весело, что он вдруг перестает бриться и обрастает жуткой колючей щетиной, либо, порезавшись при бритье, потом битый час разглядывает себя в зеркале и корчит рожи, будто он тут один. Лангнер был не такой. Он ел все, хотя и без особого удовольствия. Никогда не капризничал: нужно мыть посуду — моет. Не распространялся подолгу о себе и своих научных трудах. Спросишь о чем-нибудь — ответит. Пиркса он не сторонился. Но и не навязывался ему. Именно эта безличность и могла бы раздражать Пиркса. Потому что первое здешнее впечатление — когда физик, расставлявший книги на

полке, показался ему олицетворением скромного героизма, даже не героизма, а достойного зависти, стоически мужественного отношения к науке, — это впечатление исчезло, и навязанный Пирксу компаньон казался ему бесцветным до тошноты. Но Лангнер все же не вызывал у Пиркса ни тоски, ни раздражения. Потому что у Пиркса оказалась — по крайней мере поначалу — масса дел. И дела эти были захватывающие. Теперь, когда Пиркс знал и станцию, и ее окрестности, он снова принялся изучать документы комиссии.

Катастрофа произошла через четыре месяца после ввода станции в строй. Она наступила не на рассвете и не в сумерки, как того можно было ожидать, а почти в самый лунный полдень. Три четверти нависшей плиты Орлиного Крыла рухнули — без каких-либо знаков, предвещавших катастрофу. Катастрофа произошла на глазах у четырех человек: личный состав станции был тогда временно удвоен, и все как раз стояли снаружи, ожидая колонну транспортеров с припасами.

Расследование показало, что проникновение в глубь главной опоры Орла действительно нарушило ее кристаллическую структуру и механическую устойчивость всей системы. Англичане сваливали ответственность на канадцев,

канадцы — на англичан; лояльность партнеров по Британскому содружеству проявилась лишь в том, что они дружно умалчивали о предостережениях профессора Анимцева. Но как бы ни обстояло дело, результаты были трагическими. Четверо людей, стоявших у станции, менее чем в километре по прямой линии от места катастрофы, видели, как раскалывается надвое ослепительно сверкающая скала, как разваливается на куски система противолавинных клиньев и стен, как вся эта масса мчащихся глыб сносит дорогу вместе с подпирающим ее скальным основанием и падает в долину, которая на тридцать часов превратилась в море слегка клубящейся белой пыли; разлив этой пыли, гонимой бешеным натиском лавины, через несколько минут уже достиг противоположного склона кратера. В губительной зоне обвала оказались два транспортера. Того, что замыкал колонну, вообще не удалось найти. Его обломки были погребены под десятиметровой толщей камней. Водитель второго транспортера пытался спастись. Он проскочил поток лавины и выбрался на верхний, уцелевший участок дороги, но огромная глыба, перемахнув через сохранившийся остаток противолавинной стены, сбросила машину в трехсотметровую пропасть.

Водитель успел открыть люк и упал в поток мелких камней. Он один пережил своих товарищей, но лишь на несколько часов, которые стали сущим адом для остальных. Этот человек, канадец французского происхождения по фамилии Роже, не потерял сознания — или пришел в себя сразу после катастрофы — и из глубины белой тучи, закрывшей дно кратера, звал на помощь. Приемник в радиоаппаратуре его скафандра был поврежден, но передатчик действовал. Найти Роже было невозможно. Запеленговать его передатчик никак не удавалось из-за многократного преломления волн, отражаемых глыбами, а глыбы были величиной с большой дом; спасатели двигались по этому лабиринту, залитому молочной пылью, как по руинам города. Радар был бесполезен из-за обилия сернистого железа в осыпавшейся породе. Через час, когда из-под Солнечных Ворот ринулась вторая лавина, розыски пришлось прекратить. Вторая лавина была небольшой, однако она могла предвещать новые обвалы. И они ждали, а голос Роже все еще был слышен, и особенно четко наверху, на станции: каменная воронка кратера действовала как нацеленный вверх рупор. Через три часа прибыли русские со станции «Циолковский» и двинулись

в пылевое облако на гусеничных транспортерах; машины становились дыбом и того гляди могли опрокинуться на сыпучем склоне: из-за слабого притяжения угол падения каменных осыпей на Луне круче, чем на Земле. Цепочки спасателей прошли туда, где не могли пройти гусеничные машины, и трижды прочесали зыбкую поверхность осыпи. Один из спасателей упал в расщелину; только немедленная отправка на станцию «Циолковский» и быстрые действия врача помогли ему выжить. Но и тогда люди не ушли из белой тучи, потому что они слышали постепенно слабеющий голос Роже.

Через пять часов он умолк. Но Роже был еще жив. Об этом знали все. В скафандре, помимо обычной аппаратуры радиотелефонной связи, есть миниатюрный автоматический передатчик, соединенный с кислородным прибором. Электромагнитные волны передают каждый вдох и выдох на станцию, где он регистрируется специальным устройством вроде «магического глаза»: зеленый светящийся «мотылек» то расправляет «крылья», то складывает. Это фосфоресцирующее мигание подтверждало, что потерявший сознание, умирающий Роже еще дышит; пульсация все замедлялась; никто не мог уйти из помеще-

ния радиостанции, столпившиеся здесь люди бессильно ждали смерти Роже.

Роже дышал еще два часа. Потом зеленый огонек в «магическом глазе» замерцал, сжался и замер. Лишь через тридцать часов отыскали изуродованный, окаменевший труп канадца и похоронили его в помятом скафандре, как в металлическом гробу.

Потом проложили новую дорогу, точнее, ту горную тропу, по которой Пиркс пришел на станцию. Канадцы хотели ликвидировать станцию, но их упрямые английские коллеги разрешили проблему доставки припасов оригинальным способом, который впервые был предложен на Земле при штурме Эвереста. Тогда его отклонили как нереальный. Реальным он оказался лишь на Луне.

Эхо катастрофы прокатилось по всей Земле в многочисленных, порой совершенно противоречивых версиях. Наконец шум утих. Трагедия стала очередной главой в летописи борьбы с лунными пустынями. На станции посменно дежурили астрофизики. Так прошло шесть лунных дней и ночей. А когда уже казалось, что на этой недавно так много испытавшей станции не произойдет больше ничего сенсационного,

«Менделеев» вдруг не отозвался на позывные, поданные на рассвете радистами «Циолковского». И опять туда направилась команда с «Циолковского» — спасать людей или, вернее, выяснить, чем объясняется молчание станции. Их ракета опустилась у края большой осыпи, неподалеку от вершины хребта.

До купола станции они добрались, когда почти весь кратер был еще окутан непроглядной тьмой. Только под самой вершиной искрился в горизонтальных лучах стальной колпак станции. Входной люк был открыт настежь. Под ним, у основания лесенки, лежал Сэвидж — в такой позе, будто он соскользнул со ступенек. Смерть наступила от удушья: бронестекло его шлема треснуло. Позже на внутренней стороне его рукавиц обнаружили еле заметные следы каменной пыли, будто он возвращался после горного восхождения. Но следы могли иметь давнее происхождение. Второго канадца, Шалье, нашли только после тщательного осмотра близлежащих расщелин и откосов. Спасатели, спустившись на трехсотметровых тросах, извлекли его тело со дна пропасти под Солнечными Воротами. Труп лежал в нескольких десятках метров от того места, где погиб и был похоронен Роже.

Попытки сейчас же восстановить картину случившегося казались безнадежными. Никто не мог выдвинуть правдоподобную гипотезу. К месту происшествия прибыла смешанная англо-канадская комиссия.

Часы Шалье остановились в двенадцать, но неизвестно было, в полдень они разбились или в полночь. Часы Сэвиджа остановились в два. Внимательный осмотр — расследование велось с величайшей тщательностью — показал, что пружина часов раскрутилась до конца. Значит, часы Сэвиджа, по всей вероятности, не остановились в момент его смерти, а шли еще некоторое время.

В помещении станции был обычный порядок. В станционном журнале, куда заносились все существенные факты, не было ничего, что могло бы пролить луч света на происшедшее. Пиркс изучил журнал страницу за страницей. Записи были лаконичны: в таком-то часу произведены астрономические измерения, экспонировано столько-то пластинок, в такой-то обстановке проведены следующие наблюдения. Среди этих стереотипных заметок ни одна не имела хотя бы косвенной связи с тем, что произошло в последнюю для Сэвиджа и Шалье лунную ночь.

Все свидетельствовало о том, что смерть за-

хватила работников станции врасплох. Нашли открытую книгу, на полях которой Шалье делал пометки; она лежала под включенной лампой, прижатая другой книгой, чтобы страницы не закрывались. Рядом была трубка, она упала на бок, и выпавший уголек слегка опалил пластиковое покрытие стола. К тому же Сэвидж готовил тогда ужин. В кухоньке остались открытые банки консервов, в миске белела разведенная на молоке кашица для омлета, дверца холодильника была открыта, а на белом столике стояли две тарелки, два прибора и лежал нарезанный зачерствевший хлеб…

Стало быть, один из них оторвался от чтения и отложил дымящуюся трубку, как это делают, когда хотят ненадолго отлучиться из комнаты. А другой бросил готовить ужин, оставив сковородку с расплавленным жиром, — даже не захлопнул дверцы холодильника. Они надели скафандры и вышли в ночь. Одновременно? Или один за другим? Зачем? Куда?

Они пробыли на станции уже две недели. Превосходно знали окружающую местность. Да и ночь была на исходе. Через десять — пятнадцать часов должно было взойти солнце. Почему они не дождались восхода, если оба — или один из

них — решили спуститься на дно кратера? О том, что таково было, по-видимому, намерение Шалье, свидетельствовало место, где нашли его труп. Он, как и Сэвидж, знал, что забираться на площадку под Солнечными Воротами, где дорога неожиданно обрывается, — сумасшествие. Пологий спуск становился здесь все круче, будто приглашая спуститься вниз, но через несколько десятков шагов уже зияла пропасть, образованная обвалом. Новая дорога огибала это место, а потом шла вдоль линии алюминиевых вех. Это знал каждый, кто хоть раз побывал на станции. И вдруг один из постоянных сотрудников пошел именно туда, начал спускаться по плитам, ведущим к пропасти. С какой целью? Чтобы совершить самоубийство? Но разве бывает так, чтобы самоубийца оторвался от увлекательного чтения, оставив раскрытую книгу, отложил дымящуюся трубку и пошел навстречу смерти?

А Сэвидж? При каких обстоятельствах треснуло стекло в его шлеме? Когда он только выходил из дома или когда вернулся? Или он собрался искать Шалье, который все не возвращался? Но почему он не пошел вместе с ним? А если пошел, то как мог позволить ему спуститься к обрыву?

На все эти вопросы не было ответов…

Единственным предметом, оказавшимся явно не на своем месте, была пачка пластинок, предназначенных для регистрации космических лучей. Она лежала в кухне на белом столике, рядом с пустыми чистыми тарелками.

Комиссия пришла к следующим выводам.

В тот день дежурил Шалье. Углубившись в чтение, он вдруг спохватился, что время приближается к одиннадцати. В этот час он должен был заменить экспонированные пластинки новыми. Пластинки экспонировались вне станции. На сотню шагов выше по склону горы был вырублен в скале неглубокий колодец. Стены его выложили свинцом, чтобы на фотопластинки падали только вертикальные лучи, как требовали условия исследований. Итак, Шалье встал, отложил книгу и трубку, взял пачку новых пластинок, надел скафандр, вышел через шлюзовую камеру, направился к колодцу, спустился по ступенькам, вделанным в стену, сменил пластинки и, взяв экспонированные, отправился назад.

На обратном пути он заблудился. Кислородный аппарат у него не был испорчен; значит, разум его помутился не от аноксии — кислородного голодания. Так по крайней мере предположили после осмотра разбитого скафандра.

Члены комиссии пришли к убеждению, что сознание Шалье внезапно помрачилось — иначе бы он не сбился с дороги. Слишком хорошо он ее знал. Может, он неожиданно заболел, упал в обморок, может, у него закружилась голова и он потерял ориентировку? Во всяком случае, он шел, думая, что возвращается на станцию, а на самом деле двигался прямо к пропасти, которая поджидала его в каких-нибудь ста метрах.

Сэвидж, видя, что Шалье долго не возвращается, забеспокоился, бросил стряпню и попытался установить с ним радиосвязь. Передатчик был настроен на ультракороткий диапазон местной связи. Конечно, его могли включить и раньше, если б кто-нибудь из дежурных пытался, несмотря на помехи, установить связь со станцией «Циолковский». Но, во-первых, русские не слышали никаких радиосигналов, пусть даже искаженных до полной непонятности. А во-вторых, это предположение казалось малоправдоподобным еще и потому, что и Сэвидж, и Шалье прекрасно понимали бессмысленность такой попытки в период самых сильных радиопомех, перед рассветом… Когда связаться с Шалье не удалось — его уже не было в живых, — Сэвидж надел скафандр и выбежал в темноту искать товарища.

Возможно, Сэвидж был так взволнован молчанием Шалье, его необъяснимым, внезапным исчезновением, что сбился с пути; но скорее, он, пытаясь систематически прочесать окрестности станции, напрасно и чрезмерно рисковал. Одно ясно: во время головоломных поисков Сэвидж упал и разбил стекло шлема. У него хватило сил, зажав ладонью трещину, добежать до станции и взобраться ко входному люку, но, прежде чем он задраил люк и впустил в камеру воздух, остаток кислорода улетучился из скафандра. Сэвидж на последней ступеньке лесенки упал в обморок и через несколько секунд умер.

Такое истолкование трагедии не убедило Пиркса. Он тщательно ознакомился с характеристиками обоих канадцев. Особое внимание уделил Шалье, ибо тот, по-видимому, оказался невольным виновником гибели и своей, и своего товарища. Шалье было тридцать пять лет. Он, известный астрофизик и опытный альпинист, отличался отменным здоровьем, никогда не болел, никогда не испытывал головокружений. До этого он работал на «земном» полушарии Луны, где стал одним из основателей Клуба акробатической гимнастики, необычного спорта, лучшие приверженцы которого могли с одного

прыжка сделать десять сальто подряд и уверенно опуститься на полусогнутые ноги или выдержать на своих плечах пирамиду из двадцати пяти спортсменов! Неужели такой человек без всякой причины вдруг ослабеет или потеряет ориентировку и не сумеет пройти по отлогому склону последние сто шагов до станции, а свернет под прямым углом в ложном направлении, да еще перелезет в темноте через груду глыб, громоздящуюся позади станции именно в этом месте?

И была еще одна деталь, которая, по мнению Пиркса — и не только Пиркса, — прямо противоречила версии, записанной в официальном протоколе. На станции сохранялся порядок. Но одну вещь нашли не на месте — пачку фотопластинок на кухонном столе. Похоже было, что Шалье действительно вышел сменить пластинки. Что он сменил их. Что вовсе не пошел прямо к пропасти, не карабкался через каменный вал, а преспокойно вернулся на станцию. Об этом свидетельствовали пластинки. Шалье положил их на кухонный стол. Почему именно туда? И где был в это время Сэвидж? Комиссия решила, что экспонированные пластинки, обнаруженные в кухне, принадлежат к предыдущей, утренней партии и что один из ученых случайно положил

их на стол. Однако возле трупа Шалье не нашли никаких пластинок. Комиссия решила, что пачка пластинок могла выпасть из кармана скафандра или из рук Шалье при падении в пропасть и исчезнуть в одной из бесчисленных щелей среди каменной осыпи.

Пирксу казалось, что тут явно подгоняют факты под заранее принятую гипотезу.

Он спрятал протоколы в ящик. Ему больше незачем было заглядывать в них. Он знал их наизусть. Он сказал себе — даже не выразил этой мысли словесно, ибо был непоколебимо в этом уверен, — что разгадка тайны скрыта не в психике обоих канадцев. Не было никакого обморока, заболевания, помрачения сознания — причина трагедии иная. Ее нужно искать либо на самой станции, либо в ее окрестностях.

Пиркс начал со станции. Он не искал следов — хотел лишь подробно изучить детали оборудования. Спешить ему не приходилось, времени было достаточно.

Прежде всего он исследовал шлюзовую камеру. Меловой контур еще виднелся у основания лесенки. Пиркс начал с внутренней двери. Как обычно в малых камерах подобного типа, устройство позволяло открывать либо внутреннюю дверь,

либо крышку верхнего люка. При открытом люке дверь не открывалась. Это исключало несчастные случаи, например если один открывает крышку, а другой в это время — дверь. Правда, дверь открывалась внутрь и давление воздуха все равно захлопнуло бы ее с силой почти в восемнадцать тонн, но между краем двери и рамой могла попасть рука, какой-нибудь твердый предмет или инструмент — тогда произошла бы молниеносная утечка воздуха в пустоту.

С крышкой входного люка дело обстояло еще сложнее — тем более что за ее положением следил центральный контрольный аппарат в помещении радиостанции. Когда крышку открывали, на пульте этого прибора загорался красный сигнал. В то же мгновение автоматически включался зеленый сигнал — стеклянный глазок в никелированной оправе, расположенный в центре застекленного экрана локатора. Когда «мотылек» в глазке мерно помахивал «крыльями», это значило, что находящийся вне станции человек дышит нормально; кроме того, по расчерченному на сегменты экрану локатора вращалась светящаяся полоска, показывая, где этот человек находится. Она двигалась по экрану соответственно оборотам радарной антенны на

куполе и позволяла наблюдать окрестности станции в виде фосфорически мерцающих очертаний. Вслед за лучиком, бегущим по кругу, как стрелка часов, на экране появлялось специфическое свечение, возникающее при отражении радиоволн от любых материальных объектов; человек, облаченный в металлический скафандр, вызывал на экране особенно яркое свечение. Наблюдая за изумрудным продолговатым пятнышком, можно было уловить его движение — оно перемещалось на менее ярком фоне — и таким образом определить, куда и с какой скоростью идет человек. Верхняя часть экрана отражала местность у северной вершины, где находился колодец для экспонирования пластинок, а нижняя — юг, то есть зону, в период ночи запретную, — дорогу к пропасти.

Механизмы «дышащего мотылька» и радиолокатора действовали независимо друг от друга. Глазок питался от датчика, соединенного с кислородными клапанами скафандра и работавшего на частотах, близких к инфракрасным, а луч локатора работал на полусантиметровых радиоволнах.

Аппаратура располагала одним локатором и одним глазком, ибо по инструкции лишь один человек мог находиться вне станции, а другой

внутри станции должен был наблюдать за его состоянием; в случае необходимости он, конечно, спешил на помощь товарищу.

На практике при такой краткой и безопасной отлучке, как для смены фотопластинок в колодце, оставшийся на станции мог открыть настежь двери кухни и радиостанции и поглядывать на приборы, не прерывая стряпни. Можно было поддерживать радиотелефонную связь, за исключением предрассветных часов, — приближение терминатора, границы света и тени, сопровождалось такой бурей тресков, что разговаривать было практически невозможно.

Пиркс добросовестно изучил действие сигналов. Когда поднимали крышку люка, зеленый «мотылек» светлел, но оставался неподвижным, а его «крылышки» были намертво сжаты до толщины нити — отсутствовали внешние сигналы, которые их расправляли. Луч локатора мерно кружил по экрану, и неподвижные очертания скалистых окрестностей возникали словно окаменевшие призраки. Он нигде не усиливал свечения и тем самым подтверждал показания «мотылька», что в радиусе его действия вне станции нет ни одного скафандра.

Разумеется, Пиркс наблюдал за поведением

аппаратуры и когда Лангнер выходил сменять пластинки.

Красная лампочка вспыхивала и почти немедленно гасла, потому что Лангнер закрывал крышку люка снаружи. Зеленый «мотылек» начинал мерно пульсировать. Через несколько минут пульсация немного ускорялась: Лангнер довольно быстро поднимался по склону, и его дыхание, естественно, учащалось. Яркий отблеск скафандра сохранялся на экране значительно дольше, чем контуры скал, гаснувшие, как только удалялся луч. Потом «мотылек» внезапно сжимался и замирал, а экран пустел, и свечение скафандра гасло. Это происходило, когда Лангнер спускался в колодец, свинцовые стены которого вставали на пути потока сигналов. Одновременно на главном пульте вспыхивала пурпурная надпись «Тревога», а картина на экране локатора менялась. Антенна локатора, продолжая вращаться, уменьшала угол наклона, поочередно прощупывая все более дальние участки местности. Приборы ведь «не знали», что произошло: человек вдруг исчезал из поля их электромагнитной власти. Через три-четыре минуты «мотылек» снова расправлял «крылья», локатор обнаруживал исчезнувшего, и оба не связанных между

собой прибора отмечали появление человека. Лангнер, выбравшись из колодца, возвращался на станцию. Сигнал «Тревога» продолжал, однако, гореть — его нужно было выключить. Впрочем, через сто двадцать минут это сделал бы выключатель с часовым механизмом, поставленный, чтобы зря не расходовалась электроэнергия. Ночью она поступала только из аккумуляторов, а днем их снова заряжало солнце.

Изучив действие этих приборов, Пиркс решил, что они не отличаются особой сложностью. Лангнер в его эксперименты не вмешивался. Он считал, что канадцы погибли при обстоятельствах, изложенных в протоколах комиссии; кроме того, он считал, что несчастные случаи вообще неизбежны.

— Пластинки? — ответил он на доводы Пиркса. — Никакого значения эти пластинки не имеют! Когда расстроишься, еще и не такое делаешь. Логика покидает нас гораздо раньше, чем жизнь. И человек начинает совершать бессмысленные поступки…

Пиркс решил больше с ним не спорить.

Кончалась вторая неделя лунной ночи. После всех исследований Пиркс знал не больше, чем в самом начале. Может, и вправду этой трагедии

суждено навсегда остаться неразгаданной? Может, это одно из происшествий, встречающихся раз на миллион, когда невозможно восстановить картину случившегося?

Пиркс постепенно втянулся в сотрудничество с Лангнером. Надо было в конце концов что-то делать, заполнить чем-нибудь долгие часы. Он научился обращаться с большим астрографом — значит это все же была обычная предвыпускная практика, потом стал по очереди с Лангнером ходить к колодцу, чтобы оставить там на несколько часов очередную партию фотопластинок.

Долгожданный рассвет приближался. Истосковавшись по новостям, Пиркс долго возился с радиоаппаратурой, но извлек лишь ураган треска и свиста, предвещающий близкий восход солнца. Потом был завтрак; после завтрака они проявляли пластинки. Над одной из них астрофизик долго корпел, так как обнаружил великолепный след мезонного распада; он даже подозвал Пиркса к микроскопу, но тот был равнодушен к красотам ядерных превращений. Потом обедали, потом Лангнер повозился часок с астрографами и провел визуальные наблюдения звездного неба. Время приближалось к ужину, Лангнер был уже на кухне, когда Пиркс — была его очередь менять

пластинки — сказал, что выходит наружу. Лангнер, погруженный в изучение сложного рецепта на коробке с яичным порошком, пробурчал, чтобы он поторопился: омлет будет готов через десять минут.

Пиркс, уже в скафандре, держа в руке пачку пластинок, проверил, хорошо ли прилегает шлем к вороту, распахнул настежь двери кухни и радиостанции, вошел в камеру, захлопнул за собой герметическую дверь, откинул верхнюю крышку и выбрался наружу.

Его окутала та же тьма, что и в межзвездном пространстве. Земному мраку с ней не сравниться, атмосфера всегда немного светится от слабого возбужденного излучения кислорода. Пиркс видел звезды и лишь по тому, как прерывались узоры знакомых созвездий, понимал, что вокруг громоздятся скалы. Он включил рефлектор на шлеме и, шагая за бледным, мерно подрагивавшим кружком света, добрался до колодца. Перебросил ноги в тяжелых башмаках через борт колодца (к здешней легкости привыкают быстро, куда труднее опять привыкнуть к нормальному притяжению на Земле), нащупал первую ступеньку, спустился вниз и занялся пластинками. Когда он присел на корточки и наклонился над

подставками, рефлектор замигал и погас. Пиркс шевельнулся, хлопнул по шлему рукой — свет появился снова. Значит, лампочка цела, только контакт не в порядке. Он начал собирать экспонированные пластинки — рефлектор мигнул раз-другой и опять погас. Пиркс сидел несколько секунд в кромешной тьме, не зная, что предпринять. Обратная дорога не страшила его — он знал ее наизусть, к тому же на куполе станции светились два огонька, зеленый и голубой. Но, идя на ощупь, он рисковал разбить пластинки. Он еще раз хватил кулаком по шлему — лампочка загорелась. Пиркс быстро записал температуру, вложил экспонированные пластинки в кассеты; когда он начал укладывать кассеты в футляр, проклятый рефлектор снова погас. Пришлось отложить кассеты, чтобы еще несколько раз стукнуть по шлему и восстановить контакт. Пиркс заметил, что, пока он стоит выпрямившись, лампочка горит, а стоит нагнуться, как она гаснет. Пришлось продолжать работу в неестественной позе. Наконец свет погас окончательно, и никакие удары не помогали. Но сейчас не могло быть и речи о возвращении на станцию — вокруг лежали кассеты. Пиркс прислонился к нижней ступеньке, отвинтил крышку рефлектора, всадил

ртутную лампочку поглубже в патрон и снова надел крышку. Теперь свет горел, но, как назло, заело резьбу. Пиркс пробовал и так, и сяк, наконец, разозлившись, сунул стеклянную крышку в карман, быстро собрал кассеты, разложил новые пластинки и полез вверх. До края колодца оставалось всего с полметра, когда Пирксу показалось, что к белому свету его рефлектора примешался какой-то другой, колеблющийся и угасающий; он посмотрел вверх, но увидел лишь звезды над краем колодца.

«Почудилось мне», — решил Пиркс.

Он выбрался наверх, и его охватило какое-то непонятное беспокойство. Он не шел, а бежал большими скачками, хотя лунные прыжки вопреки мнению многих ничуть не ускоряют движения — прыжки длинные, но зато летишь в шесть раз медленнее, чем на Земле. Он был уже у станции и положил руку на перила, когда снова увидел, как что-то блеснуло, будто на юге выстрелили из ракетницы. Он не увидел самой ракеты — все заслонял купол станции, только призрачно блеснули нависшие скалы: они вынырнули на секунду из черноты и снова исчезли. Пиркс молниеносно, как обезьяна, взобрался на купол. Кругом была тьма. Будь у него ракетница,

он выстрелил бы. Он включил свое радио. Треск. Ужасный треск.

Вдруг он подумал, что валяет дурака. Какая ракета? Это наверняка метеор. Метеоры не светятся в атмосфере, потому что ее нет на Луне, но вспыхивают, когда с космической скоростью врезаются в скалы.

Пиркс быстро спустился в камеру, дождался, пока стрелки показали необходимое давление — 0,8 килограмма на квадратный сантиметр, открыл дверь и, стаскивая на ходу шлем, вбежал в прихожую.

— Лангнер! — крикнул он.

Молчание. Не снимая скафандра, Пиркс вбежал в кухню. Обвел ее взглядом. Кухня была пуста! На столе — тарелки, приготовленные к ужину, в кастрюльке — размешанная для омлета кашица, сковородка рядом с уже включенной горелкой.

— Лангнер! — заорал Пиркс и, швырнув пластинки, бросился в помещение радиостанции. Там тоже было пусто. Неизвестно, откуда появилась у него уверенность, что не стоит подниматься в обсерваторию, что Лангнера на станции нет. Значит, эти вспышки все же были ракетами? Лангнер стрелял? Он вышел наружу? Зачем? И идет по направлению к пропасти!

Вдруг он увидел Лангнера. Зеленый глазок мигал: Лангнер дышал. А бегавший по окружности лучик радара выхватывал из мглы маленький яркий огонек — в самой нижней части экрана! Лангнер шел к обрыву…

— Лангнер! Стой! Стой! Слышишь? Стой! — кричал Пиркс в микрофон, не отрывая глаз от экрана.

Репродуктор тарахтел. Треск помех — больше ничего. Зеленые «крылышки» махали, но не так, как при нормальном дыхании: они двигались медленно, неуверенно, порой надолго замирали, будто кислородный аппарат Лангнера перестал работать. А резкий блеск на радаре был очень далеко, он сверкал в самом низу экрана; по координатной сетке, расчертившей стекло, было видно: это за полтора километра по прямой, значит, уже среди огромных вздыбившихся скал под Солнечными Воротами. И больше он не двигался. При каждом обороте бегущего луча он вспыхивал в том же самом месте. Лангнер упал? Лежит там — без сознания?

Пиркс выскочил в коридор. Надо в шлюзовую камеру, наружу! Он кинулся к герметической двери. Но, когда он пробегал мимо кухни, что-то бросилось ему в глаза, черное, на белой скатерти.

Фотопластинки, которые он принес и машинально бросил здесь, испуганный отсутствием Лангнера… Это словно парализовало Пиркса. Он стоял у дверей камеры, держа в руках шлем, и не двигался с места.

«Все так же, как тогда. Все так же, — думал он. — Он готовил ужин и вдруг вышел. Сейчас я выйду за ним и… и оба мы не вернемся. Через несколько часов „Циолковский“ начнет вызывать нас по радио. Ответа не будет…»

«Сумасшедший, иди! — кричало что-то в нем. — Чего ты ждешь? Он лежит там! Может, его захватила лавина, она сорвалась с вершины, ты не слышал, ведь здесь ничего не слышно, он еще жив, он не движется, но жив, он дышит, торопись…»

Однако Пиркс не двигался. Вдруг он круто повернулся, бросился в помещение радиостанции и внимательно присмотрелся к индикаторам. Никаких перемен: через каждые четыре-пять секунд — медленный взмах крылышек «мотылька», подрагивающий, неуверенный. И блеск в радаре — на краю пропасти…

Пиркс проверил угол наклона антенны: он был минимальным. Антенна уже не контролировала территорию, прилегающую к станции, — она

посылала импульсы на максимальное расстояние. Пиркс вплотную приблизил лицо к глазку. И тогда он заметил нечто странное. Зеленый «мотылек» не только складывал и расправлял «крылышки», но в то же время мерно подрагивал, будто на слабый дыхательный ритм накладывался другой, гораздо более быстрый. Судороги агонии? Конвульсии? Там умирал человек, а он с полуоткрытым ртом жадно всматривался в движения катодного огонька, все те же — одно замедленное, другое — с быстрым ритмом. Вдруг, толком не понимая, почему он это делает, Пиркс схватил кабель антенны и вырвал из гнезда. Случилось нечто поразительное: индикатор с отключенной антенной, оторванный от внешних импульсов, не замер: «крылышки» продолжали трепетать…

Все в том же непонятном отупении Пиркс бросился к пульту и увеличил угол наклона радарной антенны. Далекая искорка, застывшая под Солнечными Воротами, начала двигаться к рамке экрана. Радар выхватывал из мрака все более близкие участки местности — и вдруг на экране появилась новая вспышка, более яркая и сильная. Второй скафандр!

Это наверняка был человек. Он двигался. Мед-

ленно, мерно спускался вниз, сворачивал то влево, то вправо, видимо обходя какие-то препятствия; он направлялся к Солнечным Воротам, к той, другой, далекой искорке — к другому человеку?

У Пиркса глаза на лоб полезли. На экране действительно светились две искры: близкая — движущаяся и далекая — неподвижная. На станции было только два человека — Лангнер и он, Пиркс. Аппаратура показывала, что их трое. Третьего быть не могло. Значит, аппаратура лгала.

Он не успел до конца продумать все это, как был уже в камере — с ракетницей и патронами. Еще через минуту он стоял на куполе и палил сигнальными ракетами, целясь в одном направлении — вниз, в сторону Солнечных Ворот. Пиркс едва успевал выбрасывать горячие гильзы. Тяжелая рукоятка ракетницы прыгала в руке. Он ничего не слышал, только ощущал легкую отдачу после нажатия спускового крючка, потом расцветали полосы света, алмазная зелень, и пурпурное пламя, брызжущее красными каплями, и фонтаны сапфировых звезд… Он все стрелял и стрелял. Наконец внизу, в нескончаемом мраке, вспыхнул ответный огонек, и оранжевая звезда, взорвавшись над головой у Пиркса, осветила его

и осыпала, словно в награду, дождем пламенных страусовых перьев. И вторая — дождем шафранного золота…

Он стрелял. И тот стрелял, возвращаясь: вспышки выстрелов все сближались. Наконец в свете одной из вспышек Пиркс увидел призрачный силуэт Лангнера. Он внезапно ослабел, его тело покрылось испариной. Даже голова. Он был мокрый, будто из воды вылез. Не выпуская ракетницы, Пиркс уселся; ноги стали ватными. Он свесил их в открытый люк и, тяжело дыша, ждал Лангнера, который был уже рядом.

Это случилось так. Когда Пиркс ушел, Лангнер, хлопоча в кухне, не следил за приборами. Он посмотрел на них лишь через несколько минут. Точно неизвестно, через сколько именно. Во всяком случае, это, по-видимому, случилось, когда Пиркс возился с гаснущим фонариком. Когда он исчез из поля зрения радара, автомат начал уменьшать угол наклона антенны, и это продолжалось, пока кружащийся лучик не коснулся подножия Солнечных Ворот. Лангнер увидел сверкающую искру и принял за отражение скафандра, тем более что ее неподвижность объясняли показания «магического глаза»; человек (Лангнер, конечно, подумал, что это Пиркс)

дышал так, будто потерял сознание и задыхался. Лангнер тотчас надел скафандр и бросился на помощь.

В действительности искорка на радаре фиксировала ближайшую из шеренги алюминиевых мачт — ту, что стоит над самой пропастью. Лангнер, может, и разобрался бы в своей ошибке, если бы не показания глазка, которые, казалось, дополняли и подтверждали показания радара.

Газеты потом писали, что глазком и радаром ведала электронная аппаратура вроде электронного мозга, а в нем во время гибели Роже зафиксировался дыхательный ритм умирающего канадца; когда возникла аналогичная ситуация, электронный мозг воспроизвел этот ритм. И что это — нечто вроде условного рефлекса, вызванного определенной последовательностью электрических импульсов. На самом деле все обстояло гораздо проще. На станции не было электронного мозга, а только обычное автоматическое управление, не имевшее никакой «памяти». «Неправильный ритм дыхания» возникал потому, что был пробит маленький конденсатор; неисправность давала о себе знать лишь при открытом или незавинченном верхнем входном люке. Напряжение перескакивало с од-

ного контура на другой, и на сетке «магического глаза» возникало «биение». Оно лишь на первый взгляд напоминало дыхание при агонии, ибо, присмотревшись, можно было без труда заметить неестественное дрожание зеленых крылышек.

Лангнер шел к пропасти, где, как он думал, находится Пиркс, и освещал себе путь рефлектором, а в особенно темных местах — ракетами. Два ракетных выстрела и заметил Пиркс, возвращаясь на станцию. Через четыре-пять минут Пиркс в свою очередь стал призывать Лангнера выстрелами из ракетницы — и на этом приключение окончилось.

С Шалье и Сэвиджем было иначе. Сэвидж тоже, возможно, сказал Шалье: «Возвращайся поскорей», как это сказал Пирксу Лангнер. А может, Шалье спешил потому, что зачитался и вышел позже обычного? Во всяком случае, он не завинтил люк. Этого было недостаточно, чтобы погрешность аппаратуры привела к пагубным последствиям; потребовалось еще одно, случайное сочетание факторов: что-то, по-видимому, задержало Шалье в колодце до тех пор, пока антенна, поднимаясь при каждом обороте на несколько градусов, не нашла наконец алюминиевую мачту над пропастью.

Что задержало Шалье? Неизвестно. Почти наверняка не поломка рефлектора: такое случается слишком редко. Но из-за чего-то он запоздал с возвращением, а тем временем появилась на экране роковая искорка, которую Сэвидж, как впоследствии и Лангнер, принял за свечение скафандра. Опоздание составило не менее тринадцати минут: позднее это подтвердилось контрольными опытами.

Сэвидж пошел к пропасти, чтобы искать Шалье. А Шалье, вернувшись, застал станцию пустой, увидел то же, что и Пиркс, и в свою очередь пошел разыскивать Сэвиджа. Возможно, Сэвидж, добравшись до Солнечных Ворот, с опозданием понял, что на экране отражалась только металлическая трубка, вбитая в каменную осыпь, но на обратном пути оступился и разбил стекло на шлеме. Может, он и не разобрался в механизме этого явления, а просто во время тщетных поисков, не найдя Шалье, забрел на какую-то скалу и упал. Всех подробностей выяснить не удалось. Так или иначе, оба канадца погибли.

Катастрофа могла произойти только перед рассветом. Потому что, если бы не помехи в радиосвязи, оставшийся внутри станции мог разговаривать с вышедшим наружу, даже находясь

в кухне. Затем все могло произойти, лишь когда выходивший очень торопился и не завинтил крышку люка. Лишь в этом случае проявлялась неисправность аппаратуры. Да и вообще, если человек торопится, он может опоздать именно потому, что хочет поскорее вернуться. Он может уронить пластинки, разбить что-нибудь — мало ли что случается в спешке. Радарное отражение не отличается особой четкостью: на расстоянии тысячи девятисот метров металлическую веху легко принять за скафандр. При стечении этих обстоятельств катастрофа была возможна и даже вполне вероятна. Для полноты картины добавим, что оставшийся внутри должен был находиться в кухне либо где угодно, но только не в помещении радиостанции, иначе он видел бы, что его товарищ пошел по правильному пути, и не принял бы потом искорку на южной части экрана за скафандр.

Труп Шалье, разумеется, не случайно нашли так близко от места, где погиб Роже. Он упал в пропасть, на краю которой стояла алюминиевая веха. Веху поставили там, чтобы предостеречь людей. А Шалье шел к ней, думая, что идет к Сэвиджу.

Физический механизм явления банально прост.

Нужна лишь определенная последовательность случаев и такие факторы, как радиопомехи и незавинченная крышка люка шлюзовой камеры.

Возможно, более достоин внимания механизм психологический. Когда аппаратура, лишенная внешних импульсов, колебанием внутренних напряжений пускала в ход «мотылька», а на экране появлялось ложное изображение скафандра, человек, подходивший к прибору, воспринимал эту картину как реальную. Сначала Сэвидж думал, что видит у пропасти Шалье, потом Шалье не сомневался, что там находится Сэвидж. То же самое произошло впоследствии с Пирксом и Лангнером. Каждый из них прекрасно знал подробности катастрофы, в которой погиб Роже, и как особенно трагическую деталь помнил его долгую агонию, которую «магический глаз» до конца аккуратно передавал на станцию.

Так что если, как заметил кто-то, и можно говорить об «условном рефлексе», то он проявился не у приборов, а у самих людей. Они подсознательно пришли к убеждению, что трагедия Роже непонятным образом повторилась, избрав на этот раз жертвой одного из них.

— Теперь, когда мы все знаем, — сказал Тауров, кибернетик с «Циолковского», — объясните

нам, коллега Пиркс, как вы сумели разобраться в обстановке? Несмотря на то что, как вы сами говорите, не понимали механизма этого явления…

— Не знаю, — ответил Пиркс. В глаза ему била белизна залитых солнцем вершин. Их зубья торчали в густой черноте неба, как кости, вываренные добела. — Пожалуй, дело в пластинках. Я посмотрел на них и понял, что швырнул их точно так же, как Шалье. Может, я все-таки ушел бы, да вот еще одно… С пластинками — это в конце концов могло быть случайное стечение обстоятельств… Но у нас на ужин был омлет, как и у них в тот последний вечер. Я подумал, что слишком много этих совпадений и что дело тут не в чистой случайности. Так что… омлет… думаю, это он нас спас…

— Люк остался открытым действительно из-за того, что жарился омлет, ради которого вы так торопились: значит, рассуждали вы совершенно правильно, но это вас не спасло бы, если б вы полностью доверяли аппаратуре, — сказал Тауров. — С одной стороны, мы должны ей доверять. Без электронных устройств мы и шагу не ступили бы на Луне. Но… за доверие иногда приходится расплачиваться.

— Это правда, — отозвался Лангнер, вставая. —

Я хочу сказать вам, коллеги, что больше всего понравилось мне в поведении моего товарища. Что касается меня, то с этой головокружительной прогулки я вернулся, не нагуляв аппетита. Но он, — Лангнер положил руку на плечо Пиркса, — после всего происшедшего поджарил омлет и съел до последнего кусочка. Вот этим он меня удивил! Хоть я и раньше знал, что это человек сообразительный, честный, можно сказать, добропорядочный…

— Какой, какой?! — переспросил Пиркс.

Патруль

На дне коробочки стоял домик под красной крышей с крохотными черепичками. Он был похож на малину — даже лизнуть хотелось. Если коробочку потрясти, из окружавших домик кустов выкатывались, словно розовые жемчужинки, три поросенка. И тотчас же из норы под лесом — лес был лишь нарисован на внутренней стенке коробочки, но будто живой — выбегал черный волк и, щелкая при малейшем движении зубастой, красной изнутри пастью, мчался к поросятам, чтобы их проглотить. Должно быть, внутри у него был магнитик. Требовалась немалая ловкость, чтобы этому помешать. Постукивая по дну коробочки ногтем мизинца, надо было завести поросят в домик, через дверку, которая не всегда к тому же распахивалась. Вещица не больше пудреницы — а можно скоротать с ней полжизни. Но теперь, в невесомости, она была бесполезна. Пилот Пиркс не без грусти поглядывал на рычаги ускорителей. Одно небольшое движение — и тяга двигателей, даже самая слабая, устранит невесомость, и, вместо того чтобы без толку таращиться в черную

пустоту, он занялся бы судьбой поросят.

К сожалению, регламент не предусматривал включения атомного реактора ради спасения трех розовых поросят. Больше того: лишние маневры в пространстве категорически запрещались. Как будто это было бы лишним маневром!

Пиркс медленно спрятал коробочку в карман. Пилоты брали с собой куда более странные вещи, особенно в дальние патрульные рейсы — такие, как этот. Раньше начальство Базы сквозь пальцы смотрело на пустую трату урана ради запуска в небеса, вместе с пилотами, всяких курьезных вещиц, вроде заводных птичек, клюющих рассыпанные по столу крошки, механических шершней, гоняющихся за механическими осами, китайских головоломок из никеля и слоновой кости, — и никто уже не помнил, что заразил Базу этим безумием маленький Аарменс: отправляясь в патруль, он просто отбирал игрушки у своего шестилетнего сына.

Такая идиллия продолжалась довольно долго, почти год, — пока ракеты не начали пропадать без вести.

Впрочем, в те спокойные времена пилоты не жаловали патрульные рейсы, а зачисление в группу, прочесывающую пустоту, считалось зна-

ком личной немилости со стороны Шефа. Пиркса назначение в патрульную группу вовсе не удивило; это как корь — раньше ли, позже ли, каждый должен через это пройти.

Но потом не вернулся Томас, большой, грузный Томас, который носил ботинки сорок пятого размера, обожал розыгрыши и воспитывал пуделей — самых умных в мире, конечно. Даже в карманах его комбинезона можно было найти шкурку от колбасы и кусочки сахара, а Шеф подозревал, что порой он тайком проносит в ракету пуделя, — хотя Томас божился, что ничего такого ему и в голову не приходило. Возможно. Этого никто уже не узнает, потому что однажды в июле, вечером, Томас взлетел, взяв с собой два термоса с кофе — он всегда очень много пил, — а третий оставив в кают-компании Базы, чтобы, вернувшись, выпить такого кофе, какой он любил — смешанный с гущей и сваренный с сахаром. Термос ждал его очень долго. На третий день в семь утра истек срок «допустимого опоздания», и имя Томаса записали мелом на доску в навигационной рубке. Такого у них еще не случалось — лишь самые старшие пилоты помнили время, когда аварии были делом обычным, и даже любили рассказывать товарищам

помоложе леденящие кровь истории о тех временах, когда метеоритная тревога объявлялась с упреждением в пятнадцать секунд — как раз вовремя, чтобы успеть попрощаться с семьей. По радио, разумеется. Но это и в самом деле было давным-давно. Доска в навигационной всегда пустовала и, собственно, оставалась там лишь в силу инерции.

В девять вечера было еще довольно светло. Все дежурные пилоты вышли из радиорубки и стояли, задрав головы к небу, на газонах, окружавших огромную бетонированную посадочную площадку. Шеф вернулся из города вечером, снял с катушек все ленты с записями сигналов автоматического передатчика Томаса и поднялся в остекленную башню обсерватории, маленький купол которой вращался как обезумевший, зыркая во все стороны черными раковинами радаров.

Томас полетел на маленьком АМУ, и, хотя, как утешал их сержант из группы заправщиков, атомного топлива на АМУ хватило бы, чтобы облететь половину Млечного Пути, все смотрели на него как на полного идиота, а кто-то даже смачно его обругал, ведь кислорода у Томаса было всего на пять суток, да еще восьмичасовой неприкос-

новенный запас. Четыре дня кряду восемьдесят пилотов Станции, не считая множества прочих — всего почти пять тысяч ракет, — прочесывали сектор, в котором пропал Томас. И не нашли ничего, будто он растворился в пространстве.

Вторым был Уилмер. Его, правду сказать, мало кто любил; собственно, для этого не было ни одного серьезного повода — зато множество мелких. В разговоре он никому не давал закончить — непременно старался вставить словцо. По-дурацки смеялся, совершенно некстати, и чем больше этим раздражал окружающих, тем смеялся громче. Когда ему не хотелось утруждать себя точной посадкой, он садился прямо на траву, выжигая ее до самых корней, на метр в глубину. Но стоило кому-нибудь залететь в его сектор на четверть миллипарсека, как он немедленно подавал рапорт, — даже если это был его товарищ по Базе. Были и другие причины, уже совершенно пустячные, о которых и говорить-то неловко, — он, например, вытирался чужими полотенцами, чтобы подольше не пачкать собственное, — но, когда он не вернулся на Базу, все вдруг обнаружили, что Уилмер — отличный парень и надежный товарищ. Снова безумствовал радар, пилоты летали без смены и вне расписания, радисты

из службы прослушивания не уходили домой и спали на смену у стены, на лавке, — даже обед им приносили наверх; Шеф, уехавший было в отпуск, вернулся спецрейсом, пилоты прочесывали сектор четверо суток, а настроение у всех было такое, что за не согнутый, как положено, шплинт в какой-нибудь гайке готовы были шею свернуть механику; приехали две комиссии экспертов, АМУ-116, как две капли воды похожий на ракету Уилмера, разобрали буквально до винтика, как часы, — без малейшего результата.

Правда, в секторе было тысяча шестьсот триллионов кубических километров, но он считался спокойным — ни случайных метеоритов, ни постоянных метеоритных потоков; даже орбиты старых, уже сто лет не появлявшихся комет не пересекали его, а известно, что такая комета иногда рассыпается на кусочки где-нибудь рядом с Юпитером, в «мельнице» его возмущений, и потом мало-помалу сорит на старой орбите осколками распавшегося ядра. Но в этом секторе не было решительно ничего — ни один спутник, ни один астероид не залетали сюда, не говоря уж о целом их поясе; и как раз потому, что пустота была в нем такая «чистая», пилоты не любили тут патрулировать.

Тем не менее Уилмер был уже вторым пилотом, исчезнувшим здесь, а его регистрационная лента — разумеется, десятикратно прокрученная, сфотографированная, скопированная и пересланная в Институт — сообщила ровно столько же, сколько лента Томаса, то есть ничего. Какое-то время сигналы приходили, а потом перестали. Автоматический передатчик высылал их довольно редко — раз в час. После Томаса осталось одиннадцать, после Уилмера — четырнадцать таких сигналов. И это все.

После второго исчезновения начальство развило бурную деятельность. Сперва проверили все ракеты — атомные реакторы, газораспределение, каждый винтик; за поцарапанное стекло корабельных часов можно было остаться без отпуска. Потом заменили часовые механизмы всех передатчиков, словно это они были виноваты! Теперь контрольные сигналы передавались каждые восемнадцать минут. В этом не было еще ничего плохого, напротив; плохо было то, что на взлетной площадке стояли теперь два офицера самого высокого ранга и безжалостно отбирали все без изъятия — клюющих и поющих птичек, бабочек, карманные игры, — целая груда конфискованных мелочей вскоре выросла в кабинете Шефа.

Злые языки говорили даже, что дверь кабинета так часто заперта потому, что, дескать, он сам во все это играет.

Только в свете этих событий можно по-настоящему оценить незаурядное искусство пилота Пиркса, который несмотря ни на что сумел пронести на борт своего АМУ домик с тремя поросятами. Правда, радости от этого было мало — разве только моральное удовлетворение.

Патрульный полет тянулся уже девятый час. Тянулся — это самое подходящее слово. Пилот Пиркс сидел в своем кресле, опутанный ремнями, как мумия, только руки и ноги оставались свободны, — и с апатией поглядывал на экраны. Шесть недель они летали парами, соблюдая дистанцию в триста километров, но потом База вернулась к прежней тактике: сектор был пуст, абсолютно пуст, и даже одной патрульной ракеты было для него чересчур много; но нельзя же оставлять «дыру» на звездных картах, так что полеты, теперь уже одиночные, продолжались. Пиркс стартовал восемнадцатым, считая с отмены парных полетов.

За неимением лучших занятий он размышлял о том, что же все-таки случилось с Томасом и Уилмером. На Базе о них теперь почти и не

вспоминали, но в патрульном рейсе человек достаточно одинок, чтобы позволить себе даже самые бесплодные размышления. Пиркс летал уже почти три года (два года четыре месяца, если быть совершенно точным) и считал себя старым волком. Космическая скука прямо-таки изводила его, хотя он вовсе не был склонен к позерству.

Патрульный полет сравнивали, не без оснований, с ожиданием в приемной дантиста — с той только разницей, что дантист не приходил. Звезды, понятно, не двигались. Земли не было видно совсем, или, если уж очень повезет, она появлялась на экране в виде крохотного обрезка посиневшего ногтя, да и то лишь в первые два часа полета, а потом становилась звездой, похожей на остальные, только постепенно перемещавшейся. На Солнце, как известно, смотреть вообще нельзя. В этих условиях китайские головоломки и карманные игры становились делом первостепенной важности. Однако обязанностью пилота было висеть в коконе из предохранительных ремней, следить за обычными экранами и экраном радара, время от времени докладывать Базе, что ничего не случилось, проверять индикаторы холостого хода реактора; иногда — но это уж крайне редко — из патрулируемого сектора

приходила просьба о помощи или даже сигнал SOS, и тогда надо было гнать во весь дух; но такая удача выпадала не чаще одного-двух раз в год.

Если во все это хорошенько вдуматься, станет ясно, что даже самые невероятные мысли и фантазии пилотов, прямо-таки преступные с точки зрения Земли и обычных пассажиров ракет, были в высшей степени человеческими. Когда вокруг тебя полтора триллиона кубических километров пустоты, в которой не найдешь даже щепотки папиросного пепла, желание, чтобы хоть что-нибудь произошло, пусть даже это будет ужасная катастрофа, превращается в настоящую манию. За свои сто семьдесят два патрульных рейса пилот Пиркс прошел через разные стадии: делался сонным, мрачнел, чувствовал себя стариком, впадал в чудачества, был близок к мысли о каком-нибудь, отнюдь не тихом умопомешательстве и, наконец, начал, почти как в курсантские годы, выдумывать всякие истории, нередко настолько замысловатые, что для их завершения не хватало и целого рейса. И все-таки продолжал скучать.

Забираясь в лабиринт своих одиноких раздумий, Пиркс хорошо понимал, что ничего он, конечно, не выдумает и тайна исчезновения двух его товарищей останется неразгаданной: разве

не бились над ней, который уж месяц, лучшие эксперты Базы и Института — известно, с каким результатом! Конечно, лучше было бы пустить в ход волка и трех поросят: занятие, быть может, столь же бесплодное, но более невинное, это уж точно. Однако двигатели молчали, и включать их не было ни малейшего повода, ракета мчалась по отрезку невероятно вытянутого эллипса, так что поросятам приходилось ждать лучшей поры.

Итак: что же случилось с Томасом и Уилмером?

Профан, мыслящий прозаически, начал бы с предположения, что их ракеты с чем-то столкнулись, скажем, с метеоритом или скоплением космической пыли, с остатками кометного ядра или хотя бы с обломком старой ракеты. Однако вероятность такого события просто ничтожна — куда легче наткнуться на крупный бриллиант, лежащий посреди оживленной улицы.

Со скуки — только со скуки — Пиркс начал подбрасывать Вычислителю цифры, составлять уравнения, подсчитывать вероятность столкновений, — пока не получилась такая цифра, что Вычислителю пришлось срезать восемнадцать последних знаков, чтобы она поместилась в его окошках.

Впрочем, пустота была и *вправду* пуста. Ни остатков старых комет, ни скоплений космической пыли — ничего. Корпус старой ракеты, конечно, мог сюда залететь — чисто теоретически, как и в любую другую точку космоса, — через невообразимо большое количество лет. Но Томас и Уилмер заметили бы его издалека, самое малое за 250 километров, а если бы он выскочил прямо из-за Солнца, метеоритный радар поднял бы тревогу не меньше чем за тридцать секунд до столкновения; а если бы пилот прозевал сигнал тревоги — скажем, задремав, — то маневр расхождения был бы выполнен автоматически. Допустим даже, что автомат отказал; такое чудо могло случиться раз — но не дважды на протяжении считанных дней. Вот такие примерно гипотезы предложил бы профан, которому невдомек, что пилота подстерегает уйма опасностей посерьезнее встречи с метеоритом или трухлявым кометным ядром. Ракета, даже такая маленькая, как АМУ, состоит почти из ста четырнадцати тысяч жизненно важных деталей — жизненно важных, то есть таких, выход которых из строя ведет к катастрофе. Потому что менее важных деталей в ней миллион с лишним. Но если такая беда и случится, ракета после смерти пилота не

разлетится бесследно и никуда не исчезнет, — по старому присловью пилотов, в пустоте ничего не пропадает, и, если ты оставил там портсигар, достаточно рассчитать элементы его траектории, а потом явиться на то же место в надлежащее время, и портсигар с астрономической точностью, секунда в секунду, влетит тебе прямо в руки. В пространстве каждое тело бесконечно кружит по своей орбите, и корпуса ракет, потерпевших аварию, почти всегда рано или поздно отыскиваются. Большие Вычислители Института вычертили свыше сорока миллионов орбит, по которым могли двигаться ракеты пропавших пилотов, и все они были проверены, то есть прозондированы узконаправленными лучами самых мощных радарных систем, какими располагает Земля. С известным уже результатом.

Это не значит, конечно, что прозондировали всю Солнечную систему. В ее безмерности ракета невообразимо мала — гораздо меньше, чем атом по сравнению с земным шаром; но искали повсюду, где ракеты могли находиться, при условии, что пилоты не покинули свои сектора с максимальной скоростью. Но с чего бы им убегать из своих секторов? Ведь они не получали никаких сигналов, никаких вызовов, и случиться с ними

ничего не могло — это было доказано.

Получалось, что Уилмер и Томас вместе со своими ракетами испарились, как капли воды, упавшие на раскаленную плиту, — или же, что…

Профан с воображением, в отличие от прозаического профана, объяснил бы таинственное исчезновение происками таящихся в пространстве чужезвездных существ, столь же высокоразвитых, сколь и злокозненных.

Но астронавтика развивалась не первый год, и в этих существ уже мало кто верил, раз во всем исследованном космосе их не нашли. Число анекдотов о «существах», пожалуй, превысило количество кубических километров в Солнечной системе, и за исключением зеленых новичков, которые пока что летали лишь в кресле, подвешенном к потолку лабораторного зала, никто не дал бы за их существование даже клочка старой бумаги. Возможно, жители отдаленных звезд существуют, — но только очень уж отдаленных.

Несколько примитивных моллюскообразных, несколько видов лишайников, бактерий, водорослей, инфузорий, неизвестных на Земле, — вот, собственно, весь улов экспедиций за долгие годы. Впрочем, допустим даже, что эти создания существуют, — неужели им больше нечего делать,

кроме как подстерегать крохотные патрульные корабли в неимоверно, безнадежно пустом уголке пространства? Да и как они ухитрились бы подкрасться к ним незамеченными?

Вопросов, превращавших эту гипотезу в сплошную, гигантскую несообразность, было много, так много, что игра окончательно теряла смысл. И хотя на девятом часу полета Пиркс не остановился бы перед самыми замысловатыми допущениями, все же ввиду этих непреложных, отрезвляющих истин ему приходилось совершать насилие над собой, чтобы хоть на минуту поверить в демонических пришельцев со звезд.

Несмотря на невесомость, он уставал сидеть в одном положении и время от времени менял наклон кресла, к которому был пристегнут; потом поочередно посматривал направо и налево, причем, как ни странно, вовсе не видел трехсот одиннадцати индикаторов, контрольных лампочек, пульсирующих экранов и циферблатов, — ведь мы не вглядываемся в черты лица, знакомого так хорошо и так давно, что вовсе не нужно изучать изгиб его рта, рисунок бровей или расположение морщинок на лбу, чтобы знать, что оно выражает. Циферблаты и контрольные лампочки сливались для Пиркса в единое целое,

которое говорило ему, что все в порядке. Глядя же прямо перед собой, он видел оба передних звездных экрана, а между ними — свое собственное лицо, окаймленное утолщенным по сторонам, закрывающим часть лба и подбородка, желтым шлемом.

Между звездными экранами располагалось зеркало, не слишком большое и размещенное так, что пилот видел в нем только себя — и ничего больше. Неизвестно было, почему и зачем оно там. То есть, конечно, это было известно, но мудреные доводы в пользу такого решения мало кого убеждали. Придумали их психологи. Мол, как ни странно это звучит, но человек, особенно если он долго находится в одиночестве, временами теряет контроль над своим сознанием и своими эмоциями и ни с того ни с сего может впасть в гипнотическое оцепенение, даже сон без сновидений, с открытыми глазами, и не всегда способен очнуться вовремя. А некоторые оказываются во власти неизвестно откуда взявшихся галлюцинаций, маниакальных страхов или внезапного возбуждения, и, дескать, лучшее средство против всего этого — контроль за собственным лицом. Правда, целыми сутками видеть собственную физиономию, словно впечатанную в стену, и

волей-неволей следить за всеми ее ужимками — занятие не слишком приятное. Об этом мало кто знает, кроме пилотов патрульных ракет. Начинается все невинно: ты состроишь какую-нибудь гримасу, чуть скривишься или улыбнешься собственному отражению, а потом уже идут одна за другой гримасы все более дикие; так всегда бывает, когда ситуация столь неестественная затягивается дольше, чем в силах выдержать человек.

К счастью, Пиркса, в отличие от некоторых его товарищей, собственное лицо заботило мало. Понятно, никто этого не проверял — да и как проверишь? — но, по слухам, иные в приступе скуки или какого-то уж совершенно немыслимого отупения вытворяли такое, о чем тяжело рассказывать, — к примеру, плевали в собственное отражение, а потом, устыдившись, были вынуждены делать строжайше запрещенные вещи — отстегивать ремни, вставать и в невесомости идти, вернее плыть, к зеркалу, чтобы успеть его очистить перед посадкой. Утверждали даже, будто Вюрц, который врезался на тридцать три метра в глубь бетонной плиты, слишком поздно спохватился, что надо вытереть зеркало, и занялся этим, когда корабль уже входил в

атмосферу.

Пилот Пиркс никогда ничего такого не делал и, что важнее, не ощущал ни малейшей охоты плюнуть в зеркало, — а борьба с этим искушением кое-кого, говорят, доводила чуть ли не до помешательства; смеяться над этим мог лишь тот, кто ни разу не патрулировал в одиночку. Пиркс всегда, даже если его изводила жесточайшая скука, умел отыскать для себя нечто устойчивое и на этот стержень наматывал все остальные, сбивчивые и неясные мысли и чувства, словно запутанную, бесконечную нить.

Циферблат — самый обычный, часовой — показывал одиннадцать ночи. Через тринадцать минут ракете предстояло достигнуть самой удаленной от Солнца точки своей орбиты. Пиркс несколько раз кашлянул, проверяя микрофон, зачем-то предложил Вычислителю извлечь корень четвертой степени из 8 769 983 410 567 396, даже не посмотрел на результат, который Вычислитель выдал с величайшей поспешностью, перемалывая в своих окошечках цифирки и нервно их перетряхивая, словно от этого результата зависело бог знает что; подумал, что после посадки сперва выбросит через люк перчатки — просто так, потом закурит и пойдет в столовую, где сразу

закажет что-нибудь жареное, острое, с красным перцем и еще кружку пива — он любил пиво, — и тут он увидел светлое пятнышко.

Он смотрел на левый передний экран вроде бы невидящим взглядом и всеми мыслями был уже в столовой, он даже чувствовал запах хорошо поджаренной картошки — ее готовили специально для него, — и все же, едва этот светлячок вплыл в середину экрана, он весь так напрягся, что взлетел бы под потолок, если бы не ремни.

Экран — имевший около метра в диаметре — выглядел как черный колодец. Почти точно в центре светилась Ро Змееносца, Млечный Путь двойной полосой рассекало темное, тянувшееся почти до самого края зияние пустоты, а по обе стороны от него искрился рассыпанный порошок звезд. В эту неподвижную картину размеренно вплыла светлая точечка, маленькая, но гораздо более заметная, чем любая звезда. Не то чтобы она светила особенно ярко — нет, Пиркс заметил ее сразу потому, что она двигалась.

В пространстве встречаются движущиеся светлые точки. Это позиционные огни ракет. Обычно они выключены, и зажигают их лишь по радиовызову, для опознания. Позиционные огни у ракет разные — у пассажирских одни, у грузовых

другие; свои огни у быстрых баллистических, у патрульных, у ракет космической службы, заправщиков и так далее. Расположение и цвет огней совершенно различны, не бывает огней одного только цвета — белого. Белого цвета нет, чтобы всегда можно было отличить ракету от звезд. Ведь если одна ракета летит точно вслед другой, ее пилоту белый позиционный огонь покажется неподвижным, и он будет введен в заблуждение. А этого следует избегать.

Но светлячок, лениво вплывший в экран, был совершенно белым, — Пиркс почувствовал, что глаза у него мало-помалу лезут на лоб. Он даже не моргал, так боялся потерять его из виду. И только почувствовав жжение в глазах, моргнул, но все осталось как было. Белая точка спокойно перемещалась по экрану, до противоположного края ей оставалось всего сантиметров пятнадцать. Еще минута — и она уйдет за экран.

Руки пилота Пиркса сами, без помощи зрения, отыскали нужные рукоятки. Реактор, работавший на холостом ходу, мгновенно пробудился, и ракету швырнуло вперед. Пиркса вдавило в губчатое кресло, звезды в экранах сдвинулись с мест. Млечный Путь стекал наискось вниз, словно был и вправду из молока, зато светлячок замер:

нос ракеты шел точно за ним, был нацелен на него, как нос гончей — на затаившуюся в кустах куропатку. Вот что значит сноровка!

Весь маневр не занял и десяти секунд.

За все это время Пиркс еще ничего не успел подумать, и лишь теперь его осенила мысль, что это, должно быть, галлюцинация — такого ведь не бывает. Эта мысль делала ему честь. Обычно люди слишком доверяют собственным чувствам и, встретив на улице умершего знакомого, скорее готовы поверить в его воскресение, чем в то, что сами они повредились в уме.

Пилот Пиркс сунул руку в кармашек, устроенный в обшивке кресла, достал оттуда флакончик, вставил в обе ноздри выходившие из горлышка стеклянные трубочки и потянул носом, так что слезы выступили на глазах. Психран, говорят, прерывал даже каталептическое состояние йогов и явление ангелов Господних. Однако светлячок по-прежнему плыл в середине левого экрана. Сделав, что полагалось, Пиркс сунул флакончик на прежнее место, слегка сманеврировал рулями и, убедившись, что идет за светлячком сходящимся курсом, взглянул на радар, чтобы оценить расстояние до движущегося объекта.

И это было вторым потрясением: экран ме-

теорадара был пуст; поисковый луч яркой, фосфоресцирующей полоской кружил и кружил по экрану, не регистрируя никакого свечения — решительно никакого.

Пилот Пиркс, разумеется, не подумал, будто перед ним дух в светящемся ореоле. В духов он вообще не верил, хотя, бывало, рассказывал о них знакомым женского пола, но к спиритизму это отношения не имело.

Пиркс просто решил, что то, за чем он летит, не является природным космическим телом: такие тела *всегда* отражают пучок радарных лучей. Только искусственные тела, снабженные особым покрытием, которое поглощает, гасит и рассеивает сантиметровое излучение, не дают радиоэха.

Пилот Пиркс откашлялся и размеренно произнес, чувствуя, как мышцы гортани мягко нажимают на ларингофон:

— АМУ-111 Патрульной Службы вызывает объект, летящий в секторе тысяча сто два запятая два, приблизительным курсом на сектор тысяча четыреста четыре, с одним белым позиционным огнем. Сообщите свои позывные. Сообщите свои позывные. Прием.

И стал ждать, что будет дальше.

Проходили секунды, минуты — ответа не было.

Зато пилот Пиркс заметил, что светлячок бледнеет, — а значит, удаляется от него. Радарный дальномер был бесполезен, но на крайний случай оставался оптический. Пиркс выдвинул ногу далеко вперед и нажал на педаль. Дальномер съехал сверху — он походил на бинокль. Левой рукой Пиркс приставил его к глазам и стал наводить на резкость.

Пятнышко он поймал почти сразу — и разглядел еще кое-что. В объективе оно выросло до размеров горошины, видимой метров с пяти, то есть, учитывая масштаб расстояний, было просто громадным. Вдобавок по его круглой, но словно бы несколько сплюснутой поверхности медленно проплывали — справа налево — еле заметные потемнения, будто кто-то водил толстым черным волосом перед самым объективом. Потемнения были мглистые, неотчетливые, но направление их движения не менялось — только справа налево.

Пиркс принялся крутить регулятор фокусировки, однако пятнышко упорно не желало попадать точно в фокус; тогда при помощи второй призмы, специально для этого предназначенной, он рассек изображение надвое и начал сдвигать разъединенные половинки; когда же это ему

удалось, взглянул на шкалу — и остолбенел в третий раз.

Светящийся объект летел в четырех километрах от него!

Как если бы кто-то, выжимая полную скорость на гоночной машине, очутился в пяти миллиметрах от другой машины — четырехкилометровое сближение в пространстве столь же опасно и недопустимо.

Пирксу оставалось сделать уже немногое. Датчик наружной термопары он нацелил на светлячок, ручкой дистанционного управления перемещал визир до тех пор, пока тот не совпал с молочно светящейся точкой, и краешком глаза уловил результат: 24 градуса по Кельвину. Стало быть, светлячок имел температуру окружающего пространства — всего на 24 градуса выше абсолютного нуля.

Теперь он, собственно, был совершенно уверен, что это пятнышко не может ни существовать, ни светиться, ни тем более двигаться; но так как оно по-прежнему плыло перед самым его носом, Пиркс продолжал лететь за ним вслед. Светлячок тускнел все заметнее и все быстрее. Минуту спустя Пиркс убедился, что до него уже сто километров, — и прибавил скорость.

И тут случилось, пожалуй, самое удивительное.

Сначала светлячок позволял себя догонять — до него было 80, 70, 50, 30 километров, — а потом снова ушел вперед. Пиркс увеличил скорость до 75 километров в секунду. Светлячок — до 76. Пиркс снова прибавил тягу — но теперь уже всерьез. Он дал половинную мощность дюз, и ракету швырнуло вперед. Тройная перегрузка вдавила его в подушки кресла. АМУ обладал небольшой массой покоя и разгонялся в темпе гоночного автомобиля. Через минуту он давал уже 140.

Светлячок — 140,5.

Пилот Пиркс почувствовал, что ему становится жарко. Он дал полную мощность. АМУ-111 весь запел, как натянутая струна. Указатель скорости ракеты относительно неподвижных звезд быстро полз вверх: 155—168—177—190—200.

При двухстах Пиркс посмотрел в дальномер — выдающееся достижение, достойное десятиборца, ведь ускорение доходило до 4g.

Светлячок все отчетливее приближался, рос — сперва он был в двух десятках, потом в десяти, наконец, в шести километрах; минута, и вот он уже в трех. Теперь он был много крупнее — словно горошина, видимая на расстоянии вытянутой

руки. Мглистые потемнения проплывали по его диску. По яркости он не уступал звездам второй величины, но это был именно диск, а не точка.

АМУ-111 выкладывался до конца. Пиркс им гордился. В маленькой кабине ничто не дрогнуло даже при скачке на полную мощность — вибрации ни следа. Тяга шла точно по оси, шлифовка дюз идеальная, реактор тянул как зверь.

Светлячок приближался — но теперь очень медленно. Он уже был в двух километрах, когда Пиркс принялся лихорадочно размышлять.

Уж очень странно все это выглядело. Светлячок не принадлежал никакому земному кораблю. Космические пираты? Просто смешно. Их нет и в помине, да и что им делать в секторе, который еще более пуст, чем старая бочка? Светлячок двигался очень быстро, свободно менял скорость, разгонялся и тормозил одинаково резко. Когда хотел — убегал от ракеты, а теперь понемногу позволял себя догонять. И это не нравилось Пирксу больше всего. Именно так ведет себя… приманка. Скажем, червяк перед носом у рыбы.

И конечно, сразу же мелькнула мысль о крючке.

«Ну, погоди у меня», — подумал Пиркс и внезапно так тормознул, будто перед ним выскочил

по меньшей мере астероид, хотя радар был попрежнему пуст, а на экранах ничего не менялось. Он инстинктивно втянул голову в плечи и плотно прижал подбородок к груди, чувствуя, как автомат стремительно наполняет комбинезон дополнительной порцией сжатого кислорода, чтобы ослабить шок торможения, — и все же на какое-то время его сознание помутилось.

Стрелка гравиметра прыгнула на минус 7, завибрировала и медленно сползла на минус 4. АМУ-111 сразу сбросил почти треть скорости — он делал теперь 145 километров в секунду.

А где светлячок? Уж не пропал ли? — встревожился Пиркс. Нет, вот он. Но далековато. По оптическому дальномеру — в 240 километрах. АМУ пролетал больше за две секунды. Значит, сразу же после его маневра светлячок резко сбавил скорость!

Вот тогда-то — позже он сам удивлялся, что только тогда, — ему пришло в голову, что это, должно быть, и есть то загадочное *нечто,* которое встретили Томас и Уилмер.

До этой минуты он вообще не думал об опасности. А теперь вдруг его охватил страх. Впрочем, совсем ненадолго. Конечно, такого просто не может быть, — ну а *если* это все-таки огни чужого,

инопланетного корабля? Пятнышко явно к нему приближалось, снижало скорость, теперь оно было уже в 60—50—30 километрах, он сам чуть прибавил и поразился тому, как моментально оно выросло, — оно висело у него на носу, в двух километрах, было опять совсем рядом!

Еще в одном кармашке кресла лежал бинокль — ночной, двадцатичетырехкратный; использовали его очень редко: если, скажем, радар отказал, а надо подойти к планетному спутнику с теневой стороны. Но теперь бинокль очень помог. При таком увеличении он видел пятнышко все равно что в неполных ста метрах: это был небольшой диск, меньше, чем видимая с Земли Луна, белый как молоко, но молоко разбавленное. По диску проплывали вертикальные полоски потемнений. Когда пятнышко наползало на звезды, те исчезали не сразу, а чуть погодя, словно самый краешек диска был несколько более разрежен и прозрачен, чем середина.

Но вокруг молочного пятнышка ничто не заслоняло звезд. При таком увеличении он разглядел бы ракету величиной со шкаф. Но там ничего не было. Никакой ракеты. Это не был чей-то позиционный или выхлопной огонь. Наверняка нет.

Просто — обособленный, белый, летающий

светлячок.

Можно было с ума сойти.

Ему страшно захотелось выстрелить в молочное пятнышко. Это не так уже просто — на АМУ-111 нет никакого оружия. Уставом не предусмотрено его применение. В кабине имелось лишь два объекта, пригодных для выстреливания: он сам и шар-зонд. Патрульные ракеты устроены так, что пилот может катапультироваться в герметической капсуле с помощью ленточного выбрасывателя. Делается это лишь в крайнем случае, и, конечно, катапультировавшись, обратно вернуться уже нельзя. Значит, оставался шар-зонд. Это очень простое устройство — резиновый тонкостенный баллон, пустой, свернутый так плотно, что похож на копье, с алюминиевым покрытием, чтобы лучше был виден. Не всегда можно доверять показаниям аэродинамометра, и если надо узнать, вошел ли корабль в атмосферу и нет ли разреженного газа прямо по курсу, то пилот выстреливает зонд, а тот, надувшись автоматически, мчится, чуть обгоняя ракету. Он виден как светлое пятнышко даже в пяти-шести километрах. Попадая в газовую среду, пусть очень разреженную, шар от трения разогревается и лопается; значит, пора

начинать торможение.

Пиркс попытался нацелить нос ракеты точно в маленький мглистый диск. Вместо радара он воспользовался оптическим визиром. Попасть в столь малый предмет почти с двухкилометровой дистанции необычайно трудно. Он все же попробовал, — но оказалось, что светлячок не желает становиться мишенью. Едва лишь Пиркс, осторожно маневрируя рулевыми дюзами, начинал перемещать нос АМУ, как маленький диск спокойно уходил чуть в сторону и снова мчался впереди — в центре левого звездного экрана. Диск выполнил этот маневр четырежды, всякий раз немного быстрей, словно все лучше разбирался в намерениях Пиркса. Он не желал, чтобы нос АМУ был нацелен точно в него, и летел с незначительным боковым отклонением.

Это было невероятно. Чтобы с расстояния в два километра заметить микроскопическое движение носа ракеты, надо располагать каким-то гигантским телескопом — которого не было и следа. Тем не менее диск выполнял маневр уклонения с опозданием максимум в полсекунды.

Его тревога росла. Он уже сделал все возможное, чтобы опознать этот необыкновенный летающий объект, но не продвинулся ни на шаг. И, сидя

неподвижно, с руками, постепенно немеющими на рукоятках, вдруг подумал: то же самое, должно быть, случилось и с теми. Они увидели светлячок; пытались узнать его позывные, приняв его за какой-то корабль; не дождавшись ответа, погнались за ним, набирая скорость; должно быть, тоже разглядывали его в бинокль и заметили пробегающие по диску полоски, — возможно, даже стреляли по нему зондами, а потом… сделали что-то такое, из-за чего уже не вернулись.

При мысли, как близок он сам к тому, чтобы повторить их участь, его охватил даже не страх, а отчаяние. Точь-в-точь как в кошмарном сне — кто он, Пиркс или Уилмер? — а может, Томас? Потому что тогда все было, как и теперь, в этом он больше не сомневался. Он сидел точно в ступоре, совершенно уверенный, что спасения нет. И, что самое страшное, даже не мог представить себе, какая именно опасность ему угрожает — в совершенно пустом пространстве…

Пустом?

Да, сектор был пуст, но ведь он гнался за светлячком больше часа, достигая 230 километров в секунду! Вероятно — нет, даже наверное, — он уже на самой границе сектора, а то и за ней. Что там дальше? Следующий сектор — 1009, еще пол-

тора триллиона километров пустоты. Пустота, на миллионы километров кругом одна пустота, — а в двух километрах перед носом ракеты пританцовывало белое пятнышко.

Что могли сделать теперь — именно теперь — Уилмер и Томас? Да, Уилмер и Томас. Потому что он — он должен сделать что-то совершенно другое. Иначе он не вернется.

Он еще раз нажал на тормоз. Стрелка вибрировала. Скорость снижалась. 30, 22, 13, 5 километров в секунду. Вот уже только 0,9. Наконец лишь несколько сотен метров в секунду — стрелка легонько подрагивала возле нуля. С точки зрения устава он остановился. В пустоте всегда имеешь какую-то скорость — относительно чего-нибудь. Стоять, как столб, врытый в землю, невозможно.

Светлячок уменьшался. Уходил все дальше и дальше — все тускнел и тускнел, — потом перестал уменьшаться. И начал расти — увеличивался опять, пока не остановился, как и он. В двух километрах от носа ракеты.

Чего не сделали бы Уилмер и Томас? Чего они *наверняка* бы не сделали? Они не стали бы убегать от какого-то маленького, паршивого, дурацкого светлячка, от глупого молочного пятнышка!

Он не хотел разворачиваться: развернувшись,

он потерял бы из виду пятнышко, оставил бы его за кормой, а то, что там происходит, видеть труднее — нужно выворачивать голову к боковому экрану. Впрочем, он не хотел оставлять его за кормой. Он хотел видеть его как следует и непрерывно. И поэтому дал задний ход, используя тормозные дюзы для ускорения. Пилот должен это уметь — это относится к простейшему пилотажу. Ускорение: минус lg, минус 1,6, минус 2... Ракета шла не так идеально, как на обычной тяге. Нос немного рыскал на курсе — все же тормозные дюзы предназначены для замедления, а не для разгона.

Пятнышко как будто заколебалось. Еще несколько секунд оно шло на убыль, закрыло собой Альфу Эридана, сползло с нее, потанцевывало между маленькими безымянными звездами — и, наконец, потянулось за Пирксом.

Оно не желало от него отвязаться.

«Спокойно, только спокойно, — сказал он себе. — В конце концов, что оно может мне сделать? Подумаешь — маленькое, светящееся дерьмо. Мне-то что до всего этого? Мое дело патрулировать сектор. Да пошло оно к чертовой матери».

Говоря себе это, он, конечно, ни на миг не отрывался от пятнышка. С той минуты, как он его

заметил, прошло почти два часа. Временами глаза начинало жечь, и они немного слезились. Он таращил их изо всех сил и по-прежнему летел задним ходом. Пятясь, особенно быстро не полетишь. Тормозные дюзы не рассчитаны на непрерывное действие. Он летел на восьми километрах в секунду и обливался потом.

Что-то было не так с его шеей — словно кожу на горле щипчиками оттягивали вниз, к грудной клетке… и сухость во рту. Он не обращал на это внимания, у него были дела поважнее, чем пересохший рот и оттянутая кожа на шее. Несколько раз он впадал в какое-то странное состояние — не чувствовал собственных рук. Ноги он чувствовал. Правая выжимала тормозную педаль.

Не отрывая глаз от светлячка, попробовал пошевелить руками. Пятнышко подходило как будто ближе — до него оставалось 1,9, даже 1,8 километра. Выходит, догоняло его?

Он попробовал поднять руку — и не смог. Вторую… — даже не то что не смог, он просто не чувствовал рук, словно их не было вовсе. Попытался взглянуть на них — шея не слушалась. Она была жесткой, твердой, как дерево.

Его охватила паника. Почему он до сих пор не сделал того, что было его неукоснительным

долгом? Почему, заметив пятнышко, не вызвал немедленно Базу и не доложил о нем?

Потому что стыдился. Уилмер и Томас, наверное, тоже. Можно представить себе, какой хохот поднялся бы в радиорубке. Светлячок! Белый светлячок, который сперва удирает от ракеты, а потом за ней гонится! Вот уж действительно! Да ты ущипни себя и проснись, ответили бы ему.

Теперь ему было все равно. Он еще раз взглянул на экран и сказал:

— АМУ-111 Патрульной Службы вызывает Базу…

То есть хотел сказать. Но не смог. Вместо голоса — какое-то невнятное бормотание. Он напряг все силы — изо рта вырвался рев. Тогда-то — только тогда — его взгляд соскользнул с экрана и упал на зеркало. Перед ним, в кресле пилота, в круглом желтом шлеме сидело чудовище.

У чудовища были огромные, набрякшие, выпученные глаза, полные смертельного ужаса, лягушачий рот, растянутый и как будто разорванный по уголкам — между губами болтался темный язык. Вместо шеи — какие-то струны, беспрерывно дрожавшие, нижняя челюсть утопала в них; и это страшилище с серым, стремительно распухшим лицом ревело.

Он пытался закрыть глаза — и не мог. Хотел опять посмотреть на экран — не мог. Чудовище, прикованное к креслу, содрогалось все яростнее, словно пробуя разорвать ремни. Пиркс смотрел на него, и это было все, что он мог еще сделать. Сам он не чувствовал ничего, никаких конвульсий. Чувствовал только, что задыхается — не может вдохнуть.

Где-то совсем рядом он слышал нестерпимый скрежет зубов. Он уже окончательно перестал быть Пирксом, ничего не помнил, не было у него ни тела, ни рук — только нога, выжимавшая тормоз. Да еще зрение, мутневшее все сильнее. Перед глазами роились маленькие белые пятнышки. Он пошевелил ногой. Нога тоже подрагивала. Он поднял ее. Чудовище в зеркале было пепельно-серым — пена стекала с губ. Глаза совершенно вылезли из орбит. Оно билось в конвульсиях.

Тогда он сделал последнее, что еще мог. Выбросил ногу вверх и что было сил ударил себя коленом в лицо. Ужасная, сверлящая боль в разбитых губах, кровь брызнула на подбородок, он ослеп.

— А-а-а-а… — стонал он. — А-а-а-а…

Это был его голос.

Боль куда-то пропала, он опять ничего не чув-

ствовал. Что это? Где он? Его не было нигде. Не было ничего…

Он долбил, уродовал коленом лицо, визжа как помешанный, — но рев прекратился. Он услышал свой собственный, рыдающий, захлебывающийся кровью крик.

У него уже были руки. Они были как деревянные и при малейшем движении болели так нестерпимо, точно полопались все сухожилия, — но он мог ими двигать. На ощупь, онемевшими пальцами, начал отстегивать ремни. Ухватился за подлокотники. Встал. Ноги тряслись, все тело словно было разбито молотом. Цепляясь за тросик, протянутый наискось через кабину, подошел к зеркалу. Обеими руками оперся о раму.

В зеркале стоял пилот Пиркс.

Он уже не был серым — лицо было все в крови, с разбитым, распухшим носом. Кровь текла из рассеченных губ. Щеки были фиолетово-синие, набрякшие, под глазами — черные мешки, на шее, под кожей, все еще что-то подрагивало, но слабей и слабей, — и это был он, Пиркс. Он долго вытирал кровь с подбородка, сплевывал, откашливался, делал глубокие вдохи, слабый, как ребенок.

Он отступил на шаг. Взглянул на экран. Корабль

по-прежнему летел задним ходом — уже без тяги. Лишь по инерции. Белый маленький диск плыл за ним, в двух километрах от носа ракеты.

Держась за тросик, он подошел к креслу. Думать он вообще не мог. Руки начали трястись лишь теперь, но это было следствие шока, — это он знал, этого он не боялся. Что-то изменилось возле самого кресла…

Крышка кассеты автоматического передатчика была вдавлена внутрь. Он толкнул ее — крышка упала. Внутри — настоящее крошево. Как это случилось? Должно быть, он сам ударил ногой по кассете. Когда?

Он сел в кресло, включил рулевые дюзы, вошел в поворот.

Маленький белый диск дрогнул, поплыл по экрану, дошел до самого края — и, вместо того чтобы исчезнуть, отскочил как мячик! Вернулся в центр!

— Ну, гнида! — крикнул он с ненавистью и омерзением.

И из-за этой дряни он сам чуть было не перешел на «стационарную орбиту»! Ведь если при повороте светлячок не уходит за край экрана, значит, его вообще нет, — значит, его порождает экран. Ведь экран — не окно, в ракете нет никаких окон.

Есть телевизионное устройство; там, снаружи, под бронезащитой, находятся объективы, а в самой ракете — аппаратура, преобразующая электрические импульсы в изображение на катодном экране. Выходит, испортилась? Таким странным образом? А у Томаса с Уилмером — тоже? Как это было возможно? И… что с ними стало потом?

Но сейчас у него были другие заботы. Он включил аварийный передатчик.

— АМУ-111 Патрульной Службы вызывает Базу. АМУ-111 Патрульной Службы вызывает Базу. Нахожусь на границе секторов 1009 и 1010, экваториальная зона, обнаружил аварию, возвращаюсь…

Когда шесть часов спустя Пиркс приземлился, начались дотошные исследования, занявшие целый месяц. Сперва специалисты взялись за телевизионную аппаратуру. Аппаратура была новая, усовершенствованная — на всех АМУ Патрульной Службы стояла такая. Установили ее год назад, и работала она превосходно. Ни одной неисправности за все это время.

После долгих мучений электронщики наконец установили механизм возникновения светлячка. Через несколько тысяч часов полета вакуум в катодных трубках нарушался: на внутренней

поверхности трубки накапливался блуждающий заряд, и на экране возникало молочное пятнышко. Заряд перемещался, подчиняясь довольно сложным закономерностям. Когда ракета рывком набирала скорость, он расползался вширь, словно распластываясь на внутреннем стекле экрана, и казалось, будто пятнышко приближается. При включении заднего хода заряд уплывал в глубь трубки, а затем, если ускорение не менялось, постепенно возвращался в середину экрана. Он мог перемещаться по экрану в любом направлении, но охотней всего концентрировался в центре — если ракета шла по стационарной орбите, без тяги. И так далее, и так далее, — исследования заряда затягивались, а его динамика описывалась уже шестиэтажными формулами. Оказалось также, что более сильные световые импульсы (в пределах трубки — электрические) рассеивают заряд. Он накапливался, только если интенсивность импульсов, принимаемых трубкой, крайне слаба — как это бывает в космической пустоте, вдали от Солнца. Стоило солнечному лучу лишь раз скользнуть по экрану, и заряд на целые часы рассеивался.

К таким примерно выводам пришли электронщики — получилась целая книга, напичканная

математикой. Потом за дело взялись врачи, психологи, светила в области астроневрозов и астропсихозов. И после продолжавшихся не одну неделю исследований установили, что блуждающий заряд пульсировал (невооруженному глазу это представлялось мелкими потемнениями, проплывающими по светлому диску). Частота пульсаций, слишком коротких, чтобы глаз мог воспринимать каждую из них в отдельности, накладывалась на тэта-ритм головного мозга и раскачивала колебания потенциалов коры, — пока не наступал внезапный припадок, схожий с эпилептическим. Этому способствовал полный внешний покой, отсутствие каких-либо раздражителей, кроме световых, и длительное, упорное всматривание в мерцающее пятнышко.

Специалисты, которые все это открыли, конечно, прославились. Каждый электронщик знает сегодня эффект Ледье — Харпера — возникновение блуждающих зарядов в высоком вакууме катодной трубки; а каждый астробиолог — атаксическо-кататоническо-клонический синдром Нуггельхеймера. Особа Пиркса осталась неведомой миру науки. И только очень внимательные читатели некоторых вечерних газет узнали из набранных петитом заметок, что лишь благодаря

ему судьба Томаса и Уилмера, которые, разогнав до предела свои корабли в погоне за светлячком, затерялись в беспредельности космоса, больше ни одному пилоту не угрожает.

Так слава обошла Пиркса стороной, но он этим вовсе не огорчился. И даже искусственный зуб, вместо выбитого коленом, вставил за собственный счет.

Альбатрос

Обед состоял из шести блюд — не считая закусок. Тележки с вином бесшумно двигались по стеклянным дорожкам. Высоко вверху над каждым столом горела лампа. Черепаховый суп подавали при лимонном свете. Рыбу — при бело-голубоватом. Цыплят залил румянец с мягким оттенком серого шелка. За черным кофе, к счастью, не сделалось темно — Пиркс был готов к самому худшему. Его утомил этот обед, и он пообещал себе, что отныне будет есть только на нижней палубе, в баре. Царившая здесь торжественность была не по нем. Все время думать о локтях. Вдобавок — наряды! В середине зала было углубление, края поднимались — он напоминал гигантскую золотисто-кремовую тарелку, наполненную самыми яркими тартинками на свете. Немнущиеся полупрозрачные платья шуршали за спиной Пиркса. Время здесь проводили великолепно. Наигрывала музыка. Сновали кельнеры — настоящие кельнеры, каждый выглядел как дирижер филармонии. «Трансгалактик» гарантирует: никаких автоматов — интимность,

тактичность, искренняя человеческая благожелательность — весь обслуживающий персонал живой. Виртуозы своего дела.

Пиркс пил кофе, курил сигарету и старался найти какой-либо уголок зала, на котором можно было бы остановить взгляд. Спокойный уголок, чтобы отдохнуть. Ему нравилась соседка. На ее декольте чернел плоский шершавый камешек. Не какой-нибудь хризопраз или халцедон. Ничего земного, видно, с Марса: камешек, вероятно, стоил целое состояние — он походил на осколок булыжника. Женщинам нельзя быть такими богатыми.

Пиркс не возмущался. Не удивлялся. Он наблюдал. Постепенно у него возникло желание размяться. Не пройти ли на прогулочную палубу?

Он встал, слегка поклонился и вышел. Проходя между гранеными колоннами, облицованными зеркальной массой, Пиркс увидел собственное отражение — из-под галстука торчала пуговица. Кто еще носит такие галстуки?

Он поправил воротничок уже в коридоре. Вошел в лифт. Поднялся на верхнюю палубу, предназначенную для обозрения. Лифт бесшумно открылся. Здесь не было ни души. Пиркс об-

радовался этому. Часть вогнутого потолка над палубой, уставленной шезлонгами, выглядела, словно гигантское черное окно, распахнутое навстречу звездам. Шезлонги с грудами пледов были пусты. В одном из крайних лежал кто-то, укрывшись с головой, — чудаковатый старикан, который приходил в салон спустя час после окончания обеда и ел один в пустом зале, закрывая лицо салфеткой всякий раз, когда чувствовал на себе чей-нибудь взгляд.

Пиркс лег. Невидимые жерла климатизаторов направляли на галерею палубы порывистые потоки ветра; казалось, дует прямо из темных глубин неба. Конструкторы, услугами которых пользовался «Трансгалактик», разбирались в деле. Шезлонги были удобные — пожалуй, удобнее, чем кресло пилота, хотя оно и было сконструировано на основе точнейших математических расчетов. Пиркс начал зябнуть. Для этого и нужны пледы. Он укрылся ими, словно нырнул в гору пуха.

Кто-то подымался сюда. По лестнице, не в лифте. Соседка по столику. Сколько ей лет? На ней было совсем другое платье. А может, это вообще другая женщина? Она легла на третьем от него шезлонге. Раскрыла книгу. Ветер шелестел

страницами. Пиркс смотрел теперь прямо перед собой. Отлично был виден Южный Крест. Отрезанный оконной рамой, светился клочок Малого Облака Магеллана — светлое пятнышко на черном фоне. Он подумал, что полет будет продолжаться семь дней. За это время может многое случиться. Он умышленно пошевелился. Толстая, сложенная вчетверо бумага заскрипела во внутреннем нагрудном кармане. Ему легко жилось на свете — место второго навигатора уже ожидало его, он знал точный маршрут: с Северной земли самолетом до Евразии и далее в Индию. Билеты составляли целую книжечку — ее можно было читать, каждый бланк другого цвета, двойной, отрезные талоны, золотые каемочки — все, что «Трансгалактик» давал пассажирам в руки, прямо истекало серебром или золотом. Дама в третьем шезлонге очень хороша собой. Наверное, это та самая. Следует что-то сказать — или лучше хранить молчание? Ведь он уже как будто представился ей. Это настоящее проклятие иметь такую короткую фамилию — не успеешь рта открыть, чтобы назвать себя, а она уже кончилась. «Пиркс» звучит совсем как «икс». Хуже всего бывает во время телефонных разговоров. Сказать что-нибудь? Но что?

Им снова овладели мучительные сомнения. На Марсе он представлял себе это путешествие совсем иначе. Владельцы ракет с Земли оплатили ему перелет — у них, кажется, были какие-то дела с «Трансгалактиком», во всяком случае, это не было с их стороны красивым жестом. Хоть он и налетал уже почти три миллиарда, ему никогда еще не приходилось бывать на чем-либо, напоминающем «Титан». Зафрахтованные торговые корабли выглядят совсем иначе! Сто восемьдесят тысяч тонн массы покоя, четыре основных реактора, скорость движения 65 километров в секунду, тысяча двести пассажиров только в одноместных и двухместных каютах с ваннами, номера люкс, гарантированная, исключая старт и посадку, постоянная гравитация, высший комфорт, безаварийность, сорок два человека экипажа и двести шестьдесят обслуживающего персонала. Керамит, сталь, золото, палладий, хром, никель, иридий, пластмассы, каррарский мрамор, дуб, красное дерево, серебро, хрусталь. Два бассейна. Четыре кинозала. Восемнадцать станций прямой связи с Землей — в любое время к услугам пассажиров. Концертный зал. Шесть главных палуб — четыре для обозрения Вселенной, автоматические лифты, возможность

заказать билет в ракетах всей системы на год вперед. Бары. Залы для игр. Универсальный магазин, квартал ремесленников — точная копия какого-то земного переулка в старой части города, с винным погребком, газовыми фонарями, луной, глухой стеной и кошками, которые прогуливаются по ней. Оранжерея. И черт его знает что еще. Надо путешествовать месяц, чтобы обойти все это хотя бы один раз.

Соседка продолжала читать. Стоит ли женщинам красить волосы в такой цвет? У нормального человека он вызывает… Но этой, этой такой цвет почти к лицу. Пиркс подумал, что, если бы он держал в руке горящую сигарету, нужные слова сразу бы нашлись. Полез в карман.

Портсигар — у него никогда не было портсигара, этот он получил в подарок от Бомана, на память, и носил в знак дружбы — стал чуть тяжелее. Самую малость. Но в этом он был уверен. Ускорение увеличилось?

Пиркс прислушался. Вон что.

Двигатели работали с большей мощностью. Обычный пассажир совсем бы этого не услышал — машинное отделение «Титана» было отделено от пассажирской части четырьмя изоляционными перегородками.

Пиркс выбрал бледную звездочку в самом углу окна и не сводил с нее глаз. Если они просто увеличивают скорость — звездочка не двинется с места. Но если она дрогнет…

Звездочка дрогнула. Медленно — слишком медленно — поплыла в сторону.

«Поворот в большой оси», — подумал он.

«Титан» летел «космическим туннелем», не встречая на своем пути ни пыли, ни метеоритов, ничего, кроме пустоты. Впереди, на расстоянии тысячи девятисот километров от него мчался лоцман «Титана», задачей которого было обеспечивать свободный путь для гиганта. Для чего? На всякий случай, хотя путь и так был свободен. Ракеты точно придерживались расписания движения, «Трансгалактику» был гарантирован полет без помех по указанному отрезку параболы на основе соглашения, заключенного Объединением астронавигационных компаний. Никто не мог занять его трассу. Метеоритные сводки поступали теперь за шесть часов — с той поры, когда тысячи автоматических зондов патрулировали секторы за орбитой Урана, ракетам перестала практически грозить какая-нибудь опасность извне. Пояс — орбита миллиарда метеоритов между Землей и Марсом — имел собственную

патрульную службу, к тому же ракетные трассы проходили вне плоскости эклиптики, в которой вращается вокруг Солнца грохочущий метеоритный пояс. Прогресс — даже с того времени, когда Пиркс летал на патрульной ракете, — был огромный.

У «Титана» не было ни малейшей необходимости лавировать — препятствий не существовало. И все же корабль делал разворот. Теперь Пирксу даже не надо было смотреть на звездное небо — он чувствовал это всем телом. Зная скорость корабля, его массу и быстроту перемещения звезд, он мог при желании высчитать кривизну траектории.

«Что-то случилось, — подумал Пиркс. — Но что?»

Пассажирам ничего не сообщали. Скрывают что-нибудь? Зачем? Пиркс очень слабо разбирался в порядках на пассажирских кораблях класса «люкс». Зато знал, что может случиться в машинном отделении, в рулевой рубке… Это не такое уж большое хозяйство. В случае аварии корабль сохранил бы прежнюю скорость — или уменьшил ее. Однако «Титан»…

Продолжалось это уже четыре минуты. Следовательно, ракета повернула почти на 45 градусов.

Любопытно.

Звезды остановились.

Шли прямым курсом. Тяжесть портсигара, который Пиркс все еще держал в руке, возросла.

Шли прямым курсом и увеличивали скорость. Сразу все стало ясно. Секунду Пиркс сидел недвижимо, потом встал. Теперь он весил больше. Дама с серыми глазами взглянула на него.

— Случилось что-нибудь?

— Ничего особенного, сударыня.

— Но что-то изменилось. Вы не чувствуете?

— Пустяки. Немного увеличиваем скорость, — сказал он. Сейчас можно было начать обычный разговор. Он взглянул на нее. Цвет волос не препятствие. Она была очень хороша собой.

Он пошел вперед. Ускорил шаги. Женщина, наверное, подумала, что он спятил. На стенах палубы пестрели разноцветные фрески. Через дверь с надписью «конец палубы — входа нет» он прошел в длинный, пустой, сверкающий металлом коридор. Замелькали ряды дверей с номерами. Он направился дальше. Ориентировался по слуху. Поднялся по ступенькам на пол-этажа — и остановился у других дверей. Стальных. «Вход только для звездного персонала» — гласила табличка. Ого! Какие красивые названия придумал

этот «Трансгалактик»!

Двери были без ручки, они открывались специальным ключом, которого у него не было. Он поднес палец к носу. Поразмыслил секунду. И выстукал по Морзе:

— Тап — тап — та-та-тап — тап — тап.

Ждал с минуту. Дверь отворилась. Хмурое, покрасневшее лицо показалось в щели.

— Чего вы хотите?

— Я пилот с «Патруля», — сказал он.

Двери открылись шире.

Он вошел. Здесь помещался резервный пульт управления — вдоль одной стены располагалась дублирующая система распределения ракетных двигателей, изменяющих направление. Напротив — экраны оптического контроля. Подле аппаратов стояло несколько кресел, все были пустые. Приземистый автомат контролировал мерцание ламп на пульте. На узком столике у стены стояли в кольцевых зажимах стаканы, опорожненные наполовину. В воздухе стоял аромат свежесваренного кофе и запах нагретых пластикатов, смешанный с едва уловимой примесью озона.

Вторая дверь была приоткрыта. Из-за нее доносился слабый писк умформера.

— SOS? — спросил Пиркс человека, который ему открыл. Это был довольно полный мужчина со слегка припухшей, словно от флюса, щекой. На волосах — след от наушников. Он был в сером на молниях полурасстегнутом мундире «Трансгалактика». Рубашка вылезла из брюк.

— Да.

Мужчина как будто колебался.

— Вы с «Патруля»? — сказал он.

— С базы. Летал два года на «Трансуране». Я навигатор. Моя фамилия Пиркс.

Мужчина подал ему руку.

— Минделль. Нуклеонник.

Не произнося больше ни слова, они прошли в другое помещение. Это была радиорубка прямой связи. Очень просторная. Человек десять окружали главный передатчик. Два радиотелеграфиста в наушниках что-то писали, тихонько жужжа стучали аппараты, под полом попискивало. Контрольные лампы горели на всех стенах. Радиорубка смахивала на междугороднюю телефонную станцию. Телеграфисты почти лежали на своих пюпитрах. На них были только рубашки и брюки. Лица лоснились от пота, один был бледен, другой, постарше, со шрамом на голове, выглядел так, будто ничего не случилось. Дуга наушников

разделяла волосы, и шрам был хорошо виден. Два человека сидели чуть поодаль — Пиркс взглянул на них и узнал в одном командора.

Они были немного знакомы. Командор «Титана» — невысокий седоватый, с маленьким, ничего не говорящим лицом. Положив ногу на ногу, он, казалось, рассматривал носок собственного ботинка.

Пиркс бесшумно приблизился к людям, стоявшим подле телеграфистов, наклонился и стал читать, заглядывая через плечо того, со шрамом: «…шесть восемнадцать запятая три иду полным ходом дойду восемь ноль двенадцать точка Конец».

Телеграфист придвинул левой рукой бланк и продолжил запись.

«Луна Главная Альбатросу четыре Марс — Луна точка Имеете ли повреждения точка Отвечайте Морзе радиофон не доходит точка Сколько часов можете держаться на аварийной тяге точка Пеленгованный дрейф ноль шесть запятая двадцать один точка Прием».

«Порыв два Марс — Луна Луне Главной точка Иду полным ходом к Альбатросу сектор 64 точка У меня перегрет реактор точка Несмотря на это иду дальше точка Нахожусь шесть нанопарсеков

от пункта запеленгованного SOS точка Конец».

Вдруг второй радиотелеграфист, тот, бледный, издал какой-то нечленораздельный звук — все стоящие склонились над ним. Человек, который впустил Пиркса, подал командору заполненные бланки. Второй телеграфист писал:

«Альбатрос четыре всем точка Лежу в дрейфе эллипса Т 341 сектор 65 точка Обшивка корпуса раскрывается дальше точка Кормовые перегородки плавятся точка Аварийная тяга реактора 0,3g точка Реактор выходит из-под контроля точка Главный простенок поврежден во многих местах точка Повреждение на палубе третьей ступени возрастает под действием аварийной тяги точка Течь раствора продолжается точка Пытаюсь цементировать точка Перевожу экипаж в носовой отсек точка Конец».

У радиотелеграфиста тряслись руки, когда он писал. Один из стоящих взял его за ворот рубахи, поднял, вытолкал за дверь, сам вышел, через минуту возвратился и сел на его место.

— У него там брат, — пояснил он, ни к кому не обращаясь. Пиркс наклонился теперь над пожилым, который вдруг начал писать:

«Луна Главная Альбатросу четыре Марс — Луна точка Идут к вам Порыв из сектора 64 Титан из

сектора 67 Баллистический восемь из сектора 44 Кобальт семь ноль два из сектора 94 точка Цементируйте течь простенка в скафандрах за щитами при давлении точка Сообщите аварийный дрейф на данное время точка…»

Человек, заменивший молодого телеграфиста, громко произнес: «Альбатрос!» — и все сгрудились возле него. Он писал: «Альбатрос четыре ко всем точка Аварийный дрейф не установлен точка Шпангоуты корпуса плавятся точка Теряю воздух точка Экипаж в скафандрах точка Машинное отделение под раствором щиты пробиты температура в рулевой рубке 63 первая пробоина зацементирована точка Раствор бурлит точка Заливает главный передатчик точка Буду держать связь только по радиофону ждем вас точка Конец».

Пиркс хотел закурить — почти все курили, и видно было, как дым синими лентами уносится вверх, всасываемый вентиляционными отверстиями. Он искал по всем карманам сигареты и не мог найти. Кто-то — он не заметил кто — всунул ему в руку открытую пачку. Он закурил. Командор нарушил молчание:

— Коллега Минделль.

Тот закусил нижнюю губу.

— Полный ход.

Минделль, казалось, был озадачен, но молчал.

— Хотите предупредить? — спросил человек, сидящий рядом с командором.

— Да. Я сам. Дайте.

Он подтянул к себе микрофон, подвешенный на рычаге, и начал говорить:

— Титан Марс — Земля Альбатросу четыре. Идем к вам полным ходом. Находимся на границе вашего сектора. Будем через час. Пробуйте выйти через аварийный люк. Будем около вас через час. Идем полным ходом. Держитесь. Конец.

Он оттолкнул микрофон и встал. Минделль говорил по внутреннему телефону у противоположной стены:

— Ребята, через пять минут полный ход. Да, да, — отвечал он тому, кто находился у другого конца провода.

Командор вышел. Слышен был его голос в другой комнате:

— Внимание! Внимание! Пассажиры! Внимание! Внимание! Пассажиры! Передаем важное сообщение. Через четыре минуты наш корабль увеличит скорость. Мы получили сигнал SOS и спешим…

Кто-то закрыл дверь. Минделль коснулся плеча

Пиркса.

— Держись за что-нибудь. Сейчас будет больше двух.

Пиркс кивнул головой. 2g для него ровным счетом ничего не значило, но он понимал, что сейчас не время хвастаться собственной выносливостью. Послушно взявшись за подлокотник кресла, на котором сидел пожилой телеграфист, он читал через его плечо:

«Альбатрос четыре Титану точка В течение часа не продержусь на палубе точка Аварийный люк зажат лопающимися шпангоутами точка Температура в рулевой рубке 81 точка Пар поступает в рубку точка Буду пытаться разрезать носовую броню и выйти точка Конец».

Минделль выхватил у него из-под руки исписанный бланк и побежал в другую комнату. Когда он открывал двери, пол слегка дрогнул, и все почувствовали, что их тела делаются вдруг очень тяжелыми.

Вошел командор, он ступал с видимым усилием. Сел на свое кресло. Кто-то подал ему подвесной микрофон. В руках он держал скомканную, последнюю радиограмму «Альбатроса». Командор расправил листок и долго смотрел на него.

— Титан Марс — Земля Альбатросу четыре, —

произнес он наконец. — Мы будем около вас через пятьдесят минут. Подойдем курсом восемьдесят четыре запятая пятнадцать. Восемьдесят один запятая два. Покидайте корабль. Мы найдем вас. Найдем наверняка. Держитесь. Конец.

Человек в расстегнутом кителе, заменивший молодого связиста, вдруг вскочил и посмотрел на командора, который подошел к нему. Телеграфист снял с головы наушники, командор надел их, а телеграфист принялся регулировать надсадно хрипящий репродуктор. Вмиг все оцепенели.

В кабине стояли люди, летавшие годами, но такого никто из них еще не слыхивал. Тот, чей голос, смешанный с протяжным шумом, доносился из репродуктора, как бы отгороженный стеной огня, кричал:

— Альбатрос — всем — раствор — рулевая рубка — температура — невозможно — экипаж до конца — прощайте — проводка…

Голос оборвался, теперь был слышен только шум.

Репродуктор заскрипел. Было тяжело держаться на ногах — однако все стояли, сгорбившись, опираясь о металлические стены.

— Баллистический восемь Луне Главной, — отозвался сильный голос. — Иду к Альбатросу

четыре. Открывайте мне путь через сектор 67, иду полным ходом, маневрировать при обходах не могу. Прием.

Молчание продолжалось несколько секунд.

— Луна Главная ко всем в секторах 66, 67, 68, 46, 47, 48 и 96. Объявляю секторы закрытыми. Все корабли, которые не идут полным ходом к Альбатросу четыре, должны тотчас застопорить, поставить реакторы на холостой ход и зажечь позиционные огни. Внимание, Порыв! Внимание, Титан Марс — Земля! Внимание, Баллистический восемь! Внимание, Кобальт семь ноль два! К вам обращается Луна Главная! Я открываю вам свободную дорогу к Альбатросу четыре. Всякое движение в секторах ведущего радиуса пункта SOS приостанавливается. Начинается торможение в нанопарсеке от пункта SOS. Следите за тем, чтобы погасить тормозные огни в оптическом радиусе Альбатроса, поскольку его экипаж уже мог покинуть палубу. Удачи. Конец.

Теперь отозвался «Порыв» по Морзе. Пиркс вслушивался в писк сигналов.

«Порыв Марс — Земля ко всем идущим на помощь Альбатросу четыре точка Я вошел в сектор Альбатроса через 18 минут буду около него точка У меня перегрет реактор охлаждение повреждено

точка После спасательных работ будет необходимость во врачебной помощи точка Начинаю тормозить полным задним ходом точка Конец».

— Сумасшедший, — проговорил кто-то, и тогда все, стоявшие доныне как статуи, начали искать глазами того, кто это сказал. Раздалось короткое, гневное бормотание.

— «Порыв» будет первым, — заметил Минделль и взглянул на командора.

— Сам потребует помощи. Через сорок минут…

Он умолк. Репродуктор продолжал хрипеть, вдруг сквозь треск удалось расслышать:

— Порыв Марс — Земля ко всем идущим на помощь Альбатросу четыре. Нахожусь в оптическом радиусе Альбатроса. Альбатрос дрейфует приблизительно по эллипсу Т 348. Корма раскалена. Сигнальные огни отсутствуют. Альбатрос не отвечает на позывные. Останавливаюсь и приступаю к спасательным действиям. Конец.

В другой комнате отозвались зуммеры. Минделль и еще один мужчина вышли. У Пиркса от напряжения одеревенели все мышцы. Боже! Как ему хотелось оказаться там! Минделль возвратился.

— Что там? — спросил командор.

— Пассажиры интересуются, когда можно будет

танцевать, — ответил Минделль. Пиркс даже не расслышал этих слов. Он смотрел в репродуктор.

— Скоро, — спокойно сказал командор. — Подключите оптическую. Подходим. Через несколько минут мы должны их увидеть. Коллега Минделль, дайте второе предупреждение — мы будем тормозить на форсаже.

— Есть, — ответил Минделль и вышел.

Репродуктор загудел, и раздался голос:

— Луна Главная Титану Марс — Земля, Кобальту семь ноль два! Внимание! Внимание! Внимание! Баллистический восемь заметил в центре сектора 65 объект в два раза ярче Сириуса. Порыв и Альбатрос не отвечают на позывные. Возможен взрыв реактора на Альбатросе. С точки зрения безопасности пассажиров призываю Титана Марс — Земля застопорить и немедленно отозваться. Баллистический восемь и Кобальт семь ноль два действуют дальше по собственному усмотрению. Повторяю: Титан Марс — Земля обязан…

Все не сводили глаз с командора.

— Коллега Минделль, — сказал он, — застопорим в нанопарсеке?

Минделль смотрел на циферблат своих часов.

— Нет, командор. Мы входим в оптическую

зону. Потребовалось бы 6g.

— Тогда изменим курс.

— У нас будет по меньшей мере три, — сказал Минделль.

— Ничего не поделаешь.

Командор встал, подошел к микрофону и заговорил:

— Титан Марс — Земля Луне Главной. Не могу застопорить, у меня слишком большая скорость. Меняю курс обходным маневром на половинной мощности двигателей и выхожу курсом двести два из сектора 65 в сектор 66. Прошу открыть мне путь. Прием.

— Примите подтверждение, — обратился он к мужчине, который только что сидел подле него. Минделль кричал что-то по внутреннему телефону. Неустанно гудели зуммеры. На табло вспыхивали огоньки. Вдруг сделалось как будто темнее — это всего-навсего кровь отхлынула от глаз. Пиркс широко расставил ноги. Шло торможение при повороте. «Титан» едва заметно вибрировал, слышался протяжный рокот двигателей.

— Сесть! — крикнул командор. — Мне не нужны здесь герои! Сейчас три!

Все сели, вернее, повалились на пол. Он был

покрыт толстым слоем пенопластика.

— Ого! Теперь там все переломается! — буркнул человек, сидящий рядом с Пирксом. Командор услышал это.

— Страховое общество заплатит, — ответил он из своего кресла. Кажется, было больше 3g — Пиркс не мог поднять руку к лицу. Наверное, все пассажиры лежали в каютах — но что делалось в кухнях, в столовых! Он представил себе оранжерею. Ведь этого ни одно дерево не выдержит. А внизу? Целые груды битого фарфора! Недурное зрелище!

Репродуктор отозвался:

— Баллистический восемь ко всем. Нахожусь в оптической зоне Альбатроса. Он — в туче. Корма раскалилась докрасна. Прекращаю торможение и высылаю в пространство отряды для поисков экипажа Альбатроса. Порыв не отвечает на позывные. Конец.

Ускорение уменьшалось. Кто-то показался в дверях и что-то крикнул. Можно было подыматься. Все двинулись к дверям. Пиркс вышел последним. Это была главная рулевая рубка. Экран, восемь на шестнадцать метров, занимал всю переднюю стену — вогнутый, огромный, как в каком-нибудь кинотеатре для гигантов. Все

огни в рубке были погашены. В пространстве, на черном, усыпанном звездами фоне, ниже главной оси «Титана», в левом квадранте, тлела тонкая черточка, оканчивающаяся искрящимся вишневым угольком, похожим на огонек папиросы. Она была ядром бледного, слегка приплюснутого пузыря, от которого во все стороны расходились утончающиеся, похожие на колючки отростки. Сквозь это шаровидное облако все отчетливее пробивался свет наиболее ярких звезд. Вдруг все подались вперед — словно желая войти в экран. Совсем низко, в правом нижнем углу, сверкнула среди звезд белая точечка — и принялась быстро мигать. Это был «Порыв».

«В реакторе Альбатроса началась неуправляемая цепная реакция точка Имею потери в людях точка Обожженные точка Прошу врачей точка Передатчик поврежден взрывом точка Течь реактора точка Готов катапультировать реакторы, если не остановлю течь точка», — расшифровал Пиркс мигающую точку.

«Альбатроса» уже не было видно. Среди звезд висело тяжелое янтарно-бело-бурое облако дыма, увенчанное взбитой гривой. Оно оседало, передвигаясь в нижний левый угол экрана. «Титан» двигался над ним, выходя новым курсом из сек-

тора катастрофы.

В глубину затемненной рубки упала длинная полоса света из дверей радиорубки. Слышался голос «Баллистического»:

— Баллистический восемь Луне Главной. Застопорил в центральной части сектора 65. Порыв в нанопарсеке подо мной оптически сигнализирует о потерях в людях и о течи реактора, готов катапультировать реактор, запрашивает врачебную помощь, которую ему окажу. Поиски экипажа Альбатроса затруднены заполнением вакуума радиоактивной тучей с температурой на поверхности свыше 1200 градусов. Нахожусь в оптической зоне Титана Марс — Земля, который движется около меня полным ходом, выходя в сектор 66. Ожидаю прибытия Кобальта семь ноль два для принятия совместных спасательных действий. Конец.

— Все по местам! — раздался громкий возглас. Одновременно вспыхнули сигнальные огни в рулевой рубке. Началось движение, люди разошлись вдоль стен в трех направлениях, Минделль отдавал приказания, стоя у распределительного пульта; одновременно гудело несколько зуммеров. Наконец в зале не осталось никого, кроме командора, Минделля, Пиркса и молодого теле-

графиста, наблюдавшего за тем, как на экране постепенно разрастается и темнеет облако дыма.

— А, это вы, — сказал командор «Титана», словно только сейчас увидел Пиркса, и подал ему руку. — «Кобальт» отзывается? — спросил он человека, появившегося в дверях радиорубки.

— Да, командор, идет обратным.

— Хорошо.

Они постояли минуту, глядя на экран. Последний клок грязно-серой тучи исчез. Экран вновь заполнился чистой, искрящейся звездами темнотой.

— Кто-нибудь спасся? — спросил Пиркс, точно командор «Титана» располагал большими сведениями, чем он сам. Но тот был командором, а командор должен знать все.

— Вероятно, у них заело дроссели, — ответил командор. Он был на голову ниже Пиркса. Волосы как из олова — то ли поседел, то ли всегда были такие.

— Минделль, — бросил командор в сторону проходящего инженера, — будьте любезны, дайте отбой. Пусть танцуют. Вы видели «Альбатрос»? — спросил он, обращаясь к молчавшему Пирксу.

— Нет.

— Западная компания. Двадцать три тысячи

тонн. Что там?

Радиотелеграфист приблизился и подал ему исписанный бланк. Пиркс прочел первое слово: «Баллистический» — и отступил на шаг. Однако теперь он мешал людям, которые каждую минуту проходили через рулевую рубку, и поэтому стал у самой стены в углу. Прибежал Минделль.

— Как там? — спросил Пиркс у него. Минделль вытирал платком вспотевший лоб. Пирксу казалось, что они знакомы целую вечность.

— Не так уж скверно, — засопел Минделль. — Втянули эжектором. Система охлаждения реактора от вибрации вышла из строя — эта дрянь всегда отказывает в первую очередь. Имеются ожоги первой и второй степени. Врачи уже там.

— С «Баллистического»?

— Да.

— Командор! Луна Главная! — позвал кто-то из радиорубки, и командор вышел. Пиркс стоял против Минделля, который машинально прикоснулся к своей опухшей щеке и спрятал платок в карман.

Пирксу хотелось расспросить его подробнее, но Минделль ничего не сказал и, кивнув ему, пошел в радиорубку. Репродуктор говорил десятью голосами, корабли с пяти секторов допытывались об

«Альбатросе» и «Порыве», Луна Главная потребовала наконец, чтобы все замолчали, и пыталась восстановить график движения ракет, который был нарушен в районе 65-го сектора. Командор сидел подле телеграфиста и что-то писал. Вдруг телеграфист снял наушники и отложил их — как будто они стали ему не нужны. По крайней мере так показалось Пирксу. Он подошел к нему сзади. Хотел спросить, что с людьми «Альбатроса» — удалось ли им выйти. Телеграфист почувствовал его присутствие, поднял голову и глянул ему в лицо. Пиркс не стал его ни о чем спрашивать. Он вышел из зала, отворив дверь с надписью: «Вход только для звездного персонала».

Терминус

1

От остановки до ракетодрома путь был неблизкий, особенно если тащить чемодан. Над призрачно белеющими полями стояла предрассветная мгла, по шоссе в серебристых клубах тумана, посвистывая шинами, проносились грузовики; на поворотах стоп-сигналы вспыхивали красным светом. Перекладывая чемодан из одной руки в другую, Пиркс посмотрел вверх. Туман, должно быть, оседал — просвечивали звезды. Пиркс невольно поискал курсовую для Марса. Серая мгла вдруг заколебалась. Неправдоподобно зеленый огонь насквозь прошил темноту. Пиркс машинально открыл рот: приближался гром, а за ним — горячий вихрь. Земля задрожала. В одно мгновение над равниной взошло зеленое солнце. Снег до самого горизонта засверкал ядовитым блеском, тени от придорожных столбов побежали вперед, а все, что не стало ярко-зеленым, почернело, словно обуглилось. Растирая зеленые ладони, Пиркс смотрел, как один из призрачно освещенных стрельчатых минаретов, которые, казалось, по странному капризу зодчего сгрудились в центре окаймленной холмами

котловины, отрывается от земли и величественно поднимается в небо, опираясь на огненный столб. Когда грохот стал материальной силой, заполнившей все вокруг, Пиркс, закрыв лицо ладонями, увидел сквозь пальцы далекие башни, строения, цистерны, окруженные алмазным ореолом. Окна Управления порта пылали, словно за ними бушевал пожар; все очертания начали колебаться и изгибаться в раскаленном воздухе, а виновница всего этого с торжествующим ревом исчезала в высоте, оставив на земле огромный черный дымящийся круг. Спустя минуту с усеянного звездами неба хлынул крупный теплый дождь — сработал эффект конденсации.

Пиркс поднял свою ношу и пошел дальше. Взлет ракеты будто сломил ночь: с каждой минутой светлело — уже было видно, как оседает во рвах тающий снег и вся равнина выплывает из облаков тумана.

За сетчатым забором, сверкающим от воды, тянулась защитная стенка для людей из ракетодромной команды, со скатами, покрытыми дерном. Ноги скользили по мертвой, набухшей водой прошлогодней траве, но Пиркс слишком спешил и не стал искать ступенек ближайшего перехода, с разгона взбежал наверх и увидел ее

издалека.

Она стояла особняком, высоченная, как башня, выше других ракет. Таких не строят уже давно. Он обходил разлившиеся на бетоне мелкие лужицы; дальше их почти не было: вода мгновенно испарилась от теплового удара, четырехугольные плиты сухо и резко, как летом, звенели под каблуками. Чем ближе он подходил, тем выше приходилось задирать голову. Обшивка выглядела так, будто ее послойно покрывали клеем, обмазывали глиной и обертывали каким-то тряпьем. Раньше к вольфраму подмешивали асбестовый карбоволокнит. Стоило кораблю два-три раза обгореть при торможении в атмосфере, и он покрывался лохмотьями, словно его пытались ошкурить. Срывать их не имело смысла — из-за страшного сопротивления воздуха на старте сейчас же появлялись новые. А устойчивость, управляемость — хоть сразу в Космический Трибунал: состав преступления налицо.

Он шел не спеша, хотя чемодан уже порядком оттянул руки: хотел как следует осмотреть корабль снаружи. Ажурная конструкция трапа вырисовывалась на фоне неба — совсем как лестница Иакова. Обшивка ракеты была серая, цвета камня; впрочем, все еще было серым: рас-

киданные по бетону пустые ящики, баллоны, обломки ржавого железа, бухты металлических тросов. Беспорядочно разбросанные, они свидетельствовали о спешке, с которой производилась погрузка. Не доходя шагов двадцать до трапа, Пиркс поставил чемодан и огляделся. Похоже, груз на месте; огромная, на гусеничном ходу погрузочная платформа была отодвинута, ее крюки висели в воздухе метрах в двух от корпуса. Он обошел стальную опору, которой черневший на фоне утреннего неба корабль упирался в бетон, и оказался возле кормы. Железобетон осел под колоссальным давлением опоры, от нее во все стороны разбегались стрелы трещин.

«Заплатят и за это», — подумал Пиркс о владельцах корабля, вступая в тень, отбрасываемую кормой.

Он остановился под воронкой первой дюзы, запрокинул голову. Ее край, слишком высокий, чтобы до него можно было дотянуться, покрывали толстые наслоения копоти. Пиркс потянул носом воздух. Хотя двигатели молчали уже давно, он различал резкий, характерный запах ионизации.

— Иди-ка сюда, — проговорил кто-то у него за спиной.

Он обернулся, но никого не увидел, только снова услышал тот же голос — будто всего в трех шагах.

— Эй, есть тут кто? — крикнул Пиркс.

Его голос глухо прозвучал под черным, ощерившимся десятками дюз куполом кормы. Он перешел на другую сторону и увидел копошащихся вдали, метрах в трехстах, людей. Выстроившись в ряд, они тянули по земле тяжелый топливный шланг. Больше не было никого. Он с минуту еще прислушивался, наконец снова, на этот раз сверху, долетело неясное бормотание. Видимо, это был эффект воронкообразных отверстий: они действовали как рефлекторы, концентрируя звуки. Он вернулся за чемоданом и направился к трапу.

Занятый своими мыслями — что это были за мысли, он не смог бы ответить, — Пиркс не заметил, как одолел шестиэтажную лестницу. Наверху, на платформе с алюминиевыми поручнями, он не обернулся, чтобы взглядом проститься с Землей. Это даже не пришло ему в голову. Прежде чем толкнуть дверь люка, он провел пальцем по обшивке. Терка, да и только! Поверхность напоминала изъеденный кислотами камень.

— Ничего не поделаешь… сам того хотел, — пробормотал он.

Дверца люка подалась с трудом, словно была камнями привалена. Шлюзовая камера походила на бочку изнутри. Он провел пальцами по трубам, растер сухую пыль. Ржавчина.

Протискиваясь через внутренний люк, Пиркс успел заметить, что уплотняющая прокладка подремонтирована. Вверх и вниз шли вертикальные колодцы коридоров, освещенные ночными лампами, свет их вдали сливался в голубую полоску. Где-то шумели вентиляторы, гнусаво чмокал невидимый насос. Пиркс выпрямился. Окружающую его громаду с броневой обшивкой и палубами он ощутил как продолжение собственного тела. 19 тысяч тонн, черт побери!

По дороге в рубку Пиркс никого не встретил. Коридор заполняла абсолютная тишина, точно корабль был уже в космическом пространстве. Мягкая обивка стен была в пятнах; изношенные тросы, служившие опорой при невесомости, свисали вниз. Десятки раз перерезанные и сращенные соединения трубопроводов напоминали обгоревшие клубни, вынутые из затухающего костра.

По пандусам он дошел до шестиугольного по-

мещения с овальными металлическими дверями в каждой стене; пневматиков не было, вместо них — веревки, обмотанные вокруг медных ручек.

Окошки цифровых индикаторов таращились стеклянными бельмами. Пиркс нажал кнопку информатора. Щелкнуло реле, в металлической коробке зашелестело, но экран остался темным.

«Ну, что теперь? — подумал Пиркс. — Бежать жаловаться в СТП?»

Он открыл дверь. Рубка походила на тронный зал. В стеклах мертвых экранов, словно в зеркалах, Пиркс увидел себя: в шляпе, которая от дождя совсем потеряла форму, с чемоданом, в осеннем пальто, он казался случайно забредшим сюда горожанином. На возвышении стояли вызывающие уважение своими размерами кресла пилотов, раскидистые, с широкими сиденьями, принимающими форму человеческого тела, — в них погружаешься по грудь. Он поставил чемодан на пол и подошел к ближнему. Его заполняла тень, словно призрак последнего штурмана. Пиркс ударил ладонью по спинке — поднялась пыль, в носу засвербило, он начал яростно чихать и вдруг рассмеялся. Пенопластовая прокладка поручней истлела от старости. Вычислители — таких Пиркс

еще не видывал. Их создатель, наверно, души не чаял в кафедральных органах. Циферблатов на пульте было полным-полно: требовалась сотня глаз, чтобы наблюдать за всеми сразу. Он медленно повернулся. Переводя взгляд со стены на стену, он видел хитросплетения латаных кабелей, изъеденные коррозией изоляционные плиты, отполированные прикосновениями рук, стальные штурвалы для ручного задраивания герметических переборок, поблекшую краску на приборах противопожарной защиты. Все было такое запыленное, такое старое…

Пиркс пнул амортизаторы кресла. Из гидравликов сразу потекло.

«Другие летали — ну и я смогу», — подумал он, вернулся в коридор и через дверь напротив попал в бортовой проход.

Рядом с подъемником Пиркс заметил на стене темный бугорок. Приложил ладонь — точно: пломба на пробоине. Поискал рядом другие следы, но, по-видимому, здесь заменили целую секцию — потолок и стены были гладкими. Он снова взглянул на пломбу. Цемент застыл комками. Ему почудилось, что он различает неясные отпечатки рук, работавших в страшной спешке. Пиркс вошел в подъемник и съехал вниз, к

реактору. В окошечке неторопливо проползали светящиеся цифры: пять… шесть… семь… Счет палуб шел сверху.

Внизу было холодно. Коридор изгибался дугой, разветвлялся; в конце продолговатого низкого тамбура Пиркс увидел вход в камеру реактора. Тут было еще холоднее: пар от дыхания белел в свете запыленных ламп. Пиркс встряхнул головой. Холодильники? Они, наверно, где-то здесь. Он прислушался. Плиты обшивки дрожали, слегка позвякивая. Он прошел под низко нависшими сводами, глухо вторившими его шагам; ему все время казалось, что он где-то глубоко, в подземелье. Рукоятка герметичных дверей никак не хотела поддаваться. Он нажал сильнее — рукоятка не дрогнула. Пиркс уже хотел стать на нее ногой, но разобрался в механизме замка: сначала надо было вытащить предохранительный шплинт.

За этими дверями оказались еще одни, двустворчатые, на вертикальной оси, толстые, будто вели в сокровищницу. Лак на стали потрескался. На уровне глаз можно было различить оставшиеся красные буквы:

ОП… СНО… ТЬ…

Пиркс очутился в тесном, очень темном про-

ходе. Когда он ступил ногой на порог, что-то щелкнуло, прямо в лицо ударил белый свет, и тотчас вспыхнуло табло с черепом над скрещенными костями.

«Ну и боялись же они тогда», — подумал Пиркс.

Когда он начал спускаться в камеру, металлические ступени глухо загудели. Помещение, куда он попал, напоминало дно высохшего рва: прямо перед ним на высоту двух этажей поднималась похожая на крепостную стену выпуклая защитная стена реактора, покрытая зеленовато-желтыми бугорками. Это были пломбы на местах прежних утечек. Пиркс попытался их пересчитать, но, когда взобрался на помост и увидел всю стену сверху донизу, отказался от своей затеи: в некоторых местах из-под пломб уже не было видно бетона.

Помост, поддерживаемый железными столбиками, отделялся от остальной части камеры прозрачными стенами, будто на него насадили стеклянный ящик. Пиркс догадался, что это свинцовое стекло, предохраняющее от жесткого излучения; но все равно этот памятник атомной архитектуры казался ему бессмыслицей.

Под небольшим козырьком торчали луче-

образно растопыренные счетчики Гейгера, нацеленные в чрево котла. В особой нише Пиркс обнаружил циферблаты — все мертвые, кроме одного. Реактор был на холостом ходу.

Пиркс спустился вниз и, став на колени, заглянул в контрольный колодец. Зеркала перископа почернели от старости. Многовато радиоактивного шлака; впрочем, Марс — не Юпитер, можно обернуться за десять дней. Похоже, что топлива хватит на несколько таких рейсов. Он привел в действие кадмиевые тормозные стержни. Стрелка дрогнула и нехотя передвинулась в другой конец шкалы. Проверил опоздание — сойдет! Лишь бы контролер СТП смотрел сквозь пальцы.

В углу что-то шевельнулось. Два зеленых огонька. Пиркс уставился на них и вздрогнул: они медленно двигались. Пиркс подошел ближе. Это был кот. Черный, худой. Кот тихо мяукнул и прижался к его ноге. Пиркс улыбнулся и оглянулся. Высоко на железной полке в клетках медленно копошилось что-то белое. Время от времени между проволочными прутьями поблескивали черные бусинки глаз. Белые мыши. Их возили иногда на старых кораблях как живые индикаторы радиоактивности. Пиркс наклонился, хотел погладить кота, но тот ускользнул из-под руки,

повернулся к самой темной, суженной части камеры, тихо мяукнул, выгнул спину и, напружинив лапы, направился к бетонному скату, за которым чернело нечто вроде прямоугольного прохода. Кончик поднятого хвоста напряженно задрожал, кот крался дальше, он уже был еле виден в полумраке. Пиркс, заинтересованный, пригнув голову, следил за ним. В покатой стене виднелись полуоткрытые квадратные дверцы, за ними что-то слабо поблескивало. Сначала Пирксу показалось, что это бухта металлического троса. Кот настороженно всматривался в эти светлые отблески, напрягшийся хвост слегка подрагивал.

— Ну, что еще? Нет там ничего, — пробурчал Пиркс и, присев на корточки, заглянул в темноту. Там кто-то сидел. Матовые блики лежали на скорчившейся фигуре. Кот, тихонько мяукая, пошел к дверцам. Глаза Пиркса привыкали к темноте: он все отчетливее различал острые, поблескивающие, высоко поднятые колени, тускло отсвечивающие металлические наколенники и охватившие их сегментированные металлические руки. Только голова скрывалась в тени.

Кот мяукнул.

Одна рука со скрипом шевельнулась, высунулась наружу и, опершись железными пальцами

об пол, образовала наклонный помост, по которому кот молниеносно шмыгнул вверх и устроился на плече сидящего.

— Эй ты, — сказал Пиркс, обращаясь то ли к коту, то ли к тому созданию, которое медленно, будто преодолевая огромное сопротивление, начало убирать руку. Слова Пиркса подействовали. Железные пальцы стукнулись о бетон.

— Кто там? — послышался голос, искаженный, словно он шел из железной трубы. — Терминус говорит — кто?

— Что ты тут делаешь? — спросил Пиркс.

— Терминус… я… холодно… плохо… вижу… — прогудел голос.

— Присматриваешь за реактором? — спросил Пиркс. У него не было надежды узнать что-нибудь от автомата, обветшавшего, как и весь корабль, но зеленые кошачьи глаза почему-то мешали ему оборвать разговор.

— Терминус… реактором, — загудело в бетонном убежище. — Я… реактором… реактором, — повторял автомат с каким-то глуповатым самодовольством.

— Встань! — крикнул Пиркс, ибо ничего другого не пришло ему в голову.

Внутри заскрежетало. Пиркс отступил на шаг,

глядя, как из тьмы выдвигаются и выворачиваются наружу две металлические перчатки с растопыренными пальцами, как они хватаются за края ниши и начинают вытягивать туловище, которое протяжно затрещало. Металлическое туловище согнулось, автомат вылез наружу и начал распрямляться, скрежеща и скрипя суставами. На запыленных сочленениях пластин панциря выступили капли масла. Похожий больше на рыцаря в латах, чем на автомат, робот медленно раскачивался из стороны в сторону.

— Здесь твое место? — спросил Пиркс.

Стеклянные глаза автомата, медленно оглядывая все вокруг, разошлись в разные стороны, и косоглазие придало плоскому металлическому лицу выражение совершенной тупости.

— Пломбы… приготовлены… два… шесть… восемь… фунтов… плохо… видно… холодно…

Голос исходил не из головы, а из широкой грудной клетки автомата.

Кот, свернувшись в клубок, смотрел на Пиркса с высоты железного плеча.

— Пломбы… готовы, — скрипел Терминус; руки его непрестанно двигались, и эти движения были элементами хорошо знакомой Пирксу операции: соединенными в лопатку ладонями Терминус

захватывал что-то из воздуха и бросал куда-то вперед. Так переменными движениями пломбируют радиоактивную течь. Оксидированное туловище раскачивалось все сильнее, черный кот царапнул когтями по железу, но не удержался и с сердитым фырканьем черной полосой ринулся вниз, скользнув по ноге Пиркса. Автомат словно не заметил этого. Он умолк. Только руки судорожно подергивались — остаточные, гаснущие движения казались затухающим, немеющим эхом его слов. Наконец он замер.

Пиркс взглянул на стену реактора, всю в подтеках, покрытую темными пятнами цементных пластырей, окаменевшую от старости, и повернулся к Терминусу. Тот был, вероятно, очень стар — кто знает, может, даже старше корабля. Правое плечо, видимо, меняли, на бедрах и голенях виднелись явные следы сварки — около швов металл, раскаленный и остывший, стал почти темно-синим.

— Терминус! — крикнул Пиркс роботу совсем так, будто обращался к глухому. — Иди на свое место!

— Слушаю. Терминус.

Автомат попятился как раз к открытому убежищу и, скрежеща, стал протискиваться внутрь.

Пиркс оглянулся, ища кота, но тот исчез. Пиркс вернулся наверх, задраил герметичные двери и на лифте поднялся на четвертую палубу, в навигационную кабину.

Широкая и низкая, с почерневшими дубовыми панелями и балочным потолком, она напоминала корабельную каюту. Здесь были судовые иллюминаторы в медных кольцевых рамах. Сквозь стекла проникал дневной свет. Такая была мода лет сорок назад — даже пластиковые покрытия стен делали под дерево. Пиркс распахнул иллюминатор и чуть не стукнулся головой о стену. Иллюзию дневного освещения создавали скрытые лампы. Он захлопнул окно и отвернулся. Со столов свисали карты неба, бледно-голубые, как моря в географическом атласе; по углам валялись рулоны использованной кальки, испещренные курсовыми кривыми; чертежная доска под точечным рефлектором вся была исклевана циркулями. В углу стоял письменный стол, перед ним — дубовое кресло на шаровом шарнире, дающем возможность устанавливать его в любой плоскости. Сбоку тянулись вделанные в панель рассохшиеся библиотечные шкафы.

Настоящий Ноев ковчег.

Не потому ли агент после подписания договора

сказал: «Вам достался исторический корабль?»

Старый — еще не исторический.

Пиркс принялся один за другим выдвигать ящики стола и наконец нашел судовой журнал — большой, в залоснившемся кожаном переплете со стершимся тиснением и потускневшими металлическими застежками. Пиркс все еще стоял, словно не решался занять огромное просиженное кресло. Он открыл журнал. На первой странице стояла дата пробного рейса и фотограмма технического акта верфи. Пиркс заморгал: тогда его еще не было на свете. Он поискал последнюю запись — сейчас она была самой важной. Все совпадало с тем, что ему сказал агент: корабль уже неделю загружался машинами и всякой мелочью для Марса. Старт, намеченный на двадцать восьмое, отложен, три дня идут начисления за простой. Вот почему такая спешка! Начисления за простой в земном порту могут разорить и миллионера.

Он медленно перелистывал страницы, не читая поблекших записей, замечая только отдельные стереотипные обороты речи, курсовые данные, результаты вычислений — не задерживался ни на чем, будто искал в журнале что-то другое. Из потока записей вынырнула одна — в верху стра-

ницы: «Корабль отправлен на верфи Амперс-Харт для ремонта I категории».

Дата была трехлетней давности.

Ну и что же они там улучшили? Он не отличался чрезмерным любопытством, однако проглядел опись работ, удивляясь все больше и больше: сменили носовую броню, шестнадцать палубных секций, шпангоуты крепления реактора, герметичные переборки.

Новые переборки и шпангоуты?

Правда, агент что-то говорил о какой-то давней аварии. Но это была не обычная авария, а скорее катастрофа.

Пиркс начал листать страницы в обратном порядке, — может, удастся узнать что-нибудь из записей, сделанных до ремонта. Нашел порт назначения — Марс. Груз — мелкие товары. Экипаж: первый офицер — инженер Пратт, второй — Вайн, пилоты Поттер и Нолан, механик — Симон.

А командир?

Еще страница — и Пиркс вздрогнул. Дата приемки корабля — девятнадцать лет назад. И подпись: первый навигатор — Момссен.

Момссен!

Пиркса бросило в жар.

Как это Момссен? Ведь не тот же это Момссен? Ведь… ведь там… был другой корабль!

Но дата совпадала: с тех пор прошло девятнадцать лет.

Минутку. Только не спешить. Не спешить.

Он снова взялся за бортовой журнал. Размашистый, четкий почерк. Выцветшие чернила. Первый день полета. Второй, третий. Умеренная течь реактора: 0,4 рентгена в час. Наложили пломбу. Вычисления курса. Ориентация по звездам.

Дальше, дальше!

Пиркс не читал — глаза стремительно бегали по строчкам.

Есть!

Дата, которую он заучивал в школе еще мальчишкой, и под ней:

«В 16.40 по корабельному времени принято метеоритное предупреждение Деймоса об облаке, идущем с юпитеровой пертурбации Леонид, со скоростью сорок километров в секунду встречным курсом. Прием метеоритного предупреждения подтвержден. Объявлена тревога. При постоянной течи реактора 0,4 рентгена в час начат обходной маневр полной тягой с ориентировочным выходом на Дельту Ориона».

Ниже, с новой строки:

«В 16.51 по корабельному времени на…»

Больше на странице ничего не было. Ничего — никаких знаков, каракулей, пятен, ничего, кроме непонятно почему удлиненной, а не закругленной, как положено, вертикальной черточки последней буквы «а». В извилистой линии длиной в несколько миллиметров, которой, сползая со строки на белую равнину листа, обрывалась запись, было все: грохот попаданий, воющий свист вырывающегося из корабля воздуха, крики людей, у которых лопались глазные яблоки…

Но ведь тот корабль назывался иначе. Иначе! Как?

Это походило на сон: Пиркс никак не мог вспомнить название, столь же известное, как название корабля Колумба!

Господи, как же назывался корабль — последний корабль Момссена?!

Он бросился к книжному шкафу. Толстый том справочника Ллойда сам попался под руку. Название, кажется, начиналось на «К». «Космонавт»? Нет. «Кондор»? Нет. Что-то подлиннее, какая-то драма, герой или рыцарь…

Он бросил том на письменный стол и, прищурившись, начал внимательно осматривать стены. На панели между книжным шкафом и

шкафом с картами висели приборы: гигрометр, индикатор излучения, регистратор углекислого газа…

Он по очереди перевернул их. Никаких надписей. Впрочем, они вроде были новые.

Там, в углу!

Привинченное к дубовой плите, светилось табло радиографа. Таких уже не делают: смешные, отлитые из латуни украшения окружали диск… Пиркс быстро выдвинул шурупы, осторожно вытащил их кончиками пальцев, дернул рамку — она осталась у него в руке — и перевернул металлическую коробочку. Сзади, на золотистой латуни, было выгравировано одно слово: «КОРИОЛАН».

Это был тот самый корабль.

Он оглядел кабину. Значит, здесь, в этом кресле, тогда, в последний миг, сидел Момссен?

Пиркс открыл справочник Ллойда на букве «К». «Корсар»… «Кориолан»… Корабль Компании… 19 тысяч тонн массы покоя… выпущен с верфи… реактор урановo-водяной система охлаждения… тяга… выведен на линию Земля — Марс. Потерян после столкновения с потоком Леонид. Спустя шестнадцать лет найден патрульным кораблем в афелии орбиты… После ремонта первой ка-

тегории, проведенного в Амперс-Харт, выведен Южной компанией на линию Земля — Марс… Груз — мелкие товары… страховой тариф… Нет, не то… Есть!

…под названием «Голубая звезда».

Пиркс закрыл глаза. Как тут тихо. Изменили название. Наверно, чтобы избежать трудностей с вербовкой команды. Так вот почему агент…

Он стал припоминать, что говорили на Базе, — это их патрульный корабль отыскал остов «Кориолана». Метеоритные предупреждения в те времена всегда приходили слишком поздно. Опубликованное комиссией заключение было кратким: «Несчастный случай. Виновных нет». А экипаж? Было доказано, что не все погибли сразу; среди уцелевших оказался командир, и он сделал все, чтобы люди, отрезанные друг от друга секциями искореженных палуб, понимавшие, что надежды на спасение нет, не пали духом и держались до последнего баллона кислорода — до конца. Было еще что-то, какая-то жуткая подробность, о которой несколько недель твердила пресса, пока ее не заслонила новая сенсация. Что это было?

Вдруг он увидел огромный лекционный зал, доску, исчерченную формулами, у которой, весь

измазанный мелом, терзается Смига, а он, Пиркс, склонив голову над выдвинутым ящиком стола, украдкой читает распластанную на дне газету. «Кто может пережить смерть? Только мертвый». Ну да! Точно! Лишь один уцелел в катастрофе, потому что не нуждался ни в кислороде, ни в пище и мог пролежать, придавленный обломками, шестнадцать лет — автомат!

Пиркс встал. Терминус! Наверняка, наверняка Терминус! Он тут, на корабле. Стоит только захотеть, решиться…

Чепуха! Механический идиот, машина для пломбирования пробоин, глухая и слепая от старости. Пресса в извечном стремлении выжать кричащими заголовками максимум сенсации из любого происшествия превратила его в таинственного свидетеля трагедии, которого комиссия якобы слушала при закрытых дверях. Пиркс припомнил тупой скрежет автомата. Чепуха, явная чепуха!

Пиркс захлопнул судовой журнал, бросил в ящик и взглянул на часы. Восемь. Надо торопиться. Он отыскал документацию груза. Трюмы были уже задраены, портовый и санитарный контроль пройден, таможенные декларации подписаны — все готово. Он просмотрел товарный сертификат

и удивился отсутствию полной спецификации. Машины — ладно, но какие машины? Какая тара? Почему нет диаграммы загрузки с вычисленным центром тяжести? Ничего, кроме общего веса и схематичного эскиза размещения груза в трюмах. В кормовом отсеке всего 300 тонн — почему? Может, корабль ходит на уменьшенной тяге? И о таких вещах он узнает случайно, чуть ли не в последний момент?! Пиркс все торопливее рылся в папках, в скоросшивателях, разбрасывал бумаги, — но не мог найти ту, которую искал; история Момссена постепенно улетучивалась из памяти, — случайно взглянув на вынутый из оправы радиограф, он даже вздрогнул от удивления. В этот момент ему попался список, из которого он узнал, что в нижнем трюме, прилегающем дном к защитной плите реактора, уложено сорок восемь ящиков продовольствия. И опять в спецификации оказалось лишь общее определение: «скоропортящиеся пищевые продукты». Почему же их поместили там, где вентиляция хуже всего, а температура во время работы двигателей наиболее высокая? Нарочно, чтобы испортились, так, что ли? Послышался стук.

— Войдите! — сказал он, как попало рассовывая в папки разбросанные по столу бумаги…

Вошли двое. С порога отрапортовали:

— Боман, инженер-атомник.

— Симс, инженер-электрик.

Пиркс встал. Симс — молодой, щуплый человечек с бегающими глазами на беличьем лице — то и дело покашливал. В Бомане Пиркс с первого взгляда признал ветерана. Его лицо покрывал загар с характерным оранжевым оттенком, какой придает коже длительное воздействие небольших, наслаивающихся доз космического облучения. Он едва доходил Пирксу до плеча: во времена, когда Боман начинал летать, еще принимался во внимание каждый килограмм веса на борту. Он был худ, но лицо казалось распухшим, под глазами темнели мешки, как у всех, кто не первый год подвергается сильным перегрузкам. Нижняя губа не закрывала зубов.

«Вот и я когда-нибудь буду так выглядеть», — подумал Пиркс, идя им навстречу и протягивая руку.

2

Ад начался в девять. На ракетодроме все шло как обычно: очередь на старт, каждые шесть минут бормотание мегафонов, сигнальные ракеты; потом гул, рев, грохот двигателей на пробе полной тяги. После каждого старта каскадами опадала высоко взбитая пыль. Она не успевала осесть, а с командной вышки сообщали, что путь открыт. Все спешили, стараясь урвать хотя бы несколько минут, как всегда бывает в грузовом порту в часы пик; почти все корабли шли на Марс, отчаянно требовавший машин и зелени, — люди там месяцами не видели овощей, гидропонические солярии еще только строились.

К очередным ракетам тем временем подвозили краны, бетономешалки, части конструкций, кипы стекловаты, цистерны с цементом, нефтью, тюки с лекарствами. По сигналу люди укрывались кто где — в противолучевых рвах, в бронированных тягачах, но не успевал бетон остыть, как они опять возвращались к работе. В десять, когда солнце, все в дыму, красное, словно опухшее, поднялось над горизонтом, защитные бетонные стенки между стартовыми площадками были уже

изрыты, закопчены, разъедены огнем. Глубокие трещины наспех заделывали быстро застывающим цементом, который грязными фонтанами бил из шлангов; антирадиационные команды в большеголовых скафандрах выскакивали из транспортеров и струями сжатого песка счищали радиационные загрязнения; повсюду под рев сирен метались разрисованные красно-черными шашечками вездеходы контроля. На башне командного пункта кто-то драл глотку в мегафон, на вершинах острых шпилей крутились огромные бумеранги радаров, — одним словом, все было так, как и должно быть.

Пиркс разрывался на части. Оставалось еще принять на палубу доставленное в последний момент свежее мясо, загрузить питьевую воду, проверить температуру холодильников (минимальная составляла минус пять, контролер СТП покачивал головой, но в конце концов смилостивился и подписал); компрессоры, только что вышедшие из капитального ремонта, при первой же пробе потекли. Голос Пиркса постепенно уподоблялся иерихонской трубе. Вдруг выяснилось, что вода размещена плохо: какой-то кретин закрыл вентили прежде, чем заполнились нижние баки. Пиркс подписывал бумаги — ему

подсовывали по пять штук сразу, — не зная, что подписывает.

На часах было одиннадцать, до старта час — и тут новости!

Командный пункт не разрешал взлет из-за чрезмерных радиоактивных осадков, которые дает старая система дюз, — у корабля должен быть вспомогательный бороводородный привод, как у «Гиганта» — грузовой ракеты, что стартовала в шесть. Пиркс, уже охрипший от крика, вдруг успокоился. Диспетчер отдает себе отчет в том, что говорит? Он что, только сейчас заметил «Голубую звезду»? Тут могут быть большие, очень большие неприятности. О чем идет речь? Дополнительная защита? Из чего? Мешки с песком? Сколько? Пустячок — три тысячи штук! Пожалуйста! Он все равно стартует в назначенное время. Компания будет оштрафована? Пожалуйста, штрафуйте!

Пиркс потел. Все будто сговорились: электрик ругал механика, который не проверил аварийную систему; второй пилот выбежал на пять минут, и до сих пор на корабле его нет — прощается с невестой; фельдшер вообще исчез; сорок бронированных мамонтов подъехали к кораблю, окружили его, и люди в черных комбинезонах бегом принялись таскать мешки с песком, семафор

на командной вышке только и делал, что подгонял их; пришла какая-то радиограмма, вместо пилота ее принял электрик, забыл записать в радиожурнал, да это и не его дело. У Пиркса голова шла кругом, он только притворялся, будто понимает происходящее. За двадцать минут до старта Пиркс принял драматическое решение: приказал перекачать всю воду из носовых резервуаров на корму. Будь что будет, самое худшее — вода закипит; зато устойчивость лучше.

В одиннадцать сорок проверка двигателей. Теперь отступать некуда. Оказалось, на корабле есть стоящие люди, особенно ему пришелся по вкусу инженер Боман — того не было ни видно, ни слышно, а все шло как часы: продувка дюз, малая тяга, полная. Второй пилот, мулат, возвратился от невесты в унылом настроении. Все уже лежали в креслах, когда объявился фельдшер. За шесть минут до взлета, когда командная вышка выкинула сигнал «К старту», они были готовы. Динамик ревел, хрипел, бормотал; наконец стрелка автомата замерла на нуле — путь открыт. Старт!

Пиркс, разумеется, знал, что 19 тысяч тонн — это не патрульная скорлупка, где места хватает только чтобы широко улыбнуться; корабль не

блоха, сам не подскочит, надо давать тягу, но — ничего подобного он не ожидал. На циферблате половина мощности, весь корпус дрожит, грозя разлететься на куски, а индикатор нагрузки на опоры показывает, что они еще не оторвались от бетона. У Пиркса мелькнула мысль, что «Звезда» зацепилась за что-то — говорят, такие вещи случаются раз в сто лет, — но в этот момент стрелка сдвинулась. Огненный столб поднял «Звезду», она дрожала, стрелка гравиметра как сумасшедшая плясала по шкале. Пиркс, вздохнув, откинулся в кресле, расслабил мускулы. Теперь он при всем желании ничего сделать не мог. Ракета шла вверх. Тут же они получили по радио предупреждение за старт на полной мощности — это увеличивает радиоактивное заражение. Компания будет дополнительно оштрафована. Компания? Очень хорошо, пусть платит, черт ее побери! Пиркс только поморщился, он даже и не пытался спорить с командным пунктом, доказывать, что стартовал на половинной тяге. Что ж теперь — садиться обратно, вызывать комиссию и требовать протокольного распечатывания записи в уранографах?

Впрочем, сейчас Пиркса занимало совсем другое — прохождение через атмосферу. В жизни

он еще не летал на корабле, который бы так трясся. Подобные ощущения могли бы, наверное, испытывать люди в передней части средневекового тарана, пробивающего стену. Все кругом прыгало, их так мотало в ремнях, что душа вон, гравиметр никак не мог решиться: показывал то 3,8, то 4,9, бесстыдно подбирался к пятерке и, словно испугавшись, тут же слетал на тройку. Словно у них дюзы были набиты клецками. Они шли уже на полной мощности, и Пиркс обеими руками прижимал шлем к голове, иначе не слышал голоса пилота в шлемофоне — так ревела «Звезда»! Это не был победный баллистический грохот. Ее борьба с земным притяжением напоминала агонию, полную отчаяния. Добрых две минуты казалось, что они не стартуют, а висят неподвижно, изо всех сил отталкивая от себя планету, — так ощутимы были мучительные усилия «Звезды»! Все будто расплылось от вибрации, и Пирксу показалось, что он слышит треск лопающихся швов, но это уже была чушь: в таком аду не услышать даже гласа труб, призывающих на Страшный суд.

Температура оболочки носа… о, это был единственный индикатор, который не колебался, не отступал, не прыгал и не задерживался, а спокой-

но лез вверх, словно перед ним был еще целый метр места на шкале, а не самые последние, красные цифры — 2500, 2800. Когда Пиркс взглянул туда, в запасе оставались всего две черточки. А «Звезда» не достигла даже орбитальной скорости; все, чего они добились к четырнадцатой минуте полета, — это 6,6 километра в секунду! Его вдруг ошеломила жуткая мысль, как в кошмаре, которые порой бывают у пилотов, — что «Звезда» вообще не оторвалась от Земли, а мелькнувшие на экранах облака — попросту пар, бьющий из лопнувших охладительных труб! Но дело все же обстояло не так плохо: они летели. Фельдшер лежал белый как мел и страдал. Пиркс подумал, что от его медицинской помощи пользы будет мало. Инженеры держались хорошо, а Боман даже не вспотел — лежал себе с закрытыми глазами, седой, спокойный, худенький, как мальчишка. Из-под кресел, из амортизаторов летели брызги — поршни дошли почти до упора. Пиркса интересовало, что будет, если они и вправду дойдут.

Он привык к совершенно другому, современному расположению циферблатов, и потому взгляд его все время попадал не туда, когда он хотел проконтролировать тягу, охлаждение, скорость,

состояние оболочки, и прежде всего, вышли ли они на синергическую.

Пилот, с которым они перекрикивались по внутренней связи, как будто немного растерялся: то выходил на курс, то сходил с него; колебания, разумеется, небольшие, дробные, но при пробивании атмосферы достаточно, чтобы один борт начал нагреваться сильнее другого и на обшивке возникли колоссальные термические напряжения, — последствия могут быть ужасными. Пиркс себя утешал, что, если уж эта косматая скорлупина выдержала столько стартов, она выдержит и этот.

Стрелка термопары дошла до конца шкалы: 3500 градусов — ровно столько у них было снаружи; если ничего не изменится, то через десять минут оболочка начнет расползаться — карбиды тоже не вечны. Какова толщина обшивки? Показатели отсутствовали; во всяком случае, она порядком обгорела. Пирксу становилось жарко, но только от переживаний — внутренний термометр, как и при старте, показывал двадцать семь градусов. Они поднялись на шестьдесят километров, атмосфера практически осталась внизу, скорость 7,4 километра в секунду. Шли немного ровнее, но почти на тройном ускорении — «Звез-

да» двигалась, как свинцовая болванка. Казалось, никакими средствами ее не разогнать как следует — даже в пустоте. Почему? Пиркс понятия не имел.

Спустя полчаса они вышли на курс «Арбитра» — за этим последним из пеленгующих спутников предстояло выйти на трассу Земля — Марс. Все выпрямились в креслах. Боман массировал лицо. Пиркс чувствовал, что и у него немного набрякли губы, особенно нижняя. У других глаза налились кровью, опухли, они сухо кашляли, хрипели, но это было нормально и обычно проходило через час. Реактор работал так себе. Правда, тяга не уменьшилась, но и не возросла, хотя в пустоте должна была увеличиться, — этого почему-то не происходило. Законы физики, похоже, были для «Звезды» не столь обязательны. Ускорение было почти нормальным, земным, скорость — 11 километров в секунду. Предстоял еще разгон до нормальной крейсерской скорости, чтобы не тащиться до Марса целые месяцы. Пока они шли прямо на «Арбитр».

Пиркс, как всякий навигатор, ждал от «Арбитра» одних только неприятностей: или заметят слишком длинный, недозволенный инструкцией выхлопной огонь, или помехи радиоприему из-за

ионизационных разрядов в дюзах, а может быть, потребуют, чтобы Пиркс переждал, пока пропустят какой-то более важный корабль. Но на этот раз ничего не случилось. «Арбитр» пропустил их сразу и еще послал вдогонку радиограмму: «Глубокого вакуума». Пиркс ответил, и на этом обмен космическими любезностями окончился.

Они легли на курс. Пиркс приказал увеличить тягу, ускорение возросло, теперь можно было двигаться, размяться, встать. Радиотехник, выполнявший одновременно обязанности кока, пошел в камбуз. Всем хотелось есть, особенно Пирксу, который с утра ничего не ел, а при старте изрядно попотел. В рубке повышалась температура — внутрь с опозданием проникал жар раскаленной обшивки. Пахло жидким маслом, вытекшим из гидравликов и разлившимся лужицами вокруг кресел.

Боман спустился к реактору проверить, нет ли нейтронной течи. Пиркс наблюдал за звездами и разговаривал с электриком. Оказалось, у них есть общие знакомые. У Пиркса впервые с того момента, как он ступил на палубу, немного полегчало на душе. Какая уж она ни есть, эта «Звезда», а 19 тысяч тонн — не фунт изюму. Вести такой гроб гораздо труднее, чем обычную грузовую ракету,

а стало быть, и чести больше, и опыт накапливается.

В полутора миллионах километров за «Арбитром» на них обрушился первый удар: пообедать не удалось. Кок-радиотехник бессовестно подвел. Больше всех скандалил фельдшер; оказалось, у него больной желудок, перед самым стартом он купил несколько кур и одну отдал радиотехнику — теперь в бульоне полно перьев. Остальным достались бифштексы — с ними можно было провозиться до второго пришествия.

— Закаленные они, что ли? — сказал второй пилот и так ткнул вилкой бифштекс, что он выпрыгнул из тарелки.

Нечувствительный к насмешкам радиотехник посоветовал фельдшеру процедить бульон. Пиркс чувствовал, что должен вмешаться в их спор, но не знал, как это сделать. Ему было смешно.

Пообедав консервами, Пиркс вернулся в рубку. Приказал пилоту провести контрольное фиксирование звезд, вписал в судовой журнал показания гравиметров, взглянул на циферблаты реактора и аж присвистнул. Не реактор, а вулкан: кожух разогрелся до восьмисот градусов — и это через четыре часа полета! Криоген циркулировал под максимальным давлени-

ем — двадцать атмосфер. Пиркс задумался. Самое худшее как будто уже позади. Посадка на Марсе не проблема — притяжение наполовину меньше, атмосфера разреженная. Как-нибудь сядем. А вот с реактором надо что-то делать. Он подошел к Вычислителю и подсчитал, сколько еще идти с такой тягой, чтобы набрать крейсерскую скорость. При скорости меньше 80 километров получится громадное опоздание.

Семьдесят восемь часов — ответил Вычислитель.

За семьдесят восемь таких часов реактор взорвется. Лопнет как яйцо. В этом Пиркс не сомневался. Он решил набирать скорость рывками, понемногу. Правда, это несколько усложнит курс, к тому же временами придется лететь без тяги и, значит, без гравитации, а это не так уж приятно. Другого выхода, однако, не было. Он приказал пилоту не сводить глаз с астрокомпаса, а сам съехал на лифте вниз, к реактору. Идя полутемным коридором через грузовые трюмы, он услышал приглушенный грохот, будто по железным плитам двигался целый отряд. Пиркс ускорил шаги. Вдруг под ногами у него черной полосой метнулся кот, и сразу где-то рядом хлопнула дверь. Когда он добрался до освещенного грязными

лампами главного коридора, все уже утихло. Перед ним была пустота почерневших стен, и только в глубине какая-то лампочка вздрагивала от недавнего сотрясения.

— Терминус! — крикнул Пиркс наугад.

Ответило только эхо. Он вернулся и по бортовому переходу добрался до тамбура реактора. Бомана, который спустился сюда раньше, уже не было. Иссушенный воздух жег глаза. В воронках вентиляторов бушевал горячий ветер, шумело и гудело, как в паровой котельной. Реактор, как и полагается реактору, работал беззвучно — выли работавшие с предельной нагрузкой агрегаты охлаждения. Километры замурованных в бетон труб, по которым бежала ледяная жидкость, издавали странные бормочущие стоны, будто жаловались на что-то. Стрелки помп за чечевицами стекол дружно склонились вправо. Среди циферблатов светился, как месяц, самый важный — отмечающий плотность потока нейтронов. Стрелка почти касалась красной черты — картина, которая любого инспектора СТП могла довести до инфаркта.

Шероховатая от цементных латок, похожая на скалу бетонная стена полыхала мертвенным жаром, плиты помоста слегка вибрировали,

передавая телу неприятную дрожь, свет ламп маслянисто расплывался в мигающих дисках вентиляторов; одна из белых сигнальных ламп заморгала, потом погасла; вместо нее вспыхнул красный сигнал. Пиркс спустился под помост, где находились выключатели, но оказалось, что Боман опередил его: таймер был установлен на разрыв цепной реакции через четыре часа. Пиркс не тронул его, только проверил счетчики Гейгера. Они спокойно тикали. Индикатор показывал небольшую утечку — 0,3 рентгена в час. Пиркс заглянул в темный угол камеры. Там было пусто.

— Терминус! — крикнул он. — Эй! Терминус!

Ответа не было. В клетках белыми пятнышками беспокойно метались мыши: видно, они плохо себя чувствовали в этой поистине тропической жаре. Пиркс вернулся наверх, запер за собой дверь. В холодном коридоре его зазнобило — рубашка была мокрой от пота. Сам не зная зачем, Пиркс побрел по темным, сужающимся в конце коридорам кормы, пока путь не преградила глухая стена. Он прикоснулся к ней ладонью. Стена была теплая. Пиркс вздохнул, пошел обратно, поднялся на четвертую палубу в навигаторскую и принялся вычерчивать курс. Когда он с этим управился, часы показывали девять. Пиркс удивился:

он не заметил, как пролетело время. Потушил свет и вышел. Входя в лифт, он почувствовал, что пол мягко уходит из-под ног: автомат в соответствии с программой выключил реактор.

В слабо освещенном ночными лампами коридоре средней части корабля мерно шумели вентиляторы. Свет, казалось, дрожал в сталкивающихся потоках воздуха. Пиркс слегка оттолкнулся от двери лифта и поплыл вперед. В боковом отсеке коридора было еще темнее. В голубоватом сумраке он проплывал мимо дверей кают, в которые до сих пор так и не удосужился заглянуть. Выходы резервных люков, обозначенные рубиновыми лампочками, чернели своими воронками. Плавно, будто во сне, двигался он под выгнутыми сводами, распластавшись над своей огромной тенью, пока не вплыл через приоткрытые двери в большую, необжитую кают-компанию. Под ним в полосе света ряды кресел обступали длинный стол. Пиркс повис над столом, словно водолаз, исследующий трюмы затонувшего корабля. В слабо поблескивающих стеклах затанцевали отражения ламп, рассыпались голубыми огоньками и погасли. За кают-компанией открывалось другое, еще более темное помещение — даже привыкшие к темноте глаза Пиркса ничего не могли

разглядеть. Он кончиками пальцев коснулся эластичной поверхности, не зная, потолок это или пол. Слегка оттолкнулся, развернулся, как пловец, и бесшумно двинулся дальше. В бархатной черноте мерцали, отсвечивая, продолговатые, расставленные в ряд предметы. Он почувствовал холод гладкой поверхности — умывальники. Ближайший был в черных пятнах. Кровь? Пиркс осторожно попробовал рукой — тавот.

Еще одна дверь. Пиркс, остановившись в воздухе, открыл ее. В сером полумраке перед его лицом возникли призрачным хороводом какие-то бумаги, книги и, слабо прошелестев, исчезли. Он снова оттолкнулся, на этот раз ногами, и, окруженный клубами пыли, которая не оседала, а тянулась за ним рыжим шлейфом, вынырнул через открытую дверь в коридор.

Цепочка ночных огней горела не мигая — казалось, голубая вода залила палубы. Он подплыл к протянутому под потолком тросу. Петли, когда он выпускал их из рук, медленно извивались, словно разбуженные прикосновением.

Пиркс насторожился. Где-то неподалеку послышался стук: кто-то бил молотком по металлу. Пиркс поплыл на этот звук, то нараставший, то гаснувший, и наконец увидел вделанные в пол

ржавые рельсы, по которым когда-то доставлялись в главные трюмы грузовые платформы. Теперь он летел быстро, чувствуя, как воздух обтекает лицо. Звук становился все громче. Под потолком Пиркс заметил дюймовую трубу, выходящую из поперечного коридора, — старую линию трубопровода. Пиркс дотронулся до нее — труба задрожала. Удары соединялись в группы, по два, по три. Вдруг он понял. Морзянка!

— Внимание…

Три удара.

— Внимание…

Три удара.

— Я-з-а-п-е-р-е-б-о-р-к-о-й, — грохотала труба.

Буквы лепились одна к другой.

— Л-е-д-в-е-з-д-е…

Лед? Он сначала не понял. Какой лед? Что это значит? Кто…

— Контейнер — лопнул, — отозвалась труба.

Пиркс не снимал с нее ладони. Кто передает? Откуда? Он попытался себе представить, как идет трубопровод. Это был аварийный канал, он шел с кормы и имел ответвления на всех горизонтах. Кто это упражняется! Что за идея! Пилот?

— Пратт — отзовись — Пратт…

Пауза.

У Пиркса перехватило дух. Это имя поразило его как удар. Какое-то мгновение он расширенными глазами смотрел на трубу, потом бросился вперед. «Это второй пилот», — подумал он. Добрался до поворота, оттолкнулся и, набирая скорость, полетел в рубку, а труба звенела над ним:

— Вайн — это — Симон…

Звуки стали удаляться. Он потерял трубу из виду — она свернула в поперечный коридор. Пиркс резко оттолкнулся от стены, влетел в коридор и сквозь облако пыли разглядел колено и глухой конец трубы, заделанный ржавой заглушкой. Труба кончалась тут — она не шла в рубку. Значит… значит, это с кормы? Но… там… никого нет…

— Пратт — в — шестом — в — последнем… — звенела труба.

Пиркс, словно летучая мышь, висел под потолком, вцепившись в трубу согнутыми пальцами. Кровь стучала в висках. После короткой паузы снова послышались удары:

— …баллоне — осталось — тридцать — до — нуля…

Три удара.

— Момссен — отзовись — Момссен…

Пиркс огляделся. Было совсем тихо, только заслонка вентилятора хлопала за поворотом под

порывами ветра, и выдуваемый мусор, лениво кружась, тянулся вверх, отбрасывая тени на потолок, словно там целыми роями носились большие нескладные ночные бабочки. Вдруг посыпались стремительные удары:

— Пратт — Пратт — Пратт — Момссен — не — отвечает — в — седьмом — есть — кислород — можешь — ли — пройти — прием…

Пауза. Свет ламп не менялся, мусор и пыль медленно кружились. Пиркс хотел отпустить трубу, но не мог — ждал. Труба зазвучала:

— Симон — Момссену — Пратт — в — шестом — за — переборкой — с — последним — баллоном — Момссен — отзовись — Момссен…

Последний тяжелый удар. Труба долго вибрировала. Пауза. Потом несколько непонятных ударов и быстрая дробь:

— Слабо — доходит — слабо — доходит…

Тишина.

— Пратт — отзовись — Пратт — прием…

Труба дрогнула. Словно совсем издалека доходили отрывистые удары.

Три точки, три тире, три точки — SOS. Каждый следующий удар был слабее. Еще два тире, еще одно. И протяжный замирающий звук, словно кто-то скреб или царапал трубу. Это можно было

услышать лишь в такой абсолютной тишине.

Пиркс оттолкнулся и головой вперед полетел вдоль трубы — сворачивал вслед за ней, поднимался, опускался, рассекая головой воздух. Открытая шахта. Наклонный спуск. Сужающиеся коридоры. Одни, вторые, третьи ворота грузовых отсеков. Стало темнее. Боясь потерять трубу, он скользил по ней пальцами — черная затвердевшая грязь обдирала ладони. Палубы остались позади, он находился в помещении без полов и потолков, отделяющем внешнюю оболочку от трюмов; между поперечными балками темнели распухшие тела резервных баков, сверху кое-где пробивались пыльные полосы света. Он посмотрел вверх и увидел в черной шахте две цепочки ламп, свет которых казался рыжим от пыли, тянувшейся за Пирксом длинным облаком, как дым невидимого пожара. Воздух тут был затхлый, душный, пахло нагретым железом. Пиркс парил среди еле заметных металлических конструкций, а труба протяжно звенела:

— Пратт — отзовись — Пратт…

Трубопровод разветвлялся. Пиркс зажал руками оба отростка, чтобы определить, откуда идет звук, но так и не разобрал. Наугад свернул влево. Какой-то люк. Сужающийся, черный как уголь

туннель. В конце — круг света. Пиркс выскочил из туннеля и оказался в тамбуре реакторной.

— Это — Вайн — Пратт — не — отвечает… — звенела труба, когда он открывал первые двери. В лицо ударил горячий воздух. Пиркс поднялся на помост. Выли компрессоры. Теплый ветер растрепал ему волосы. Он видел сбоку бетонную стену реактора; светились циферблаты, красными каплями дрожали огоньки сигналов.

— Симон — Вайну — слышу — Момссена — подо — мной, — грохотала труба рядом с ним. Она выходила из стены и дугой спускалась вниз до соединения с главным трубопроводом.

Перед развилкой, раскорячившись, стоял Терминус и делал молниеносные движения, будто боролся с невидимым противником. Полными горстями он швырял цементное тесто, расплющивал хлопками, придавал форму и переходил к следующему отрезку — тогда наступала пауза. Пиркс вслушался в ритм его работы. Ходящие шатунами руки выстукивали:

— Момссен — брось — шланг — Пратт — теряет — кислород…

Терминус застыл с поднятыми руками, повиснув в воздухе напротив собственной, почти человеческой тени. Его квадратная голова на-

клонялась то вправо, то влево: он проверял следующее соединение. Наклонился. Сложив ладонь совком, набрал цемент. Замахнулся. Руки вошли в ритм — труба задрожала от ударов:

— Не — отвечает — не — отвечает…

Пиркс перевесил ноги через перила и плавно спустился вниз.

— Терминус! — крикнул он, еще не коснувшись пола.

— Слушаю, — тотчас ответил автомат. Его левый глаз повернулся к человеку, правый продолжал ходить в орбите, следя за руками, которые облепляли трубу цементом, выбивая:

— Пратт — отзовись — Пратт — прием…

— Терминус! Что ты стучишь?! — крикнул Пиркс.

— Утечка. Четыре десятых рентгена в час. Заделываю места утечек, — глухим басом ответил автомат, а его руки одновременно отбивали:

— Это — Вайн — Момссен — отзовись — Момссен…

— Терминус! — снова крикнул Пиркс, глядя то на металлическое лицо со скошенным на него левым глазом, то на мелькающие металлические ладони.

— Слушаю, — так же монотонно повторил ав-

томат.

— Что ты… передаешь морзянкой?

— Заделываю утечки, — ответил низкий голос.

— Симон — Вайну — и — Поттеру — Пратта — ноль — Момссен — не — отвечает… — гремело железо под его мелькающими руками. Тяжелое цементное тесто расплющивалось, стекало, руки подхватывали его, пришлепывали, прижимали к закругленной поверхности. На какой-то момент поднятые вверх руки застыли, потом автомат наклонился, набрал новую порцию цемента; посыпалась лавина стремительных ударов:

— Момссен — Момссен — Момссен — отзовись — Момссен — Момссен — Момссен — Момссен…

Ритм бешено ускорялся, трубопровод дрожал и стонал под градом ударов, это походило на бесконечный крик.

— Терминус! Перестань! — Пиркс бросился вперед и схватил автомат за покрытые маслом локти — они выскользнули у него из рук. Терминус замер, напрягшись. Было слышно только протяжное чавканье помп за бетонной стеной.

Корпус автомата лоснился, залитый маслом, — оно стекало по его столбообразным ногам. Пиркс отступил.

— Терминус… — проговорил он тихо, — что ты… — И осекся.

Металлические ладони с громким лязгом сомкнулись. Они потерлись друг о друга, сдирая остатки присохшего цемента, которые не упали вниз — затанцевали в воздухе, расплываясь, как круги дыма.

— Что ты… делал? — спросил Пиркс.

— Заделываю утечки. Четыре десятых рентгена в час. Можно продолжать?

— Ты выстукивал морзянкой. Что ты передавал?

— Морзянкой, — монотонно повторил автомат и добавил: — Не понимаю. Можно заделывать дальше?

— Можно, — буркнул Пиркс, глядя на огромные, медленно распрямляющиеся руки. — Да, можно…

Пиркс ждал. Терминус отвернулся от него. Он набрал левой рукой цемент и молниеносным движением бросил на стену. Укрепил, расплющил, разгладил — три удара. Теперь правая рука поспешила к левой, и труба забубнила:

— Пратт — лежит — в — шестом…

— Момссен…

— Отзовись — Момссен…

— Где Пратт?! — дико крикнул Пиркс.

Терминус, железные руки которого мелькали в свете ламп, как блестящие полосы, тотчас ответил:

— Не знаю.

Одновременно он выстучал с такой скоростью, что Пиркс едва успел разобрать:

— Пратт — не отвечает…

И тут случилось что-то странное. На серию, отбиваемую правой рукой, наложилась другая, гораздо более слабая, — ее выстукивали пальцы левой. Сигналы перемещались, и несколько секунд трубопровод дрожал от грома двойных ударов, из которых вынырнула замирающая серия:

— Мрзнутруки — немгу — уж…

— Терминус… — одними губами прошептал Пиркс, отступая к металлическим ступеням. Автомат не слышал. Его туловище, лоснящееся от масла, подрагивало в такт движениям рук. Даже не слушая, по одним отблескам маслянистого металла Пиркс мог прочесть:

— Момссен — отзовись…

3

Пиркс лежал на спине. Тьма в его глазах роилась блестками.

Пратт шел в глубь корабля. Так? У него кончился кислород. Те двое не могли ничем помочь. А Момссен? Почему он не отвечал? Может, был уже мертв? Нет, Симон его слышал. Он был где-то близко, за стеной. За стеной? Значит, в помещении Момссена был воздух. Иначе Симон ничего бы не слышал. Что он слышал? Шаги? Почему они его вызывали? Почему он не отвечал?

Разбитые на точки и тире голоса агонии. Терминус. Как это случилось? Его нашли под грудой обломков на дне камеры. Наверное, в том месте, где трубопровод выходил наружу. Заваленный обломками, он мог слышать людей. Почему, ведь тяжести не было? Что мешало ему двигаться? Пожалуй, холод. Автоматы не могут двигаться при очень низкой температуре. Масло застывает в суставах. Жидкость в гидравлике замерзает и разрывает маслопроводы. Действует только металлический мозг — только мозг. Он мог слышать и фиксировать слабеющие сигналы; они сохранились в электронных витках его памяти, словно

это было вчера. А сам он ничего не знает? Как так может быть? Не знает, что сигналы накладывают отпечаток на ритм его работы? Может, он лжет? Нет, автоматы не лгут.

Усталость заливала Пиркса, как черная вода. Может, не полагалось это слушать? Было в этом что-то мерзкое — наблюдать агонию, запечатленную во всех подробностях, следить за ее развитием, чтобы потом анализировать каждый сигнал, мольбу о кислороде, крик. Этого нельзя делать, если не можешь помочь. Сознание его помутилось, он не знал, о чем думает, но все еще беззвучно повторял одними губами, словно возражал кому-то:

— Нет. Нет. Нет.

Потом не было уже ничего.

Очнулся он в полной темноте. Хотел сесть, но пристегнутое ремнями одеяло не пустило. Он на ощупь управился с ремнями, зажег свет. Двигатели работали. Пиркс набросил халат. Несколько раз согнул колени, оценивая ускорение. Тело весило больше ста килограммов. Полтора g примерно? Ракета меняла курс, он явственно ощущал вибрацию; встроенные шкафы протяжно, предостерегающе скрипели, дверцы одного из них открылись, гневно каркая; все незакрепленные

предметы, одежда, ботинки понемногу перемещались в сторону кормы, словно объединенные каким-то тайным, неожиданно вдохнувшим в них жизнь намерением.

Пиркс подошел к шкафчику внутренней связи, открыл дверцу. Внутри стоял аппарат, похожий на старинный телефон.

— Рубка! — крикнул Пиркс в микрофон и поморщился от звука собственного голоса — так болела голова. — Говорит первый. Что там?

— Поправка курса, капитан, — ответил далекий голос пилота, — нас чуточку снесло.

— Сколько?

— Ше… семь секунд.

— Как реактор? — нетерпеливо спросил он.

— Шестьсот двадцать в кожухе.

— А в трюмах?

— Бортовые по пятьдесят два, килевые — сорок семь, кормовые — двадцать девять и пятьдесят пять.

— Какое отклонение, Мунро?

— Семь секунд.

— Допустим, — ответил Пиркс и бросил трубку.

Пилот, разумеется, соврал. Для семисекундной поправки не требовалось таких ускорений.

Отклонение от курса он оценил в несколько градусов.

Дьявольски греются эти трюмы. Что в кормовом? Продукты? Он сел за письменный стол.

«Голубая звезда» Земля — Марс. Владельцу корабля. Реактор нагревает груз. Нет спецификации груза на корме. Прошу указаний. Навигатор Пиркс».

Пиркс еще писал, когда двигатели смолкли и сила тяжести исчезла, — нажав на карандаш, он вдруг взлетел в воздух. Нетерпеливо оттолкнулся от потолка, опять уселся в кресло и перечитал радиограмму. Подумав, разорвал листок и сунул клочки в ящик.

Сонливость прошла совершенно, осталась только головная боль. Одеваться не хотелось: в невесомости это оборачивалось сложной процедурой, состоящей из серии неуверенных скачков и возни с отдельными частями туалета. Пиркс выплыл из каюты, как был, — в халате поверх пижамы.

Голубизна ночного освещения скрадывала плачевное состояние внутренней обшивки. В четырех ближайших нишах зияли чернотой выходы мерно дышащих вентиляционных каналов, валявшийся повсюду мусор стягивался к ним,

словно ил, увлекаемый подводным течением.

Бесконечная тишина заполняла корабль. Вслушиваясь в нее, почти без движения повиснув перед своей огромной тенью, которая наискось лежала на стене, Пиркс прикрыл глаза. Случалось, люди засыпали в таком положении, а это небезопасно: любой импульс двигателей для маневра мог швырнуть беззащитное тело на пол или потолок. Пиркс не слышал ни вентиляторов, ни ударов своего пульса. Ему казалось, ночную тишину корабля он может отличить от любой другой. На Земле ощущаются какие-то границы тишины, ее недолговечность, краткость; среди лунных гор человек несет с собой собственное маленькое молчание, запертое в скафандре, но усиливает каждый скрип ремней, каждый хруст суставов, даже дыхание и удары пульса. Только корабль ночью растворяется в черном ледяном безмолвии.

Пиркс поднес часы к глазам. Скоро три. «Если так пойдет и дальше — мне конец». Он оттолкнулся от выпуклой переборки и, словно гасящая скорость птица, раскинув руки, спланировал на порог каюты. Издалека, будто из железного подземелья, до него долетел еле слышный звук:

— Банг-банг-банг…

Три удара.

Чертыхнувшись, он захлопнул дверь, снял халат и не глядя швырнул его в воздух; халат медленно вздулся и, словно гротескный призрак, поплыл вверх. Пиркс погасил свет, лег, накрыл голову подушкой.

— Идиот! Проклятый железный идиот! — повторял Пиркс, зажмурившись и дрожа от непонятной ярости. Но усталость быстро взяла верх: незаметно он снова уснул.

Пиркс открыл глаза около семи. Еще в полусне поднял руку. Она не упала — тяжести не было. Пиркс оделся. Направляясь в рубку, невольно прислушался. Было тихо.

Перед дверями он задержался. На матовых стеклах лежали зеленоватые, словно под водой, отблески радарных экранов. Внутри был полумрак. Плоские полосы дыма плавали перед экранами. Слышалось слабое треньканье — какая-то земная музыка, ее перебивали космические помехи. Пиркс сел позади пилота, ему не хотелось даже проверять гравиметрические записи.

— Когда включите тягу?

Пилот был догадлив.

— В восемь. Но, если хотите вымыться, капитан, могу дать сейчас. Разницы никакой.

— Э, нет. Пусть уж будет порядок, — буркнул Пиркс.

Наступило молчание, только в динамике жужжала однообразная механическая мелодия. Пиркса опять стало клонить в сон. Временами он погружался в дремоту, и тогда из тьмы выползали большие зеленые кошачьи глаза. Пиркс моргал, глаза превращались в светящиеся циферблаты; он балансировал на грани яви и сна, когда динамик вдруг захрипел и произнес:

— Говорит Деймос. Семь тридцать. Передаем еженедельную метеоритную сводку для внутренней зоны. Под влиянием гравитационного поля Марса в потоке Драконид, уже покинувшем сферу Пояса, возникло краевое завихрение. Сегодня оно будет проходить через секторы 83, 84 и 87. Метеоритная станция Марса оценивает размеры облака в четыреста тысяч кубических километров. В связи с этим секторы 83, 84 и 87 объявляются закрытыми для навигации до особого сообщения. Передаем состав облака, полученный нами непосредственно с баллистических зондов Фобоса. По последним данным облако состоит из микрометеоритов классов X, XY, Z…

— Хорошо, что это нас не касается, — заметил пилот, — я только что позавтракал, представляе-

те, каково сейчас было бы давать полный ход!

— Сколько мы делаем? — спросил, вставая, Пиркс.

— Больше пятидесяти.

— Да? Неплохо, — буркнул Пиркс.

Он проверил курс, записи уранографов, величину утечки — она держалась на одном уровне — и пошел в кают-компанию. Там уже сидели оба офицера. Пиркс ждал, не заговорит ли кто-нибудь о ночных стуках, но разговор все время вертелся вокруг тиража лотереи, которого с нетерпением дожидался Симс. Он рассказывал о коллегах и знакомых, которым посчастливилось выиграть.

Позавтракав, Пиркс направился в навигаторскую, чтобы вычертить пройденный отрезок пути. Но вскоре он воткнул циркуль в доску, вытащил из ящика судовой журнал и отыскал состав последнего экипажа «Кориолана».

«Офицеры: Вайн и Пратт. Пилоты: Нолан и Поттер. Механик: Симон…» Пиркс сосредоточенно вглядывался в размашистый почерк командира. Потом бросил журнал в ящик, закончил чертеж и, захватив рулон, отправился в рубку. Через полчаса он точно рассчитал время прибытия на Марс. На обратном пути заглянул через стеклянную дверь в кают-компанию. Офицеры играли в

шахматы, фельдшер сидел у телевизора с электрогрелкой на животе. Пиркс заперся в каюте и просмотрел радиограммы, взятые у пилота. Он не заметил, как его сморил сон. Несколько раз ему казалось сквозь дремоту, будто включились двигатели, и он силился проснуться, но не просыпался, а лишь видел во сне, как встает, идет в рубку, находит ее пустой и в поисках кого-нибудь из команды начинает плутать по лабиринту черных как уголь кормовых коридоров. Очнулся Пиркс за столом, весь в поту, злой, потому что понимал, какая предстоит ночь после стольких часов дневного сна. Когда под вечер пилот включил двигатели, он воспользовался этим и принял горячую ванну. Освежившись, пошел в кают-компанию, выпил приготовленный радиотехником кофе и по телефону спросил вахтенного о температуре реактора. Она приближалась к тысяче градусов, но еще не дошла до критической. Около десяти его вызвала рубка: они прошли мимо какого-то корабля, который спрашивал, нет ли у них врача. Пиркс, узнав, что речь вдет об остром приступе аппендицита, счел за благо не предлагать своего медика, тем более что за ними в каких-нибудь трех миллионах километров шел большой пассажирский корабль, выразивший

готовность застопорить ход и выслать врача.

День прошел вяло, без происшествий. В одиннадцать белый свет сменился на всех палубах, за исключением рубки и камеры реактора, тлением голубоватых ночных ламп. В кают-компании чуть ли не до полуночи горела лампочка над шахматной доской. Там сидел Симс и играл сам с собой. Пиркс пошел проверить температуру в донных трюмах и по дороге наткнулся на возвращавшегося от реактора Бомана. Инженер был настроен неплохо: утечка не возрастала, охлаждение работало вполне исправно.

Боман попрощался и оставил Пиркса в пустом холодном коридоре. Слабая струя воздуха тянулась вверх, остатки пропыленной паутины, окружавшей вентиляционные окна, беззвучно трепетали. Пиркс долго ходил по коридору, соединяющему главные трюмы, под его сводами, высокими, как в церкви.

Двигатели смолкли за несколько минут до полуночи. С разных концов корабля до него долетели резкие и приглушенные, удаляющиеся и слабеющие звуки. Это незакрепленные предметы, продолжая двигаться с ускорением, ударялись о стены, потолки, полы. Эхо ударов наполнило вдруг оживший корабль, еще мгновение дрожало

в воздухе, потом угасло, и снова наступила тишина, подчеркнутая мерным шумом вентиляторов.

Пиркс вспомнил, что в навигаторской ящик стола покоробился, и в поисках стамески спустился по длинному, узкому, как кишка, коридору между трюмом левого борта и кабельным туннелем на склад — пожалуй, самое пыльное место на корабле. Вдобавок пыль, окутавшая его с ног до головы, не оседала, и он, едва не задохнувшись, ощупью добрался до выхода. Пиркс был уже почти в центре корабля, когда в коридоре раздались шаги. Тяжести не было — идти мог только автомат. Действительно, звонким шагам сопутствовало хлопанье прилипающих к полу магнитных присосок. Пиркс подождал, пока в проходе не появился черный на фоне далеких ламп силуэт. Терминус шел, неуверенно раскачиваясь и широко размахивая руками.

— Эй, Терминус! — крикнул Пиркс, выходя из тени.

— Слушаю.

Тяжелая фигура остановилась, корпус по инерции наклонился вперед, качнулся и медленно вернулся в вертикальное положение.

— Что ты тут делаешь?

— Мыши, — ответил голос из-за грудного щи-

та — казалось, из кольчатого панциря говорит охрипший карлик. — Мыши спят неспокойно. Просыпаются. Бегают. Хотят пить. Если хотят пить, им надо дать воды. Мыши много пьют, когда высокая температура.

— А ты что делаешь? — спросил Пиркс.

— Высокая температура. Хожу. Всегда хожу, если высокая температура. Воду мышам. Если выпьют и уснут — хорошо. Часты ошибки из-за высокой температуры. Наблюдаю. Выхожу, возвращаюсь к реактору. Воду мышам…

— Ты несешь воду мышам? — спросил Пиркс.

— Да. Терминус.

— А где вода?

Автомат еще дважды повторил «высокая температура», и снова казалось, что в нем спрятан человек, потому что Терминус в недоумении стал быстро и как-то беспомощно подносить руки к глазам, объективы которых задвигались в глазницах, следя за металлическими ладонями. Он проговорил:

— Нет воды. Терминус.

— Где же она? — настаивал Пиркс.

Прищурившись, он наблюдал за возвышающимся над ним роботом, который издал несколько нечленораздельных звуков и неожиданно

изрек басом:

— За… Забыл.

Пиркс растерялся — так беспомощно это прозвучало. С минуту, наверно, он глядел на слегка покачивающийся стальной корпус.

— Забыл, да? Иди к реактору. Возвращайся. Слышишь?

— Слушаю.

Терминус заскрежетал, сделал разворот на месте и стал удаляться тем же слишком твердым, одеревенелым, будто старческим шагом. На повороте он споткнулся, тяжело взмахнул руками, восстанавливая равновесие, и исчез в боковом проходе. Еще какое-то время слышалось эхо его шагов. Пиркс хотел вернуться к себе, потом раздумал и, бесшумно плывя над полом, добрался до шестого вентиляционного колодца. Передвижение по колодцам было запрещено даже при выключенных двигателях, но он пренебрег запретом. Сильно оттолкнулся от ограждения и за десять секунд пролетел семь этажей, которые отделяли середину корабля от кормы. В камеру реактора он не вошел. В стене, примерно посередине, виднелся длинный засов. Пиркс подплыл к нему, открыл узкие дверцы. За дверцами было вделанное в сталь прямоугольное оконце из

свинцового стекла, образующее заднюю стенку клеток с мышами. Благодаря этому можно было наблюдать за ними, не входя в камеру.

За стеклом он увидел грязные пустые донца клеток. Дальше за проволочными сетками, в глубине камеры, поблескивал в свете высоко укрепленной лампы облитый водой корпус робота. Автомат почти горизонтально висел в воздухе, лениво двигая руками. Его панцирь был покрыт белыми мышами; они рысцой бегали по наплечьям, по грудному щиту, скапливались там, где в углублениях членистого живота большими каплями собралась вода: мыши слизывали ее, подскакивали, взлетали в воздух. Терминус ловил их, они скользили между его железными пальцами, их хвостики причудливо закручивались. Картина была странная, такая комичная, что Пирксу стало смешно. Терминус совал пойманных мышей в клетку, его металлическое лицо совсем приблизилось к глазам Пиркса, но робот, по-видимому, не заметил его. Еще две-три мышки летали по воздуху; Терминус поймал их, запер клетку и исчез из поля зрения Пиркса, только гигантская тень, словно зацепившись за муфту главного трубопровода, размазанным крестом легла на бетон реактора.

Пиркс тихо закрыл дверцы, вернулся в каюту, разделся и лег, но не мог уснуть. Он принялся за записки астронавигатора Ирвинга; глаза горели, словно в них попал песок, голова отяжелела, но спать все равно не хотелось. Он с тоской подумал, что до утра далеко, накинул халат и вышел.

На пересечении главного коридора с бортовым он услышал в вентиляционном отверстии звуки шагов и приложил ухо к решетке. Звук, искаженный эхом стального колодца, шел снизу. Пиркс оттолкнулся от решетки, с минуту плыл ногами вперед, потом по ближайшему вертикальному проходу попал на корму. Шаги зазвучали громче, замерли, послышались снова. Автомат возвращался. Пиркс поджидал его под самым потолком высокого в этом месте коридора. В глубине коридора скрежетали шаги, потом звук исчез. Пиркс начал терять терпение, но шаги возобновились, из прохода вынырнула длинная тень, и вслед за ней показался Терминус. Он прошел под Пирксом так близко, что было слышно биение его гидравлического сердца. Терминус сделал еще несколько шагов, остановился и издал протяжное шипение. Потом он качнулся вправо и влево, будто кланяясь железным стенам, и двинулся дальше. У темного входа в боковой коридор робот

снова остановился. Заглянул туда. Протяжное шипение повторилось. Пиркс поплыл вслед за громадной фигурой.

— Ксс, ксс… — слышал он все отчетливее.

Терминус опять остановился перед очередным вентиляционным колодцем и попытался просунуть голову через решетку. Потерпев неудачу, он зашипел, медленно распрямился и заковылял дальше. Пирксу это надоело.

— Терминус! — крикнул он.

Автомат, как раз наклонявшийся, застыл, не окончив движения.

— Слушаю, — сказал он.

— Что ты опять тут делаешь?

Пиркс всматривался в приплюснутую металлическую маску, хотя она не была лицом и по ней нельзя было ничего прочесть.

— Ищу… — ответил Терминус. — Ищу… кота.

— Что?!

Терминус начал выпрямляться. Он вытягивался вверх — медленно, чуть поскрипывая суставами, в его движениях чудилось нечто угрожающее; руки автомата безвольно свисали, словно он забыл о них.

— Ищу кота, — повторил он.

— Зачем?!

Терминус с минуту молчал, застыв, как железная статуя.

— Не знаю, — ответил он тихо, и Пиркс смутился.

Мертвая тишина, тусклый свет ламп, заржавевшие рельсы грузового пути и закрытые ворота делали коридор похожим на штольню заброшенной шахты.

— Хватит, — сказал наконец Пиркс. — Возвращайся к реактору и не выходи оттуда. Слышишь?!

— Слушаю.

Терминус повернулся и ушел. Пиркс остался один. Поток воздуха миллиметр за миллиметром сносил его, висящего между полом и потолком, к открытой пасти вентилятора. Он оттолкнулся ногой от стены, свернул к подъемнику и помчался вверх, минуя по дороге черные зевы колодцев, из которых, словно тиканье огромных часов, доносились слабеющие, удаляющиеся шаги автомата.

4

Пять следующих дней Пиркс был поглощен математикой. При каждом новом включении реактор грелся все больше, а толку от его работы становилось все меньше. Боман предполагал, что нейтронные отражатели доживают свой век. Это подтверждала и медленно, но неуклонно возраставшая утечка. Пиркс проделывал сложнейшие расчеты, стараясь правильно дозировать время тяги и охлаждения. Когда реактор простаивал, Пиркс перебрасывал криоген с бортовых трюмов в кормовые, где стояла настоящая тропическая жара. Это бесконечное лавирование требовало терпения — Пиркс часами просиживал у Вычислителя и методом проб и ошибок искал наилучшее решение. В результате они прошли сорок три миллиона километров с ничтожным опозданием. На пятый день полета наперекор пессимистическим предсказаниям Бомана они развили нужную скорость. Реактор теперь мог остывать до самой посадки — выключая его, Пиркс вздохнул с облегчением. Пилотируя эту старую грузовую ракету, он видел звезды гораздо реже, чем на Земле. Впрочем, он ими не

интересовался, даже красным, как медяк, диском Марса — он был по горло сыт курсовыми кривыми.

В последние сутки пути, поздним вечером, когда темнота, чуть разреженная голубыми огнями, будто увеличивала корабль, он вспомнил о трюмах, куда до сих пор не заглядывал.

Пиркс вышел из кают-компании, где Симс, как всегда, играл в шахматы с Боманом, и на лифте спустился на корму. Он не видел и не слышал Терминуса после встречи в коридоре. Пиркс только заметил, что кот куда-то бесследно исчез, словно его никогда не было на корабле.

В слабо освещенных центральных помещениях корабля с тихим шелестом циркулировали воздушные потоки. Когда Пиркс открыл дверь, в зале зажглись лампочки, покрытые толстым слоем пыли. Он обошел трюм из конца в конец. Среди ящиков, громоздившихся почти до самого потолка, оставался узкий проход. Пиркс проверил натяжение закрепленных в полу стальных лент, которыми стягивались пирамиды груза; он забыл закрыть за собой дверь, и оживший сквозняк высасывал из темных углов кучи опилок, мусора, пакли, которые еле заметно покачивались в воздухе, как ряска на воде.

Пиркс вышел в коридор, когда донеслись медленные, мерные удары:

— Внимание…

Три удара.

С минуту он дрейфовал в потоке воздуха, который поднимал его вверх. Хочешь не хочешь — приходилось слушать.

Переговаривались двое. Сигналы были слабые, будто люди берегли силы. Один часто сбивался, словно забывал азбуку Морзе. Иногда они подолгу молчали, иногда начинали выстукивать одновременно. Черный коридор с редкими лампами казался бесконечным, и шумящий в нем ветер будто исходил из бездонной пустоты.

— Симон — слышишь, — медленно, неровно стучало в трубе.

— Не — слышу — не — слышу…

Пиркс яростно оттолкнулся от стены и, сжавшись, подогнув ноги, камнем полетел вниз по слабо освещенным коридорам. Тонкая рыжеватая пыль вокруг ламп сгущалась, и Пиркс понял, что корма недалеко. Тяжелые двери реакторной были приоткрыты. Пиркс заглянул туда.

В камере было холодно. Компрессоры, остановленные на ночь, молчали, и только странным, почти человеческим голосом бормотал скрытый

в бетонной стене трубопровод, когда пузыри воздуха пробивали дорогу в густеющей жидкости.

Терминус, забрызганный цементом, работал. Над его качающейся, словно маятник, головой ожесточенно жужжал вентилятор. Пиркс, не прикасаясь к ступеням лестницы, спустился вниз.

Руки автомата слабо позвякивали, свежий слой цемента приглушал их удары.

— Не — слышу — прием…

Труба звенела все слабее. Пиркс стоял рядом с автоматом. Членистые сегменты живота, заходившие один за другой, когда автомат наклонялся, напоминали брюшко насекомого. В стеклянных глазах дрожали миниатюрные отражения ламп. Уставившись в эти глаза, Пиркс вспомнил, что он совсем один в этой пустой камере с отвесными стенами. Терминус не понимал, что делает, он был машиной, передающей закрепленные в памяти серии звуков, — ничем больше. Удары все слабели.

— Симон — отзовись, — с трудом разбирал Пиркс.

Ритм распадался. Пиркс притронулся к трубе в полуметре от согнувшегося робота. Костяшки пальцев стукнули по металлу; в это время серия ударов на миг оборвалась. Повинуясь внезапно-

му порыву, не успев осознать, насколько дико желание вмешаться в разговор давно ушедших лет, Пиркс начал быстро выстукивать:

— Почему — Момссен — не — отвечает — прием…

Почти одновременно с первым его ударом застучал и Терминус. Звуки слились. Рука автомата замерла, словно услышав стук Пиркса, а когда он кончил, принялась забивать цемент в щель соединения. Труба зазвенела:

— У — него — конча…

Пауза. Терминус нагнулся, чтобы зачерпнуть цементного теста. Что это было: начало ответа? Пиркс, затаив дыхание, ждал. Автомат, выпрямившись, стремительно бросал и трамбовал цемент, и по трубе неслись ускоряющиеся удары:

— Симон — это — ты…

— Говорит — Симон — не — я — кто — говорил — кто — говорил…

Пиркс втянул голову в плечи. Удары сыпались, как град:

— Кто — говорил — отзовись — кто — говорил — кто — говорил — я — Симон — я — Вайн — кто — говорил — отзовись…

— Терминус! — крикнул Пиркс. — Перестань!

Перестань!

Стук прекратился. Терминус выпрямился, но его плечи и руки подергивались, корпус била железная лихорадка, и по этим судорожным движениям Пиркс продолжал читать:

— Кто — говорил — кто — кто…

— Перестань!!! — крикнул он еще раз.

Он смотрел на автомат сбоку — тяжелые плечи вздрагивали, и блики света, отражаясь от панциря, повторяли:

— Кто — кто…

Словно опустошенный бурей эмоций, прошедшей сквозь него, автомат одеревенел. Поднимаясь над полом, он с грохотом стукнулся о горизонтальное ответвление трубопровода и повис, будто зацепившись за трубу, совершенно недвижно; но, вглядевшись, Пиркс уловил еле заметное подергивание металлической руки.

— Кто…

Пиркс не помнил, как оказался в коридоре. Вентиляторы шумели. Пиркс плыл навстречу идущему с верхних палуб потоку холодного сухого воздуха. Светлые круги ламп скользили по его лицу.

Двери каюты были приоткрыты. На столе горела лампа, отбрасывая на пол узкие полоски света.

Потолок тонул во мраке.

Кто это был? Кто звал его? Симон? Вайн? Но ведь их не было! Они погибли девятнадцать лет назад!

Так кто же это? Терминус? Но он чинил трубопровод — и не более того. Пиркс хорошо знал, что услышит, если попытается расспрашивать его, болтовни о рентгенах, утечках и цементных пломбах. Терминус не подозревает, что его рабочие движения складываются в какой-то призрачный ритм.

Одно ясно: запись — если это запись — не мертва. Кем бы ни были эти… голоса, эти сигналы, с ними можно говорить. Если только хватит мужества…

Он оттолкнулся от потолка и неуверенно подплыл к противоположной стене. К черту! Ему хотелось ходить, ходить быстрыми шагами, чувствовать свой вес, ударять изо всей силы кулаком по столу! Это на первый взгляд такое удобное состояние, когда предметы и собственное тело превращаются в невесомые тени, оборачивалось кошмаром. Все, к чему он прикасался, отодвигалось, отплывало — неустойчивое, лишенное опоры, становилось надутой пустотой, видимостью, сном…

Сном?

Погоди. Если мне кто-то снится и я задаю ему вопрос, то, пока мне не ответят, я не знаю ответа. А ведь приснившийся человек не существует за пределами моего мозга, он лишь временно обособленная его часть. Каждый раздваивается почти ежедневно, вернее, еженощно, давая мимолетно возникающим в мозгу псевдоиндивидуальностям жизнь. Существам вымышленным или существующим на самом деле. Разве не снятся нам зачастую мертвые? Разве не разговариваем мы с ними?

Мертвые…

Неужели Терминус?..

Неосознанно кружа по каюте, проплывая от одной стены к другой, Пиркс добрался до дверей и ухватился за них. Ему был виден темный отрезок коридора с падающей во тьму полосой света.

Вернуться туда?

Вернуться — и не спрашивать?

Это какое-то физическое явление, более сложное, чем обычная запись: автомат — не прибор для фиксирования звуков. В нем возникла запись, наделенная некоторой самостоятельностью, способностью изменяться. Запись, которой — как это ни странно звучит — можно задать вопросы

и узнать… все! Узнать о судьбе Симона, Нолана, Поттера и об этом непонятном, пугающем молчании командира…

Можно ли представить себе какое-нибудь другое объяснение?

Пожалуй, нет.

Пиркс был уверен в этом и все же не двинулся с места, словно ждал чего-то. В конце концов нет ничего, кроме движения токов внутри железного ящика. Никого живого, ни одного; там нет людей, гибнущих во тьме разбитого корабля. Наверняка никого!

Выстукивать вопросы под стеклянным взглядом Терминуса? Но ведь они не станут по порядку рассказывать свою историю, они начнут звать его, просить кислорода, молить о спасении! Что ответить? Что они не существуют? Что они «псевдоиндивидуальности», изолированные островки электронного мозга, его бред? Что их страх — только имитация страха, а их агония, повторяющаяся каждую ночь, стоит не больше заигранной пластинки? Он не мог забыть вызванный его вопросом стремительный взрыв ударов — крик, которым они, полные изумления и внезапно проснувшейся надежды, призывали его, — эту бесконечную, настойчивую, торопли-

вую мольбу: «Отзовись! Кто говорил? Отзовись!» Он еще чувствовал на кончиках пальцев отчаяние и неистовство этих ударов.

Они не существуют? А кто же его звал, кто молил о помощи? И что изменится, если специалисты скажут, что за этими криками нет ничего, кроме циркуляции зарядов и колебаний, возбужденных резонансом пластин?

Пиркс сел за стол. Выдвинул ящик. Яростно придавил вздыбившиеся с шелестом бумаги, достал ту, которую искал, положил перед собой и старательно разгладил, чтобы она не взлетела от дыхания. Одну за другой он стал заполнять печатные рубрики:

Модель: AST-PM-105/0044
Тип: Универсальный, ремонтный
Название: Терминус
Род повреждения: Распад функций
Выводы:

Пиркс задумался. Он приближал перо к бумаге и опять отводил. Он размышлял о невиновности машин, которых человек наделил способностью мыслить и тем самым сделал их соучастниками своих сумасбродств. О том, что легенда о Големе, машине, взбунтовавшейся и восставшей против

человека, — ложь, придуманная, чтобы люди, которые отвечают за все, могли эту ответственность с себя сбросить.

Выводы: Сдать на слом.

И внизу страницы, не дрогнув ни одним мускулом лица, он подписался:

Первый пилот Пиркс.

Охота

Злой как черт, Пиркс вышел из Управления космопорта. И надо же, чтобы это случилось именно с ним! Арматор не поставил груза — не поставил, и все тут. В Управлении ничего не знали. Разумеется, пришла телеграмма: «Опоздание семьдесят два часа, договорную неустойку перевожу ваш счет — Энстранд». Больше — ни словечка. В торговом представительстве он тоже ничего не добился. В порту становилось тесно, и Управление не удовлетворяла договорная неустойка. Простой простоем, но лучше бы навигатор стартовал и вышел на круговую. Двигатели можно выключить, никакого расхода горючего, переждете эти три дня и вернетесь. Почему бы вам этого не сделать?

Три дня болтаться вокруг Луны только из-за того, что подвел арматор! Пиркс просто не знал, что возразить, но вовремя вспомнил про коллективный договор. Ну а когда он козырнул нормами пребывания в космосе, установленными профсоюзом, в Управлении пошли на уступки. Конечно, сейчас не Год спокойного солнца. Дозы радиации

не безвредны. Придется маневрировать, укрываться от Солнца за Луну, играть в пятнашки, расходуя горючее, а платить кто будет? Ясное дело, не арматор. Может, Управление космопорта? А вам известно, во что обходятся десять минут полной тяги реактора мощностью семьдесят миллионов киловатт?

В конце концов он получил разрешение на стоянку, но только на ближайшие семьдесят два часа плюс четыре часа на погрузку всей этой проклятой мелочи, и — ни минуты больше! Можно подумать, что они делают ему одолжение. Словно это его вина. А ведь он прибыл с точностью до минуты, хотя шел с Марса не прямиком, ну а если арматор…

Из-за всего этого Пиркс совсем забыл, где находится, и с такой силой нажал на ручку двери, что подпрыгнул к потолку. Ему стало неловко, он оглянулся, но поблизости никого не было. Луна-сити, казалось, вымер. Правда, километрах в двухстах к северу, между Ипатией и Торичелли, начались большие работы. Инженеры и техники, которые месяц назад тут все заполонили, уже выехали на Строительство. Большой проект ООН, Луна-11, притягивал все новых людей с Земли. «На сей раз не будет хотя бы хлопот с

гостиницей», — подумал Пиркс, спускаясь по эскалатору на самый нижний этаж подземного города. Плафоны, зажженные через один, излучали холодный дневной свет. Экономят! Толкнув стеклянную дверь, он вошел в небольшой зал. Свободные номера имелись, как же иначе. Сколько угодно. Оставив чемоданчик, больше похожий на несессер, у портье, Пиркс забеспокоился: проследит ли Тиндалл за тем, как механики отшлифуют центральную дюзу? Ведь еще на Марсе она плевала огнем, как средневековая митральеза! Лучше бы самому присмотреть, хозяйский глаз все же… Однако Пирксу не хотелось снова подниматься на двенадцатый этаж, тем более что все наверняка уже разошлись. Должно быть, сидят в торговом салоне космодрома и слушают новые пластинки. Пиркс шел, сам не зная куда; гостиничный ресторан был совсем пуст, словно не работал, только за стойкой сидела рыжеволосая девушка и читала книгу. А может, заснула над ней? Ее сигарета превратилась в длинный столбик пепла на мраморной плите…

Усевшись, Пиркс перевел часы на местное время, и сразу сделалось поздно — десятый час. А только что, пару минут назад, на борту был полдень. Вечная карусель с внезапными пере-

скоками времени была столь же мучительна, как и вначале, когда он только учился летать. Пиркс съел обед, ставший ужином, и запил его минеральной водой, которая была, пожалуй, теплее супа. Официант, грустный и сонный, как настоящий лунатик, ошибся при расчете, однако не в свою пользу, что было уже опасным симптомом. Пиркс посоветовал ему провести отпуск на Земле, вышел потихоньку, стараясь не разбудить девушку, спавшую за стойкой, взял у портье ключ и поехал в свой номер. Он не сразу взглянул на бляшку и испытал какое-то странное ощущение, увидев цифры 173: в этом самом номере он уже останавливался, когда впервые летел на ту сторону. Открыв дверь, он убедился все же, что либо это другая комната, либо ее совсем перестроили. Нет, должно быть, ошибся — та была побольше; он повернул все выключатели — темнота ему надоела, — заглянул в шкаф, выдвинул ящик маленького письменного стола, однако не стал разбирать чемодан, только бросил пижаму на кровать, а тюбик пасты и зубную щетку положил на умывальник. Вымыл руки — вода, как полагается, была адски холодной, удивительно, почему она не замерзала. Повернул кран горячей — вылилось несколько капель. Подошел к

телефону, чтобы позвонить администратору, но опять передумал. Конечно, это скандал. Луну освоили, а горячей воды в номере не допроситься! Включил радио. Как раз передавали вечерний выпуск — лунные известия. Пиркс почти не слушал, раздумывая, не послать ли телеграмму арматору. Разумеется, за его счет. Впрочем, и это ничего не даст. Романтические времена космонавтики давно миновали, теперь ты просто возница, зависишь от тех, кто грузит товар на телегу! Фрахт, страховка, плата за простой… Радио что-то неразборчиво бормотало. Стоп, что это оно говорит? Через кровать он дотянулся к аппарату и повернул ручку. «…По-видимому, остатки потока Леонид, — наполнил комнату мягкий баритон диктора. — Только один жилой сектор был поврежден прямым попаданием и утратил герметичность. Люди, живущие в нем, находились по счастливому стечению обстоятельств на работе. Остальные метеориты не нанесли особых повреждений, за исключением одного, который пробил защитное перекрытие складов. Как сообщает наш корреспондент, шесть универсальных автоматов, предназначенных для работ на территории Строительства, полностью уничтожены. Была повреждена также линия

высокого напряжения и прервана телефонная связь, однако через три часа ее удалось восстановить. Повторяем важнейшие сообщения. Сегодня утром состоялось открытие Панафриканского конгресса…»

Пиркс выключил радио и сел. Метеориты? Какой-то поток? Конечно, сейчас время Леонид, но ведь прогнозисты-метеоритчики всегда путают, точь-в-точь как на Земле синоптики… Строительство — должно быть, то, к северу от города. Но атмосфера есть атмосфера: ее отсутствие сильно дает о себе знать. Шесть автоматов… вот вам, пожалуйста! Хорошо хоть люди целы. Дурацкая история, однако, — пробило защитные перекрытия! Да, этому проектировщику…

Пиркс почувствовал себя вконец измотанным. Время играло с ним в чехарду. Между Марсом и Землей у них, должно быть, выпал вторник, после понедельника сразу же наступила среда; в результате недосчитались также одной ночи. «Надо выспаться, и притом про запас», — подумал он, встал и машинально шагнул в сторону крохотной ванной, но, вспомнив о ледяной воде, вздрогнул, круто повернулся и через минуту лежал в постели. Куда ей до космолетной койки! Рука автоматически поискала ремни для при-

стегивания одеяла; не найдя их, Пиркс слегка усмехнулся — он и забыл, что в гостинице внезапное исчезновение тяжести не угрожает…

Это была его последняя мысль; открыв глаза, он не сразу понял, где находится. Царила тьма египетская. «Тиндалл!» — захотелось ему позвать помощника, и неожиданно, совершенно непонятно почему, он вспомнил, как помощник, охваченный ужасом, выскочил однажды в пижамных штанах из каюты и отчаянно крикнул вахтенному: «Друг! Умоляю, скажи, как меня зовут?!» Бедняга ошалел, потому что, выдумав себе какую-то желудочную болезнь, уничтожил целую бутылку рому. Этим кружным путем мысль Пиркса тотчас вернулась к действительности. Он встал, включил лампу, залез под душ, вспомнил о воде и пустил сначала тоненькую струйку — вода была тепловатой; он вздохнул, потому что мечтал о горячей ванне, но через минуту под струями воды, бьющими в лицо, начал даже напевать.

Он надевал чистую рубашку, когда динамик — Пиркс и понятия не имел, что этот предмет находится в номере, — проговорил басом:

«Внимание! Внимание! Передаем важное сообщение. Всех мужчин, способных носить оружие, просят немедленно явиться в Управление космо-

порта, комната номер 318, к инженер-капитану Аганяну. Повторяю. Внимание, внимание…»

Пиркс так удивился, что целую минуту неподвижно стоял в одной рубашке и носках. Что это? Первоапрельские шуточки? Способных носить оружие? Может, он еще спит? Взмахнув руками, чтобы быстрее надеть рубашку, он ушибся о край стола, да так, что его бросило в жар. Нет, это не сон. Тогда что же? Вторжение? Марсиане захватывают Луну? Что за вздор! Во всяком случае, надо идти…

Он надевал брюки, а какой-то голос нашептывал ему, что все так и должно было произойти… раз он здесь. Такая уж у него судьба — притягивать приключения…

Когда Пиркс выходил из комнаты, стрелки показывали восьмой час. Он хотел узнать у первого встречного, что произошло, но в коридоре никого не было, на эскалаторе тоже, словно только что прошла всеобщая мобилизация, словно все уже где-то, черт знает где, дрались на передовой… Он бежал вверх по эскалатору, который и без того двигался быстро. Спешил, словно и в самом деле боялся, что упустит случай совершить героический подвиг. Наверху он заметил ярко освещенный стеклянный киоск с газетами, под-

бежал к окошку, чтобы задать наконец вопрос, но ларек был пуст. Газеты продавал автомат. Пиркс купил пачку сигарет и газету, которую просмотрел, не сбавляя шага, однако не нашел в ней ничего, кроме описания метеоритной катастрофы. Может, дело в ней? А тогда при чем тут оружие?.. Нет, конечно. По длинному коридору он подошел к Управлению и увидел наконец людей. Кто-то как раз входил в комнату номер 318, кто-то приближался к ней с противоположного конца коридора.

«Теперь уж я ничего не узнаю, не успею», — подумал Пиркс, оправил китель и вошел. Это была небольшая комната с тремя окнами, за которыми пылал искусственный лунный пейзаж неприятного цвета раскаленной ртути. В узкой части трапециевидной комнаты стояли два письменных стола, а пространство перед ними было уставлено стульями, принесенными, видимо, второпях: почти все они были разными. В комнате находились человек четырнадцать-пятнадцать, в основном мужчины среднего возраста и несколько юношей с нашивками курсантов космической навигации. Отдельно сидел какой-то немолодой командор, другие стулья пока пустовали. Пиркс уселся возле курсанта, который тут же рассказал

ему, что накануне они прилетели вшестером, чтобы пройти практику на той стороне Луны, но в их распоряжении был только маленький аппарат, так называемая «блоха», который взял лишь троих, остальным пришлось ждать своей очереди, а тут внезапно случилась эта история. Не знает ли чего-нибудь навигатор?.. Но навигатор сам ничего не знал. По выражению лиц можно было определить, что и остальные застигнуты врасплох необычным вызовом, — пожалуй, все они пришли из гостиницы. Курсант, вспомнив, что обязан представиться, выполнил несколько гимнастических упражнений, едва не опрокинув при этом стул. Пиркс подхватил стул за спинку, но тут дверь отворилась, и вошел невысокий черноволосый человек с тронутыми сединой висками; у него были выбритые до синевы щеки, мохнатые брови и маленькие проницательные глаза. Он молча прошел между стульями к письменному столу, раскрутил подвешенный к потолку рулон с картой той стороны в масштабе 1 : 1 000 000 и, потерев ребром ладони мясистый нос, сказал безо всякого вступления:

— Здравствуйте, я Аганян. Объединенное руководство Луны-1 и Луны-11 временно уполномочило меня руководить операцией по обезвре-

живанию Сэтавра.

Присутствующие зашевелились, но Пиркс по-прежнему ничего не понимал, не знал даже, что такое Сэтавр.

— Те из вас, кто слушал радио, знают, что здесь, — Аганян указал линейкой на окрестности кратера Ипатии и Альфрагануса, — вчера выпал рой метеоритов. Не буду говорить об ущербе, нанесенном остальными метеоритами; но вот один из них, пожалуй, самый большой, пробил перекрытия складов B7 и R7, причем в последнем находилась партия Сэтавров, доставленных с Земли всего четыре дня назад. В сообщениях передавалось, что все они уничтожены, однако это не соответствует действительности.

Курсант, сидевший возле Пиркса, слушал с пунцовыми ушами, даже рот приоткрыл, точно боялся упустить хотя бы одно слово. Аганян продолжал рассказывать:

— Обвалившийся свод раздавил пять роботов. Шестой уцелел. Точнее, был поврежден — мы так считаем, поскольку он выбрался из-под развалин и с этого момента начал вести себя, как, как… — Аганян не нашел подходящего слова и, не закончив фразы, продолжал: — Склады находятся у боковой ветки узкоколейной дороги, в восьми

километрах от временной посадочной площадки. Сразу после катастрофы начались спасательные работы. В первую очередь провели перекличку, чтобы выяснить, не погребен ли под развалинами кто-нибудь из личного состава. Эта операция заняла примерно час; тем временем обнаружилось, что сектор центрального управления работ потерял герметичность, и операция затянулась до полуночи. Около часа ночи выяснилось, что авария высоковольтной линии, питающей всю территорию Строительства, а также нарушение телефонной связи были вызваны не метеоритами — кабель был рассечен… лучом лазера.

Пиркс зажмурился. Ему упорно казалось, что он участвует в каком-то спектакле, ибо такие события не могли происходить наяву. Фиолетовый лазер. Да неужели?! Может, его провез марсианский шпион? Но инженер-капитан не походил на человека, который поутру собирает постояльцев гостиницы, чтобы сыграть с ними глупую шутку.

— Телефонную связь решили восстановить в первую очередь, — рассказывал Аганян, — но малый вездеход аварийной службы, который добрался до места, где был рассечен кабель, утратил радиотелеграфную связь с управлением Луна-сити; в три часа утра стало известно,

что вездеход был обстрелян из лазера и после нескольких попаданий загорелся. Водитель и его помощник погибли, а два члена экипажа, которые, к счастью, уже надели скафандры, потому что готовились выйти на ремонт линии, успели выпрыгнуть и укрыться в пустыне, то есть в Mare Tranquilitatis, приблизительно здесь. — Аганян указал линейкой на район Моря Спокойствия, удаленный километров на четыреста от небольшого кратера Араго.

— Никто из них, насколько мне известно, не видел нападавшего. Просто в определенный момент они почувствовали очень сильный тепловой удар, и вездеход загорелся. Они выпрыгнули, прежде чем взорвались баллоны со сжатым газом, их спасло отсутствие атмосферы, потому что взорвалась только та часть горючего, которая соединилась с кислородом внутри вездехода. Один из этих людей погиб — при не установленных пока обстоятельствах, — а другому удалось вернуться на территорию Строительства. Он пробежал в скафандре около ста сорока километров и израсходовал весь запас воздуха; наступила аноксия — кислородное голодание; к счастью, его подобрали, и сейчас он в госпитале. О том, что с ним произошло, мы узнали из его рассказа, и

эти сведения нуждаются поэтому в дальнейшей проверке.

Наступила мертвая тишина. Пиркс начал понимать, что все это значит, однако еще не верил, не хотел верить…

— Вы, безусловно, догадываетесь, — продолжал ровным голосом черноволосый человек, который угольно-черным силуэтом выделялся на фоне лунного пейзажа, пылающего ртутью, — что тем, кто перерезал телефонный кабель и линию высокого напряжения, а также напал на вездеход, был уцелевший Сэтавр. Это пока мало изученная модель, в серийное производство она запущена лишь в прошлом месяце. Вместе со мной сюда должен был прийти инженер Кларнер, один из конструкторов Сэтавра, чтобы подробно разъяснить вам как возможности этой модели, так и средства, которыми следует теперь воспользоваться, чтобы обезвредить ее или уничтожить…

Курсант, сидевший рядом с Пирксом, тихонько взвыл от восторга. Это был наивысший восторг, даже не пытающийся надеть личину ужаса. Юноша не заметил укоризненного взгляда навигатора. Впрочем, никто сейчас не замечал и не слышал ничего, кроме голоса инженер-капитана.

— Я не интеллектроник и не могу рассказать о Сэтавре. Но среди присутствующих должен находиться доктор Маккорк. Он здесь?

Впереди поднялся высокий худой человек в очках.

— Я здесь. Я не принимал участия в проектировании Сэтавров, знаю только нашу, английскую модель, близкую к американской, но не идентичную ей. Все же различия не очень велики. Могу быть полезным…

— Великолепно. Прошу вас, доктор, подойдите сюда… Я только обрисую вкратце обстановку: Сэтавр находится где-то здесь, — концом линейки Аганян указал на «берег» Моря Спокойствия, — то есть на расстоянии тридцать — восемьдесят километров от территории Строительства. Как и все Сэтавры, он предназначался для горных работ в очень тяжелых условиях, при высокой температуре, при повышенной опасности обвалов, поэтому модель имеет массивный корпус и покрыта толстой броней… Но об этом подробнее скажет доктор Маккорк. Какими средствами мы располагаем, чтобы обезвредить Сэтавра? Руководители лунных баз выделили нам некоторое количество взрывчатки — динамита и оксиликвита, а также ручные лазеры ближнего

действия и горные лазеры, причем ни эти взрывчатые вещества, ни лазеры не носят, конечно, характера боевых средств. Группам, посланным на уничтожение Сэтавра, будут приданы вездеходы ближнего и среднего радиуса действия, в том числе две машины, покрытые легкой противометеоритной броней. Только такие машины выдерживают удар лазерного луча с расстояния около километра. Правда, данные эти относятся к Земле, где атмосфера сильно поглощает энергию излучения. Здесь атмосферы нет, и, значит, эти вездеходы по сравнению с остальными будут подвергаться лишь немногим меньшей опасности. Мы получим также много скафандров и кислорода; боюсь, что это все. Около полудня из советского сектора прилетит «блоха» с экипажем из трех человек; она может принять на борт до четырех человек и перебросить их на небольшое расстояние в глубь района, где находится Сэтавр. Пока на этом закончу. Прошу вас разборчиво написать фамилию и специальность на этом листе бумаги. Тем временем, быть может, доктор Маккорк пожелает сказать несколько слов о Сэтавре. Самое важное, как я полагаю, найти ахиллесову пяту…

Маккорк стоял рядом с Аганяном. Он был еще

более худым, чем показалось Пирксу сначала, — торчащие уши, какой-то треугольный череп, едва заметные брови, неопределенного цвета шевелюра — и при всем этом Маккорк вызывал удивительную симпатию.

Сначала он снял очки в стальной оправе, словно они мешали ему, положил их на край стола перед собой и лишь после этого начал говорить:

— Я солгу, если стану утверждать, будто мы предвидели подобные случаи. Но, помимо формул, в голове у кибернетика должно иметься хотя бы подобие интуиции. Вот почему до сих пор мы не решались передать нашу модель в серийное производство. Лабораторные испытания показали высокую эффективность Мефисто — так называется наша модель. Сэтавр отличается от него лучшей балансировкой возбуждения и торможения. По крайней мере так я считал до сих пор, опираясь на литературные источники, — теперь я в этом не столь уверен. В названии есть привкус мифологии, но это просто сокращение слов «Самопрограммирующийся электронный троичный автомат с рацемической памятью», поскольку в конструкции его мозга использованы как право-, так и левовращающие псевдокристаллические мономеры. В данный момент это,

по-видимому, не играет роли. Автомат снабжен фиолетовым лазером для горных работ, энергию для световых импульсов дает микрокотел, действие которого основано на принципе холодной цепной реакции, благодаря чему Сэтавр, насколько я помню, может развивать в импульсе мощность порядка сорока пяти тысяч киловатт.

— Какой у него срок службы? — спросил кто-то.

— С нашей точки зрения — вечный, — мгновенно ответил худощавый доктор. — Во всяком случае, многолетний. Что, собственно, могло случиться с этим Сэтавром? Попросту говоря, я думаю, что он получил удар по голове. Удар оказался необычайно сильным: в конце-то концов даже здесь, на Луне, обвал здания может повредить хромоникелевый череп. Что же произошло? Подобных экспериментов мы никогда не проводили: они стоят слишком дорого, — Маккорк неожиданно усмехнулся, показав ровные мелкие зубы, — однако в целом известно, что четко локализованное повреждение небольшого, то есть сравнительно простого, мозга, иными словами, обычной цифровой машины, приводит к полному распаду функций. Но чем ближе мы подходим к имитации процессов, происходящих

в человеческом мозге, тем в большей степени такой сложный мозг оказывается способным функционировать, несмотря на частичные повреждения. Мозг животного, например кошачий, имеет определенные центры, возбуждение которых вызывает реакцию, внешне напоминающую взрыв агрессии, ярости. Мозг Сэтавра устроен иначе, он обладает неким общим приводом, мотором активности, которую можно направлять по разным каналам. Так вот, произошло какое-то прямое подключение этого центра активности к блоку с программой разрушения. Я излагаю вопрос, разумеется, с предельными упрощениями.

— А откуда взялась эта программа разрушения? — спросил тот же голос, что и раньше.

— Это ведь автомат, предназначенный для горных работ, — пояснил доктор Маккорк. — Его задача — проходить штольни, штреки, бурить скальные породы, дробить особо твердые минералы, вообще разрушать плотные сгустки вещества, — разумеется, не всюду и не всякие; но в результате травмы в мозге Сэтавра возникло известное обобщение программы. Впрочем, моя гипотеза может оказаться совершенно ложной. Эта проблема, чисто теоретическая, приобретет существенный интерес позже, когда мы сделаем

из его шкуры ковер. Пока важнее всего уяснить, на что способен Сэтавр. Он может передвигаться со скоростью пятьдесят километров в час, причем по любой местности. Он совершенно не нуждается в смазке — все трущиеся поверхности в суставах работают на тефлоне. Он снабжен магнитной экранировкой, броню его не пробивает ни пистолетная, ни винтовочная пуля; подобные испытания не проводились, но думаю, что только бронебойный снаряд… у нас ведь нет таких орудий, не правда ли?

Аганян отрицательно покачал головой. Он взял список, который успел к нему вернуться, и принялся читать, ставя против фамилий маленькие значки.

— Разумеется, взрыв достаточно большого заряда разрушит Сэтавра, — продолжал Маккорк спокойно, словно говорил о самых обыденных вещах. — Но ведь такой заряд нужно сначала подвезти к нему, а я опасаюсь, что это будет нелегкой задачей.

— Где именно помещается у него лазер? В голове? — спросил кто-то из аудитории.

— У него нет головы, только выступ, некое вздутие между плечами. Это повышает его сопротивляемость при обвалах. Рост Сэтавра двести

двадцать сантиметров, и, значит, стреляет он с высоты двух с чем-то метров; глазок лазера защищен металлическим веком; при неподвижном корпусе зона обстрела у Сэтавра равна тридцати градусам, большая зона обстрела достигается поворотами всего корпуса. Мощность лазера составляет сорок пять тысяч киловатт; каждый специалист поймет, что это очень большая мощность — луч легко пробивает стальную плиту толщиной в несколько сантиметров…

— С какой дистанции?

— Это фиолетовый лазер с очень малым углом расхождения светового пучка… поэтому дистанция практически ограничена лишь полем зрения; на равнине горизонт отстоит здесь на два километра, и по меньшей мере таким же будет радиус поражения.

— Мы получим специальные горнопроходческие лазеры в шесть раз большей мощности, — вставил Аганян.

— Но ведь это попросту то, что американцы называют overkill — сверхуничтожение, — возразил Маккорк, слегка усмехаясь, — эта превосходящая мощность лазера не дает в поединке с Сэтавром никакого преимущества.

Кто-то спросил, нельзя ли уничтожить автомат

с борта космического корабля. Маккорк признал себя некомпетентным. Аганян, заглянув в список, сказал:

— Здесь присутствует навигатор первого ранга Пиркс… Быть может, он ответит нам на этот вопрос?

Пиркс встал.

— Теоретически корабль среднего тоннажа, как мой «Кювье», с массой покоя шестнадцать тысяч тонн мог бы, безусловно, уничтожить такого Сэтавра, если б накрыл его своей реактивной струей… Температура выхлопной плазмы превышает шесть тысяч градусов на расстоянии девятисот метров — этого, видимо, хватило бы?..

Маккорк кивнул.

— Но это чисто спекулятивное рассуждение, — вновь заговорил Пиркс. — Ведь надо было бы прицелиться кораблем, а столь малая мишень, как Сэтавр, ростом всего с человека, сумеет ускользнуть, если не закреплена неподвижно, потому что боковая скорость корабля, маневрирующего у поверхности планеты, в поле ее тяготения, очень мала и не может быть даже речи о высшем пилотаже. Таким образом, остается использовать только малые корабли, скажем, каботажный флот Луны. Однако у них слабый

выхлоп со сравнительно небольшой температурой, значит, если использовать такое суденышко в качестве бомбардировщика, то, вероятно… Но для точной бомбардировки нужны специальные приборы, прицелы, которыми Луна не располагает. Я не усматриваю такой возможности. Разумеется, можно и даже нужно использовать эти малые машины, но только с целью разведки, то есть обнаружения автомата.

Он уже хотел сесть, но внезапно в голову ему пришла новая мысль.

— Еще, — сказал он, — реактивные ранцы. Их можно использовать. Точнее, их могут использовать люди, умеющие с ними обращаться.

— Это маленькие индивидуальные ракеты, которые крепятся на спине? — спросил Маккорк.

— Да. С их помощью можно делать прыжки в высоту и даже повисать неподвижно; в зависимости от модели и типа длительность полета составляет от одной до нескольких минут, а достигаемая высота — от пятидесяти до четырехсот метров…

Аганян встал.

— Это, пожалуй, существенно. Кто из присутствующих прошел тренировку с этими аппаратами?

Поднялись две руки. Потом еще одна.

— Только трое?.. — протянул Аганян. — А, и вы также? — добавил он, увидев, что Пиркс, сориентировавшись, лишь теперь поднял руку. — Всего, значит, четверо. Пожалуй, маловато… Поищем еще среди персонала космодрома. Речь идет, конечно, о добровольном участии. Именно с этого мне следовало начать. Кто из вас хочет принять участие в операции?

Стало шумно, потому что все присутствующие поднялись с мест.

— Благодарю от имени руководства, — сказал Аганян. — Это хорошо… Итак, мы имеем… семнадцать добровольцев. Нам обеспечена поддержка трех подразделений лунного флота, и, кроме того, мы располагаем десятью водителями и радистами для обслуживания вездеходов. Прошу всех оставаться на месте, а вас, — он обратился к Маккорку и Пирксу, — прошу пройти со мной к начальству…

Около четырех часов пополудни Пиркс сидел в башенке большого гусеничного вездехода, подскакивая от резких толчков; на нем был скафандр, на коленях лежал шлем, который можно было надеть по первому сигналу тревоги, а на шее висел тяжеленный лазер, рукоятка которого

немилосердно колотила Пиркса по груди; в левой руке он держал микрофон, а правой поворачивал перископ, наблюдая за растянувшимся в длинную цепь отрядом вездеходов; словно яхты, качались они на волнистых равнинах Моря Спокойствия. Это пустынное «море» полыхало солнечным блеском от одного черного горизонта до другого. Пиркс принимал и передавал донесения, разговаривал с Луной-1, с командирами других машин, с пилотами разведывательных кораблей — крохотный огонек их выхлопа возникал иногда среди звезд черного неба — и все же временами не мог отделаться от впечатления, что это какой-то запутанный и нелепый сон.

События принимали все более бурный оборот. Не одному Пирксу казалось, что руководство Строительства поддалось чему-то вроде паники; что в конце-то концов мог сделать один автомат, недоумок, даже вооруженный лучеметом? Поэтому, когда на втором совещании «на высшем уровне», состоявшемся в полдень, кто-то предложил обратиться в ООН или хотя бы попросить у Совета Безопасности «специальной санкции» на ввоз артиллерийского оружия (лучше всего боевых ракет) или, быть может, даже атомных снарядов, Пиркс вместе с другими запротестовал:

после такой просьбы они станут посмешищем для всей Земли.

Впрочем, было ясно, что подобного решения международного органа надо ждать много дней, если не недель; тем временем «сумасшедший» робот может забрести бог знает куда, а до того, кто спрятался в недоступных трещинах лунной коры, не доберутся никакие орудия: надлежало поэтому действовать быстро и решительно. Тогда выяснилось, что наибольшую трудность составит проблема связи — больной вопрос всех лунных мероприятий. Имелось около трех тысяч патентов на различные изобретения, которые пытались улучшить эту связь, от сейсмического телеграфа с использованием микровзрывов в качестве сигналов до «троянских» стационарных спутников. Такие спутники вывели на орбиту еще в прошлом году, что, однако, никак не улучшило существующего положения.

Практически задачу решали с помощью системы ультракоротковолновых передатчиков, вынесенных на мачты; это очень походило на прежние земные ретрансляционные линии доспутникового телевидения. Такая система была надежнее спутниковой связи, поскольку инженеры все еще ломали головы, как сделать

орбитальные передатчики нечувствительными к «солнечному ветру». Любой скачок активности Солнца и вызванный им ураган электрически заряженных частиц высокой энергии, которые пронизывали космос, тут же создавал помехи, затруднявшие связь зачастую на несколько дней. В настоящее время как раз бушевал один из таких солнечных тайфунов, поэтому сообщение между Луной-1 и Строительством шло по наземным линиям и успех «Операции Сэтавр» в значительной мере зависел от того, не вздумает ли «мятежник» уничтожить фермы мачт, сорок пять штук которых находилось в пустыне, отделяющей Луна-сити с космодромом от территории Строительства. При условии, конечно, что автомат по-прежнему будет рыскать в их окрестностях.

Сэтавр обладал полной свободой маневрирования, не нуждался ни в горючем, ни в кислороде, ни в сне или отдыхе; он был столь автономен, что многие инженеры лишь теперь по-настоящему осознали, какую совершенную машину создали собственными руками — дальнейших ее поступков никто не мог предугадать. Меж тем, разумеется, продолжались начатые ранним утром прямые переговоры Луна — Земля между командованием операцией и фирмой «Кибертро-

никс» — штабом конструкторов Сэтавра, но от конструкторов не удалось узнать ничего такого, чего ранее не сказал бы доктор Маккорк. Только профаны пытались еще уговорить специалистов предсказать при помощи большой вычислительной машины, какую тактику изберет автомат.

Был ли Сэтавр разумен? Конечно, но по-своему! Эта «излишняя», приносящая сейчас вред «разумность» машины вызывала гнев многих участников операции: они не могли понять, чего ради инженеры наделили машину, предназначенную только для горных работ, такой свободой и самостоятельностью действий. Маккорк спокойно растолковал, что «интеллектронное завышение» представляет собой — на нынешнем этапе развития техники — то же самое, что и избыточный запас прочности, которым, как правило, обладают традиционные машины и двигатели. Это аварийный резерв, повышающий безопасность и надежность функционирования, ибо невозможно заранее предвидеть, в каких ситуациях окажется машина, энергетическая или информационная.

Таким образом, никто, по существу, не мог предугадать, что предпримет Сэтавр. Конечно, отовсюду, а в частности и с Земли, специалисты

слали по телеграфу свои рекомендации; беда была только в том, что они оказывались диаметрально противоположными. Одни предполагали, что Сэтавр попытается уничтожить искусственные объекты, вроде мачт высокого напряжения или ретрансляционных вышек, другие, напротив, считали, что он растратит свою энергию на непродуктивное уничтожение всего, что попадется ему на пути, будь то лунная скала или вездеход с людьми. Первые склонялись к мысли о немедленной атаке с целью уничтожить Сэтавра, вторые советовали избрать тактику выжидания.

Мнения сходились только в том, что надо неотступно следить за передвижениями Сэтавра. Вот почему двенадцать малых кораблей лунной флотилии уже с утра патрулировали Море Спокойствия и непрерывно посылали донесения группе, обороняющей территорию Строительства и находящейся в постоянном контакте с Управлением космодрома. Было нелегко найти Сэтавра, этот кусок металла, среди огромной скалистой пустыни, покрытой полями осыпей, трещинами, полузасыпанными расщелинами и к тому же усеянной оспинами миниатюрных кратеров.

Если б в этих донесениях говорилось, что Сэтавр не найден! Но ведь патрулирующие экипажи

уже неоднократно поднимали тревогу, обнаружив «сумасшедшего», который оказывался потом скалой какой-то особенной формы или куском лавы, искрившимся в лучах солнца. Даже применение ферроиндукционных искателей наряду с локаторами не очень-то помогало: от исследовательских экспедиций времен первоначального покорения Луны в скалистых пустынях осталось огромное множество металлических баков, обгорелых гильз от ракетных патронов и всевозможного жестяного мусора, который то и дело становился причиной новых тревог. Так что командование операцией все сильней и сильней желало, чтобы Сэтавр атаковал наконец какой-нибудь объект, чтобы он появился; однако в последний раз он дал о себе знать девять часов назад атакой на маленький вездеход аварийной технической помощи электриков и с той поры словно провалился сквозь лунную поверхность.

А поскольку никто не считал возможным ждать — электроэнергия была нужна Строительству немедленно, — операция, которая разворачивалась на девяти тысячах квадратных километров, была основана на том, что две встречные волны вездеходов прочесывали территорию, направляясь друг к другу с проти-

воположных сторон: с севера и с юга. Со стороны Строительства шла одна цепь под командованием главного технолога Стрибра, а от космодрома Луна-сити — другая, и в ней при командующем, капитан-навигаторе Плейдаре, роль координатора действий обеих сторон выполнял Пиркс. Он хорошо понимал, что в любую минуту они рискуют пропустить Сэтавра, укрывшегося, скажем, в глубокой тектонической трещине; они не заметят его, даже если он будет просто обсыпан светлым лунным песком; Маккорк, который как «советник-интеллектроник» ехал вместе с Пирксом, придерживался того же мнения.

Вездеход швыряло из стороны в сторону с чудовищной силой; они шли на скорости, от которой, как их безмятежно предупредил водитель, «рано или поздно вытекут глаза». Они находились в восточной зоне Моря Спокойствия, и меньше часа езды отделяло их от района, где с наибольшей вероятностью мог находиться автомат. После пересечения этой условной границы экипаж должен был надеть шлемы, чтобы тотчас покинуть вездеход при внезапном поражении и пожаре или утрате герметичности.

Вездеход переделали в боевую машину: механики смонтировали на его шарообразной

башенке мощный горный лазер, однако с точностью боя дело обстояло плохо. Пиркс считал ее совершенно иллюзорной, особенно в сравнении с меткостью Сэтавра, который был оборудован автоматическим прицелом; его фотоэлектрические глаза сопрягались с лазером, и он мог мгновенно поразить объект, находящийся в центре поля зрения. На вездеходе же установили какой-то странный прицел, переделанный, наверно, из старого космического дальномера, и опробовали его при выходе из Луна-сити, постреляв по скалам на горизонте. Скалы были довольно большими, расстояние не превышало километра, и все же удалось попасть в них лишь с четвертого выстрела. Тут еще раз дали себя знать лунные условия, ибо луч лазера виден как ослепительная нить только в рассеивающей среде, например, в земной атмосфере; в вакууме пучок света любой интенсивности невидим, пока не наткнется на какое-либо препятствие. Поэтому на Земле можно стрелять из лазера, как стреляют трассирующими пулями, корректируя огонь по видимой линии их полета. На Луне лучемет без прицела был лишен практической ценности. Пиркс сказал об этом Маккорку, когда лишь несколько минут езды отделяли их от предполагаемой опасной зоны…

— Я не подумал об этом, — ответил инженер и добавил с усмешкой: — Зачем, собственно, вы мне это говорите?

— Чтобы избавить вас от иллюзий, — ответил Пиркс, не отрывая глаз от окуляра перископа. Хотя оправу окуляра и прикрывала подушечка из пенорезины, Пиркс сознавал, что очень долго будет ходить с подбитым глазом — разумеется, если выйдет живым из этой истории. — А также чтобы объяснить вам, для чего мы тащим за собой всю эту лавочку.

— Эти баллоны? — спросил Маккорк. — Я видел, как вы брали их со склада. Что в них такое?

— Аммиак, хлор и какие-то углеводороды, — ответил Пиркс. — Думаю, они нам пригодятся…

— Газодымовая завеса?.. — попытался угадать инженер.

— Нет, я думал скорее о каком-то способе корректировать огонь: если нет атмосферы, надо ее создать, хотя бы ненадолго…

— Боюсь, что нам не хватит времени…

— Может быть. Я взял их на всякий случай. Против безумца лучше всего применять безумную тактику…

Они замолчали, потому что вездеход начало швырять, как мячик, амортизаторы бились и

скрежетали, в любое мгновение в них могло закипеть масло. Вездеход мчался по скату, усеянному остроконечными обломками скал. Противоположный склон сверкал пемзовой белизной.

— Вы знаете, чего я больше всего опасаюсь? — начал Пиркс, когда рывки вездехода немного ослабли (он стал удивительно разговорчивым). — Не Сэтавра — совсем не его… Этих вездеходов со Строительства: будет весело, если один из них примет тебя за Сэтавра и начнет вспарывать лазером.

— Я вижу, вы все предусмотрели, — буркнул инженер.

Курсант, сидевший рядом с радистом, перегнулся через спинку своего кресла и подал Пирксу кое-как нацарапанную радиограмму.

— Вошли опасную зону района двадцатой ретрансляционной мачты пока ничего точка Стрибр точка, — громко прочитал Пиркс. — Скоро и нам придется надевать шлемы…

Вползая на склон, машина сбавила скорость. Пиркс заметил, что уже не видит левого соседа — только правый вездеход темным пятнышком полз вверх по откосу. Он приказал вызвать левую машину по радио, однако ответа не последовало.

— Начинаем разбредаться, — спокойно сказал

он. — Этого я и ожидал. Нельзя ли поднять антенну повыше? Нет? Плохо.

Они взобрались уже на вершину пологого холма. Из-за горизонта высунул свой зубчатый хребет кратер Торичелли, находящийся почти в двухстах километрах отсюда; залитый солнцем, он резко вырисовывался на черном фоне небосклона. Равнина Моря Спокойствия почти вся осталась позади. Появились глубокие тектонические трещины, из-под крупного песка кое-где выступали базальтовые плиты, через которые вездеход переползал с трудом, задирая нос, словно яхта на волне, а потом тяжело валился вниз, будто собираясь лететь кувырком в бездонную пропасть. Пиркс заметил очередную ретрансляционную мачту, бросил взгляд на прижатый к колену планшет с целлулоидным верхом и приказал всем надеть шлемы. Теперь они могли разговаривать только по внутреннему телефону; оказалось, что пустыня может швырять вездеход еще сильнее, чем до сих пор, — голова болталась в шлеме, как ядрышко ореха в полупустой скорлупе.

Когда наконец они спустились ниже по склону, зубчатый кратер Торичелли исчез, закрытый ближними холмами, — и почти одновремен-

но пропал из виду правый сосед. Еще минуты две они слышали его позывные, потом волны, отраженные от скал, исказились, и наступил так называемый «мертвый радиоштиль». Смотреть в перископ, когда на голове шлем, очень неудобно; Пирксу казалось, что он либо выбьет иллюминатор, либо разобьет окуляр. Он делал что мог, стараясь не потерять обзор; равнина, усеянная обломками скал, колыхалась в такт с толчками машины. Перед глазами в хаотическом смешении мелькали черные как уголь тени и ослепительные поверхности скал. Внезапно крохотное оранжевое пламя прыгнуло во мрак далекого неба, замерцало, сжалось и исчезло. И снова блеск, немного поярче. Пиркс крикнул: «Внимание! Вижу какой-то взрыв!» — и принялся яростно крутить ручку перископа, отсчитывая азимут по прозрачной гравировке стеклянной шкалы.

— Изменить курс! — рявкнул он. — 47 запятая 8, полный вперед!

Водитель понял его, хотя так командуют, собственно, на космическом корабле; обшивка и все узлы вездехода спазматически вздрогнули, и, развернувшись почти на месте, машина рванулась вперед. Пиркс поднялся с кресла, потому что,

когда он сидел, толчки отрывали его от окуляра. Новая вспышка — на этот раз малинового перистого пламени. Однако источник вспышек или взрывов находился вне поля зрения, скрытый хребтом, на который они взбирались.

— Внимание! — сказал Пиркс. — Подготовить личные лазеры! Доктор Маккорк, подойдите к люку, по моей команде или в случае попадания откройте его. Водитель, сбавьте скорость…

Холм, на который карабкалась машина, вздымался над пустыней, как голень какого-то лунного чудовища, наполовину погруженная в крупный песок; гладкостью эта скала и в самом деле напоминала отполированный скелет или гигантский череп; Пиркс приказал водителю въехать на вершину. Гусеницы заскрежетали, словно сталь царапала по стеклу. «Стоп!» — крикнул Пиркс; вездеход, резко затормозив, клюнул носом скалу, закачался, амортизаторы застонали от напряжения и замерли в неподвижности.

Пиркс вгляделся в неглубокую котловину, охваченную с двух сторон вытянутыми в виде лучей каменными осыпями древних магматических потоков; две трети обширной впадины лежали под ярким солнцем, последнюю треть окутывал саван абсолютного мрака. На фоне бархатной

тьмы, как сатанинская драгоценность, угасал в красном свечении наполовину распоротый остов какой-то машины. Кроме Пиркса, его видел только водитель, потому что броневые заслонки иллюминаторов были опущены.

Пиркс, по правде говоря, не знал, что делать. «Это какой-то вездеход, — раздумывал он. — Куда он шел? На юг? Видимо, из группы Строительства, но кто же подбил его? Сэтавр? В таком случае мы стоим здесь на виду как кретины, надо укрыться. Но где все остальные вездеходы, северные и южные?»

— Готов! — крикнул радист. Он переключил рацию вездехода на внутреннюю сеть, чтобы все могли слышать в шлемах принимаемые сигналы.

— Осе-портативный обвал. Стена осумкобелена — повторение повторное излишне — доступ по азимуту — поликристаллическая метаморфизация… — загудел в наушниках Пиркса голос, выговаривающий слова отчетливо, монотонно и без малейшей интонации…

— Это он! — взревел Пиркс. — Сэтавр! Алло, радист! Пеленгуй, быстро пеленгуй! Давай пеленг! Черт побери! Пока он еще передает!

Он орал так, что его оглушил собственный

крик, усиленный замкнутой полостью шлема; не ожидая, пока радист очнется, он прыгнул, согнувшись, под купол, схватил двойную рукоять тяжелого лазера и стал поворачивать его вместе с башенкой, прильнув глазами к окуляру прицела. Тем временем в шлеме гудел низкий, как бы немного грустный, размеренный голос:

— Труднодвукислое вискозное недоокрашивание, а не раскрышечные сегменты без новых седлообразных включений… — бессмысленная болтовня, казалось, ослабевала.

— Где этот чертов пеленг?!

Пиркс, не отрывая глаз от прицела, услышал неразборчивый шум: это Маккорк бросился вперед, оттолкнул радиста, послышалась какая-то возня, и тут же в наушниках раздался спокойный голос кибернетика:

— Азимут 39,9… 40,0—40,1—40,2…

— Передвигается, — понял Пиркс.

Башенка поворачивалась вращением рукояток, и он вращал их так, что едва не вывихнул руки. Цифры ползли лениво. Красная черточка перевалила за сорок.

Внезапно голос Сэтавра перешел в протяжный визг и умолк. В тот же момент Пиркс нажал на спуск — и в полукилометре ниже, на самой

границе света и тени, скала брызнула сверхсолнечным блеском.

В толстых перчатках чудовищно трудно было удерживать рукоятку в неподвижности. Пламя, ярче солнечного, ввинтилось во тьму котловины в нескольких десятках метров от гаснущего остова, остановилось и, разбрызгивая окалину, пробилось дальше, выбросив две метелочки искр. В наушниках что-то бормотало. Пиркс, не обращая внимания, резал все дальше этой линией тончайшего страшного огня, пока она не разбилась искристым радиантом о какой-то каменный столб. Перед глазами вращались, все разрастаясь, багровые круги, но сквозь их танец Пиркс заметил ослепительный синий глаз, меньший, чем острие иглы, который раскрылся в самой глубине мрака, где-то сбоку, не там, куда он стрелял, и, прежде чем он успел нажать на рукоятки лазера, чтобы повернуть его вместе с турелью, скала у самой машины плюнула в них жидким солнцем.

— Полный назад! — рявкнул Пиркс, рефлекторно подогнул ноги и в результате перестал что-либо видеть, — впрочем, он ничего бы и не увидел, кроме этих багровых, медленно ползущих кругов, которые становились то черноватыми, то золотистыми.

Двигатель заревел, их швырнуло так, что Пиркс полетел на дно вездехода и покатился вперед между коленями радиста и курсанта; баллоны, крепко принайтовленные снаружи к броне, отозвались пронзительным дребезжанием. Машина мчалась задним ходом, что-то страшно хрустнуло под гусеницей, развернуло вездеход, швырнуло его в сторону — мгновение казалось, что он начинает переворачиваться, но водитель, отчаянно нажимая на газ, тормоза и сцепление, преодолел бешеное скольжение, машину пронизала как бы затяжная судорога, и они остановились.

— Как герметичность?! — крикнул Пиркс, поднимаясь с пола.

«Счастье, что покрыт пенопластом», — подумал он.

— В порядке!

— Ну что ж, довольно близко, — совершенно иным голосом сказал Пиркс, встав с пола и распрямляя спину. Не без сожаления он добавил вполголоса: — Каких-нибудь две сотых влево, и я бы его зацепил…

Маккорк пробирался на свое место.

— Спасибо, доктор, — сказал Пиркс, снова прильнув к перископу. — Алло, водитель, спуститесь вниз по тому самому пути, каким мы поднима-

лись. Там такие маленькие скалы, что-то вроде арки, — вот, вот, въезжайте в тень между ними и остановитесь…

Медленно, словно с преувеличенной осторожностью, вездеход въехал в полузасыпанную песком нишу среди обломков скал и остановился в их тени, сделавшей его невидимым.

— Великолепно! — почти весело сказал Пиркс. — Теперь мне надо двоих, кто пошел бы со мной на небольшую разведку…

Маккорк вызвался почти одновременно с курсантом.

— Хорошо. Внимание! Вы, — обратился он к остальным, — остаетесь здесь. Не выходите из тени, даже если Сэтавр пойдет прямо на вас, — сидите тихо. Ну разве что он полезет на вездеход, тогда обороняйтесь, у вас есть лазер, но это маловероятно… Помогите, — обратился он к водителю, — этому юноше снять с брони газовые баллоны, а вы, — сказал он уже телеграфисту, — вызывайте Луну-1, космодром, Строительство, патрули и первому, кто отзовется, сообщите, что Сэтавр уничтожил один вездеход, по-видимому, со Строительства и что три человека с нашей машины пошли охотиться. Пусть там никто не суется с лазерами, не стреляет вслепую и так

далее… А теперь пошли.

Поскольку каждый мог унести только один баллон, они захватили с собой четыре. Пиркс повел товарищей не на вершину «черепа», а несколько дальше, туда, где спускалась вниз неглубокая расщелина. Они прошли, сколько было можно, поставили баллоны под большой глыбой, и Пиркс отправил водителя назад. Сам же он, приподнявшись над камнем, стал осматривать в бинокль котловину. Интеллектроник и курсант сидели рядом с ним на корточках; наконец Пиркс заговорил:

— Не вижу его. Доктор, то, что он говорил, имело какой-нибудь смысл?

— Нет, пожалуй. Разорванная речь — что-то вроде шизофрении…

— Обломки уже догорают, — заметил Пиркс.

— Зачем вы стреляли? — спросил Маккорк. — Там же могли быть люди.

— Там никого не было.

Пиркс передвигал бинокль миллиметр за миллиметром, внимательно осматривая каждый бугорок освещенного солнцем пространства.

— Они не успели выпрыгнуть.

— Почему вы так в этом уверены?

— Он разрезал машину пополам. Это видно да-

же сейчас. Он стрелял с нескольких десятков метров. Кроме того, оба люка остались запертыми. Нет, — добавил он через несколько секунд, — на солнце его нет. А ускользнуть он, пожалуй, не успел… попробуем его выманить.

Пригнувшись, он потащил тяжелый баллон на верхушку камня и, толкая его перед собой, бормотал сквозь зубы:

— Вот они, истории с индейцами, о которых я всегда мечтал…

Баллон наклонился; придерживая его за вентиль, распластавшись на камне. Пиркс отрывисто бросил:

— Если увидите голубой блеск, стреляйте сразу же — в его лазерный глаз…

Изо всех сил он толкнул баллон, который сначала медленно, а потом с нарастающей скоростью покатился под откос. Все трое приготовились стрелять, баллон скатился уже метров на двести и двигался все медленнее — крутизна уменьшалась. Раз или два показалось, что его остановят выступающие камни, но баллон перекатывался через них, становился все меньше и тускло поблескивающим пятнышком уже приближался ко дну впадины.

— Не вышло, — сказал разочарованно Пиркс, —

либо он умнее, чем я думал, либо не обратил внимания, либо…

Пиркс не договорил. На склоне под ними что-то ослепительно сверкнуло. Пламя почти сразу превратилось в тяжелое грязно-желтое облако, сердцевина которого полыхала угрюмым огнем, а края расплывались, цепляясь за обломки скал.

— Хлор… — прокомментировал Пиркс. — Почему вы не стреляли? Ничего не было видно?

— Ничего, — в одно слово ответили курсант и Маккорк.

— Прохвост… укрылся за каким-нибудь бугорком… или бьет с фланга; теперь-то я вправду сомневаюсь, получится ли что-нибудь, но попробуем.

Он поднял второй баллон и отправил его вслед за первым. Сначала баллон покатился точно так же, но где-то на середине склона развернулся и замер в неподвижности. Пиркс не смотрел на него — все внимание он сконцентрировал на треугольном полотнище мрака, в котором скрывался Сэтавр. Медленно текли секунды. Внезапно склон содрогнулся от взрыва, и вдалеке, как куст, поднялось газовое облако.

Место, где укрылся автомат, Пирксу не удалось заметить, но он увидел линию выстрела, точнее,

ее часть, которая материализовалась в ослепительную нить, пронзившую остатки первого газового облака. Пиркс сразу повел прицелом вдоль светящейся траектории, которая уже угасала, и, когда край темноты попал на пересечение паутинок, нажал на спуск. По-видимому, одновременно с Пирксом то же самое сделал Маккорк, а через мгновение к ним присоединился и курсант. Три солнечных лемеха вспахали черное дно котловины, и тут же словно какая-то раскаленная дверца захлопнулась перед стрелявшими — их каменный заслон задрожал, с его краев посыпались мириады яростных радуг, расплавленный кварц осыпал скафандры и шлемы, моментально превратившись в микроскопические слезки; Маккорк и Пиркс лежали, распластавшись, за скалой, а над их головами раскаленным добела клинком ударили второй и третий световые разряды, выглаживая поверхность скалы, которая тут же покрылась застывающими стеклянными пузырями.

— Все целы? — спросил Пиркс, не поднимая головы.

— Да! Я тоже! — услышал он в ответ.

— Спуститесь к машине и скажите телеграфисту, чтобы вызывал всех, что Сэтавр здесь и мы

постараемся, насколько возможно, задержать его, — обратился Пиркс к курсанту; тот отполз назад и, пригнувшись, побежал к скалам, среди которых стоял вездеход.

— У нас остались два баллона, по одному на каждого. Доктор, мы переменим теперь позицию. Прошу соблюдать осторожность и хорошо укрываться, потому что он уже пристрелялся к нашему утесику…

С этими словами Пиркс поднял баллон и, используя тени, отбрасываемые большими обломками скал, быстро, как мог, двинулся вперед. Пройдя шагов двести, они уселись в углублении магматической осыпи. Курсанту, который побывал возле вездехода, не сразу удалось их найти. Он тяжело дышал, словно пробежал милю.

— Спокойней, не горит, — заметил Пиркс. — Ну, что там слышно?

— Связь установлена… — захлебываясь, доложил курсант; он присел на корточки рядом с Пирксом, и тот увидел за иллюминатором шлема моргающие глаза юноши. — В машине, которая погибла, находились четыре человека со Строительства. Второй машине пришлось покинуть поле боя из-за дефекта лазера… Остальные прошли стороной и ничего не заметили.

Пиркс кивнул, словно говоря: «Именно так я и думал».

— Что еще? Где наша группа?

— Почти вся в тридцати километрах отсюда; там была ложная тревога, какой-то ракетный патруль сообщил, что видит Сэтавра, и всех стянули к тому месту. А три машины не отвечают на вызов.

— Когда они прибудут сюда?

— Пока есть только прием… — несмело проговорил курсант.

— Только прием?.. Как это?!

— Телеграфист говорит: либо с передатчиком что-то случилось, либо в этом месте экранируются радиоволны, — он спрашивает, нельзя ли изменить место стоянки, чтобы попробовать…

— Пусть изменит место, если надо, — ответил Пиркс, — и, пожалуйста, не мчитесь так, надо смотреть под ноги…

Но курсант, наверное, ничего не услышал, потому что стремглав бросился назад.

— В лучшем случае они будут здесь через полчаса, если удастся установить связь, — сказал Пиркс.

Маккорк промолчал. Пиркс обдумывал, как поступить. Выжидать или не выжидать? Ко-

нечно, если вездеходы прочешут котловину, то успех обеспечен, однако не без потерь. Вездеходы в противоположность Сэтавру были крупной мишенью, неповоротливой и должны были нападать сообща, иначе поединок окончился бы так же, как с машиной со Строительства. Пиркс старался придумать какую-нибудь уловку, чтобы выманить Сэтавра на освещенное место. Если двинуть на Сэтавра как приманку пустой, телеуправляемый вездеход и поразить автомат из другого места, скажем, сверху…

Ему пришло в голову, что вовсе не нужно никого ждать, поскольку они располагают вездеходом. Но план как-то не конкретизировался. Пускать машину вслепую не имело смысла. Сэтавр разнесет ее вдребезги, а сам и с места не сдвинется. Неужели он понимает, что именно теневая зона, в которой он держится, дает ему преимущество?.. Но ведь Сэтавр не машина, созданная для боя со всей ее тактикой… В этом безумии есть система, но какая?

Они сидели, сжавшись в комок, у подножия каменной плиты, скрытые ее густой, холодной тенью. Внезапно Пиркс подумал, что ведет себя как последний осел. Будь он там, на месте Сэтавра, что бы он сделал? Пиркс сразу ощутил

беспокойство, ибо не сомневался, что попытался бы атаковать. Пассивное выжидание не могло принести никакой пользы. Так, может быть, автомат подкрадывается к ним? Именно сейчас! Ведь он может дойти до западных утесов, двигаясь все время под прикрытием темноты, а дальше так много огромных камней и потрескавшегося базальта, что в этом лабиринте можно укрываться бог знает сколько времени…

Пиркс был почти уверен, что Сэтавр именно так и поступит и что они могут ожидать его в любую минуту.

— Доктор, я боюсь, что он захватит нас врасплох, — проговорил Пиркс, быстро вскакивая на ноги. — А вы как думаете?

— Вы полагаете, что он может нас перехитрить? — спросил Маккорк и усмехнулся. — И мне это пришло в голову. Разумеется, это было бы логично, но поступает ли он логично? Вот в чем вопрос…

— Придется еще раз попробовать, — буркнул Пиркс. — Нужно сбросить эти баллоны вниз; посмотрим, что он сделает…

— Понимаю. Прямо сейчас?..

— Да. Поосторожней!

Они втащили баллоны на вершину холма и, ста-

раясь оставаться невидимыми со дна котловины, почти одновременно сбросили оба металлических цилиндра. К сожалению, из-за отсутствия воздуха невозможно было услышать, как они катятся и катятся ли вообще. Пиркс принял решение и, чувствуя себя странно нагим — совершенно нагим, словно голову его не прикрывала стальная оболочка, а тело — трехслойный, отнюдь не легкий скафандр, — вплотную прижавшись к скале, осторожно высунул голову.

В долине ничего не изменилось. Разве что остов машины стал невидимым — ее охладившиеся обломки слились с окружающей темнотой. Тень охватывала пространство в форме неправильного, сильно вытянутого треугольника, упирающегося основанием в обрывы самого высокого, западного, гребня скал. Один баллон остановился шагах в ста под ними, потому что наткнулся на камень, который развернул его продольно. Другой еще катился, все медленнее, пока не замер. И то, что на этом все кончилось, вовсе не понравилось Пирксу. «Он и вправду не глуп, — подумал Пиркс. — Не хочет стрелять по мишени, которую ему подсовывают». Пиркс попытался найти место, откуда каких-то десять минут назад Сэтавр дал знать о себе сверканием

лучеметного глаза, однако это оказалось нелегко. «Что, если в теневой зоне его уже нет? — размышлял Пиркс. — Он может отступать прямо на север, может двигаться параллельно, по дну котловины или по одной из этих трещин в магматическом потоке… Если он доберется до обрывов, до этого лабиринта, то исчезнет, как камень в воде…» Медленно, на ощупь, он поднял приклад лазера и расслабил мышцы.

— Доктор Маккорк, — сказал он, — проберитесь ко мне.

И когда доктор подполз к нему, проговорил:

— Вы видите оба баллона? Один — прямо под нами, другой — дальше…

— Вижу.

— Стреляйте сначала в ближний, а потом в дальний, с интервалом, скажем, в сорок секунд… только не отсюда! — добавил он быстро. — Надо найти место получше. Вон там! — Он показал рукой. — Неплохая позиция в том углублении. А когда выстрелите, сразу же отползайте назад. Хорошо?

Маккорк, ни о чем не спрашивая, тут же двинулся, низко пригнувшись, в указанную сторону. Пиркс с нетерпением ждал. Если Сэтавр хоть немного походит на человека, он должен обла-

дать любопытством — всякое создание обладает любопытством, — и это любопытство побудит его к действию, когда случится что-то непонятное… Пиркс уже не видел доктора. Он запретил себе смотреть на баллоны, которые должны были взорваться под выстрелами Маккорка, все внимание он сосредоточил на освещенной солнцем каменистой полосе между зоной тени и обрывами. Пиркс приложил к глазам бинокль и направил его на этот участок лавовых потоков; в стеклах медленно проплывали гротескные фигуры, будто изваянные в мастерской какого-то скульптора-абстракциониста, — истонченные, закрученные винтом обелиски, плиты, иссеченные змеящимися трещинами; хаотическая путаница ярких плоскостей и извилистых теней, казалось, щекотала глазное дно.

Краешком глаза Пиркс заметил пламя, набухающее внизу, на склоне. Прошла долгая минута, и взорвался второй баллон. Тишина. Только пульс колотился в шлеме, через который солнце пыталось ввинтить свои лучи в его череп. Пиркс водил объективом по полосе беспорядочно расколотых обломков. Какое-то движение. Пиркс застыл. Над острым как бритва краем плиты, похожей на треснувший клин гигантского каменного топора,

выдвинулся полукруглый предмет, по цвету напоминающий темную скалу, однако у него были руки, которые обхватили камень с обеих сторон, и теперь Пиркс видел его уже до пояса. Он не казался безголовым, скорее походил на человека, которому надели сверхъестественную маску африканского колдуна, закрывающую лицо, шею и плечи, словно расплющенную и потому чудовищную… Локтем правой руки Пиркс ощущал приклад лазера, однако сейчас ему и в голову не приходило стрелять. Риск был слишком велик, а шанс поразить Сэтавра из сравнительно слабого оружия на таком расстоянии — ничтожно мал.

Сэтавр, застыв, казалось, вглядывался своей едва выступающей над плечами головой в остатки газовых облаков, которые стекали по склону и бессильно рассеивались в пустоте. Это продолжалось довольно долго. Казалось, он не понимает, что произошло, колеблется, как поступить. В этом его колебании, в этой неуверенности, которую Пиркс великолепно понимал, было что-то столь близкое человеку, что комок сдавил Пирксу горло. Что я сделал бы на его месте, о чем бы подумал? Что кто-то выстрелил в точно такие же предметы, в какие перед этим стрелял я, и, стало быть, это, по-видимому, не противник, не

враг, а скорее как бы союзник. Но ведь я знал бы, что у меня нет никаких союзников… А если этот кто-то — такой же, как я?

Сэтавр шевельнулся. Движения его были плавными и необычайно быстрыми. Внезапно он появился весь, выпрямившись на вертикально стоящем камне, словно все еще высматривал таинственную причину двух взрывов. Потом повернулся и, спрыгнув вниз, побежал, слегка наклонившись вперед; временами Пиркс терял его из виду, но всякий раз не больше чем на несколько секунд — Сэтавр вновь выбегал на солнечный свет в каком-нибудь из ответвлений базальтового лабиринта.

Так он приближался к Пирксу, но бежал все время по дну котловины; их разделяло уже лишь пространство склона, и Пиркс раздумывал, не выстрелить ли. Но Сэтавр мелькал только в узких полосах света и снова растворялся в темноте, а поскольку он все время изменял направление, выбирая дорогу между осыпями, невозможно было заранее предвидеть, где в следующий момент вынырнут, чтобы сверкнуть металлом и снова исчезнуть, его руки бегуна, служащие для поддержания равновесия, и его безголовый торс.

Внезапно зигзаг молнии разорвал каменную

мозаику, высекая длинные метелочки искр среди обломков скал, как раз там, где бежал Сэтавр; кто выстрелил? Пиркс не видел Маккорка, но огненная линия пришла с противоположной стороны — стрелять мог только курсант, этот сопляк, этот осел! Пиркс в душе проклинал курсанта, потому что тот, очевидно, ничего не добился — металлическая спина показалась на долю секунды где-то дальше и исчезла совсем. «И к тому же стрелял ему в спину!» — с яростью подумал Пиркс, совершенно не ощущая бессмысленности обвинения. А Сэтавр даже не попробовал ответить огнем; почему? Пиркс попытался снова увидеть его — тщетно. Наверно, склон уже закрыл его своим изгибом. Вполне возможно… в таком случае передвижение теперь безопасно.

Пиркс сполз с камня, поняв, что с этого места уже ничего не высмотрит, и, слегка пригнувшись, побежал по самому краю склона, миновал курсанта, который улегся, как на стрельбище — развернув ступни и прижав их к скале, и почувствовал непонятное желание ударить его ногой в зад, выступающий смешным бугорком и увеличенный плохо подогнанным скафандром. Пиркс замедлил бег, но только чтобы крикнуть: «Не смей у меня стрелять, слышишь?! Брось ла-

зер!» И, прежде чем тот, повернувшись на бок, принялся искать его ошалелым от удивления взглядом, ибо голос, вдруг раздавшийся из наушников, не указал ни направления, ни места, где находился Пиркс, побежал дальше, опасаясь, что потеряет время; он ускорял свой бег, как только мог, и наконец очутился у широкой трещины, сквозь которую неожиданно открылся вид на дно котловины.

Это было нечто вроде тектонического ущелья, столь древнего, что края его осыпались, утратили угловатость, и оно стало похожим на расширенную эрозией горную расщелину. Пиркс заколебался. Он не видел Сэтавра, впрочем, наверно, и не мог бы отсюда его увидеть. Он углублялся в ущелье, держа лазер наготове, хорошо понимая безумство своей затеи и, однако, не в силах противиться тому, что толкало его туда. Он убеждал себя, что хочет лишь увидеть Сэтавра, что остановится сразу же, как только сможет хорошо рассмотреть нижний участок склона и весь лабиринт под ним, и, может быть, сам верил в это, пока бежал, все еще пригнувшись, а камешки градинами брызгали из-под башмаков. Впрочем, в эти секунды он не задумывался ни над чем.

Он находился на Луне и весил здесь только

пятнадцать килограммов, но от нарастающей крутизны у него все же подгибались ноги. Он бежал теперь восьмиметровыми скачками, стараясь уменьшить скорость. Почти на середине склона расщелина перешла в неглубокий желоб; на солнце, в каких-нибудь ста метрах под ним, лежали первые плиты лавового потока, черные с теневой и искрящиеся с освещенной стороны.

«Попался», — подумал он; до лабиринта, где бродил Сэтавр, было рукой подать. Пиркс быстро огляделся по сторонам — никого; хребет, оставшийся высоко над ним, исполинской стеной простирался к черному небу; раньше он мог заглядывать в коридорчики между камнями как бы с высоты птичьего полета, теперь ближние обломки скал заслонили от него сеть щелей между ними. «Плохо дело, — подумал он, — надо бы вернуться». Однако, неизвестно почему, он знал, что не сделает этого.

Стоять на месте было нельзя. Несколькими шагами ниже, в котловине, лежала отдельно базальтовая глыба — скорее всего, конец языка магмы, которая некогда изливалась раскаленным потоком с огромных террас у подножия Торичелли, и Пиркс последним рывком спустился вниз. За неимением лучшего глыба могла послу-

жить укрытием. Он оказался возле нее одним прыжком. Длительное лунное планирование, замедленный, как во сне, полет, к которому он так и не сумел привыкнуть, был особенно неприятным. Притаившись за этой угловатой скалой, Пиркс выглянул и увидел Сэтавра, который появился из-за двух остроконечных пирамидок, обогнул третью, царапнув ее металлическим плечом, и остановился. Пиркс видел его сбоку, освещенного лишь наполовину, — правая рука Сэтавра отсвечивала темным жирным блеском, как хорошо смазанная деталь машины, остальную часть корпуса покрывала тень. Пиркс уже поднимал лазер, чтобы прицелиться, когда Сэтавр, словно охваченный внезапным предчувствием, исчез, точно его сдуло ветром. Вероятно, он все еще стоял там, только спрятался в тень…

Быть может, выстрелить в эту тень? Пиркс уже поймал ее в прицел, но даже не положил пальца на спуск. Расслабил мышцы, опустил ствол лазера. Ждал. Сэтавра не было. Завалы простирались внизу, подобно адскому лабиринту, там можно было часами играть в прятки: остекленевшая лава растрескалась, образовав геометрически правильные и вместе с тем причудливые фигуры. «Где же Сэтавр? — продолжал раздумывать

Пиркс. — Если б хоть что-то удалось услышать, но это проклятое безвоздушное захолустье, словно в кошмаре каком-то… Если спуститься вниз, то, быть может, удастся подстрелить Сэтавра. Нет, я не сделаю этого, я не сумасшедший… Но ведь думать-то можно обо всем — обрыв не более двенадцати метров, все равно что прыгнуть с двух метров на Земле; я оказался бы в тени под обрывом и, невидимый, мог бы продвигаться вдоль него, все время защищенный с тыла скалой, а он рано или поздно вышел бы прямо на мушку…»

В каменном лабиринте ничто не менялось. На Земле за это время солнце переместилось бы, а здесь был долгий лунный день, и оно словно застыло на одном месте, пригасив ближайшие звезды. Его окружал черный ореол пустоты, пронизанный оранжевой рваной дымкой… Пиркс высунулся по пояс из-за своего камня. Пустота. Это начинало его раздражать. Почему вездеходов все нет? Неужели до сих пор не установлена радиосвязь?.. Быть может, они выгнали бы его наконец из этих развалин… Пиркс посмотрел на часы под толстым гибким стеклом на запястье и поразился: после разговора с Маккорком прошло всего тринадцать минут.

Он уже готовился покинуть свою позицию,

когда произошли одновременно два события, одинаково неожиданные. В скальных воротах, между двумя стенами базальта, которые закрывали котловину с востока, он увидел движущиеся один за другим вездеходы. Они находились еще далеко, вероятно, больше чем в километре и шли полным ходом, вытянув за собой длинный шлейф клубящейся пыли. Одновременно две большие, словно человеческие, только одетые в металлические перчатки руки показались на самом краю утеса, а вслед за ними, так быстро, что Пиркс не успел отступить, появился Сэтавр. Их разделяло не больше десяти метров. Над могучими плечами Пиркс увидел заменяющий голову массивный выступ, в котором мертвенно отсвечивали линзы оптических отверстий, как два черных, широко расставленных глаза, а между ними под закрытым сейчас веком находился третий — страшный зрачок лучемета. Пиркс и сам держал в руке лазер, однако реакции автомата были несравненно быстрее его собственных, поэтому он даже не сделал попытки прицелиться, а попросту замер под ярким солнцем, на еще согнутых ногах, в том положении, в котором застало его, когда он поднимался с земли, неожиданное появление этого существа, и они смотрели друг на друга — изва-

яние человека и изваяние машины, облаченные в металл. Вдруг страшный блеск разорвал пространство перед Пирксом, и от теплового удара он рухнул навзничь.

Падая, он не потерял сознания и испытал в эту долю секунды только удивление, ибо мог присягнуть, что поразил его не Сэтавр, поскольку до последнего мгновения он видел его темное и слепое лазерное око.

Пиркс был невредим — разряд прошел стороной, хотя целились, безусловно, в него; в мгновение ока чудовищный блеск повторился и, расплескивая капли жидкого минерала, превращавшиеся на лету в ослепительную паутину, отколол часть каменной пирамидки, которая прикрывала Пиркса, но теперь его спасло то, что целились на высоту роста, а он лежал на земле, — это был ближний вездеход, это из него били лазером. Пиркс повернулся на бок и увидел спину Сэтавра, который, стоя неподвижно, словно отлитый из бронзы, два раза брызнул лиловым солнцем. Даже с этого расстояния было видно, как у переднего вездехода отвалилась вся гусеница вместе с роликами и ведущим колесом: поднялось такое облако пыли и светящихся газов, что второй вездеход, ослепленный, не мог уже

стрелять.

Двухметровый гигант спокойно взглянул на лежащего человека, который все еще сжимал свое оружие, повернулся и, слегка согнув ноги, хотел прыгнуть назад — туда, откуда пришел, но Пиркс, лежа на боку, из неудобного положения выстрелил, желая только подсечь Сэтавру ноги, однако, когда он нажимал на спуск, его локоть дрогнул, огненный нож развалил гиганта сверху донизу, и тот грудой раскаленного металла рухнул на дно лабиринта.

Экипаж уничтоженного вездехода остался невредим — люди не получили даже ожогов, — и Пиркс узнал, правда, значительно позднее, что они стреляли по нему, потому что Сэтавра, темного на темном фоне обрыва, вообще не заметили. Неопытный наводчик не обратил внимания даже на то, что силуэт, взятый на прицел, отличается светлой окраской алюминиевого скафандра. Пиркс был почти уверен, что следующий выстрел оказался бы для него роковым. Его спас Сэтавр, но отдавала ли машина себе в этом отчет? Много раз Пиркс возвращался мыслью к этим последним секундам, и с каждым разом в нем крепла уверенность, что робот находился там, откуда мог оценить, кто на самом деле служил

мишенью дальнего огня. Означало ли это, что он хотел его спасти? На этот вопрос никто теперь не мог ответить.

Интеллектроники считали все происшедшее «стечением обстоятельств» — ни один не брался обосновать это голословное утверждение. До сих пор они не сталкивались ни с чем подобным, такие случаи не приводились в специальной литературе. Все признавали, что Пиркс действовал так, как должен был действовать, однако это его не удовлетворяло. На долгие годы у него сохранилось воспоминание о тех долях секунды, когда он прикоснулся к смерти, но все же уцелел, с тем чтобы никогда не узнать всей правды; и горьким было сознание, что ударом в спину, столь же подлым, сколь и вероломным, он убил своего спасителя.

Рассказ Пиркса

Фантастика? Люблю, а как же, но только плохую. То есть не то что плохую, а не похожую на правду. На корабле у меня всегда что-нибудь такое найдется — почитать в свободную минуту, хотя бы из середины, а потом отложить. С хорошими книгами все по-другому — те я читаю только на Земле. Почему? Толком и сам не знаю. Не задумывался над этим. Хорошие книга всегда правдивы, даже если речь в них о том, чего никогда не было и не будет. Правдивы в другом смысле: если в них говорится, скажем, о космонавтике, то ты узнаешь эту тишину, так не похожую на земную, это спокойствие — абсолютное, неподвижное… О чем бы в них ни рассказывалось, они всегда говорят об одном: *там* человек никогда не будет у себя дома. На Земле все такое случайное, какое попало: дерево, стена, сад, вместо одного всегда может быть что-то другое, за горизонтом — другой горизонт, за горой — долина, а там все совершенно иначе. На Земле людям никогда не приходит в голову, до чего это жутко, что звезды не движутся; лети на полной тяге хоть год — не

заметишь никаких изменений. Здесь, на Земле, мы летаем, ходим, и кажется нам, будто мы знаем, что это такое — пространство. Словами этого не передашь. Помню, возвращался я как-то из патрульного рейса, где-то в районе «Арбитра» слышал далекие разговоры — перебранку из-за того, кому приземляться первым, — и случайно увидел другую возвращающуюся ракету. Тот парень думал, что он один. Он швырял свой бочонок так, словно бился в припадке. Все вы знаете, как это бывает: через несколько дней на тебя вдруг находит безумная охота что-нибудь сделать, все равно что, — дать полную тягу, разогнаться, порулить на большом ускорении, чтобы язык вылез…

Раньше я думал, что это как-то нехорошо, — не должен человек давать себе столько воли. Но это, в сущности, только отчаяние, только желание показать вот этот самый язык космосу. Ведь космос не поменяешь местами с чем-то еще, как дерево; потому-то, должно быть, мы перед ним так беспомощны. И вот, хорошие книги именно об этом и говорят. А так как умирающий не станет читать об агонии, то и мы все — чуточку, что там ни говори, побаиваясь звезд, — не хотим, летя среди них, слышать о них правду. Тут, конечно, годится все, что отвлекает внимание, а для меня лучше

всего вот эти приключенческие, космические истории, потому что в них все-все, даже космос, такое добропорядочное… Конечно, это добропорядочность для взрослых, поэтому есть там и катастрофы, и убийства, и прочие ужасы, но и ужасы тут добропорядочные, невинные, потому что выдуманные с начала до конца: тебя пугают, а ты только посмеиваешься. История, которую я расскажу, как раз такая. Она случилась со мною в действительности. Но это неважно.

Дело было в Год спокойного солнца. Как обычно в такое время, устраивали большую околосолнечную уборку, подметали и выметали массу железок, которые кружат на уровне орбиты Меркурия; за шесть лет, что ушли на строительство в его перигелии большой космической станции, в пустоте побросали целую кучу старых, ненужных ракет, потому что работы велись тогда по системе Ле Манса и, вместо того чтобы сдавать ракетные трупы на слом, их использовали в качестве строительных лесов. Ле Манс был хорошим экономистом, но плохим инженером: правда, станция обошлась втрое дешевле обычной, но хлопот с ней было столько, что после Меркурия никто уже на такую экономию не польстился. Тогда Ле Манса осенила новая мысль — пере-

тащить эту покойницкую на Землю; чего, мол, ей без пользы кружить до второго пришествия, если можно переплавить ее в мартенах? Но чтобы затея окупилась, для буксировки пришлось взять ракеты, немногим лучшие, чем ракетные трупы. Я тогда был патрульным пилотом, отлетавшим положенные часы, то есть пилотом лишь на бумаге, по первым числам, когда выдавали получку. А летать мне хотелось так, что я согласился бы и на железную печку, только бы давала хоть чуточку тяги; ясное дело, я явился в бразильскую контору Ле Манса, едва прочитал его объявление. Не стану утверждать, что экипажи, набиравшиеся Ле Мансом, вернее, его агентами, были чем-то вроде Иностранного Легиона или шайки головорезов, — не стану, потому что головорезы вообще не летают. Но теперь мало кто отправляется в космос в поисках приключений; их там нет — во всяком случае, как правило, нет; многие решаются на это от безысходности, а то и просто случайно, это — самый негодный материал, ведь наша служба требует большей закалки, чем морская, и тем, кому все едино, не место на корабле. Я тут не развожу психологию, а только хочу пояснить, почему уже после первого рейса я потерял половину команды. Пришлось

уволить механиков, потому что их споил телеграфист, маленький такой мексиканец, метис, изобретавший просто гениальные способы протаскивать на борт спиртное. Этот субъект играл со мной в прятки. К примеру, запускал полиэтиленовые кишки в канистры… ну да ладно. Пожалуй, он засунул бы виски в реактор, если бы смог. Представляю, как возмутили бы такие истории пионеров астронавтики. И почему это они верили, что выход на орбиту вдруг превратит человека в ангела? Может, у них в голове, помимо сознания, застряло это голубое, райское небо, которое так быстро кончается во время старта? Впрочем, чего я к ним привязался…

Тот мексиканец родом был, собственно, из Боливии, приторговывал марихуаной, а изводил меня потому, что это его забавляло. У меня бывал народ и похуже. Ле Манс, как и положено важной персоне, не вдавался в детали, а только установил своим агентам финансовые лимиты, и мне не только не удалось набрать экипаж, но еще приходилось дрожать над каждым киловаттом тяги; никаких тебе резких маневров — после каждого рейса уранографы проверяли, как бухгалтерские книги, чтобы, упаси боже, не улетучился куда-нибудь десяток долларов, превращенных в

нейтроны. Тому, что я тогда делал, меня нигде не учили; что-то похожее творилось, пожалуй, лет сто назад, на старых трампах, курсировавших между Глазго и Индией. Впрочем, я не жаловался, а теперь вспоминаю об этом, стыдно сказать, с умилением. Вы только представьте себе: «Жемчужина ночи» — что за название! Корабль понемногу разваливался, навигация на нем сводилась к поискам всевозможных протечек и замыканий, каждый старт и каждое приземление совершались вопреки всем законам — не только физическим; кажется, у агента Ле Манса были знакомства в порту Меркурия, иначе любой инспектор немедленно опечатал бы все, от рулей до реактора. В общем, мы выходили на лов в перигелий, искали радаром старые остовы ракет, а потом сгребали их в кучу и формировали «поезд»; у меня было тут сразу все: скандалы с механиками, выкидывание спиртного в пустоту (там и теперь еще кружит уймища «Лондонского сухого джина») и чудовищная математика — управление кораблем заключалось в отыскивании приближенных решений задачи многих тел. Но больше всего, как обычно, было пустоты. В пространстве и во времени. Я запирался у себя в каюте и читал. Автора не помню — какой-то

американец, в заглавии было что-то о звездном песке или что-то похожее. Не знаю, какое там было начало, — я читал с середины; герой находится в камере реактора, разговаривает по телефону с пилотом и тут слышит крик: «Метеориты за кормой!» До этой минуты тяготения не было, и вдруг он видит, как громада реактора, сверкая желтыми глазищами циферблатов, наезжает на него все быстрее; это двигатели дали тягу, и корабль рванулся вперед, а он, вися в воздухе, сохранил прежнюю скорость. К счастью, он как-то оттолкнулся ногами, но ускорение вырвало у него из рук трубку; он повис на телефонном шнуре, потом упал, распластавшись, трубка болталась прямо над ним, а он делал нечеловеческие усилия, чтобы ее поймать, но, понятно, весил целую тонну и не мог пальцем пошевелить; однако как-то схватил ее зубами и отдал команду, которая их спасла. Эту сцену я хорошо запомнил, а еще больше понравилось мне, как они проходили через метеоритный рой. Облако пыли затянуло — обратите внимание! — третью часть неба, только самые яркие звезды просвечивали сквозь пелену, но это еще ничего, потому что затем герой вдруг видит на экранах, что из этого желтого тайфуна к нему устремляется бледно

светящаяся полоса с черным ядром; не знаю, что это такое было, но я прямо прослезился от смеха. Как он все это прелестно вообразил! Эти тучи, тайфун, эта трубка — так и видишь, как парень болтается на телефонном шнуре; ну а что в каюте его ждала женщина неописуемой красоты, уж это само собой. Она была тайным агентом какой-то космической тирании, а может, боролась против этой тирании, не помню уже. Во всяком случае, насчет красоты у нее было все в порядке. Почему я столько распространяюсь об этом? А потому, что та книжка была моим спасением. Метеориты? Да ведь я остовы ракет по двадцать, по тридцать тысяч тонн искал неделями и даже половины не разглядел на радаре. Летящую пулю, и ту легче увидеть. Как-то мне пришлось взять за шиворот моего метиса, когда мы шли без тяги; это небось потруднее, чем поймать телефонную трубку, — ведь оба мы плавали в воздухе, — хотя и не так эффектно. Похоже, я заболтался. Знаю. Однако история развивалась именно так. Двухмесячная охота закончилась, я тянул на буксире сто двадцать или, может, сто сорок тысяч тонн мертвых железок и шел в плоскости эклиптики к Земле.

Вопреки правилам? Ну да. У меня не было топлива на маневры. Я же сказал. Приходилось

тащиться без тяги два с лишним месяца. Тут-то и грянула катастрофа. Нет, не метеориты, это ведь был не роман. Свинка. Сперва механик реактора, потом оба пилота сразу, потом остальные; физиономии распухли, глаза будто щелки, температура высокая, о вахтах и речи нет. Какой-то бешеный вирус занес на борт Нгеи, негр, он был на «Жемчужине ночи» коком, стюардом, интендантом и неведомо кем еще. Он тоже болел, а как же! Делают ли в Южной Америке прививку от свинки? Не знаю. Короче, я вел корабль без команды. Остались телеграфист и второй инженер; телеграфист с утра, уже за завтраком, был пьян. А собственно, даже не пьян — то ли голова у него была такая крепкая, то ли прикладывался он понемногу, — во всяком случае, на ногах он держался совсем неплохо, особенно если отсутствовала сила тяжести (то есть почти все время, если не считать мелких поправок курса); но алкоголь был у него в глазах, в мозгу, и всякое поручение, всякий приказ мне приходилось тщательно контролировать — я мечтал о том, как набью ему морду, когда мы уже прилетим; на борту я не мог себе этого позволить, да и как ударишь пьяного? В трезвом виде это была типичная крыса, серая, пришибленная, немытая, и еще он имел премилую привычку,

сидя за столом в кают-компании, кого-нибудь материть морзянкой. Да, он выстукивал азбукой Морзе по столу, и несколько раз чуть не доходило до мордобоя, ведь все понимали морзянку, а он, припертый к стене, все твердил, что это у него такой тик. Нервный. Дескать, само так выходит. Я велел ему держать локти прижатыми к телу, так он выстукивал ногой или вилкой — артист, да и только. Единственным совершенно здоровым и нормальным человеком был инженер. Да, но он, видите ли, оказался инженером-дорожником. Нет, правда. С ним подписали контракт, потому что он согласился на полставки, и агенту этого было вполне достаточно, а я не додумался устроить ему экзамен, когда он явился на борт. Агент лишь спросил, разбирается ли он в механизмах, в машинах; он ответил, что да, — в машинах он разбирался. В дорожных. Я велел ему нести вахту. Он не отличал звезду от планеты. Теперь вы уже имеете представление, каким образом Ле Манс проворачивал большие дела. Правда, и я мог оказаться штурманом подводных лодок и, если бы это было возможно, пожалуй, даже прикинулся бы им. Заперся бы в каюте… Но я не мог. Агент не был сумасшедшим. Он рассчитывал если не на мою порядочность, то на мой инстинкт самосо-

хранения. Я ведь хотел вернуться. Сто тысяч тонн в пустоте все равно ничего не весят — отцепив их, я не увеличил бы скорость даже на миллиметр в секунду, а я не был столь зловреден, чтобы сделать это просто так. Хотя и такие мысли приходили мне в голову, когда я с утра разносил по каютам вату, минеральное масло, бинты, спирт, аспирин; единственным отдыхом была для меня та книжка о любви в пустоте, среди метеоритных тайфунов. Некоторые места я перечитал раз десять. Там были все кошмары, какие только возможны, — взбунтовавшиеся электрические мозги, радиопередатчики, встроенные в черепа агентов космических пиратов, красотка родом из другой солнечной системы, — но о свинке я не нашел ни слова. Тем лучше для меня, разумеется. Свинкой я сыт был по горло. Иной раз мне даже казалось, что космонавтикой — тоже.

В свободные минуты я пробовал выследить, где этот чертов телеграфист прячет свои запасы. Не знаю, может, я его переоцениваю, но, похоже, он выдавал кое-какие свои тайники нарочно, когда они уже истощались, просто чтобы я не отчаялся окончательно и не махнул рукой на его пьянство. Потому что мне до сих пор неизвестно, где был его главный тайник. Или он успел

проспиртоваться настолько, что основной запас носил прямо в себе? Как бы то ни было, я сновал по ракете, как муха по потолку, плавал по корме, по центральному отсеку, как это порой бывает во сне, и чувствовал себя одиноким как перст. Вся компания лежала с распухшими физиономиями по каютам, инженер торчал в рулевой рубке и учил с лингафоном французский — тишина, будто на зачумленном корабле, и лишь иногда через вентиляционные шахты доносился плач или пение. Того боливийского мексиканца. К вечеру его разбирало, и он проникался тоской бытия. Со звездами я дела почти не имел, если не считать той книжки. Некоторые места я знал наизусть, к счастью, теперь они уже выветрились у меня из головы. Я все ждал, когда свинка кончится, — такая робинзонова жизнь изводила меня чем дальше, тем больше. Дорожного инженера я избегал, хотя по-своему он был парень вполне приличный и все клялся мне, что, если бы не ужасные денежные передряги, в которые впутали его жена с шурином, он ни за что не подписал бы контракт.

Но он был из породы людей, которых я не выношу, — раскрывающих душу без всяких ограничений и тормозов. Не знаю, только ли

ко мне он испытывал такое исключительное доверие, — навряд ли, потому что есть вещи, говорить о которых не повернется язык, а он мог рассказывать обо всем, и я просто не знал, куда деться; хорошо еще, что «Жемчужина ночи» была достаточно велика — двадцать восемь тысяч тонн массы покоя, было где спрятаться.

Вы, конечно, догадываетесь, что это был мой первый и последний рейс у Ле Манса. С тех пор я уже не позволял так себя одурачить, хотя много чего повидал. Я бы не стал рассказывать об этом, в общем-то, не самом почетном эпизоде моей биографии, не будь он связан с той, несуществующей стороной космонавтики. Я ведь сразу сказал — помните? — что это будет история почти как из той книжки.

Метеоритное предупреждение мы получили, когда пересекали орбиту Венеры, но телеграфист спал, а может, просто не принял его, во всяком случае, я узнал об этом лишь наутро, из выпуска новостей, который передавала космонавигационная станция Луны. Честно сказать, в первую минуту это показалось мне просто невероятным. Дракониды давно прошли, пространство было чистым, метеоритные рои ходят, в конце концов, в положенные сроки, правда, Юпитер с его возму-

щениями любит подстраивать всякие шутки, но к этой шутке он не имел отношения — радиант был совершенно другой. Впрочем, предупреждение было всего лишь восьмой степени, пылевое, плотность роя крайне мала, процент крупных осколков ничтожный, правда, ширина фронта значительная — посмотрев на карту, я понял, что мы торчим в этом так называемом рое уже не меньше часа, а то и двух. Экраны оставались пусты. Я не очень-то беспокоился; необычным было лишь второе, дневное сообщение: телезондирование показало, что рой — внесистемный!

Это был второй такой рой за всю историю космической навигации. Метеориты — это остатки комет, и перемещаются они по вытянутым эллипсам, привязанные гравитацией к Солнцу, будто игрушки на нейлоновых нитках; внесистемный рой, то есть залетевший к нам из просторов Большой Галактики, — просто сенсация, правда, скорее для астрофизиков, чем для пилотов. Конечно, и для нас есть разница, хотя чаще всего небольшая, — в скорости. Системные рои не имеют больших скоростей. Их скорость не может превышать параболическую или эллиптическую. А рой, приходящий извне, может иметь — и обычно имеет — гиперболическую

скорость. Но на практике особенной разницы нет, так что в волнение приходят метеоритологи и астробаллистики, а не мы, пилоты.

Известие о том, что мы залетели в рой, не произвело на телеграфиста ни малейшего впечатления; я сказал об этом за обедом, включив, как обычно, двигатели на малую тягу; так мы корректировали курс, а заодно слабое тяготение облегчало нам жизнь. Не приходилось сосать суп через соломинку или выдавливать из тюбика баранину, переработанную в зубную пасту. Я всегда стоял за нормальные человеческие обеды и завтраки.

Зато инженер перепугался ужасно. То, что о рое я говорил, будто о летнем дождике, он склонен был счесть признаком помешательства. Я терпеливо ему втолковывал, что, во-первых, рой пылевой и очень разреженный, а вероятность встречи с достаточно крупным осколком меньше, чем вероятность погибнуть под люстрой, упавшей в театре; во-вторых, все равно ничего не сделаешь — «Жемчужина» не способна выполнить маневр расхождения; наконец, по чистой случайности наш курс почти совпадает с траекторией роя, так что опасность столкновения уменьшается еще в несколько сот раз.

Похоже, я не очень-то его убедил, но мне уже надоела эта психотерапия, надо было заняться телеграфистом и отрезать его от тайников со спиртным хотя бы на пару часов: в конце концов, во время роя он был нужнее, чем прежде. По-настоящему я боялся лишь одного — сигнала SOS. Кораблей здесь хватало, мы уже пересекли орбиту Венеры, и движение — не только грузовое — заметно оживилось; держа телеграфиста под рукой, я до шести часов по корабельному времени, то есть четыре часа с лишним, сидел у приемника и слушал эфир; к счастью, обошлось без сигналов тревоги. Рой был так разрежен, что приходилось буквально часами вглядываться в экраны радара, чтобы различить какие-то микроскопические, почти незаметные точечки, и я бы не поручился, что эти зеленые привиденьица не были просто обманом зрения, утомленного пристальным всматриванием. Тем временем не только радиант, но и всю траекторию этого гиперболического роя, который по имени звезды радианта уже окрестили Канопским, рассчитали на Луне и на Земле, и стало известно, что он, не достигнув Земли, уйдет за пределы Солнечной системы вдали от планет-гигантов, которые как раз находились на другой стороне от Солнца, — как

он вынырнул, так и канет в бездны Галактики, чтобы к нам уже не вернуться.

Дорожный инженер все не мог успокоиться и поминутно заглядывал в радиорубку, а я его гнал оттуда, требуя, чтобы он присматривал за рулями; разумеется, это было чистейшей фикцией: мы шли без тяги, а без тяги нет управления, к тому же он не смог бы выполнить даже простейший маневр, которого, впрочем, я никогда бы ему не доверил; но надо же было чем-то его занять, а себя избавить от его нескончаемого нытья. Он все допытывался, случалось ли мне уже проходить через рой, и сколько раз, приводило ли это к авариям, и насколько серьезным, и много ли шансов спастись в случае столкновения… Вместо ответа я дал ему «Основы космической навигации и космодромии» Краффта; он взял книгу, но, кажется, даже не заглянул в нее, ведь ему хотелось задушевных признаний, а не сухой информации. Все это происходило, напоминаю, на корабле, лишенном силы тяжести; в таких условиях движения людей, даже вполне трезвых, выглядят довольно комично — постоянно надо помнить о какой-нибудь привязи, о страховке, иначе, нажав карандашом на бумагу, можно вспорхнуть под потолок, а то и набить себе шишку. Телеграфист,

однако, держался другой системы: он набивал карманы чем попало — какими-то гирьками, гайками, ключами и, если ему случалось зависнуть над полом, просто лез в карман и швырял первый попавшийся предмет, чтобы отплыть в противоположную сторону. Этот метод действует безотказно и всякий раз подтверждает правильность ньютоновского закона действия и противодействия, однако он не слишком удобен, особенно для окружающих: брошенная вещица рикошетом отскакивает от стен, и такой беспорядочный полет твердых и способных пребольно стукнуть предметов может продолжаться довольно долго. Я упоминаю об этом, чтобы обогатить колорит того путешествия еще одной краской.

В эфире тем временем делалось тесно; многие пассажирские корабли, на всякий случай и в соответствии с правилами, меняли курс, у Луны с ними было немало работы, автоматические передатчики, передающие морзянкой орбитальные и курсовые поправки, которые рассчитываются большими стационарными вычислителями, строчили целыми сериями — слишком быстро, чтобы принять сигналы на слух. Радиофон был тоже полон голосов: пассажиры за немалые деньги сообщали встревоженным семьям, что чувствуют

себя превосходно и ничего им не угрожает, Луна-Астрофизическая передавала свежие данные о зонах сгущений роя, результаты спектрального анализа его состава, словом, программа была насыщенной, и особенно скучать у приемника не приходилось.

Мои космонавты со свинкой, уже дознавшиеся, конечно, о гиперболической туче, то и дело звонили в радиорубку, пока я не отключил их аппараты, заявив, что о пробоине в борту и разгерметизации они легко догадаются по отсутствию воздуха.

Около одиннадцати я пошел в кают-компанию перекусить; телеграфист, который, видать, только того и ждал, исчез, словно в воду канул, а я слишком устал, чтобы не то что его разыскивать, но даже думать о нем. Инженер закончил свою вахту; выглядел он заметно спокойнее и снова сокрушался главным образом из-за шурина, а уходя к себе (зевал он уже как кашалот), сказал, что левый экран радара, должно быть, неисправен: там в одном месте светится что-то зеленоватое. С этими словами он ушел; я доедал холодную говядину из консервной банки — и вдруг, воткнув вилку в неаппетитно застывший жир, замер.

Инженер разбирался в изображении на радаре,

как я в дорожном асфальте. Этот его «неисправный экран»…

Мгновение спустя я мчался в рулевую рубку. Впрочем, это только так говорится, на самом деле я двигался не быстрее, чем это возможно, когда все ускорение получаешь, цепляясь за выступы стен и потолка или отталкиваясь от них ногами. Рулевая рубка, когда я наконец до нее добрался, была словно выстужена, индикаторы пультов погашены, контрольные лампочки реактора едва тлели, как сонные светлячки, и лишь экраны радаров пульсировали неустанным кружением поисковых лучей; уже с порога я глядел на левый экран.

В нижнем правом квадранте светилась неподвижная точка, собственно даже — как я увидел, подойдя совсем близко, — пятнышко размером с монетку, приплюснутое наподобие линзы совершенно правильной формы; оно светилось зеленоватым фосфорическим светом, как крохотная, лишь с виду неподвижная рыбка в пустом океане. Если бы ее заметил нормальный вахтенный — но не теперь, не теперь, а полчаса назад! — он включил бы автоматический позиционный передатчик, известил бы меня, запросил у того корабля данные о курсе и назначении, но

у меня не было вахтенных, я опоздал на полчаса, я был один и делал, право, все сразу — запросил данные для опознания, зажег позиционные огни, включил передатчик, запустил реактор, чтобы в любую минуту включить тягу (реактор был холоден, как давно окоченевший покойник), — ведь минуты бежали; я даже успел включить ручной полуавтоматический вычислитель, и оказалось, что у того корабля курс почти совпадает с нашим, — разница составляла доли минуты, вероятность столкновения, и без того в пустоте невообразимо малая, равнялась почти нулю.

Вот только корабль этот молчал. Я пересел на другое кресло и принялся посверкивать ему морзянкой корабельного лазера. Он шел за нами примерно в девятистах километрах, то есть неслыханно близко, и, честное слово, я уже видел себя в Космическом трибунале (разумеется, не за «действия, приведшие к катастрофе», а просто за «нарушение параграфа восемь Космонавигационного кодекса в результате ОС — опасного сближения»). Думаю, даже слепой увидел бы мои световые сигналы. И вообще: этот корабль упорно торчал у меня в радаре и не желал отвязаться, а напротив, постепенно приближался к «Жемчужине», потому что шел с ней почти одинаковым

курсом. Наши пути были почти параллельны; он шел уже по краю квадранта, потому что мчался вдвое быстрее. На глаз я оценил его скорость как гиперболическую; и верно, два замера с интервалом в десять секунд показали, что он проходил девяносто километров в секунду. А мы — каких-нибудь сорок пять!

Он не отвечал и приближался, выглядел он уже внушительно, даже слишком внушительно. Зеленовато светящаяся линза, видимая сбоку, острое веретенце… Я посмотрел на радарный дальномер: уж больно это пятнышко выросло. Расстояние — четыреста километров. Я заморгал. С такого расстояния любой корабль выглядит как запятая. «Ох уж эта мне „Жемчужина ночи“! — подумал я. — Все тут не как у людей». Переключил изображение на вспомогательный малый радар с направленной антенной. Оно осталось неизменным. Меня взяла оторопь. Может, это тоже какой-нибудь «поезд Ле Манса», вроде того, на котором я машинист? Штук сорок ракетных остовов, один за другим, отсюда эти размеры… Но откуда сходство с веретеном?

Радароскопы работали, автоматический дальномер все тикал и тикал. Триста километров. Двести шестьдесят. Двести…

Я еще раз начал рассчитывать курсы по Гаррельсбергеру — прохождение могло оказаться слишком уж близким. Известно: когда на море начали применять радар, все почувствовали себя в безопасности, а суда по-прежнему тонут. И снова вышло, что корабль пройдет перед носом «Жемчужины» в каких-нибудь тридцати — сорока километрах. Я проверил оба передатчика — автомат, вызывающий по радио, и лазерный. Оба работали, но чужак продолжал молчать.

До этой минуты совесть была у меня не вполне спокойна: ведь мы летели вслепую, пока инженер жаловался на шурина и желал мне спокойной ночи, а я выковыривал из банки говядину, потому что команда слегла и все навалилось на меня одного, — но теперь я словно прозрел. Во мне вскипело праведное негодование, истинного виновника я видел уже в этом глухом, немом корабле, который на гиперболической скорости гнал через сектор и даже не считал нужным отвечать на мои настойчивые запросы!

Я включил радиофон и начал его вызывать. Я требовал сразу всего — чтобы он включил позиционные огни и пустил сигнальные ракеты, чтобы сообщил свои позывные, название, место назначения, судовладельца, — все это, конечно,

условными сокращениями; а он преспокойно летел себе, молча, ни на волос не меняя ни курса, ни скорости, и был уже в восьмидесяти километрах от нас.

До сих пор он держался чуть левее и сзади, но все заметнее нас обгонял: каждую секунду он проходил вдвое больше, чем мы; вычислитель не учитывал угловую поправку, и я знал, что сближение будет меньше расчетного на несколько километров. Меньше тридцати наверняка, а может, всего только двадцать. Я должен был тормозить — такое сближение недопустимо, — но тормозить я не мог. За мной тянулись чуть ли не полтораста тысяч тонн ракетного кладбища; всю эту рухлядь пришлось бы сперва отцепить. Один я не справился бы, а экипаж боролся со свинкой, так что о торможении не приходилось и думать. Скорее тут пригодилась бы философия, чем космодромия: стоицизм, фатализм и даже, если вычислитель вдруг невероятно ошибся, кое-что из эсхатологии.

На расстоянии двадцать два километра тот корабль уже явно стал обгонять «Жемчужину». Теперь дистанции предстояло лишь увеличиваться, так что все вроде было в порядке; до этой минуты я не сводил глаз с траектометра — рас-

стояние было важнее всего — и лишь теперь перевел взгляд на радароскоп.

Это был не корабль, а летающий остров, впрочем, не знаю — что. В двадцати километрах он был размером с мои два пальца, идеально правильное веретено превратилось в диск, нет — в кольцо!

Вы давно уже, конечно, подумали, что нам повстречался корабль «пришельцев». Раз уж в длину он имел десять миль... Легко сказать, но кто же верит в корабли «пришельцев»? Первым моим побуждением было пуститься вдогонку. Ей-богу! Я схватился за рычаг главной тяги — но не перевел его. У меня на буксире тащилась груда ракетного лома; ничего бы не вышло. Я вскочил с кресла и по узкой лифтовой шахте поднялся в астрономическую каюту, встроенную в наружный панцирь над рулевой рубкой. Там, прямо под рукой, было все, что мне требовалось: подзорная труба и ракеты. Я выстрелил в сторону того корабля три штуки, одну за другой, так быстро, как только мог, и, когда первая вспыхнула, начал его искать. Он был огромен, как остров, но нашел я его не сразу. Вспышка ослепила меня, пришлось терпеливо ждать, пока глаза опять начнут видеть. Вторая ракета сгорела далеко в стороне, без

всякой пользы, а третья — выше. В ее неподвижном, белом-белом свете я увидел того чужака.

Я видел его каких-нибудь пять, ну, может, шесть секунд: ракета, как это порою бывает, вспыхнула сильней и погасла. Но за эти мгновения я в ночную, восьмидесятикратную трубу разглядел освещенную сверху — довольно слабо, призрачно, но целиком — темную громаду металла; я видел ее как бы в нескольких сотнях метров. Она едва умещалась в поле обзора; в самом центре отчетливо светились несколько звезд, словно там она была прозрачной, — словно это был отлитый из темной стали, летящий в пространстве, пустой в середине туннель. Но в последней вспышке ракеты я успел разглядеть нечто вроде приплюснутого цилиндра, свернутого в кольцо, как очень толстая автомобильная шина; я мог смотреть сквозь пустой центр, хотя он лежал не точно по оси моего взгляда, — этот колосс был повернут ко мне углом, как стакан, который слегка наклонили, чтобы медленно вылить содержимое.

Понятно, я не стал размышлять над увиденным, а пустил еще несколько ракет. Две так и не загорелись, третья быстро погасла, четвертая и пятая осветили его — в последний раз. Потому

что теперь, пересекши курс «Жемчужины», он уходил все быстрее; он был уже в ста, в двухстах, в трехстах километрах — визуальное наблюдение стало невозможным.

Я немедля вернулся в рулевую рубку, чтобы как следует рассчитать элементы его движения; затем я собирался поднять на всех диапазонах такую тревогу, какой еще не знала космическая навигация; я уже представлял себе, как по намеченному мною пути бросятся целые своры ракет, чтобы вцепиться в этого гостя из бездны.

Я, собственно, был уверен, что он пришел с галактическим роем. При определенных условиях глаз вполне сравним с фотокамерой, и картину, увиденную в ярком свете хотя бы на долю секунды, можно долго не только припоминать, но даже анализировать во всех подробностях, почти как реальную. А я в последней, судорожной вспышке ракеты увидел сооружение просто огромное; его растянувшиеся на целые мили бока были не гладкими, а изрытыми, почти как лунный грунт, свет растекался по шероховатостям, бугоркам, кратерообразным впадинам — должно быть, он летел миллионы лет, темный и мертвый входил в пылевые туманности, столетия спустя выходил из них, а метеоритная пыль десятками тысяч ударов

грызла его и разъедала вакуумной эрозией. Я бы не смог ответить, откуда во мне эта уверенность, но я знал, что там нет ни единой живой души, что это мертвый, миллиардолетний остов, а может, мертва уже и создавшая его цивилизация!

Размышляя об этом, я в четвертый, пятый, шестой раз — для большей надежности, на всякий случай, — рассчитывал элементы его движения, и каждый промежуточный результат ударом клавиши посылал в записывающее устройство; было жаль терять даже секунду, потому что он был уже только зеленоватой фосфорической запятой, спокойным светлячком в крайнем секторе правого экрана — в двух тысячах, в трех тысячах, в шести тысячах километров.

Когда я окончил расчеты, он уже исчез. Но мне-то что? Он был мертв, не способен к маневрированию и не мог никуда скрыться; правда, он летел с гиперболической скоростью, но его легко догнал бы любой корабль с достаточно мощным реактором; а имея так точно рассчитанные элементы движения…

Я открыл кассету записывающего аппарата, чтобы вынуть бумажную ленту и пойти с ней в радиорубку, — и, словно громом пораженный, застыл, оторопевший, уничтоженный…

Металлический барабан был пуст; лента давно уже — может, за несколько часов до того, а может, и дней — кончилась, новую никто не вставил, и все результаты я посылал в никуда, они пропали все до единого; не осталось ни корабля, ни его следа, ничего…

Я метнулся к экранам, потом, ей-богу, хотел отцепить этот проклятый балласт, бросить добро Ле Манса ко всем чертям и пуститься — куда? Я и сам толком не знал. Ну да, направление… Примерно на созвездие Водолея, но какая же это цель! Или все-таки?.. Если сообщить по радио сектор, пусть в приближении, и скорость…

Это следовало сделать. Это было моей обязанностью, первейшей из первых, если у меня вообще оставались хоть какие-нибудь обязанности.

Я поехал на лифте в центральный отсек, в радиорубку, и уже намечал очередность действий: вызвать Луну-Главную и потребовать право первенства для дальнейших моих сообщений, так как речь идет об информации величайшей важности; тогда сообщения будет принимать не автомат, а скорее всего дежурный диспетчер Луны; я доложу, что заметил чужой корабль, который пересек мой курс с гиперболической скоростью и, вероятно, пришел с галактическим

роем. Диспетчер немедленно потребует сообщить элементы его движения. Мне придется ответить, что я, правда, их рассчитал, но ими не располагаю, потому что барабан аппарата по недосмотру был пуст. Тогда он потребует, чтобы я назвал опознавательный код пилота, первым заметившего этот корабль. Но кода такого тоже нет, потому что вахту нес инженер-дорожник, а не космонавт; затем, если уже это не покажется ему подозрительным, он спросит, почему я не приказал радисту немедленно передавать результаты замеров в эфир; мне придется объяснить, что телеграфист не нес службы, потому что был пьян. Если он и после этого еще пожелает вести со мной разговор через разделяющие нас триста шестьдесят восемь миллионов километров, он полюбопытствует, почему телеграфиста не заменил кто-нибудь из пилотов; а я отвечу, что у всего экипажа свинка и высокая температура. И если до этой минуты он все еще будет испытывать сомнения, тут он окончательно убедится, что человек, который среди ночи ошарашивает его новостями о корабле «пришельцев», либо не в своем уме, либо пьян. Он спросит, остались ли у меня какие-либо документальные подтверждения, скажем, фотографии, сделанные при

свете сигнальных ракет, ферромагнитные ленты с записями радарных наблюдений или хотя бы записи всех радиовызовов, с которыми я к нему обращался. Но у меня нет ничего, решительно ничего — я слишком спешил, я не думал, что понадобятся какие-то там фотографии, раз уж земные корабли вскоре настигнут необычную цель, и все записывающие устройства были отключены. Тогда он сделает то, что сделал бы я на его месте: прикажет мне отключиться и спросит все корабли в моем секторе, не заметил ли кто-то из них что-нибудь подозрительное. Так вот: ни один корабль не мог увидеть галактического гостя. В этом я был уверен. Сам я встретил его лишь потому, что летел в плоскости эклиптики, хотя это строжайше запрещено, — здесь всегда полно пыли, перемолотых временем метеоритов и кометных хвостов. Я нарушил этот запрет, иначе мне не хватило бы топлива для маневров и Ле Манс не разжился бы ста сорока тысячами тонн ракетного лома. Значит, пришлось бы сразу предупредить диспетчера Луны, что встретились мы в запрещенной зоне, и тогда не миновать неприятной беседы в дисциплинарной комиссии Космического трибунала. Конечно, обнаружение того корабля значило больше, чем нагоняй на

комиссии, а хоть бы даже и наказание, — однако лишь при условии, что его в самом деле догонят. Но именно это казалось мне совершенно немыслимым. Пришлось бы потребовать, чтобы в зону двойной опасности — в плоскость эклиптики, через которую к тому же проходит гиперболический рой, — бросили на поиски целую флотилию кораблей. Диспетчер Луны, хотя бы даже и захотел, не имел права этого сделать, а если я расшибусь в лепешку и до утра буду вызывать земной КОСНАВ, Международную комиссию по исследованию пространства и черт знает кого еще, начнутся совещания и заседания, и, если они пойдут в молниеносном темпе, через каких-нибудь три недели решение будет принято. Но, как я рассчитал еще в лифте — той ночью мне действительно думалось очень быстро, — к тому времени чужак будет в ста девяноста миллионах километров от места встречи, то есть уже за Солнцем, мимо которого пройдет достаточно близко, чтобы оно изменило его траекторию; и пространство, в котором придется его искать, возрастет до десяти с лишним триллионов кубических километров. А то и двадцати.

Так это выглядело, когда я добрался до радиорубки. Я сел и попробовал еще прикинуть, велики

ли шансы обнаружить корабль при помощи большого радиотелескопа Луны, самой мощной радиоастрономической установки во всей Солнечной системе. Однако Земля с Луной как раз находились на противоположной от нас — и от того корабля — стороне орбиты. Радиотелескоп был мощный, но не настолько, чтобы на расстоянии четырехсот миллионов километров заметить тело длиной в несколько миль. На этом вся история и закончилась. Я порвал листки со своими расчетами, встал и тихо пошел в каюту с таким чувством, будто совершил преступление. К нам залетел гость из Космоса, такой визит случается — как знать? — раз в миллионы, нет — в сотни миллионов лет. И вот — из-за свинки, Ле Манса, его железной рухляди, пьяного метиса, инженера с его шурином и моих упущений — он прошел у нас сквозь пальцы, чтобы растаять, как призрак, в бесконечном пространстве. С той ночи я жил в каком-то странном напряжении двенадцать недель — за это время мертвый корабль должен был войти в зону планет-гигантов и уже навсегда оказаться для нас потерянным. Я, сколько было возможно, не уходил из радиорубки в надежде, все более слабой, что кто-то порасторопней, чем я, или просто удачливей, его

обнаружит. Но ничего такого не произошло. Понятно, я никому не сказал об этом. Человечеству не часто выпадают такие оказии. Я чувствую себя виноватым не только перед ним — но и перед тем, другим человечеством; и я не дождусь даже геростратовой славы — теперь, через столько лет, никто мне, к счастью, уже не поверит. Я и сам-то порой сомневаюсь: а может, и не было ничего, кроме холодной, невкусной говядины.

Несчастный случай

Анел не вернулся в четыре, но этого как будто никто и не заметил. Около пяти уже начинало темнеть, и Пиркс, не столько обеспокоенный, сколько удивленный, хотел спросить Крулля, что это значит, но сдержался — он не был руководителем группы, и подобные вопросы, вполне законные и абсолютно невинные, могли вызвать нарастающую лавину взаимных придирок. Он прекрасно знал, как это происходит: подобное повторялось не раз, особенно когда коллектив был с бору по сосенке. Три человека абсолютно разных профессий в сердце гор, на никому не нужной планете, выполняющие задание, которое, пожалуй, все, включая его самого, считали бессмысленным. Их привезли на маленьком старом гравистате, которому предстояло остаться здесь навсегда, — все равно он годился только на слом; вместе с ними доставили разборный алюминиевый дом, немного приборов и радиостанцию столь преклонного возраста, что от нее было больше хлопот, чем проку; за семь недель им предстояло завершить «общую рекогносци-

ровку», словно это было возможно. Пиркс никогда бы не стал этим заниматься, понимая, что речь идет лишь о расширении района исследований, производимых разведывательной группой, да еще об одной циферке в отчетах, которыми пичкали информационные машины на базе. Это, вероятно, могло иметь некоторое значение при распределении средств, людей и мощностей на следующий год. И ради того, чтобы на лентах памяти появилась трансформированная в дырочки цифра, они без малого пятьдесят дней сидели на пустом месте, которое при других обстоятельствах, может, и было бы привлекательным, хотя бы с точки зрения альпинизма. Однако наслаждаться альпинизмом было, разумеется, строжайше запрещено, и самое большее, что мог сделать Пиркс, это во время сейсмических и триангуляционных измерений рисовать в своем воображении трассы восхождений.

У планеты даже не было собственного имени, и в каталогах она числилась как Йота дробь 116, дробь 47 проксимы Водолея. Она походила на Землю больше, чем любая из всех, какие Пиркс когда-либо видел: маленькое желтое солнце, соленый океан, свекольно-зеленый от трудолюбивых водорослей, насыщающих атмосферу

кислородом, да огромный трехлапый континент, покрытый первобытной растительностью. Планета прекрасно подходила бы для колонизации, если бы не ее солнце типа G новооткрытой разновидности VII, неустойчивое, с неравномерным излучением; ну а коль скоро астрофизики наложили вето, то, если даже очередная вспышка Новой ожидалась лишь через сто миллионов лет, все планы освоения этой земли обетованной приходилось перечеркнуть.

Пиркс порой каялся, что поддался уговорам и принял участие в экспедиции, но это было не очень искреннее раскаяние. Так или иначе, ему пришлось бы торчать на базе три месяца: потому что попасть в Солнечную систему раньше было невозможно. Его ждали подземные климатизированные сады базы и отупляющие телевизионные передачи с развлечениями по меньшей мере десятилетней давности, поэтому он охотно откликнулся на предложение начальника, который, со своей стороны, радовался, что может удружить Круллю, — ни одного свободного человека не было, а посылать в экспедицию только двоих инструкция запрещала. Таким образом, Пиркс свалился космографу на голову как манна небесная. Впрочем, Крулль не проявил восторга

ни сразу, ни потом; вначале Пиркс даже думал, что тот расценивает его поступок как «барский каприз», коль он из командира корабля согласился стать рядовым разведчиком; казалось, что Крулль чувствовал скрытую обиду. Однако это не была обида, просто, прожив полжизни — ему уже перевалило за сорок, — Крулль стал желчным, словно его кормили одной полынью. А поскольку в изолированном от мира коллективе ничего нельзя скрыть и люди со всеми своими достоинствами и недостатками становятся прозрачными как стекло, Пиркс быстро понял, откуда в характере Крулля, вообще-то выдержанного, даже твердого человека, эта задиристость — ведь за плечами Пиркса было больше десяти лет внеземной службы. Просто Крулль стал не тем, кем хотел, а тем, кем вынужден был стать, поскольку для взлелеянной в мечтах работы не годился. А в том, что когда-то он хотел стать не космографом, а интеллектроником, Пиркс убедился, видя, как категорично высказывается Крулль в беседах с Массеной, стоит разговору перейти на интеллектронные темы; Крулль говорил «интеллектральные» — как требовал профессиональный жаргон.

Массене, к сожалению, недоставало терпимо-

сти, а может, ему просто плевать было на мотивы, которыми руководствовался Крулль; во всяком случае, если тот настаивал на каком-либо ошибочном решении, Массена не ограничивался простым отрицанием его правоты, а, взяв в руки карандаш, укладывал Крулля на обе лопатки с помощью безукоризненных математических расчетов и добивал с таким удовольствием, словно для него важнее было доказать не собственную правоту, а то, что Крулль — самоуверенный осел. Но это было не так. Крулль был не самоуверенным, а просто человеком с повышенной чувствительностью, как всякий, честолюбие которого несоизмеримо со способностями.

Пиркс, бывший невольным свидетелем одного из таких разговоров — впрочем, трудно было этого избежать, поскольку они втроем жили на сорока квадратных метрах, а звукоизоляция перегородок была сплошной фикцией, — знал, чем это кончится. И точно, Крулль, который не смел показать Массене, как сильно подействовало на него поражение, всю неприязнь перенес на Пиркса, впрочем, в весьма своеобразной форме: перестал с ним разговаривать, кроме случаев, когда это было необходимо.

Тогда он сошелся с Массеной — с этим черно-

волосым и светлоглазым холериком и впрямь можно было подружиться, — но Пирксу всегда было нелегко с холериками, в глубине души он им не очень-то доверял. С Массеной вечно что-то случалось: он требовал, чтобы ему посмотрели в горло, обещал перемену погоды, потому что кости ломит (никаких перемен не происходило, но он все равно продолжал их предсказывать), утверждал, что страдает бессонницей, и каждый вечер демонстративно искал таблетки, которые почти никогда не глотал, — просто на всякий случай клал их рядом с постелью, а утром клялся Пирксу, который, допоздна засиживаясь над книжкой, прекрасно слышал его храп, что всю ночь глаз не сомкнул, и, сдается, сам в это верил. Но помимо этого он был отличным специалистом и блестящим математиком с организаторскими способностями, которому поручали текущее программирование автоматической разведки. Одну из таких программ он взял с собой для разработки «в свободную минуту», а Крулль страдал, видя, что Массена очень быстро и хорошо делает свое дело и у него действительно остается много времени; поэтому не было оснований для претензий, что-де он не исполняет своих обязанностей как следует. Массена подходил им еще и потому,

что, как это ни парадоксально, в их планетологической микроэкспедиции не было ни одного настоящего планетолога — ведь и Крулль не был планетологом. Удивительно все-таки, до чего неудачно могут сложиться взаимоотношения трех достаточно нормальных людей в такой скалистой пустыне, какую представляло собой Южное нагорье Йоты!

Был в этом коллективе и еще один член — уже упоминавшийся Анел, или Автомат Нелинейный, одна из новейших моделей с высоким уровнем самостоятельности, изготовлявшихся на Земле для исследовательской работы именно в таких условиях. Массена вошел в группу в качестве кибернетика — это была лишь дань устаревшей традиции, правила предусматривали, что при автомате должен быть кто-то, способный в случае необходимости его отремонтировать. Так продолжалось уже добрый десяток лет — как известно, правила меняются не слишком часто, — но Анел, о чем не раз говорил сам Массена, в случае необходимости мог «отремонтировать» самого кибернетика, и не только по причине своей абсолютной безотказности, но и потому, что обладал элементарными познаниями в медицине. Пиркс давно приметил, что человек подчас легче по-

знается в его отношении к роботам, чем к людям. Его поколение жило в мире, неотъемлемую часть которого наряду с космическими кораблями составляли автоматы, но мир автоматов был окутан неким налетом иррационализма. Некоторым легче было полюбить обычную машину, скажем, собственный автомобиль, чем машину мыслящую. Период широкого экспериментаторства конструкторов уже подходил к концу — по крайней мере казалось, что это так. Создавали автоматы только двух типов: универсальные и узкого назначения. Лишь небольшой группе универсальных придавали формы, похожие на человеческое тело, да и то потому, что из всех опробованных конструкций заимствованная у природы оказалась самой безотказной, особенно в тяжелых условиях иных планет.

Нельзя сказать, чтобы инженеры очень обрадовались, когда их детища начали проявлять самостоятельность, которая помимо воли наводила на мысль о духовной жизни. В принципе считалось, что автоматы мыслят, но «не имеют индивидуальности». Действительно, никто не слышал об автомате, который бы впадал в ярость, воодушевлялся, смеялся или плакал; они были в высшей степени уравновешенными, как того и желали

конструкторы. Однако их мозги создавались не на монтажном конвейере, а путем постепенного выращивания монокристаллов, при котором всегда бывает не поддающийся управлению статистический разброс, — даже микроскопические смещения молекул вызывали такие конечные отклонения, что в принципе не существовало двух совершенно одинаковых автоматов. Итак, все-таки индивидуальности? Нет, отвечал кибернетик, результат вероятностного процесса; так же думал и Пиркс, и, пожалуй, каждый, кто часто общался с роботами и целыми годами мог наблюдать за их молчаливой, всегда целенаправленной, всегда логичной деятельностью. Конечно, они походили друг на друга гораздо больше, чем люди, но все же у каждого был свой норов, пристрастия, а встречались и такие, которые, исполняя приказы, организовывали что-то вроде «молчаливого сопротивления», — если это длилось долго, дело кончалось капитальным ремонтом.

У Пиркса, и наверняка не у него одного, в отношении этих своеобразных машин, так точно и подчас так творчески выполнявших задания, была не совсем чиста совесть. Может, это началось, еще когда он командовал «Кориоланом». Во всяком случае, то, что человек создал мыс-

лящий орган вне собственного тела и сделал его зависящим от себя, Пиркс считал не вполне нормальным. Он, конечно, не мог сказать, откуда берется это легкое беспокойство, какое-то ощущение невыполненного долга, что ли, смутная мысль, что решение принято неправильно или попросту, грубо говоря, совершена пакость. Было какое-то изощренное коварство в холодном спокойствии, с каким человек запихивал добытые о себе знания в бездушные машины, присматривая за тем, чтобы не повысился уровень их одушевленности и они не стали конкурентами своего творца в познании прелестей мира. В приложении к сметливым конструкторам максима Гете «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister»[1] приобретала неожиданный смысл похвалы, переходившей в язвительный укор, ибо не себя решили они ограничить, но дело рук своих. Разумеется, Пиркс никогда не решался высказать вслух подобную мысль, потому что сознавал, как она смешно прозвучит; автоматы не были обездоленными, не были они и объектом безудержной эксплуатации, все проще и в то же время хуже — с моральной точки зрения сложнее для критики;

---

[1] Примечания: 1

«Лишь в ограничении познается мастер» *(нем.).*

их возможности ограничили раньше, чем они появились в чертежах.

...В тот день, накануне отлета, работы, собственно, были уже окончены. Однако, когда пересчитали ленты, на которых фиксировались результаты экспедиции, оказалось, что одной недостает. Просмотрели машинную память, перерыли все захоронки и ящики, причем Крулль дважды советовал Пирксу осмотреть собственные вещи — от этого совета разило ехидством, потому что Пиркс вообще не имел никакого отношения к пропавшей ленте, да и не стал бы прятать ее в чемодан. У Пиркса язык зачесался — так ему захотелось ответить; тем более что до сих пор он обычно отмалчивался и старался находить любые оправдания вызывающему, даже оскорбительному поведению Крулля. Но он сдержался и на этот раз, заметив только, что, если необходимо повторить наблюдения, он охотно сделает это сам, взяв Анела в помощники.

Однако Крулль решил, что Анел обойдется без Пиркса; поэтому они навьючили на робота аппарат, кассеты с фотопленкой и, вложив в поясные футляры реактивные патроны, послали Анела к вершинам горного массива.

Робот вышел в восемь утра — Массена вслух

высказал уверенность, что он управится с делами до обеда. Однако прошло два, три, четыре часа, наконец сгустились сумерки, но Анел не возвращался.

Пиркс сидел в углу и при свете лампы читал изрядно потрепанную книгу, которую взял на Базе у какого-то пилота, но почти ничего не понимал. Сидеть было не очень удобно. Рифленая алюминиевая стенка давила на спину, надувная подушка спустила, и он чувствовал, как сквозь прорезиненную ткань в тело врезаются острые гайки. Однако он не изменял положения — неудобная поза удивительно гармонировала с растущей в нем злостью. Ни Крулль, ни Массена до сих пор, казалось, не замечали отсутствия робота. Крулль, который отнюдь не был шутником и даже не пытался острить, непонятно почему с первого же дня упорно величал Анела Ангелом или даже Железным Ангелом, иначе к нему не обращался, и такая, по сути, мелочь уже столько раз раздражала Пиркса, что за одно это он невзлюбил космографа. У Массены отношение к роботу было профессиональное: все интеллектроники знают или, во всяком случае, делают вид, будто знают, какие молекулярные процессы и токи вызывают те или иные реакции или ответы автомата, и

поэтому отвергают любые предположения об их разумности как абсолютную чушь. Тем не менее к Анелу он относился так же, как хороший механик к своему дизелю: не позволял перегружать, любил за исполнительность и заботился о нем, как мог.

В шесть терпение Пиркса лопнуло, у него занемела нога, и он стал потягиваться так, что трещали кости, шевелить ступней и сгибать ногу в колене, чтобы ускорить кровообращение, а потом принялся расхаживать из угла в угол, прекрасно зная, что это лучший способ досадить Круллю, погруженному в проверку вычислений.

— Могли бы и потише! — сказал наконец Крулль, обращаясь к ним обоим, словно не видел, что ходит один Пиркс, а Массена, надев наушники и развалившись в пневматическом кресле, с увлечением слушает какую-то передачу. Пиркс открыл дверь — его обдало могучим потоком западного ветра — и, когда глаза немного привыкли к темноте, прислонился спиной к гудящей под напором ветра стене из листового алюминия и уставился в сторону, откуда должен был появиться Анел. Он видел только редкие звезды, дрожавшие в воздухе, порывы ветра холодным потоком обрушивались ему на голову, спутывали

волосы, а ноздри и легкие прямо-таки распирало от ветра — скорость была метров сорок в секунду. Он постоял, а когда продрог, вернулся в дом, где Массена, зевая, снимал с головы наушники и расчесывал пятерней волосы. Крулль, сморщенный, сухой, терпеливо складывал бумаги в папки, постукивая по столу пачкой листов, чтобы подравнять их.

— Нет его! — сказал Пиркс и сам удивился, как это прозвучало — почти как вызов. Крулль и Массена, видимо, заметили, каким тоном это было сказано, потому что Массена быстро взглянул на Пиркса и бросил:

— Это ничего, дойдет, хоть и темно. Вернется на инфракрасном…

Пиркс посмотрел на него, но ничего не ответил. Проходя мимо Крулля, он поднял с кресла брошенную книжку и, усевшись в своем углу, притворился, что читает. Ветер усиливался. Звуки за окном нарастали, переходили в вой. Что-то мягко шлепнулось о стену — ветка? — и опять потянулись минуты молчания. Массена, явно ожидавший, что всегда уступчивый Пиркс возьмется готовить ужин, наконец встал и начал вскрывать банки саморазогревающихся консервов, каждый раз внимательно читая надписи на

этикетках, словно надеялся найти среди запасов какое-нибудь неизвестное до сих пор лакомство. Пирксу есть не хотелось. Точнее, он был голоден, но ему не хотелось двигаться с места. Постепенно его начало охватывать недоброе, холодное бешенство, он ополчился бог весть почему на обоих товарищей, которые вообще-то были не худшими из возможных.

Считал ли он, что с Анелом что-то приключилось? Что робот, скажем, подвергся нападению «таинственных жителей» планеты, в которых не верит никто, кроме сказочников? Если б был хоть один шанс на сто тысяч, что планету населяют какие-то существа, они наверняка не сидели бы так, погрязнув в мелких делишках, а немедленно предприняли все возможные шаги, предусмотренные правилами в пунктах втором, пятом, шестом и седьмом восемнадцатого параграфа, а также третьим и четвертым разделами правил специального поведения. Но такого шанса не было; не было вообще никаких шансов. Скорее взорвется солнце Йоты. Да, это гораздо вероятнее. Так что же могло случиться с Анелом?

Пиркс ощущал, как непрочно спокойствие в этом доме, содрогающемся под порывами ветра. Не один Пиркс делал вид, что читает и не хочет

ужинать. Остальные тоже включились в игру, сначала незаметную, но все более явную по мере того, как уходило время.

По линии технического обслуживания Анел подчинялся Массене как интеллектронику, Крулль же, будучи начальником группы, командовал им как членом экспедиции. Так что виноватым мог оказаться любой из них. Может, Массена чего-то недосмотрел, а может, Крулль неточно указал Анелу трассу? В конце концов выяснить это было не так трудно, и не из-за этого росло и нагнеталось напряжение.

Крулль с самого начала помыкал роботом, награждал его презрительными кличками и гонял по мелочам, от чего остальные члены группы воздерживались хотя бы потому, что универсальный робот — не лакей. И делал он это, видимо, затем, чтобы, унижая Анела, досадить Массене, прямо задирать которого не решался.

Теперь шла борьба нервов — первый, кто проявит беспокойство о судьбе Анела, как бы признает себя побежденным. Пиркс чувствовал, что и он оказался втянутым в молчаливое соревнование, столь дурацкое и одновременно столь напряженное. Он подумал, с чего бы он начал на месте руководителя. Наверно, с немногого — в

такую ночь нельзя отправляться на поиски. Так или иначе, оставалось ждать утра, а сейчас разве что попытаться установить радиосвязь, причем с минимальными шансами на успех, — радиус связи на ультракоротких волнах в сильно пересеченной горной местности был невелик.

До сих пор они никогда не посылали Анела одного, хотя инструкция этого не запрещала, но в ней была масса ограничительных параграфов с бесчисленными оговорками. А впрочем, черт с ними, с параграфами! Пиркс считал, что Массена, вместо того чтобы раздраженно выковыривать из банки остатки пригоревшего мяса, мог бы все-таки попытаться вызвать робота по радио. Он раздумывал, что было бы, если б он сделал это сам. С Анелом наверняка что-то случилось. Может ли робот сломать ногу? Никогда ни о чем подобном Пирксу слышать не приходилось.

Он встал, подошел к столу и, чувствуя на себе деланно-равнодушные взгляды товарищей, стал внимательно изучать карту, на которой Крулль собственноручно вычертил маршрут Анела. Не выглядит ли это так, будто он контролирует руководителя? Пиркс быстро поднял голову, встретил взгляд Крулля, который явно хотел что-то сказать и уже раскрыл было рот. Но под холодным взгля-

дом Пиркса он только кашлянул и, сгорбившись, стал дальше сортировать бумаги. Видимо, Пиркс, сам того не сознавая, здорово подействовал на него своим взглядом, — в такие минуты в нем просыпалось что-то, от чего на борту ракеты его слушались, уважали, но отчасти и побаивались.

Он отложил карту. Трасса доходила до большой скалистой стены с тремя словно подмытыми потоком утесами и дальше огибала их. Мог ли робот не выполнить задание? Это было невероятно.

«Но ведь можно повредить ногу, даже попав в маленькую трещину!» — подумал Пиркс. Нет, это глупо. Робот, такой, как Анел, может упасть хоть с сорокаметровой высоты. И не из таких положений они выходят целыми и невредимыми. Металл, из которого они сделаны, покрепче хрупких человеческих костей. Так что же случилось, черт побери?

Он выпрямился и с высоты своего роста взглянул сначала на Массену, который, оттопырив губу, дул, остужая слишком горячий чай, потом на Крулля и наконец, демонстративно отвернувшись, пошел в крохотную спальню, где, пожалуй, с излишней резкостью выдернул из стены складную кровать и привычно, в четыре приема скинув одежду, забрался в спальный мешок. Он

знал, что ему вряд ли удастся заснуть, но сидеть с товарищами было невмоготу. Вовсе не исключено, что, оставшись с ними, он бы сказал, что думает, и зря — так и сяк завтра они расстанутся; с того момента, как они войдут в корабль, оперативная группа Йоты прекратит существование.

Ему уже начало мерещиться разное — серебристые ручейки стекали из-под век, пушистые светлячки манили ко сну; он перевернул подушку на прохладную сторону — и вдруг словно воочию увидел перед собой Анела, каким он ему запомнился за несколько минут до выхода. Массена как раз прилаживал к нему ракетные патроны, которые позволяли, как бы наперекор гравитации, несколько минут продержаться в воздухе; это устройство применяли все, разумеется, при обстоятельствах, учитываемых предусмотрительными инструкциями. Странная это была сцена — всегда странно смотреть, как человек помогает роботу. Обычно бывает как раз наоборот. Однако Анел не мог дотянуться рукой до футляров, укрепленных под торчащим словно горб, набитым до отказа рюкзаком. Он нес груз, которого хватило бы двум людям. На деле в этом не было ничего дурного — в конце концов он был просто машиной и в случае необходимости мик-

роскопическая стронциевая батарея, заменявшая ему сердце, давала мощность в шестнадцать лошадиных сил. Однако сейчас, в предсонном дурмане, Пирксу все это, вместе взятое, не очень понравилось; он всей душой был на стороне молчаливого Анела и склонялся к мысли, что тот, подобно ему самому, вовсе не так уж спокоен по натуре, а только прикидывается спокойным, делая вид, что все идет нормально. Прежде чем окончательно погрузиться в сон, Пиркс подумал еще кое о чем. Это были самые потаенные мечты, каким только может предаваться человек, — наверно, потому, что после пробуждения обычно не помнит о них, — то, что завтра он не будет помнить ничего, оправдывает сегодня все. Пиркс вообразил сказочную, мифическую ситуацию, которая — он знал это не хуже других — была совершенно немыслимой: бунт роботов. И, ощущая в глубине души уверенность, что тогда он непременно оказался бы на их стороне, мгновенно заснул, как бы очистившись.

Проснулся он рано, неизвестно почему, и первой его мыслью было: ветер прекратился. Потом он вспомнил об Анеле и своих видениях перед сном; его немного смутило, что такое вообще могло прийти ему в голову. Еще некоторое время

он лежал, пока не пришел к успокоительной мысли, что эти сумеречные, зыбкие образы приходили не наяву, хотя в отличие от сна, который от нас независим, не обошлись без малой, почти подсознательной его помощи. Подобные психологические изыскания были Пирксу чужды, он подумал, что зря забивает ими голову, слегка приподнялся на локте и прислушался: абсолютная тишина. Отодвинул штору иллюминатора над головой. Сквозь мутное стекло виднелся предрассветный туман. И только тут Пиркс понял, что придется идти в горы. Вскочил с кровати, чтобы заглянуть в общую комнату. Робота не было, те двое уже встали. За завтраком Крулль мимоходом, так, словно это было решено еще вчера, заметил, что выйти придется немедленно, так как вечером прибудет «Ампер», а сборка дома и упаковка вещей займут самое меньшее часа полтора. Он нарочно не уточнил, идут они из-за отсутствия данных или из-за Анела.

Пиркс молча ел за троих. Его товарищи допивали кофе, а он уже встал и, покопавшись в своем мешке, переложил в рюкзак моток белого нейлонового шнура, альпеншток и крючья. Подумав, добавил альпинистские ботинки — на всякий случай.

Они вышли, когда только начало рассветать. На бесцветном небе уже не было видно звезд. Тяжелая фиолетово-серая дымка на скалах, лицах, в самом воздухе была неподвижна и морозна, горы на севере черной массой застыли в темноте, а южный хребет, тот, который был ближе, стоял словно высвеченная сверху маска с искристой оранжевой полосой над вершинами. Этот отсвет, далекий и призрачный, делал видимыми клубы пара, вырывающиеся из ртов трех человек. Хотя атмосфера была разреженнее, чем на Земле, дышалось легко. Остановились на краю равнины. Островки травы, темнеющие в сумраке уходящей ночи, остались позади. Перед ними лежала ледниковая морена, груды камней, казалось, просвечивали сквозь колеблющуюся воду. Еще несколько сотен метров вверх — и появился ветер; он налетал короткими порывами. Люди шли, легко перескакивая через небольшие камни и поднимаясь на крупные; иногда каменная плита сухо стучала о другую, порой кусочек камня выскальзывал из-под ботинка и скатывался по склону под аккомпанемент разлетающихся отголосков, словно внизу кто-то просыпался. Порой поскрипывал наплечный ремень, звякали подковки на ботинках; эти скупые звуки при-

давали походу видимость согласия и четкости, будто двигалась спаянная единым стремлением альпинистская группа. Пиркс шел вторым, за Массеной. Было еще слишком темно, чтобы как следует разглядеть рельеф далеких склонов. Пиркс напряженно вглядывался вдаль. Поскользнулся на валуне раз, другой, третий — неудачно ставил ногу, — но все продолжал вглядываться, словно хотел отключиться не только от тех, кто его окружал, но и от самого себя, от своих мыслей. Он вовсе не думал об Анеле, а только механически шарил взглядом по нагромождению древних скал, застывших в полном безразличии, в котором лишь человеческое воображение могло усмотреть угрозу и вызов.

На этой планете отчетливо различались времена года. Экспедиция началась в конце лета, а теперь горная осень, вся в пурпуре и желтизне, уже угасала в долинах, но, словно не замечая листьев, мчащихся в пенных горных потоках, солнце было еще теплое, и в безоблачные дни на этом плоскогорье даже припекало. Только густеющие туманы напоминали о приближении морозов и снега. Но тогда на планете уже никого не останется; эта белая каменная пустыня, которую представил себе Пиркс, внезапно показалась

ему особенно желанной.

Казалось, невозможно уловить, как отступает тьма, однако с каждой минутой мрак рассеивался и вырисовывались новые детали. Небо совсем побледнело — еще не день, но уже не ночь, ничего похожего на зарю; словно все это чистое, спокойно начинающееся утро было заключено в шар из охлажденного стекла. Поднявшись выше, они попали в полосу молочно-белого тумана, цепляющегося гибкими щупальцами за грунт, а когда туман остался позади, Пиркс увидел еще не освещенную солнцем, но уже различимую цель пути. Это был скалистый столб, примыкающий к основной горной цепи, а над ним, на несколько сотен метров выше, чернела двуглавая вершина, самая высокая из всех. На верху булавообразного столба Анелу предстояло сделать последние замеры. Путь в обе стороны был легким — никаких неожиданностей, расщелин, ничего, кроме однообразной серой осыпи, кое-где пересеченной полосами плесени зеленовато-желтого цвета.

Пиркс, по-прежнему легко перепрыгивая с одного гулкого валуна на другой, вглядывался в стену, совершенно черную на фоне неба, и, может, затем, чтобы отогнать иные мысли, воображал себе, что совершает обычное земное

восхождение. И тотчас увидел скалы другими глазами; действительно, можно было подумать, что цель экспедиции — покорение вершины, коль идут они прямо к хребту, тяжело выступающему из массы гравия. Гравий подходил к стене, закрывая ее на треть, затем шло нагромождение плит, вбитых одна в другую, а уже оттуда огромная плоскость устремлялась вверх; она словно замерла, взметнувшись в небо; в каких-нибудь ста метрах над плитами стену перерезала другая горная порода — это выходил на поверхность диабаз; красноватый, светлее гранита, он неровной полосой наискось пересекал весь обрыв.

Некоторое время вершина приковывала взгляд Пиркса своей патетической линией, но стоило им приблизиться, как с пиком произошло то, что обычно происходит с горой: перспектива исчезла, распавшись на отдельные, заслоняющие друг друга участки; основание утратило прежнюю покатость, выдвинулись отроги, и взору открылись бесконечные террасы, полки, кончающиеся тупиками расщелины, хаос старых трещин, а над этим нагромождением блестела вершина со странно мягким контуром, позолоченная первыми лучами солнца; наконец и она исчезла, заслоненная ближними пиками; Пиркс уже не

мог оторвать глаз от колосса — да, даже на Земле эта стена была бы достойна внимания и усилий, особенно из-за отчетливо видного диабазового пласта. От него до вершины, залитой солнечным светом, путь казался коротким и легким, однако известную сложность представляли козырьки, особенно самый большой, блестевший от влаги или льда, скорее черный, чем красный, словно свернувшаяся кровь.

Пиркс дал волю фантазии. Ведь это могла быть не безымянная вершина под чужим солнцем, а гора, которую не раз штурмовали и при этом терпели поражения, гора, покоряющая альпиниста присущим только ей своеобразием, — подобное чувство возникает, когда видишь хорошо знакомое лицо, на котором каждая морщина и каждый шрам имеют свою историю. Небольшие, едва различимые змейки трещин, темные нитки полок, мелкие щербины — каждая из них могла стать отметиной, которую достигаешь во время очередного штурма, местом длительных остановок, молчаливых раздумий, бурных натисков и мрачных отступлений, поражений, понесенных несмотря на то, что все тактические и технические ухищрения были использованы, — гора, настолько слившаяся с человеческими судьбами,

что каждый альпинист, которого она отвергла, возвращался бы к ней снова и снова, с тем же неистощимым запасом надежды и веры в победу, и при новом штурме примерял бы к гладкой скалистой поверхности выношенный в памяти маршрут. У этой горы могла бы быть богатая история: окольные обходы, различные варианты покорения, хроника успехов и жертв, фотографии с пунктиром трасс и крестиками, отмечающими самые высокие из достигнутых мест; Пиркс ухитрился представить себе это с величайшей легкостью, более того, ему казалось странным, что все не так.

Массена шел первым, слегка сутулясь. Постепенно разлившийся дневной свет не оставил больше никаких иллюзий насчет «легких мест» стены — обманчивое ощущение легкости и безопасности порождалось голубоватой дымкой, так мирно обволакивающей каждый участок блестящей скалы. День, ясный и чистый, уже добрался до путешественников, от их ног тянулись длинные, колеблющиеся тени. От каменной стены к осыпи вели две большие расщелины, еще полные ночи; застывший поток гравия вздымался там и неожиданно исчезал, поглощенный кромешной тьмой.

Уже давно невозможно было охватить массив одним взглядом. Пропорции изменились, стена, издалека ничем не примечательная, являла неповторимую индивидуальность форм, а впереди, как бы постепенно вырастая из-под рассыпавшейся карточной колоды плоских плит, все увеличиваясь, вздымался вверх гигантский столб; он расширялся, рос, пока наконец не оттеснил и не заслонил все остальное и остался один в холодной, мрачной тени горы, еще нигде не освещенной.

Они как раз ступили на пятно вечного снега, покрытое брызгами камней, слетевших с высоты, когда Массена замедлил шаг, потом остановился, словно прислушиваясь. Пиркс, подошедший к нему первым, понял — Массена ткнул пальцем в собственное ухо, где торчал шарик наушника.

— Он был здесь?

Массена кивнул и поднес к грязной, спрессовавшейся поверхности снега металлический прутик индикатора радиоактивности. Подошвы ботинок Анела были насыщены радиоактивным изотопом, и счетчик обнаружил его след. Робот прошел здесь вчера, только неизвестно, по пути туда или уже обратно. Во всяком случае, они отыскали его трассу. Начиная с этого места, замедлили шаг.

Казалось, темный каменный столб вздымается рядом, но Пиркс знал, что в горах нельзя определять расстояние на глаз. Теперь они были выше линии снегов и валунов и шли по древней округлой грани. В полной тишине Пирксу казалось, будто он слышит попискивание в наушниках Массены, хотя это было, конечно, совершенно невозможно. Время от времени Массена останавливался, водил концом металлического прута, опускал его, почти касаясь скалы, рисовал в воздухе петли и восьмерки, будто древний маг, и, наконец отыскав след, снова пускался в путь. Они уже приближались к участку, где Анел должен был провести замеры; Пиркс внимательно разглядывал скалу, словно искал следы, оставленные пропавшим.

Но скала была пуста. Самая легкая часть пути осталась позади — над ними возносились торчащие во все стороны плиты, выходившие из-под основания столба, будто кто-то специально сделал гигантский разрез скальных пород и приоткрыл каменное чрево, обнажив сердцевину горы, древнейшие слои, местами потрескавшиеся под чудовищной тяжестью стены, на целые километры взметнувшейся в небо. Еще сто, сто пятьдесят шагов — дальше пройти невозможно.

Массена с бесстрастным выражением лица, прищурив глаза и сдвинув на лоб темные очки, водил перед собой концом индикатора, кружил на первый взгляд бесцельно и бессмысленно; потом остановился и сказал:

— Он был здесь. И довольно долго.

— Откуда ты знаешь? — спросил Пиркс.

Массена пожал плечами, вытащил из уха шарик, от которого тянулась тонкая нитка провода, и вместе с прутом индикатора протянул Пирксу. Пиркс услышал стрекотание и писк. На поверхности скалы не было ни отпечатков, ни следов — ничего, только этот звук, отдающийся в голове пронзительным звоном, свидетельствовал, что Анел, должно быть, довольно долго топтался здесь. Почти каждый метр поверхности выдавал его присутствие. Постепенно в хаосе звуков Пиркс сумел что-то уловить — по-видимому, Анел пришел той же дорогой, что и они, расставил треногу аппарата и ходил вокруг него, делая замеры и снимки, несколько раз передвигал треногу в поисках более удобного места для наблюдения. Да, картина получалась вполне ясная. Но что же произошло потом?

Пиркс принялся делать вокруг этого места все более широкие круги, двигался по спирали, чтобы

отыскать след, идущий от центра, обратный след, но такого следа не было. Получалось, будто Анел вернулся, ступая точно по собственному следу, но это выглядело совершенно неправдоподобно. У него не было индикатора радиации, и он не мог знать, где проходил раньше, да еще с точностью до сантиметра.

Крулль что-то говорил Массене, но Пиркс, не слушая, продолжал кружить, и вдруг ему показалось, что наушники пискнули — один раз, но явственно. Он замедлил шаг. Да, здесь. Он оглянулся. След был у стены, как будто робот повернул не к лагерю, а, напротив, двинулся к скальному столбу.

Это было непонятно. Что ему там понадобилось?

Пиркс искал еще хотя бы один след, но скалы молчали, и ему пришлось проверять все потрескавшиеся плиты, нагроможденные у основания столба; трудно было предугадать, на какую Анел поставил ногу. Наконец Пиркс отыскал след в пяти метрах от предыдущего; неужели Анел прыгнул так далеко? Но зачем? Он опять отступил и немного погодя обнаружил потерянный след — робот перескакивал с камня на камень. Вдруг Пиркс, плавно водивший прутом по кам-

ням, вздрогнул, словно у него в голове взорвался разрывной патрон; телефон в ухе так взвыл, что Пиркс поморщился почти как от боли. Он взглянул на каменную плиту и остолбенел. Засунутый между двумя камнями, на дне естественного колодца лежал целехонький аппарат рядом с фотографической камерой. По другую сторону плиты к камню был прислонен упакованный как полагается рюкзак Анела с расстегнутыми ремнями. Пиркс кликнул остальных. Крулль проверил кассеты — походило на то, что все замеры были проделаны. Работа была закончена. Оставалось выяснить судьбу Анела. Массена сложил ладони рупором и несколько раз громко крикнул. Далекое, протяжное эхо отразилось от скал. Пиркс вздрогнул; призыв прозвучал так, словно искали человека, заблудившегося в горах. Спустя минуту интеллектроник вынул из кармана плоскую коробочку передатчика, присел на корточки и начал вызывать робота, но было видно, что делает он это для проформы, без надежды на успех. Тем временем Пиркс продолжал искать следы. Похоже, робот довольно долго топтался на одном месте — столько едва слышных звуков издавал наушник. Чересчур большое количество следов окончательно сбило Пиркса с толку. Наконец он

грубо очертил границу района, которую робот наверняка не пересекал, и стал ходить вдоль нее, рассчитывая отыскать новый след, который укажет направление дальнейших поисков.

Описав очередной круг, он вернулся к скале. Между каменным выступом, на котором он стоял, и совершенно отвесной скалой, вздымающейся вверх, зияла полутораметровая расщелина; ее дно было усеяно мелкими остроконечными обломками гравия. Пиркс тщательно исследовал и это место, но наушники молчали. Он оказался перед совершенно непонятной загадкой: Анел словно растворился в воздухе. Массена и Крулль вполголоса совещались за его спиной, а он медленно поднял голову и впервые с такого близкого расстояния взглянул на уходящий вверх каменный столб.

Непреоборимой была сила вызова, которую он ощущал в каменном покое скалы; скорее это был даже не вызов, а что-то похожее на протянутую руку. Совершенно непроизвольно он представил себе первые шаги — тут все было ясно. Одним длинным, точно рассчитанным прыжком можно перемахнуть через щель и сразу оказаться на небольшом уступе, затем двигаться наискосок, вдоль трещины, чуть дальше переходящей в

неглубокую расщелину. Не зная толком, зачем он это делает, Пиркс поднял индикатор и, вытянувшись насколько мог, поднес его к каменному уступу по другую сторону щели. Динамик пискнул. Для верности Пиркс повторил эту операцию, с трудом удерживая равновесие, и снова услышал короткий писк. Теперь он не сомневался.

— Анел пошел наверх, — спокойно произнес он, вернувшись к товарищам, и указал на каменный столб.

Крулль вроде не понял, а Массена переспросил:

— Наверх? Не понимаю. Зачем наверх?

— Не знаю. Туда ведет след, — ответил Пиркс с показным безразличием.

Массена был склонен думать, что Пиркс ошибся, но тут же сам убедился, что это правда. Анел одним широким шагом перемахнул через щель и пошел вдоль каменного завала. Возникло замешательство. Крулль считал, что, сделав замеры, робот из-за какого-то дефекта распрограммировался; Массена придерживался того мнения, что это невозможно, — Анел оставил все аппараты и рюкзак так, будто обдуманно готовился к трудному восхождению, и, значит, что-то заставило его сделать это.

Пиркс молчал. Он уже решил, что пойдет, даже если придется идти одному; Крулль все равно не пошел бы, потому что это требовало альпинистских навыков, и немалых. От Массены он слышал, что тот ходил много и, кажется, был неплохо знаком с техникой восхождения на крючьях; когда наступило молчание, он просто сказал, что намерен идти, — готов ли Массена сопровождать его?

Крулль немедля стал возражать: инструкция запрещает подвергать людей опасности, в полдень за ними прилетит «Ампер», им еще предстоит сложить дом и упаковать вещи, замеры сделаны, робот явно попал в аварию, стало быть, надо открыто признать, что он исчез, то есть изложить в отчете обстоятельства его исчезновения.

— Значит ли это, что мы должны оставить его здесь и улететь? — спросил Пиркс.

Его спокойствие, казалось, раздражало Крулля, который, едва сдерживаясь, ответил, что в докладе исчерпывающе изложит все события, не забудет привести мнения членов экспедиции и даст наиболее правдоподобное объяснение случившемуся: выход из строя мнестронов памяти, либо контура выбора мотивации, либо — десинхронизация…

Массена заметил, что ни первое, ни второе, ни

третье невозможно, поскольку у Анела вообще нет никаких мнестронов, а есть лишь однородная монокристаллическая система, выращенная молекулярно из переохлажденных диамагнитных растворов, обогащенных изотопными элементами…

Было ясно, что он хотел уязвить Крулля, показать ему, что тот говорит о вещах, в которых ничего не смыслит. Пиркс перестал прислушиваться к разговору. Отвернувшись, он снова смерил взглядом основание столба, но уже иначе, чем до этого, — воображаемое стало реальным, и, хоть ему было немного не по себе, он был доволен, что может вступить в единоборство с горой.

Массена решил идти с Пирксом, быть может, для того, чтобы окончательно противопоставить себя Круллю. До Пиркса долетали обрывки их разговора; загадку необходимо выяснить любой ценой, а если они просто уйдут, то, может быть, упустят что-то столь же важное, сколь и таинственное, вызвавшее неожиданную реакцию робота; если существует всего лишь пять шансов из ста на это «что-то», риск восхождения будет полностью оправдан.

Крулль, надо отдать ему должное, признал себя побежденным и больше не тратил слов.

Воцарилось молчание. Массена снимал со спины аппараты, а Пиркс, который уже приготовил свою веревку, молоток, крючья и сменил тяжелые ботинки на легкие, украдкой поглядывал на него. Пиркс видел, что Массена немного расстроен. Вероятно, на него подействовала не столько стычка с Круллем — это было делом привычным, — сколько мысль, что он, видимо, сгоряча впутался в историю, из которой теперь не выпутаться. Пиркс подумал, что, предложи он Массене остаться, тот, может, и согласился бы. Впрочем, тут была задета честь! Однако Пиркс молчал — хотя в начале восхождение обещало быть легким, нельзя было предсказать, что ждет их выше, особенно там, где большую часть каменной стены заслоняли козырьки. Ведь он даже не осмотрел стену в бинокль, потому что не собирался штурмовать ее. А все же взял веревку и крючья — зачем? Вместо того чтобы ответить на этот вопрос, он стоял и ждал Массену. Потом они уже вдвоем медленно двинулись к подножию скалы.

— Я пойду первым, — сказал Пиркс, — сразу на всю веревку, а там поглядим.

Массена кивнул. Пиркс еще раз обернулся — посмотрел, что делает Крулль, с которым они расстались в полном молчании. Крулль стоял

на прежнем месте около брошенных рюкзаков. Пиркс и Массена были уже так высоко, что могли видеть раскинувшееся за северными отрогами оливковое пятно далеких низин. Основание каменистой осыпи еще лежало в тени, только вершины гор ослепительно блестели, высвечивая углубления в плоской стене, высоко вздымающейся над ними.

Пиркс сделал большой шаг, нащупал ногой выступ, оттолкнулся и легко подался вверх. Первые метры были действительно не трудны. Он двигался размеренно, как бы лениво, перед самыми глазами проплывали шершавые слои скалы, неровные, с впадинами более темного цвета. Он упирался, подтягивался, делал броски вверх, чувствуя неподвижное, морозное дуновение ночи, идущее от каменного массива. Сердце забилось быстрее, он дышал свободно, из-за работы мускулов приятное тепло разлилось по телу. Массена, шедший вторым, понемногу травил веревку, и в прозрачном воздухе было отчетливо слышно, как она шуршит, касаясь скалы. Прежде чем веревка кончилась, Пиркс отыскал удобное для страховки место; может, кого-нибудь другого он бы просто вытянул наверх, но сейчас ему хотелось проверить, чего стоит Массена. Он стоял, втиснувшись

в трещину, которая шла под небольшим углом через весь столб, и, ожидая Массену, рассматривал большую расщелину, которую они обходили, двигаясь параллельно ей, — она как раз тут расширялась; после давнего обвала осталась широкая ниша, что-то вроде амфитеатра; снизу это место выглядело совершенно неинтересным, плоским, и только отсюда во всем великолепии стала видна поверхность скалы. Пирксу было так хорошо в одиночестве, что теперь, увидев рядом Массену, он словно возвратился к действительности. Они сразу же двинулись дальше. Так они и взбирались вверх, ритмично и спокойно; на каждой остановке Пиркс проверял индикатором, есть ли сигнал, что Анел был здесь, — только раз он сбился со следа, и пришлось отказаться от удобной расщелины, потому что Анел прошел это место траверсом — он не был настоящим восходителем. Пиркс легко угадывал его последующие решения, настолько — если можно так выразиться — однозначна, логична была эта дорога по скале, дающая возможность достичь вершины. Во всяком случае, было ясно, что Анел совершал восхождение. Пиркс ни на минуту не задумался, зачем робот делал это. Он приучил себя не рассуждать напрасно. Понемногу он зна-

комился со скалой — своим противником. В его памяти всплыли, казалось бы, забытые способы и приемы, он безошибочно угадывал, что и когда делать; и, хотя ему довольно часто приходилось высвобождать руку, чтобы поискать индикатором радиоактивный след, это не доставляло ему никаких хлопот.

Один раз, держась за каменный выступ, который крепко сидел в скале, Пиркс посмотрел вниз. Они были уже довольно высоко, хотя, казалось, двигались медленно. Крулль уже превратился в маленькое пятнышко — зеленоватый комбинезон на плоской серой осыпи, — Пиркс не сразу отыскал его на дне воздушного колодца, который разверзся под ногами.

Дальше был хорошенький небольшой траверс; дорога становилась трудней, но с каждой минутой восстанавливались навыки, и подчас безопаснее было довериться инстинкту, чем сознательно выбирать приемы; в том, что дорога стала трудней, Пиркс убедился, когда захотел освободить правую руку, чтобы снять с пояса индикатор, — и не смог этого сделать. У него оставалась только одна точка опоры под левой рукой и что-то весьма невнятное под носком правого ботинка; отодвинувшись насколько возможно от

скалы, он попытался отыскать опору для другой ноги и не нашел. Пришлось отказаться от индикатора — выше вроде бы угадывалась небольшая полка.

Она была покрыта ледяной коркой и наклонена в сторону пропасти, но в одном месте лед был сбит с камня. Пиркс никогда бы не смог этого сделать. Ему пришло в голову, что тут поработал ботинок Анела, — ведь робот весил почти четверть тонны. Массена, который до сих пор шел вовсе недурно, что-то начал отставать.

Они приближались к вершине каменного столба. Скала, по-прежнему шершавая, все явственнее наклонялась в сторону пропасти, и идти дальше без солидной опоры было невозможно; в нескольких метрах выше расщелина, вначале достаточно широкая, кончилась; у Пиркса оставалось еще метров пять свободной веревки, но он приказал Массене выбрать ее, чтобы осмотреться. Прошел же здесь робот — без крючьев, без веревки и без страховки. «А стало быть, и я смогу», — подумал Пиркс. Он ощупал скалу над головой; щиколотку правой ноги, заклиненной в сузившейся расщелине, по которой он до сих пор передвигался, кольнуло от резкого поворота. Вот кончиками пальцев он нащупал узкий зацеп. Держась за

него, пожалуй, можно было подтянуться, ну а дальше что?

Это было уже соперничеством не только со скалой, но как бы и с Анелом — ведь он здесь прошел, и к тому же один. Правда, у него стальные пальцы… Пиркс начал высвобождать ступню из щели; при этом небольшой камешек выскочил из-под ноги и помчался вниз. До Пиркса отчетливо донесся свист рассекаемого воздуха, и через несколько долгих мгновений — ох, как нескоро! — четкий, резкий удар. «Ну что ж, — подумал он, — ситуация ясна». Он решил не подтягиваться и стал искать место, чтобы вбить костыль. Однако в скале не было и намека на трещину; Пиркс высунулся насколько мог, но ничего не нашел.

— Что там? — донесся снизу голос Массены.

— Порядок. Осматриваюсь, — сказал он.

Щиколотка давала о себе знать, он чувствовал, что долго в таком положении не протянуть. Эх, если б найти другой путь! Но стоит только потерять след, и его уже не отыщешь на этой километровой стене. Он поднял глаза вверх и пристально вгляделся. Каменная поверхность плиты, которая была видна под очень небольшим углом, казалась покрытой многочисленными трещинами, но в действительности захватов почти не было —

рассчитывать можно было только на ту полочку. Когда он, подтянувшись на обеих руках, извлек ступню из расщелины, у него мелькнула мысль, что возврата уже нет: он висел, скала сразу как бы оттолкнула его, носки ботинок отдалились от нее сантиметров на тридцать. Вверх! Что-то мелькнуло у него над головой. Трещина? Но до нее надо было дотянуться. Еще немного! В следующую секунду он потерял способность размышлять: надо было отпустить левую руку, повиснуть на четырех пальцах правой и дотянуться левой до той царапины или трещины неизвестно какой глубины. «Этого нельзя было делать!» — мелькнуло у него в голове, когда он оказался на два метра выше и всем телом прижался к скале; чувствуя, что еще секунда, и мускулы лопнут, он тяжело дышал и злился на себя; он обеими ногами встал на полку и смог вбить крюк; для верности даже два, потому что первый вошел не очень глубоко. Он стоял и с удовольствием вслушивался в чистый, звенящий высокий звук. Веревка заскочила в карабин. Пиркс знал, что придется помочь Массене; нельзя сказать, чтобы все прошло очень гладко, но ведь это не Альпы, по крайней мере сейчас положение у него вполне сносное.

Над выступом была узкая, очень подходящая

расщелина, в которой Пиркс взял короткий прут индикатора в зубы, потому что боялся, держа за поясом, ударить его о камень. Выше виднелась порода другого цвета. Черная стена с древними, коричнево-серыми подтеками осталась внизу, а над головой слабо искрился рыжеватый, покрытый коричневато-красными прожилками диабаз. Несколько метров — и эта царская дорога кончилась; над головой вырос новый козырек, его невозможно было взять с таким малым количеством крючьев, и к тому же без полки под ногами, однако ведь у Анела не было ничего. Пиркс пустил в ход индикатор: робот туда не пошел. Оставался только траверс.

Сначала это показалось ему не очень трудным и не слишком опасным. Диабаз был столбчатый, с выступами; Пиркс встал на узкую, но вполне подходящую полку, которая доходила до излома и там обрывалась; высунувшись, он увидел, что она продолжается за перегибом скалы в каких-нибудь полутора метрах — наверняка меньше, чем в двух. Надо обвиться телом вокруг выступа, снять с опоры правую ступню и оттолкнуться левой так, чтобы, описав кривую над пропастью, правой поймать продолжение полки. Он поискал, куда можно вбить костыль, — с подстраховкой

маневр не представлял большой сложности. Но зловредная стена и здесь была совершенно монолитной. Он глянул вниз: с того места, которое мог занять Массена, страховка была полнейшей фикцией. Сорвавшись, он летел бы по меньшей мере метров пятнадцать, рывком могло вырвать даже хорошо вбитые костыли. И однако индикатор говорил, что робот проделал этот путь — один! «Что же это значит, черт побери?! — сказал он себе. — По другую сторону есть полка! Только один шаг! Ну, вперед, растяпа!» Но он продолжал стоять. Если бы хоть удалось натянуть веревку — где там! Он высунулся и несколько секунд смотрел на полку, дольше не мог — начали дрожать мускулы. А если нога соскользнет? У Анела стальные подошвы. Полка светилась — тающий лед. Скользко, черт побери! Надо было взять вибрамы…

— И написать завещание, — беззвучно прошептал он. Глаза у него сощурились, взгляд застыл. Ссутулившись, раскинув руки, ища опоры в шероховатости скалы, он обвил ее телом и сделал тот шаг, который столько ему стоил. Оказавшись по другую сторону, он не почувствовал удовлетворения, так как увидел, что влип. Полка на этой стороне была ниже — значит на обратном пути

придется прыгать вверх. Да еще с таким фортелем на изломе скалы — это уже было не восхождение или акробатика, а черт знает что! Спускаться на веревке? Ведь если не…

Он понимал, что это уже полнейший идиотизм, но продолжал идти дальше, пока мог. Он совершенно забыл об Анеле, было не до него. Внизу раскачивалась слегка натянутая веревка, она была четко видна, предательски близка и осязаема, она вырисовывалась на фоне осыпи, расплывшейся в голубоватой дымке у основания стены. Полка кончилась, и отсюда не было пути ни вверх, ни вниз; пути назад тоже не было. «Никогда в жизни не видел ничего более гладкого», — подумал он как-то особенно спокойно, однако теперь у него было другое состояние, потому что хуже ничего представить невозможно и нервничать было уже совершенно ни к чему. Он осмотрелся. Под ногами — четырехсантиметровый выступ, а дальше — конец, только нечеткое, темное пятнышко расщелины, которая, казалось, манила его к себе; Пиркса отделяли от нее четыре метра по стене, такой плотной, такой отвесной, какую только можно себе вообразить. «И это называется гранит?!» — с досадой подумал он. Видимо, здесь временами текла вода — в этом

месте каменная плита потемнела, он даже видел отдельные капли. Пиркс взял индикатор в правую руку и начал водить им, пытаясь отыскать следы робота. Послышался слабый писк. Значит, Анел тут прошел. Но как? Вдруг он заметил маленькое пятнышко — серый, как скала, мох. Сорвал его. Малюсенькая углубинка, величиной с ноготь. Костыль не желал входить больше чем наполовину, но и это было спасением. Он дернул за кольцо — сидит? В общем-то сидит. Итак, теперь левой рукой за костыль и потихоньку… Отодвинувшись от скалы, он случайно отвел глаза от щели, которая так и манила его, словно веками создавалась ради одного мимолетного мгновения, которое вот-вот должно было наступить; и тут его взгляд камнем полетел вниз — и наконец выхватил голубоватую искру на сером фоне осыпи.

Решающий шаг так и не был сделан.

— Что там? — раздался голос Массены.

— Сейчас! Минутку! — отозвался Пиркс, перебрасывая веревку через карабин. Ему необходимо было все как следует рассмотреть. Он снова отодвинулся, почти всей тяжестью повиснув на костыле, словно пытался вырвать его из стены. Нужно проверить…

Да, это был Анел. Что же еще могло так блестеть там, внизу? Ведь трасса давно отошла от вертикали, и теперь он отклонился в сторону метров на триста от того места, с которого они начали восхождение. Пиркс искал внизу какие-нибудь более приметные ориентиры. Веревка сдавливала грудь, было трудно дышать, кровь стучала в висках. Пиркс пытался запомнить детали: вон тот большой валун — его удастся узнать, хотя сейчас он виден под другим углом. Когда он принял вертикальное положение, его стала бить дрожь. «Придется съезжать», — сказал он себе и как-то совершенно бездумно взялся за костыль, который сразу вылез, словно сидел в масле; он почувствовал себя странно, но спрятал костыль в карман и начал обдумывать, как выбраться отсюда. Это удалось, хотя все сошло не очень гладко: Массена у себя понабивал крючьев, укоротил веревку, и Пиркс попросту пролетел метров восемь вдоль плиты и повис; ниже была другая щель, в нее они уже съезжали попеременно. Когда Массена спросил, почему они возвращаются, он ответил:

— Я его нашел.

— Анела?

— Да. Он упал. Лежит там, внизу.

Обратный путь длился меньше часа. Пиркс,

не жалея, оставлял костыли в скале. Это было интересное чувство — знать, что никогда уже не поставит тут ногу ни он, ни кто-то другой, а в этой скале будут торчать кусочки железа, обработанного на Земле, и будут торчать всегда, вечно.

Когда, спустившись вниз, они сделали несколько неуверенных шагов, словно отвыкли от обычной ходьбы, Крулль подбежал к ним и уже издалека крикнул, что нашел брошенные неподалеку реактивные футляры Анела. Робот, вероятно, снял их умышленно, прежде чем пошел на стену, что было явным доказательством его аберрации, — в случае падения только они и могли ему помочь.

Массена, казалось, не обратил ни малейшего внимания на открытие Крулля — он и не думал скрывать, чего стоило ему восхождение: наоборот, он демонстративно уселся на валуне, широко расставил ноги, словно наслаждаясь твердостью грунта, и чересчур усердно вытирал платком лицо, лоб и шею.

Пиркс сказал Круллю, что Анел упал; спустя несколько минут пошли его искать. Поиски длились недолго. Он падал метров с трехсот. Панцирь разлетелся, металлический череп тоже, и монокристаллический мозг распался на

маленькие стеклянные осколки, блестевшие на беловатых камнях, словно слюда. К счастью, Крулль не упрекнул их в совершенной бесцельности восхождения. Он только повторял не без удовольствия, что Анел распрограммировался: оставленные футляры — бесспорное доказательство этому. На Массену восхождение повлияло не в лучшую сторону; он даже не пытался возражать, и вообще, казалось, только и ждал момента, когда группу расформируют и они расстанутся окончательно. Поэтому возвращались в молчании, тем более что Пиркс не считал для себя обязательным высказывать мнение о происшествии. Он был убежден, что дело вовсе не в технических неполадках, и то, что произошло, не имело ничего общего с какими-то монокристаллами или мнестронами. Разве он, Пиркс, тоже «распрограммировался», коль ему так сильно хотелось покорить эту стену? Просто Анел походил на своих конструкторов больше, чем им того хотелось. Когда он выполнил задание, у него оставалось еще много времени — он ведь был очень исполнителен и скор. Он не только видел, но и понимал окружающее; он был создан для разрешения трудных задач, то есть для игры, а тут подвернулась игра довольно редкая и с наивысшей ставкой.

Пиркс не мог удержаться от улыбки, когда подумал о слепоте Крулля и Массены; сознательно отложенные Анелом реактивные патроны они сочли доказательством — уже совершенно бесспорным, — что робот распрограммировался. Но ведь любой человек поступил бы точно так же, в противном случае предприятие вообще не имело смысла, а оказалось бы лишь разновидностью гимнастики. О нет, технические неполадки тут были ни при чем, и никакие выводы, уравнения, никакие кривые не могли переубедить Пиркса. Его удивляло только одно — что Анел не упал раньше, — ведь он шел один, без навыков, без тренировки, ведь его строили не для того, чтобы он сражался со скалами. Что произошло бы, если б он вернулся? Неизвестно почему, Пиркс был убежден, что они никогда не узнали бы о восхождении. Во всяком случае, от Анела. А в том месте он решился прыгнуть. Что он при этом думал? Наверно, ничего, как и сам Пиркс. Дотронулся ли он до края расщелины? Если да, там должен остаться след, след радиоактивных атомов, которые будут постепенно распадаться, пока не испарятся и не исчезнут.

Пиркс знал, что он никому об этом не скажет. На его месте всякий настойчиво придерживался

бы гипотезы о технических неполадках, гипотезы самой простой и самой естественной — она одна не изменяла картину мира.

К стоянке пришли в полдень, торопливо разобрали дом, который исчезал целыми секциями, и наконец на том месте, где он стоял, осталась только утоптанная четырехугольная площадка. Пиркс переносил ящики, сворачивал металлические листы — делал все то, что должен был делать Анел; осознав это, он немного помедлил, прежде чем подать груз протянувшему руки Массене.

Дознание

— Шеннэн Куин!

— Я, командор.

— Вы являетесь свидетелем по делу, которое слушается в Космическом трибунале под моим председательством. При обращении ко мне следует употреблять слово «председатель», а членов трибунала полагается именовать «судьями». На вопросы членов трибунала вы должны отвечать незамедлительно, а на вопросы обвинения и защиты — только с разрешения трибунала. В своих показаниях вы можете основываться лишь на том, что сами видели и знаете по собственному опыту, а не на том, что слышали от третьих лиц. Вам понятны эти разъяснения?

— Да, председатель.

— Вас зовут Шеннэн Куин?

— Да.

— Однако в команду «Голиафа» вы были включены под другой фамилией?

— Да, председатель. Это было одним из условий договора, который заключили со мной арматоры.

— Вы знали причины, по которым вам дали псевдоним?

— Я знал эти причины, председатель.

— Вы принимали участие в эллиптическом полете «Голиафа» в период с восемнадцатого по тридцатое октября текущего года?

— Да, председатель.

— Какие функции выполняли вы на борту?

— Я был вторым пилотом.

— Расскажите трибуналу, что произошло на борту «Голиафа» во время вышеупомянутого полета, а именно двадцать первого октября. Начните с данных, касающихся местонахождения корабля и поставленных перед вами задач.

— В восемь тридцать по бортовому времени мы пересекли внешний периметр спутников Сатурна на гиперболической скорости и начали торможение, которое продолжалось до одиннадцати. За это время мы сбросили гиперболическую и на удвоенной орбитальной нулевой начали маневр перехода на круговую орбиту, чтобы, находясь на ней, вывести искусственные спутники в плоскость кольца.

— Говоря об удвоенной нулевой, вы имеете в виду скорость пятьдесят два километра в секунду?

— Да, председатель. В одиннадцать кончилась

моя вахта, но, поскольку при маневрировании приходилось непрерывно корректировать курс, я только поменялся местами с первым пилотом, который с этого момента вел корабль, тогда как я исполнял обязанности штурмана.

— Кто приказал вам так поступить?

— Командир, судья. Вообще-то это обычный порядок в таких условиях. Нашей целью было подойти как можно ближе на безопасное расстояние к границе Роша в плоскости кольца и оттуда, с почти круговой орбиты, поочередно запустить три зонда-автомата, которые потом надлежало дистанционным способом, управляя по радио, ввести в пределы сферы Роша. Один из зондов следовало вывести на орбиту внутри щели Кассини, то есть в пространство, отделяющее внутреннее кольцо Сатурна от внешнего, а остальные два предназначались для контроля за его движением. Может быть, нужно объяснить подробней?

— Объясните.

— Слушаюсь, председатель. Оба кольца Сатурна состоят из мелких частиц и разделены щелью шириной около четырех тысяч километров. Искусственный спутник, движущийся в этой щели вокруг планеты, должен был доставить инфор-

мацию о возмущениях гравитационного поля, а также об относительных внутренних движениях частиц, из которых состоят кольца. Но возмущения орбиты очень скоро вытолкнули бы такой спутник из свободного пространства — либо в зону внутреннего кольца, либо в зону внешнего, где его, конечно, стерло бы в порошок. Чтобы этого не произошло, мы должны были запустить два специальных спутника, имеющих собственную тягу на ионных двигателях — сравнительно маломощных, порядка одной четвертой — одной пятой тонны, и этим двум спутникам-«сторожам» предстояло с помощью радаров следить, чтобы тот, который движется по орбите внутри щели, не выходил из нее. Бортовые калькуляторы «сторожей» должны были рассчитывать необходимые поправки для орбитального спутника и соответствующим образом включать его двигатели. Это позволяло надеяться, что спутник будет работать, пока у него хватит горючего, то есть около двух месяцев.

— С какой целью предполагалось вывести на орбиту два контролирующих спутника? Не считаете ли вы, что хватило бы одного?

— Наверняка хватило бы, судья. Второй «сторож» был, попросту говоря, про запас, на случай,

если первый подведет или будет уничтожен при столкновении с метеоритами. При астрономических наблюдениях с Земли пространство вокруг Сатурна — вне кольца и лун — кажется пустым, но в действительности оно порядком засорено. В таких условиях, разумеется, невозможно избежать столкновений с мелкими метеоритами. Именно поэтому нам надлежало поддерживать круговую орбитальную скорость — ведь практически все обломки вращаются в экваториальной плоскости Сатурна с его первой космической скоростью. Это уменьшало вероятность столкновения до приемлемого минимума. Кроме того, у нас на борту была противометеоритная защита в виде выстреливаемых экранов: ими можно выстрелить с пульта первого пилота или же это мог сделать соответствующий автомат, сопряженный с корабельным радаром.

— Считали ли вы это задание трудным или опасным?

— Оно не было ни слишком трудным, ни особенно опасным при условии, что все маневры будут проделаны четко и без помех. У нас считается, что окрестности Сатурна — это мусорная свалка, похуже чем возле Юпитера, но зато ускорения, которые требуются для маневра, там куда

меньше, чем на юпитерианской орбите, а это дает значительное преимущество.

— Кого вы имели в виду, говоря «у нас»?

— Пилотов… ну и навигаторов.

— Одним словом, космонавтов?

— Да. Примерно в двадцать часов по бортовому времени мы практически подошли к внешней границе кольца.

— В его плоскости?

— Да. На расстояние около тысячи километров. Датчики уже там констатировали значительное запыление пространства. Корабль получал около четырехсот пылевых микроударов в секунду. В соответствии с программой мы вошли в сферу Роша над кольцом и с круговой орбиты, практически параллельной щели Кассини, начали выбрасывать зонды. Первый зонд выбросили в пятнадцать часов по бортовому времени и с помощью радарного пульсатора ввели его в щель. Это было как раз моей обязанностью. Первый пилот помогал мне, поддерживая минимальную тягу. Благодаря этому мы обращались практически с той же скоростью, что и кольца. Кальдер маневрировал очень умело. Он держал тягу именно на таком уровне, который позволял правильно ориентировать корабль — носом вперед. Без тяги

сразу начинается кувыркание.

— Кто, кроме вас и первого пилота, находился в рулевой рубке?

— Все. Вся команда. Командир сидел между мной и Кальдером, ближе к нему, потому что он так расположил свое кресло. За мной находились инженер и электронщик. Доктор Барнс сидел, кажется, за командиром.

— Вы в этом не уверены?

— Я не обратил на это внимания. Я был все время занят, да и вообще с кресла трудно оглядываться назад. Спинка слишком высока.

— Зонд был введен в щель визуально?

— Не только визуально. Я поддерживал с ним непрерывную телевизионную связь. Кроме того, я использовал радарный дальномер. Вычислив данные орбиты зонда, я удостоверился, что он посажен хорошо — примерно посередине между кольцами, — и сказал Кальдеру, что я готов.

— Сказали, что вы готовы?

— Да, к запуску следующего зонда. Кальдер включил лапу, люк открылся, но зонд не вышел.

— Что вы называете «лапой»?

— Гидравлический поршень, который выталкивает зонд из наружной катапульты после открытия люка. У нас на корме было три такие

катапульты, и этот маневр следовало повторить трижды.

— Значит, второй по счету спутник не покинул корабль?

— Нет, он застрял в катапульте.

— Опишите подробно, что к этому привело.

— Очередность операций была такой: сначала открывается внешний люк, потом включается гидравлика, а когда индикаторы показывают, что спутник выходит, включается его стартовый автомат. Автомат дает зажигание с задержкой в сто секунд, чтобы при аварийной ситуации успеть его выключить. Автомат запускает малый бустер на твердом топливе, и спутник отходит от корабля на собственной тяге — порядка одной тонны в течение пятнадцати секунд. Нужно, чтобы он отошел от корабля-матки как можно быстрее. Когда бустер выгорает, автоматически включается ионный двигатель, находящийся под дистанционным управлением штурмана. В данном случае Кальдер уже включил автомат запуска, потому что спутник начал выдвигаться, а когда спутник вдруг застрял, он пытался выключить автомат, но это ему не удалось.

— Вы уверены в том, что первый пилот пытался выключить стартовый автомат зонда?

— Да, он возился с рукояткой, ее заклинило. Не знаю почему, но заряд все-таки сработал. Кальдер крикнул: «Блок!» — это я сам слышал.

— Он крикнул «Блок!»?

— Да, что-то там заблокировалось. Оставалось еще полминуты до запуска бустера, так что Кальдер снова попытался вытолкнуть зонд, увеличив давление. Манометры показывали максимум, но зонд все равно сидел как приклеенный. Тогда Кальдер отвел поршень назад и толкнул его снова; мы все почувствовали, как он ударил в зонд — прямо будто молотом.

— Он старался таким путем вытолкнуть зонд?

— Да, возможно даже, что зонд при этом был бы уничтожен, поскольку Кальдер не наращивал нажим постепенно, а сразу дал полное давление в систему. Впрочем, он поступил вполне разумно — запасной зонд у нас был, а запасного корабля не было.

— Это следует понимать как остроту? Будьте любезны воздержаться от таких словесных упражнений.

— Значит, поршень ударил, но зонд не выскочил, а время шло, поэтому я крикнул: «Ремни!» — и пристегнулся на всю тягу. Кроме меня, то же самое крикнули по меньшей мере еще двое —

один из них командир, я узнал его по голосу.

— Объясните трибуналу, почему вы так поступили.

— Мы находились на круговой орбите над кольцом А и, значит, шли практически без тяги. Я знал, что, когда бустер сработает — а это было неизбежно, потому что стартер уже включился, — мы получим боковой удар струи и корабль начнет кувыркаться. Заклинился зонд на правом борту, обращенном к Сатурну. Значит, он должен был действовать как боковой двигатель. Я ждал кувырканий и центробежных эффектов, которые пилоту придется гасить собственной тягой корабля. В такой ситуации нельзя было заранее предвидеть, к каким маневрам придется прибегнуть. На всякий случай следовало хорошенько пристегнуться.

— Значит, во время вахты вы исполняли обязанности штурмана, отстегнув ремни?

— Нет, ремни не были отстегнуты совсем, просто ослаблены. Их можно в известной степени регулировать. Если пряжку затянуть полностью — у нас это называется «на всю тягу», — тогда свобода движений ограничивается.

— Вам известно, что устав не предусматривает никаких ослаблений и никакой регулировки

ремней?

— Так точно, я знал, что в инструкции говорится другое, но так всегда делают.

— Что вы имеете в виду?

— Практически на всех кораблях, где я летал, регулировали застежки на поясах, потому что это облегчает работу.

— Распространенность нарушения не оправдывает его. Продолжайте.

— Как я и ожидал, бустер зонда сработал. Корабль стал вращаться вокруг поперечной оси, и одновременно нас начало сносить с прежней орбиты — правда, очень медленно. Пилот уравновесил это двойное движение собственной боковой тягой корабля, но не полностью, то есть не до нуля.

— Почему?

— Я сам не был у штурвала, но думаю, что это было невозможно. Зонд заклинило в катапульте с открытым люком, через люк выходила часть газов двигателя зонда, эта струя, видимо, имела завихрения и поэтому била неравномерно. В результате боковые толчки то ослабевали, то усиливались, а из-за этого коррекция собственной тягой вызвала боковые маятниковые качания корпуса. Когда бустер отработал, началось го-

раздо более сильное кувыркание, с обратным знаком, и пилот не смог его погасить сразу — пока не понял, что хоть бустер и сдох, но зато включился ионный двигатель.

— Бустер «сдох»?

— Я хотел сказать, что пилот не был полностью уверен, сработает ли ионный двигатель, — он ведь очень сильно ударил по зонду поршнем и мог двигатель повредить; да он, наверное, этого и добивался, я бы тоже так поступил. Но когда бустер погас, оказалось, что ионная тяга все же действует и мы снова получаем опрокидывающий боковой момент порядка четверти тонны. Не очень-то много, но на такой орбите хватит для кувыркания. Ведь у нас была круговая орбитальная скорость, а при ней малейшие перепады ускорения колоссально влияют на траекторию и устойчивость полета.

— Как вели себя при этом члены команды?

— Совершенно спокойно. Конечно, все сознавали, как опасен момент зажигания бустера — там пороховой заряд весом в сто килограммов, и в полузамкнутом пространстве, которое образовалось в катапульте с заклинившимся зондом, он мог попросту детонировать, как бомба. Нам разворотило бы штирборт, как консервную банку.

На наше счастье, до взрыва не дошло. А ионный двигатель такой опасности уже не представлял. Правда, теперь возникло добавочное осложнение из-за того, что автомат включил сигнал пожарной тревоги и начал заливать пеной катапульту номер два. Ничего хорошего из этого выйти не могло — ионный двигатель пеной не погасишь, так что эту пену выбрасывало в открытый люк и, наверное, какая-то ее часть всасывалась в выходную дюзу и гасила тягу. Пока пилот не отключил систему пеногасителей, мы несколько минут испытывали боковые толчки — не очень сильные, но, во всяком случае, затруднявшие стабилизацию.

— Кто включил систему гасителей?

— Автомат, когда датчики показали повышение температуры в обшивке штирборта сверх семисот градусов: это бустер нас так подогрел.

— Какие распоряжения или приказы давал командир за это время?

— Он не давал никаких распоряжений или приказов. Мне казалось, что он хочет посмотреть, как поступит пилот. В принципе у нас были две возможности: либо попросту отойти от планеты на возрастающей тяге и начать возвращение на гиперболу, отказавшись от выполнения задачи,

либо же попробовать вывести на контрольную орбиту последний, третий спутник. Отход означал бы провал всей программы, потому что зонд, который уже находился в щели, наверняка разбился бы в результате дрейфа через несколько часов, не позже. Корректировать его траекторию снаружи зондом-«сторожем» было необходимо.

— Эту альтернативу, естественно, обязан был решить командир корабля?

— Председатель, я должен отвечать на этот вопрос?

— Ответьте на вопрос обвинения.

— Так вот, командир, конечно, мог отдавать распоряжения, но не обязан был это делать. В принципе пилот в определенных ситуациях уполномочен выполнять обязанности командира корабля согласно параграфу шестнадцатому бортовой инструкции, поскольку часто случается, что командиру уже нет времени объясняться с людьми у руля.

— Однако в данных обстоятельствах командир мог отдавать приказы — ведь не было ни ускорения, препятствующего отдаче приказов вслух, ни прямой угрозы уничтожения корабля.

— В пятнадцать с минутами по бортовому времени пилот включил умеренную выравнива-

ющую тягу…

— Почему свидетель игнорирует то, что я говорю? Прошу трибунал сделать свидетелю замечание и предложить ему отвечать на мои вопросы.

— Уважаемый трибунал, я должен отвечать на вопросы, а ведь прокурор не задал мне никакого вопроса. Прокурор только прокомментировал со своей точки зрения ситуацию, сложившуюся на корабле. Должен ли я, в свою очередь, комментировать эти комментарии?

— Прокурору следует сформулировать вопрос, адресованный свидетелю, а свидетель должен проявлять максимум доброй воли при даче показаний.

— Не считает ли свидетель, что в сложившейся ситуации командир обязан был принять конкретное решение и сообщить его пилоту в форме приказа?

— Прокурор, инструкция не предусматривает…

— Свидетель обязан обращаться только к трибуналу.

— Слушаюсь. Уважаемый трибунал, инструкция не предусматривает детально всех ситуаций, которые могут возникнуть на борту. Да это и

невозможно. Если бы это было возможно, каждый член команды мог бы выучить инструкцию наизусть, и тогда командование вообще оказалось бы ненужным.

— Обвинение заявляет протест против подобного рода иронических замечаний свидетеля.

— Свидетель, ответьте кратко и прямо на вопрос прокурора.

— Слушаюсь. Так вот, я не считаю, что командир должен был в данной ситуации отдавать какие-то особые приказы. Он присутствовал, он видел и понимал, что происходит; если он молчал, это означало, что согласно двадцать второму параграфу бортовой инструкции он разрешает пилоту действовать по собственному разумению.

— Уважаемый трибунал, свидетель извращенно трактует смысл двадцать второго параграфа бортовой инструкции, поскольку в данном случае применим параграф двадцать шестой, где речь идет об опасных ситуациях.

— Уважаемый трибунал, ситуация, которая сложилась на «Голиафе», не представляла опасности ни для корабля, ни для здоровья и жизни команды.

— Уважаемый трибунал, свидетель откровенно проявляет отсутствие доброй воли! Вместо того

чтобы стремиться к установлению объективной истины, он пытается в своих показаниях любой ценой оправдать поведение обвиняемого Пиркса, который был командиром корабля! Ситуация, в которой оказался корабль, несомненно, относилась к числу тех, на которые распространяется двадцать шестой параграф!

— Уважаемый трибунал, прокурор не может одновременно выступать в роли эксперта, который устанавливает фактическое положение вещей!

— Лишаю свидетеля слова. Трибунал откладывает решение вопроса о применимости параграфов двадцать второго или двадцать шестого бортовой инструкции до особого рассмотрения. Свидетель, сообщите, что происходило на корабле в дальнейшем.

— Кальдер, правда, не обращался к командиру ни с какими вопросами, но я видел, что он несколько раз посмотрел в его сторону. Тем временем тяга заклинившегося зонда выровнялась, и стабилизировать корабль было уже нетрудно. Добившись надежной стабилизации, Кальдер начал отдаляться от кольца, но не требовал от меня прокладки курса к Земле, из чего я заключил, что он все же попытается выполнить нашу задачу. Когда мы вышли из сферы Роша — примерно в

шестнадцать часов, — Кальдер сигнализировал максимальную перегрузку и тут же попытался вытолкнуть зонд.

— То есть?

— Ну, он включил сигнал максимума перегрузок и сразу же вслед за тем дал сигнал «Полный назад!», а потом «Полный вперед!». Зонд весит три тонны; на полном ускорении он должен весить раз в двадцать больше. Он должен был вылететь из катапульты как пуля. Отойдя примерно на десять тысяч миль, Кальдер поочередно дал два таких удара тягой, но без всякого результата. Он добился только того, что боковой момент еще более увеличился. Видимо, в результате внезапных ускорений зонд, который еще крепче заклинился в катапульте, изменил положение, и теперь вся его газовая струя била в поднятую крышку наружного люка, отражалась от нее и уходила в пространство. Удары тягой были неприятны для команды и довольно опасны для корабля: было ясно, что если зонд вообще выйдет, то прихватит с собой кусок наружной обшивки. Походило на то, что нам придется либо посылать людей в скафандрах и с инструментами на обшивку, либо возвращаться, таща с собой этот черт… прошу прощения, этот заклинившийся зонд.

— Пробовал ли Кальдер выключить двигатель зонда?

— Он не мог этого сделать, потому что кабель управления, соединяющий зонд с кораблем, был уже порван — следовательно, оставалось только радиоуправление, но ведь зонд торчал в самом зеве катапульты и экранировался ее металлической оболочкой. Мы шли примерно около минуты, удаляясь от планеты, и я уже был уверен, что Кальдер все-таки решил возвращаться; он выполнил несколько маневров, совершая так называемый «выход на звезду», — при этом нос корабля нацеливают на какую-либо звезду и дают переменную тягу. Если управление в порядке, звезда должна стоять в экране совершенно неподвижно. У нас, понятно, так не получилось, динамическая характеристика полета была изменена, и Кальдер пытался выяснить ее количественные параметры. После нескольких попыток ему все же удалось подобрать тягу, которая уравновешивала боковой момент, и тогда он повернул обратно.

— Тогда вы поняли, каковы истинные намерения Кальдера?

— Да. Точнее говоря, я предполагал, что он все же захочет вывести на орбиту оставшийся на

борту третий зонд. Мы снова спустились над плоскостью эклиптики со стороны Солнца, причем Кальдер работал прямо-таки блестяще; если б я не видел сам, никогда бы не предположил, что можно с такой свободой управлять кораблем, в который как бы встроен не предусмотренный конструкцией боковой двигатель. Кальдер велел мне вычислить поправки курса и всю траекторию вместе с исправляющими импульсами для нашего третьего зонда. После этого у меня не оставалось никаких сомнений.

— Выполнили вы эти приказы?

— Нет. То есть я сказал ему, что не могу рассчитывать курс в соответствии с программой, коль скоро нам предстоит действовать иначе — мы ведь уже не могли строго придерживаться программы. Я затребовал у него дополнительные данные, потому что не знал, с какой высоты он намерен выводить на орбиту третий зонд, но он мне ничего не ответил. Возможно, он обратился ко мне только для того, чтобы таким путем информировать командира о своем намерении.

— Вы так полагаете? Но ведь Кальдер мог обратиться непосредственно к командиру.

— Возможно, он не хотел этого делать. А может, он был заинтересован в том, чтобы никто не поду-

мал, будто он не знает, как следует действовать. Но не менее вероятно и то, что Кальдер хотел показать, какой он отличный пилот, коль скоро берется за выполнение таких задач, в которых навигатор, то есть я, не сможет ему помочь. Но командир никак на это не отреагировал, а Кальдер уже шел на сближение с кольцами. Тут мне это перестало нравиться.

— Попрошу вас говорить более конкретно.

— Слушаюсь. Я подумал, что попахивает рискованным маневром.

— Позволю себе обратить внимание уважаемого трибунала, что свидетель невольно подтвердил сейчас то, чего не хотел признать ранее: долгом командира было активно вмешаться в возникшую ситуацию. Следовательно, командир сознательно, с обдуманным намерением пренебрег своим долгом, подвергая тем самым корабль и команду трудно предсказуемым опасностям.

— Уважаемый трибунал, дело обстояло не так, как утверждает прокурор.

— Вам следует не полемизировать с обвинением, а давать показания, ограничиваясь описанием событий. Почему в тот момент, когда Кальдер начал возвращение на орбиту кольца — и только тогда, — вы сочли маневр рискованным?

— Возможно, я неточно выразился. Дело вот в чем: в подобных обстоятельствах пилот должен обратиться к командиру. Я-то на его месте наверняка бы так и сделал. Первоначальную программу мы уже не могли осуществить во всех деталях. Я думал, что Кальдер — раз уж командир предоставил ему инициативу — попробует запустить третий зонд на большой дистанции, то есть не очень приближаясь к кольцу. Правда, при этом уменьшались шансы на успех, но это было возможно, а вместе с тем безопасно. И действительно, на малой скорости Кальдер приказал мне повторно рассчитать курс для спутника, наводимого импульсами с расстояния порядка тысячи — тысячи двухсот километров. Желая ему помочь, я начал рассчитывать этот курс; оказывалось, что разброс получается примерно такого же порядка, как вся ширина щели Кассини. Следовательно, было пятьдесят шансов из ста за то, что зонд, вместо того чтобы выйти на орбиту контроля, пойдет либо к планете, либо от нее и разобьется о кольцо. Я сообщил Кальдеру эти результаты за неимением лучших.

— Ознакомился ли командир с результатами ваших вычислений?

— Он должен был их видеть, потому что цифры

появлялись на индикаторе, который находился как раз над нашими пультами. Мы шли на малой тяге, и мне показалось, что Кальдер не может решить, что же делать. Он действительно зашел в тупик. Если б он теперь отступил, это означало бы, что он ошибся в расчетах, что интуиция его подвела. Пока он не повернул к планете, ему еще можно было делать вид, что он считает риск слишком большим и неоправданным. Но Кальдер уже продемонстрировал, что корабль управляем, несмотря на изменившуюся динамическую характеристику тяги, а кроме того, хоть он этого и не сказал, из последующих его маневров ясно было, что он все же попробует вывести зонд на орбиту. Мы шли на сближение, и я полагал, что он пытается несколько улучшить наши шансы — ведь они увеличивались с уменьшением расстояния. Но если он добивался этого, ему следовало уже начинать торможение, а он, наоборот, увеличил тягу. Только когда Кальдер это сделал, только в этот момент я подумал, что он собирается сделать нечто совсем иное, — а раньше мне это и в голову не приходило. Впрочем, это моментально поняли все.

— Вы утверждаете, что все члены команды осознали серьезность положения?

— Да. Сзади меня кто-то, сидевший у бакборта, в момент ускорения произнес: «Жизнь была прекрасна».

— Кто это сказал?

— Этого я не знаю. Может, инженер, а может, электронщик. Я не обратил внимания. Все происходило в какие-то доли секунды. Кальдер включил сигнал максимума и дал сильную тягу, держа курс на пересечение с кольцом. Ясно было, что он хочет провести «Голиаф» через самый центр щели Кассини и по дороге «потерять» третий зонд, используя прием «вспугнутой птицы».

— Что это за прием?

— Так его иногда называют: корабль «теряет» зонд, вроде как вспугнутая птица теряет яйцо… Но командир запретил ему это.

— Командир запретил? Он отдал такой приказ?

— Так точно.

— Обвинение протестует. Свидетель искажает факты. Командир не отдавал такого приказа.

— Но командир действительно пытался отдать такой приказ, только не успел его полностью произнести. Кальдер, правда, дал предостережение о максимуме тяги, но всего за миг до начала маневра. Когда вспыхнул красный сигнал, ко-

мандир ему крикнул, а он в тот же миг пошел на полную мощность. Под таким прессом, свыше четырнадцати g, невозможно произнести ни звука. Похоже, что Кальдер сознательно хотел зажать ему рот. Я не утверждаю, что он действительно этого хотел, но так оно выглядело. Нас сразу придавило так, что я совершенно ослеп, поэтому командир только успел крикнуть…

— Обвинение заявляет протест против формулировок, применяемых свидетелем. Вопреки собственной оговорке свидетель старается нам внушить, будто пилот Кальдер с заранее обдуманным намерением и злым умыслом пытался воспрепятствовать командиру корабля в отдаче приказа.

— Ничего подобного я не говорил.

— Лишаю свидетеля слова. Трибунал принимает протест обвинения. Вычеркните из протокола слова свидетеля, начиная с фразы: «Похоже, что Кальдер сознательно хотел зажать ему рот». Свидетель, будьте любезны воздержаться от комментариев и точно повторить то, что в действительности сказал командир.

— Ну, как я уже говорил, командир, собственно, не успел полностью сформулировать приказ, но смысл его был очевиден. Он запретил Кальдеру

входить в щель Кассини.

— Обвинение протестует. Для фактической стороны дела имеет значение то, что он в действительности сказал.

— Трибунал принимает протест. Прошу свидетеля ограничиться тем, что было сказано в рулевой рубке.

— Было сказано достаточно, чтобы любой человек, являющийся профессиональным космонавтом, понял, что командир запрещает пилоту входить в щель Кассини.

— Свидетель, повторите эти слова. Трибунал сам решит, каков был их подлинный смысл.

— Я не помню самих слов, помню только их смысл. Командир крикнул что-то вроде: «Не иди сквозь кольцо!» — или, может быть: «Не насквозь!» — и дальше он уже говорить не мог.

— Однако ранее вы утверждали, что командир не произнес законченной фразы, а процитированные сейчас слова «Не иди сквозь кольцо!» составляют законченную фразу.

— Если бы в этом зале возник пожар и я бы крикнул: «Горит!» — это не была бы законченная фраза, поскольку в ней не сказано, что горит и где горит, но это было бы вполне понятным предостережением.

— Обвинение протестует! Прошу трибунал призвать свидетеля к порядку!

— Трибунал делает свидетелю замечание. В обязанности свидетеля не входит забавлять трибунал притчами и анекдотами. Прошу ограничиться фактической информацией о том, что происходило на борту.

— Слушаюсь. На борту происходило то, что командир возгласом запретил пилоту вводить корабль в щель…

— Обвинение протестует! Показания свидетеля тенденциозно искажают факты!

— Трибунал стремится быть снисходительным. Свидетель, вы должны понять, что целью судебного разбирательства является установление реальных фактов. Можете ли вы процитировать обрывок фразы, который произнес командир?

— Мы находились уже под большим ускорением. У меня наступил блэк-аут, я ничего не видел, но слышал возглас командира. Слова не были различимы, однако я понял, о чем шла речь. Тем более это предупреждение должен был слышать пилот — ведь он находился еще ближе к командиру, чем я.

— Защита просит повторно заслушать регистрирующие ленты из рулевой рубки — ту часть,

которая относится к возгласу командира.

— Трибунал отклоняет просьбу защиты. Ленты уже прослушивались, и было установлено, что степень искажения голоса дает возможность идентифицировать личность говорившего, но не позволяет установить содержание возгласа. По этому спорному вопросу трибунал примет особое решение. Прошу свидетеля рассказать, что произошло после возгласа командира.

— Когда ко мне вернулось зрение, мы шли наперерез кольцу. Датчики ускорения показывали два g. Скорость была гиперболической. Командир закричал: «Кальдер! Ты не выполнил приказа! Я запретил тебе входить в Кассини!» — а Кальдер тотчас ответил: «Я этого не слышал, командир!»

— Однако командир не приказал ему немедленно затормозить или повернуть?

— Это было невозможно. Мы шли на гиперболической порядка восьмидесяти километров в секунду. Не могло быть и речи, чтобы погасить такой разгон, не переходя гравитационного барьера.

— Что вы называете гравитационным барьером?

— Постоянное положительное или отрицательное ускорение порядка двадцати — двадцати

двух гравитационных единиц. С каждой секундой полета сквозь кольцо требовалась все большая обратная тяга, чтобы затормозить. Сначала, видимо, около пятидесяти g, а потом, может, и сто. При таком торможении мы все погибли бы. Точнее, все люди на борту погибли бы.

— Технически корабль может развивать ускорение такого порядка?

— Да, может, но только если сорвать предохранители. «Голиаф» имеет атомный двигатель, который в максимуме рассчитан на тягу порядка десяти тысяч тонн.

— Прошу продолжать показания.

— «Ты хочешь уничтожить корабль?» — спросил командир вполне спокойным тоном. «Мы пройдем сквозь Кассини, и я заторможу на той стороне», — ответил Кальдер так же спокойно. Не успел еще окончиться этот разговор, как мы вошли в боковое вращение. Видимо, в результате внезапного скачка ускорения, с которого Кальдер начал прохождение щели, положение зонда в катапульте изменилось каким-то образом, и, хотя боковой момент уменьшился, поток газов шел теперь по касательной к корпусу, и весь корабль вертелся как волчок по продольной оси. Сначала вращение было довольно медленное, но

с каждой секундой ускорялось. Это было началом катастрофы. Кальдер невольно вызвал ее тем, что очень резко увеличил ускорение.

— Объясните трибуналу, почему, по вашему мнению, Кальдер увеличил ускорение?

— Обвинение заявляет протест. Свидетель пристрастен и несомненно ответит, как он уже заявлял, что Кальдер пытался принудить командира к молчанию.

— Я вовсе не это хотел сказать. Кальдеру не обязательно было увеличивать ускорение скачком, он мог сделать это постепенно, но большая тяга была все равно необходима, если он собирался войти в Кассини. В околосатурновом пространстве крайне трудно маневрировать, тут на каждом шагу сталкиваешься с математически неразрешимыми задачами о движении многих тел. Воздействие самого Сатурна, массы его колец и ближайших спутников — все это вместе взятое создает поле тяготения, в котором невозможно одновременно учесть всю сумму возмущений. Вдобавок у нас был еще боковой момент со стороны зонда. При этих обстоятельствах мы двигались по траектории, которая была результатом воздействия множества сил: и собственной тяги корабля, и притяжения распределенных в

пространстве масс. Так вот, чем большую тягу мы имели, тем меньше становилось влияние возмущающих факторов, потому что их величина была постоянной, а наша скорость росла. Увеличивая ее, Кальдер делал нашу траекторию менее чувствительной к внешним возмущающим факторам. Я убежден, что проход ему удался бы, если б не это внезапно возникшее боковое вращение.

— Вы считаете, что для полностью исправного корабля прохождение через щель было возможно?

— Ну конечно. Это вполне возможный маневр, хоть его и запрещают все учебники космолоции. Щель Кассини имеет ширину три с половиной тысячи километров; на обочинах ее полным-полно крупной ледяной и метеоритной пыли, которую визуально заметить, правда, нельзя, но в которой корабль, идущий на гиперболической, сгорит наверняка. Более или менее чистое пространство, через которое можно пройти, имеет километров пятьсот — шестьсот в ширину. На малых скоростях войти в такой коридор нетрудно, но при больших появляется гравитационный дрейф; поэтому Кальдер сначала тщательно нацелился носом в щель, а потом дал большую тягу. Если бы зонд не повернулся, все сошло бы

гладко. По крайней мере я так думаю. Конечно, был определенный риск — примерно один шанс из тридцати, — что мы врежемся в какой-нибудь одиночный обломок. Но тут начались эти продольные обороты. Кальдер пытался их погасить, но это ему не удалось. Он очень упорно боролся. Это я должен признать.

— Кальдер не мог ликвидировать вращение корабля? Вы можете объяснить почему?

— Уже раньше, наблюдая за Кальдером во время вахт, я убедился, что он феноменальный вычислитель. Он очень полагался на свою способность делать молниеносные расчеты без помощи калькулятора. На гиперболической при этих наших обстоятельствах нам предстояло протиснуться сквозь игольное ушко. Индикаторы тяги были бесполезны — они показывали только тягу «Голиафа» и не могли дать величину тяги зонда. Кальдер смотрел только на гравиметры и вел корабль исключительно по их показаниям. Это были прямо-таки математические состязания — между мозгом Кальдера и стремительно изменявшимися условиями полета. О способностях Кальдера можно судить по тому, что я едва успевал прочесть показания индикаторов, а он в то же время производил в уме вычисления,

составляя дифференциальные уравнения четвертого порядка. Хоть я и считал предшествующее поведение Кальдера возмутительным, так как был уверен, что он услышал приказ командира и умышленно им пренебрег, но все же я им восхищался.

— Вы не ответили на вопрос трибунала.

— Я как раз приступал к ответу. Расчеты Кальдера, поскольку он и делал их за доли секунды, могли быть только приближенными. Они не были идеально точными и не могли такими быть, даже если б на месте Кальдера была лучшая в мире вычислительная машина. Размер ошибки, которую он не мог учесть, возрастал — и мы продолжали вращаться. Некоторое время мне казалось, что Кальдер все-таки справится; но он раньше меня понял, что проиграл, и выключил тягу. Мы вошли в полную невесомость.

— Зачем он выключил тягу?

— Он хотел пройти сквозь щель почти по прямой, но не мог погасить продольных оборотов корабля. «Голиаф» кружился как волчок и вел себя как волчок: сопротивлялся тяговой силе, которая стремилась установить его вдоль оси. Мы попали в прецессию: чем больше возрастала наша скорость, тем сильнее раскачивалась кор-

ма. В результате мы шли по сильно вытянутой винтовой, корабль раскачивало с боку на бок, а каждый из таких витков имел добрую сотню километров в диаметре. С такой траекторией мы могли запросто угодить в край кольца, а не в центр щели. Кальдер уже не мог ничего поделать. Он сел в воронку.

— Что это значит?

— Мы обычно так называем необратимые ситуации, в которые легко попасть, но из которых нет выхода. Дальнейший наш полет был уже совершенно непредсказуемым. Когда Кальдер выключил двигатели, я думал, что он просто отдается на волю случая. Цифры так и мигали в окошках индикаторов, но вычислять было уже нечего. Кольца сверкали так, что больно было смотреть, — они ведь состоят из ледяных глыб. Они кружились перед нами, как карусель, вместе со щелью, которая походила на черную трещину. В таких случаях время замедляется неимоверно. Сколько я ни взглядывал на стрелки секундомера, мне все казалось, что они стоят на месте. Кальдер начал стремительно отстегивать ремни. Я стал делать то же самое, так как догадался, что он хочет сорвать главный предохранитель перегрузок, расположенный на пульте, а в ремнях не может

до него дотянуться. Имея в своем распоряжении полную мощность, он еще мог бы затормозить и уйти в пространство, только бы ему набрать эти самые сто g. Мы-то лопнули бы, как воздушные шарики, но он бы спас корабль — ну и себя. Вообще-то я должен был уже раньше догадаться, что он не человек, — ведь ни один человек не мог бы вычислять так, как он… но я лишь в тот момент это осознал. Я хотел его задержать, пока он не подошел к пульту, но он действовал быстрее меня. Он и должен был действовать быстрее. «Не отстегивайся!» — крикнул мне командир. А Кальдеру он крикнул: «Не трогай предохранитель!» Кальдер на это не обратил внимания, он уже встал. «Полный вперед!» — крикнул командир, и я выполнил приказ: ведь у меня был второй штурвал. Я не сразу ударил всей мощностью, а пошел на пять g, потому что не хотел убивать Кальдера, — я только хотел рывком отбросить его от предохранителей, но он устоял на ногах. Это выглядело жутко: ведь ни один человек не устоит при пяти g! Он устоял, только схватился за пульт, кожу с ладоней у него сорвало, а он все держался, потому что под этой кожей была сталь. Тогда я дал сразу максимум. На четырнадцати g он оторвался, полетел назад с чудовищным гро-

хотом, будто цельная глыба металла, промчался между нашими креслами, трахнулся о переборку так, что она затряслась и секурит вдребезги раскололся, а Кальдер издал совершенно ни на что не похожий крик, и я слышал, как он сзади катается, сокрушает переборки, как разрушает все, за что ни ухватится, но уже не обращал на это внимания, потому что щель раскрывалась перед нами; мы перли в нее напролом, с вращающейся кормой, и я снизил тягу до четырех. Все решал теперь случай. Командир крикнул, чтобы я стрелял; тогда я начал выстреливать один за другим противометеоритные экраны, чтобы убрать перед носом обломки поменьше, если они появятся; экраны эти мало чего стоили, но все же лучше такая защита, чем никакая. Кассини был как огромная черная пасть, далеко по носу я видел огонь, защитные экраны развертывались и тут же сгорали, сталкиваясь с обломками ледяной пыли; возникали и мгновенно лопались громадные серебристые тучи невероятной красоты, корабль слегка тряхнуло, датчики по правому борту все разом прыгнули, это был термический удар, мы задели за что-то, не знаю за что, — и оказались уже по ту сторону…

— Командор Пиркс?

— Да, это я. Вы хотели меня видеть?

— Безусловно. Спасибо, что пришли. Садитесь, пожалуйста…

Человек за столом нажал кнопку черного ящичка и сказал:

— Ближайшие двадцать минут я буду занят. Меня ни для кого нет.

Он выключил аппарат и пристально посмотрел на Пиркса.

— Командор, у меня есть для вас одно оригинальное предложение. Некий… — он поискал подходящее слово, — эксперимент. Однако предварительно я должен просить вас сохранить в тайне все, что я скажу. Также и в том случае, если вы отклоните мое предложение. Вы согласны?

Молчание длилось несколько секунд.

— Нет, — ответил Пиркс. И добавил: — Разве что вы расскажете мне об этом побольше.

— Вы не из тех, кто соглашается на что-либо вслепую? Собственно, я мог этого ожидать после всего, что о вас слышал. Сигарету?

— Нет, спасибо.

— Речь идет об экспериментальном полете.

— Новый тип корабля?

— Нет. Новый тип команды.

— Команды? Какова же моя роль?

— Всесторонняя оценка ее пригодности. Это все, что я могу сказать. Теперь ваша очередь решать.

— Я буду молчать, если сочту это возможным.

— Возможным?

— Желательным.

— На основании каких критериев?

— Так называемой совести, с вашего разрешения.

Снова прошло несколько секунд. В большой комнате с окном во всю стену было тихо, словно она не находилась среди двух тысяч других комнат громадного небоскреба с тремя вертолетными посадочными площадками на крыше. Пиркс почти не различал собеседника: он видел его на фоне светящегося тумана, в котором тонули шестнадцать верхних этажей здания. Временами молочные клубы тумана сгущались за прозрачной стеной, и тогда казалось, что вся комната плывет куда-то, несомая неощутимой силой.

— Хорошо. Как видите, я согласен на все. Речь идет о рейсе Земля — Земля.

— Петля?

— Да. С облетом Сатурна и выводом там на стационарную орбиту новых автоматических спутников.

— Это ведь проект «Юпитер»?

— Да, один из элементов этого проекта, поскольку речь идет о спутниках. Корабль тоже принадлежит КОМСЕКу, так что все мероприятие проходит под опекой ЮНЕСКО. Как вам известно, я представляю именно эту организацию. У нас есть, конечно, свои пилоты и навигаторы, однако мы выбрали вас, поскольку тут большую роль играет дополнительный фактор — команда, о которой я уже упомянул.

Директор ЮНЕСКО вновь замолчал. Пиркс ждал, невольно прислушиваясь, но тишина была такая, будто ни малейший звук не раздавался в радиусе многих километров, — а ведь вокруг многомиллионный город.

— Как вам, наверное, известно, уже несколько лет существует возможность создавать устройства, все более заменяющие человека. Те из них, которые могут сравниться с человеком во многих областях сразу, были до сих пор — из-за своих размеров и веса — стационарными. Однако успехи физики твердого тела позволили осуществить, почти одновременно в СССР и Соединенных Штатах, следующий этап микроминиатюризации уже на молекулярном уровне. Созданы экспериментальные прототипы кристаллических

систем, эквивалентных мозгу. Они все еще в полтора раза больше человеческого мозга, но это не имеет значения. Ряд американских фирм запатентовал такие конструкции и в настоящее время собирается приступить к серийному выпуску человекоподобных автоматов, так называемых конечных нелинейников, прежде всего для обслуживания внеземных кораблей.

— Я слышал об этом. Но профсоюзы будто бы воспротивились? И потом, это потребовало бы, кажется, значительных изменений в существующем законодательстве?

— Вы об этом слышали? В прессе не было ни слова…

— Да. Но шли какие-то закулисные разговоры, переговоры, и слухи о них просочились в нашу среду. Это, я думаю, естественно.

— Конечно. Разумеется. Ну что ж, тем лучше, хотя… Каково же ваше мнение?

— По этому поводу? Скорее отрицательное. Да, пожалуй, даже резко отрицательное. Боюсь, однако, что ничьи мнения тут не имеют существенного значения. Последствия открытий неумолимы — самое большее, можно на какое-то время затормозить их реализацию…

— Одним словом, вы считаете это неизбежным

злом?

— Я бы это не так сформулировал. Я считаю, что человечество не готово к нашествию искусственных человекоподобных существ. Разумеется, наиболее важно — действительно ли они равны человеку? Я лично с такими никогда не встречался. Я не специалист, но те специалисты, которых я знаю, считают, что о настоящем равенстве, о полноценности не может быть и речи.

— Не предубеждены ли вы? Действительно, таково мнение многих специалистов, точнее, оно было таковым. Но, видите ли… фирмы руководствуются экономическими факторами. Рентабельностью производства.

— Иными словами — надеждой на прибыль?

— Да. То есть в данном случае федеральное правительство — я имею в виду Америку, равно как и правительства Великобритании и Франции — пока что не открыло частным фирмам доступа к документации, которая разработана институтами, финансируемыми государством. Но частные фирмы вполне могут восполнить пробелы в документации собственными силами — у них есть свои исследовательские лаборатории.

— «Кибертроникс»?

— Не только. «Машинтрекс», «Интельтрон»

и другие. В правительственных кругах этих государств многие опасаются нежелательных последствий. Частным фирмам безразлично, что у государства не хватит средств для массового переобучения людей, которые останутся без работы из-за наплыва нелинейников.

— Нелинейники? Странно. Я не встречал такого термина.

— Это просто жаргонное словечко, которым мы пользуемся. Все-таки лучше, чем «гомункулус» или «искусственный человек». Ведь это вообще не люди — ни искусственные, ни натуральные.

— В смысле неполноценности?

— Знаете ли, командор, я тоже не специалист в этой области, так что при всем желании не смогу вам ответить. Мои собственные предположения ничего ведь не стоят. Дело в том, что одним из первых потребителей новой продукции стал бы КОСНАВ.

— Но ведь это частное англо-американское предприятие?

— Именно поэтому. «Космикл навигэйшн» уже несколько лет переживает финансовые затруднения, потому что космонавтика социалистических стран, которую не ограничивают требования немедленной прибыли, представляет для этой

компании сильнейшего конкурента — она берет на себя все большую часть грузооборота. Особенно на главных внеземных трассах. Вы, наверно, знаете об этом?

— Конечно. Я вовсе не огорчился бы, если б КОСНАВ обанкротился. Раз удалось интернационализировать космические исследования на базе ООН, то и с космонавтикой можно сделать то же самое. Мне по крайней мере так кажется.

— Мне тоже. Заверяю вас, что и я бы этого желал — хотя бы из должностных соображений. Но это дела грядущих дней. А пока, с вашего разрешения, ситуация такова, что КОСНАВ готов принять любое количество нелинейников для обслуживания своих рейсов — сначала только грузовых, — на пассажирских они боятся бойкота со стороны широкой общественности. Предварительные переговоры уже ведутся.

— И печать об этом молчит?

— Переговоры неофицальные. Вообще-то в некоторых газетах были упоминания, но КОСНАВ их опроверг. Формально они вроде и правы. В конце концов, командор, это же настоящие юридические джунгли. По существу, они действуют в сфере, на которую не распространяются ни законы их стран, ни международные соглаше-

ния. Опять же и президент, приняв во внимание приближающиеся выборы, не будет пытаться провести через конгресс законы, которых домогается крупный интеллектронный капитал, — он испугается бурной реакции профсоюзов. Так вот, перехожу наконец к делу: некоторые фирмы, предвидя возможные возражения печати, рабочего и профсоюзного движения и так далее, решили предоставить в наше распоряжение группу полупрототипов, чтобы мы исследовали их пригодность для обслуживания внеземных кораблей.

— Простите, кому же это «нам»? ООН? Это както странно выглядит.

— Ну не прямо ООН, конечно. Нам — это значит ЮНЕСКО. Поскольку организация занимается вопросами науки, культуры, просвещения…

— Простите меня, но я по-прежнему ничего не понимаю. Что общего имеют эти автоматы с просвещением или наукой?

— Но ведь нашествие — как вы сами выразились — этих… псевдолюдей, фабрикующихся на конвейере, наверно, наиболее заметно во всех отношениях скажется именно в сфере общечеловеческой культуры. Дело не только в последствиях чисто экономических, в опасности

безработицы и так далее, но и в воздействии психологическом, социальном, культурном. Впрочем, для полной ясности признаюсь, что мы приняли это предложение без особого энтузиазма. Дирекция сначала собиралась даже вообще его отвергнуть. Тогда фирмы выдвинули дополнительный довод: в качестве экипажа корабля нелинейники обеспечивают несравненно большую гарантию безопасности, чем команда, состоящая из людей. У них быстрее реакции, практически отсутствуют усталость и потребность в сне, они не подвержены болезням, обладают колоссальной избыточностью, которая позволяет им функционировать даже в случае серьезного повреждения, и вдобавок они не нуждаются ни в пище, ни в воздухе и могут выполнять задания в условиях разгерметизации или перегрева корабля и так далее. Ну, это, вы сами понимаете, очень серьезные аргументы — ведь на первый план выступают не прибыли каких-то там частных фирм, а безопасность кораблей и грузов. Тут уж, кто знает, возможно, даже ООН решилась бы на своих исследовательских кораблях…

— Понимаю. Но это очень опасный прецедент. Вы, наверно, отдаете себе в этом отчет?

— Почему опасный?

— Потому что примерно то же самое можно сказать и о других профессиях и функциях. В один прекрасный день могут уволить и вас, а в это кресло усядется робот.

Директор засмеялся не очень уверенно. Впрочем, он тут же стал серьезным.

— Видите ли… дорогой мой командор, мы, собственно, отошли от темы нашего разговора. Но что, по-вашему, можно сделать в создавшейся ситуации? ЮНЕСКО могла бы отвергнуть предложение этих господ, но это не изменит сути дела. Если их автоматы действительно так хороши, то раньше или позже за них ухватится КОСНАВ, а за ним пойдут другие.

— А что изменится, если ЮНЕСКО возьмет на себя роль технического контролера продукции этих фирм?

— Но, позвольте… речь идет не о техническом контроле. Мы хотели… теперь уж я скажу все до конца… мы хотели предложить вам рейс с таким экипажем. Вы были бы командиром. За эти две-три недели вы смогли бы разобраться, чего они стоят. Тем более, подчеркиваю, что это разные модели, отличающиеся друг от друга. Мы просили бы вас по возвращении представить нам квалифицированное всестороннее заключение

по большому количеству пунктов, поскольку речь идет как о профессиональных аспектах, так и об иных — психологических: в какой мере эти автоматы приспосабливаются к человеку, насколько соответствуют его представлениям, возникает ли ощущение их превосходства или, наоборот, их психической неполноценности… Соответствующие отделы нашей организации снабдили бы вас материалами и анкетами, подготовленными видными учеными, психологами…

— И в этом состояло бы мое задание?

— Да. Вы не обязаны давать мне ответ сейчас же. Насколько мне известно, в данный момент вы не летаете?

— У меня шестинедельный отпуск.

— Тогда, скажем… может быть, вы обдумаете это за два дня?

— Еще два вопроса. Какие последствия будет иметь мое заключение?

— Оно будет решающим!

— Для кого?

— Для нас, разумеется. Для ЮНЕСКО. Я убежден, что, если дело дойдет до интернационализации космонавтики, ваше заключение представит собой важное подспорье для законодательных комиссий ООН, которые…

— Прошу прощения. Это дела грядущих дней, как вы сказали. Значит, для ЮНЕСКО, говорите? Но ведь ЮНЕСКО — это не фирма, не предприятие и не собирается, я надеюсь, сделаться рекламным бюро для каких-то фирм?

— Ну что вы! Конечно же, нет. Мы опубликуем ваше заключение в мировой прессе. Результаты, если они будут отрицательными, наверняка приостановят ход переговоров КОСНАВа с этими фирмами. И таким образом мы окажем влияние…

— Еще раз прошу прощения. А если результаты будут положительными, то мы не приостановим и не окажем влияния?

Директор хмыкнул, кашлянул и наконец усмехнулся.

— Говоря с вами, командор, я чувствую себя почти виновным. Словно у меня совесть нечиста… Ну разве ЮНЕСКО изобрела этих нелинейных роботов? Разве вся эта ситуация — результат наших трудов? Мы стараемся действовать объективно, в интересах всех…

— Мне это не нравится.

— Командор, вы можете отказаться. Но согласитесь, что, если б мы все так поступили, это был бы жест Понтия Пилата. Легче всего умыть

руки. Поймите, мы не всемирное правительство и не можем никому запретить производство каких-либо машин. Это компетенция отдельных правительств — кстати, скажу я вам, они и пробовали запретить, были такие попытки, проекты, но ничего из этого не вышло! И церковь тоже ничего не добилась, а вы ведь знаете ее абсолютно негативную позицию в этом вопросе.

— Да. Короче, никому это не нравится, и все молча смотрят, как это происходит.

— Потому что нет юридических оснований для противодействия.

— А последствия? Да у этих фирм, у них самих, земля задрожит под ногами, когда они создадут такую безработицу, что…

— Тут я вынужден вас перебить. Конечно, то, что вы говорите, справедливо. Все мы этого опасаемся. Тем не менее мы бессильны. Но все же не вполне бессильны. Мы можем провести хотя бы этот эксперимент. Вы предубеждены? Очень хорошо! Именно поэтому вы нам особенно подошли бы! Если вообще существуют какие-то контраргументы, вы изложите их наиболее убедительно!

— Я подумаю, — сказал Пиркс, вставая.

— Вы говорили еще о каком-то вопросе…

— Вы на него уже ответили. Я хотел знать, по-

чему выбор пал на меня.

— Значит, вы дадите нам ответ? Прошу вас позвонить в течение двух дней. Идет?

— Идет, — сказал Пиркс, кивнул и вышел.

Платиновая блондинка-секретарша поднялась из-за стола, когда вошел Пиркс.

— Здравствуйте, я…

— Здравствуйте. Я в курсе дела, с вашего разрешения. Я сама вас провожу.

— Они уже здесь?

— Да, они ждут вас.

Она повела его по длинному пустому коридору; ее туфельки постукивали, как металлические костыльки. Холодный, каменный звук раздавался в огромном коридоре, выложенном искусственным гранитом. Мелькали темные прямоугольники дверей с алюминиевыми цифрами и табличками. Секретарша нервничала. Несколько раз она искоса поглядывала на Пиркса — это был не кокетливый, а испуганный взгляд. Когда Пиркс его заметил, он даже слегка пожалел девушку, но тут же ощутил, что все это — абсолютно сумасшедшая затея, и почти неожиданно для самого себя спросил:

— Вы их видели?

— Да. Очень недолго. Мельком.

— И какие же они?

— А вы их не видели?

Она почти обрадовалась. Как будто те, кто их хорошо знал, уже вступили в какую-то тайную, может быть и враждебную, организацию, которой ни в коем случае нельзя доверять.

— Их шестеро. Один со мной говорил. Совершенно не похож, знаете! Совершенно! Если б я его на улице встретила, никогда бы даже не подумала. Но когда я поближе присмотрелась, что-то у него такое в глазах… и здесь… — Она притронулась к губам.

— А остальные?

— Они даже не вошли в комнату, стояли в коридоре.

Лифт помчал их вверх; золотистые зернышки огоньков, отсчитывавших этажи, усердно пересыпались в стене. Девушка стояла напротив Пиркса, и он мог по достоинству оценить усилия, которые ей понадобились, чтобы при помощи губной помады, туши и грима лишить себя последних следов индивидуальности и временно превратиться в двойника Инды Ле или как еще там называли эту на новый манер взлохмаченную звезду нынешнего сезона. Когда ее веки затрепетали, Пиркс испугался за сохранность

искусственных ресниц.

— Роботы… — сказала она грудным шепотом и вздрогнула, словно от прикосновения змеи.

В комнате на десятом этаже сидели шестеро мужчин. Когда Пиркс вошел, один из них, заслонявшийся огромным полотнищем «Геральд трибюн», сложил газету, встал и двинулся ему навстречу, широко улыбаясь. За ним встали и остальные.

Они были примерно одинакового роста и походили на летчиков-испытателей, переодетых в гражданское: плечистые, все в одинаковых, песочного цвета костюмах, в белых рубашках с цветными галстуками бабочкой. Два светлых блондина, один рыжий как огонь, остальные темноволосые, но у всех светлые глаза. Только это и успел заметить Пиркс, когда подошедший к нему человек, крепко встряхнув его руку, сказал:

— Меня зовут Мак-Гирр, рад вас видеть! Я имел удовольствие путешествовать однажды на корабле, которым вы командовали, на «Поллуксе»! Но вы, наверно, меня не помните…

— Нет, — сказал Пиркс.

Мак-Гирр повернулся к остальным, неподвижно стоящим вокруг газетного столика.

— Ребята, вот ваш начальник, командор Пиркс.

А это ваш экипаж, командор: первый пилот Джон Кальдер, второй пилот Гарри Броун, инженер-ядерщик Энди Томсон, радист-электронщик Джон Бартон, а также нейролог, кибернетик и врач в одном лице — Томас Барнс.

Пиркс поочередно пожал им руки, потом все уселись, придвинув к столу металлические стулья, прогибающиеся под тяжестью тела. Несколько секунд царила тишина, потом Мак-Гирр нарушил ее своим крикливым баритоном:

— Прежде всего я хотел поблагодарить вас, командор, от имени дирекции фирм «Кибертроникс», «Интельтрон» и «Нортроникс» за то, что вы проявили такое доверие к нашим замыслам, приняв предложение ЮНЕСКО. Чтобы исключить возможность каких-либо недоразумений, я должен сразу пояснить, что некоторые из присутствующих появились на свет от папы с мамой, а некоторые — нет. Каждый из них знает о своем происхождении, но ничего не знает о происхождении других. Я обращаюсь к вам с просьбой не спрашивать их об этом. Во всем остальном вам предоставляется абсолютная свобода действий. Они наверняка будут добросовестно выполнять ваши приказы и проявят искренность и инициативу как в служебных, так и во внеслужебных

отношениях. Однако их проинструктировали так, чтобы на вопрос «кто вы?» каждый отвечал одинаково: «Вполне обыкновенный человек». Я сообщаю об этом сразу, поскольку это будет не ложь, а необходимость, продиктованная общими нашими интересами…

— Значит, я не могу их об этом спрашивать?

— Можете. Конечно, можете. Но тогда у вас останется неприятное сознание, что некоторые из них говорят неправду, так не лучше ли от этого отказаться? Они всегда скажут одно и то же — что они обычные парни; но не во всех случаях это будет правда.

— А в вашем случае? — спросил Пиркс.

После мгновенной паузы все расхохотались. Громче всех смеялся сам Мак-Гирр.

— О! Ну и шутник вы! Я, что ж, я — всего лишь маленькая шестеренка в машине «Нортроникс»…

Пиркс, который даже не улыбнулся, ожидал, когда наступит тишина.

— Вам не кажется, что вы пытаетесь меня надуть? — спросил он наконец.

— Простите! Что вы имеете в виду?! Ничего подобного! Условия предусматривали «новый тип команды». Там ни слова не говорилось о

том, будет ли эта команда однородной, ведь верно? Мы, знаете ли, попросту хотели исключить возможность некой… гм… чисто психологической, иррациональной предубежденности. Это же ясно! Ведь правда?! Во время рейса и по его окончании, основываясь на полученных результатах, вы составите себе мнение о всех членах команды. Дадите им всестороннюю оценку, в которой мы весьма нуждаемся. Мы только постарались создать условия, в которых вы сможете действовать с наибольшей, беспристрастной объективностью!

— Сердечно вам благодарен! — сказал Пиркс. — И все-таки я полагаю, что вы меня надули. Однако отказываться я не намерен.

— Браво!

— Я хотел бы еще прямо сейчас немножко побеседовать с моими… — он на мгновение заколебался, — людьми…

— Может, вы хотите определить их квалификацию? Впрочем, я вас не ограничиваю! Первый выстрел за вами! Пожалуйста.

Мак-Гирр достал из верхнего кармана пиджака сигару и, обрезав конец, начал ее раскуривать, а тем временем пять пар спокойных глаз внимательно смотрели на Пиркса. Блондины — они

оказались пилотами — были слегка похожи друг на друга. Кальдер, однако, больше походил на скандинава, а его курчавые волосы казались сильно выгоревшими на солнце. Броун же был прямо-таки златокудрым, он слегка смахивал на херувимчика из журнала мод, но этот избыток красоты компенсировался твердым подбородком и бесцветными тонкими губами, постоянно кривящимися, будто в насмешливой гримасе. От левого их угла наискось через всю щеку шел белый шрам. На нем-то и остановился взгляд Пиркса.

— Отлично, — сказал он, будто с изрядным опозданием отвечая Мак-Гирру, и тем же тоном, словно бы нехотя, спросил мужчину со шрамом: — Вы верите в Бога?

Губы Броуна дрогнули, будто удерживая улыбку или гримасу. Он не сразу ответил. Вид у него был, как после недавнего и к тому же поспешного бритья: возле уха осталось несколько волосков, на щеках виднелись следы плохо стертой пудры.

— Это… не входит в мои обязанности, — ответил он низким, приятным голосом.

Мак-Гирр, который как раз затянулся сигарой, застыл, неприятно удивленный вопросом Пиркса, и, моргнув, бурно выдохнул дым, словно хотел

сказать: «Ну, видал? Нашла коса на камень!»

— Броун, — тем же флегматичным тоном проговорил Пиркс, — вы не ответили на мой вопрос.

— Простите, командор. Я ответил, что это не входит в мои обязанности.

— Как ваш начальник я сам решаю, что входит в ваши обязанности, — отпарировал Пиркс.

На лице Мак-Гирра изображалось изумление. Остальные сидели неподвижно, с видимым вниманием прислушиваясь к этому разговору, — ну прямо как образцовые ученики.

— Если это приказ, — мягким, отчетливо модулированным баритоном ответил Броун, — то я могу лишь пояснить, что не занимался специально этой проблемой.

— В таком случае прошу продумать ее до завтрашнего дня. От этого будет зависеть решение вопроса о вашем пребывании на борту.

— Слушаюсь, командор.

Пиркс повернулся к первому пилоту Кальдеру, их взгляды встретились. Глаза Кальдера были почти бесцветными — огромные окна комнаты отражались в них.

— Вы пилот?

— Да.

— Ваш стаж?

— Полный курс двойного пилотажа и двести девяносто одиночных часов в пространстве на малом тоннаже, десять самостоятельных посадок, в том числе четыре на Луне, две на Марсе и Венере.

Пиркс, казалось, пропустил этот ответ мимо ушей.

— Бартон, — обратился он к следующему, — вы электронщик?

— Да.

— Сколько рентген вы можете вынести в течение часа?

Губы Бартона дрогнули. Это нельзя было даже назвать улыбкой. Она тотчас исчезла.

— Думаю, что примерно четыреста, — сказал он. — Самое большее. Но потом пришлось бы лечиться.

— Не больше чем четыреста?

— Не знаю, но, пожалуй, что нет.

— Откуда вы родом?

— Из Аризоны.

— Болели?

— Нет. Во всяком случае, ничего серьезного.

— Зрение хорошее?

— Хорошее!

Пиркс, собственно, не слушал того, что они го-

ворили. Он скорее интересовался звуком голоса, его модуляциями, тембром, движением губ, выражением лица и временами питал бессмысленную надежду, что все происходящее — идиотская шутка, блеф, что над ним хотят позабавиться, поиздеваться над его наивной верой во всемогущество техники. Или, может, наказать его за эту веру? Ведь это самые обычные люди, правильно говорила секретарша — вот что значит предубеждение! Она и Мак-Гирра приняла за одного из них…

Разговор был пока что пустой, если б не эта не слишком-то умная придумка насчет Господа Бога. Наверняка не слишком умная, скорее даже примитивная и безвкусная. Пиркс это отлично чувствовал, он считал себя ограниченным тупицей, только из-за своей тупости он и согласился…

Все смотрели на него, как и прежде, но ему почудилось, что рыжий Томсон и оба пилота сделали слишком равнодушные мины, словно не хотели показать, что насквозь видят его примитивную душу рутинера, совершенно выбитого сейчас из привычного равновесия. Он хотел спрашивать дальше — тем более что молчание, уже начинавшее затягиваться, оборачивалось

против него, становилось доказательством его беспомощности, — но попросту не мог ничего придумать. Уже не благоразумие, а отчаяние подсказывало ему, что надо сделать нечто диковинное, полубезумное, но Пиркс отлично знал, что ничего такого не сделает. Он чувствовал и что осрамился, — надо было отказаться от этой встречи. Он посмотрел на Мак-Гирра.

— Когда я могу подняться на корабль?

— О, в любое время, хоть сегодня.

— Как обстоит с санитарным контролем?

— Об этом, пожалуйста, не беспокойтесь. Все уже улажено.

Инженер отвечал почти снисходительно — так по крайней мере показалось Пирксу.

«Не умею я с достоинством проигрывать», — подумал он. А вслух сказал:

— Тогда все. Кроме Броуна, все могут считать себя членами команды. Броуна прошу ответить мне завтра на вопрос, который я ему задал. Мак-Гирр, бумаги, которые я должен подписать, у вас?

— Да, но не здесь. В директорате. Пройдемте туда?

— Хорошо.

Пиркс встал. Все встали вслед за ним.

— До свиданья. — Он кивнул им и вышел пер-

вым.

Инженер догнал его около лифта.

— Вы недооценили нас, командор…

К Пирксу уже вернулось хорошее настроение.

— Как это надо понимать?

Лифт пошел вниз. Инженер осторожно поднес сигару к губам, стараясь не стряхнуть серый столбик пепла.

— Наших парней не так-то легко отличить от… обычных.

Пиркс пожал плечами.

— Если они сделаны из того же материала, что и я, — сказал он, — то это люди, а появились они с помощью какого-то искусственного оплодотворения в пробирке или более обычным путем, меня совершенно не касается.

— О нет, они не из того же материала!

— Из какого же?

— Прошу прощения, но это производственный секрет.

— Кто вы, собственно, такой?

Лифт остановился. Инженер открыл дверь, но Пиркс не пошевельнулся. Он ждал ответа.

— Вас интересует, не конструктор ли я? Нет. Я работаю в отделе коммерческих связей.

— И вы достаточно компетентны, чтобы отве-

тить мне на несколько вопросов?

— Разумеется, но, надеюсь, не здесь?

Та же секретарша проводила их в конференц-зал. У длинного стола в идеальном порядке стояли два ряда кресел. Они уселись с краю, там, где лежала открытая папка с договором.

— Слушаю вас, — сказал Мак-Гирр. Пепел свалился ему на брюки, он сдул его. Пиркс заметил, что глаза у Мак-Гирра налиты кровью, а зубы чрезмерно ровные. «Искусственные, — подумал он. — Старается выглядеть помоложе».

— Скажите, эти, которые… не люди, ведут себя как люди? Они едят? Пьют?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы иллюзия была полной. Для окружающих, разумеется.

— Но тогда они должны потом от этого… избавляться?

— Ну, конечно.

— А кровь?

— Простите, не понял.

— У них есть кровь? Сердце? Если они поранятся, пойдет кровь?

— У них есть… имитация крови и сердца, — осторожно подбирая слова, ответил Мак-Гирр.

— Как это понимать?

— Ну, только хороший врач-специалист после всестороннего обследования смог бы понять…

— А я — нет?

— Нет. Конечно, если не применять каких-нибудь специальных методов.

— Рентген?

— Вы сообразительны! Но у вас на борту не будет такой аппаратуры.

— Чувствуется непрофессиональный подход, — сказал Пиркс. — Я могу получить из реактора сколько угодно изотопов, ну и, кроме того, на борту должны быть аппараты для дефектоскопии; значит, рентген мне и не понадобится.

— Мы не возражаем против этой аппаратуры, если только вы обяжетесь не употреблять ее ни для каких других целей.

— А если я не соглашусь?

Мак-Гирр вздохнул и, раздавив сигару в пепельнице, словно он почувствовал к ней внезапное отвращение, сказал:

— Командор… вы изо всех сил стараетесь затруднить нашу задачу.

— Это верно! — признался Пиркс. — Значит, у них может идти кровь?

— Да.

— И это действительно кровь? Даже под микроскопом?

— Да, это кровь.

— Как же вы это сделали?

— Впечатляюще, верно? — Мак-Гирр широко ухмыльнулся. — Могу сказать вам только в самых общих чертах: принцип губки. Специальной подкожной губки.

— Это человеческая кровь?

— Да.

— Зачем?

— Уж конечно, не затем, чтобы провести вас. Поймите, ведь не для вас запустили производство стоимостью в миллиарды долларов. Они должны так выглядеть, должны быть такими, чтобы ни при каких обстоятельствах никому из пассажиров или других людей и в голову не пришло бы заподозрить…

— Речь идет о том, чтобы избежать бойкотирования вашей продукции?

— И об этом тоже. Ну и об удобствах, разумеется, о психологическом комфорте…

— А вы сами их различаете?

— Только потому, что я их знаю. Ну… есть способы… грубые… но ведь не станете же вы пользоваться топором!

— Скажите, а чем они отличаются от людей в физиологическом смысле? Дыхание, кашель, румянец…

— О, это все удалось сделать. Конечно, есть различия, но я уже говорил вам: разобраться в этом мог бы только врач.

— А что касается психики?

— Мозг у них в голове! Это наше величайшее достижение! — сказал Мак-Гирр с откровенной гордостью. — «Интельтрон» до сих пор помещал его в корпусе, из-за размеров. Мы первые перенесли его в голову!

— Скажем, вторые; первой была природа…

— Ха-ха! Ну, значит, вторые. Но детали — это секрет. Мозг представляет собой монокристаллический мультистат с шестнадцатью миллиардами двоичных элементов.

— А на что способны нелинейники — это тоже секрет?

— Что вы имеете в виду?

— Например, то, что они умеют лгать. В каких пределах они могут лгать?.. Могут ли они потерять контроль над собой и, следовательно, над обстановкой?..

— Да. Все это возможно.

— Почему?

— Потому что это неизбежно. Все, образно говоря, тормоза, вводимые в нейтронную или кристаллическую систему, — все они относительны, их можно снять или ослабить. Я говорю это потому, что вы должны знать правду. Впрочем, если вы хоть немного знакомы с литературой по этому вопросу, вам известно, что робот, который был бы в умственном отношении равен человеку и в то же время не мог бы лгать и обманывать, — чистейшая фикция! Либо полноценная копия человека, либо марионетка — ничего другого создать нельзя. Третьего не дано.

— Существо, способное на поступки определенного уровня сложности, уже тем самым способно и на другие поступки того же уровня, так?

— Да. Конечно, это нерентабельно. По крайней мере — пока. Психическая полноценность, не говоря даже о внешнем человекоподобии, стоит чудовищно дорого. Модели, которые вы получили, изготовлены в очень малом количестве экземпляров потому, что они нерентабельны. Стоимость любой из них больше стоимости сверхзвукового бомбардировщика!

— Вот оно как!

— Включая, разумеется, стоимость всех предварительных исследований. Для рынка мы, может

быть, сумеем изготавливать эти автоматы на конвейере и даже попытаемся усовершенствовать их, хотя это, пожалуй, уже невозможно. Вам мы даем лучшее из того, что имеем. Поэтому потеря самообладания, какой-нибудь нервный срыв хотя и не исключены в принципе, но менее вероятны у них, чем у человека в аналогичной ситуации.

— Такие опыты проводились?

— Конечно!

— И люди служили контрольными образцами?

— Бывало и так.

— Катастрофические ситуации? Угроза уничтожения?

— Именно это.

— А результаты?

— Люди менее надежны.

— А как у них с агрессивностью?

— Вас интересует их отношение к человеку?

— Не только.

— Можете быть спокойны. У них имеются специально встроенные ингибиторы, так называемые устройства обратного разряда, как бы амортизирующие агрессивные потенциалы.

— Всегда?

— Нет, это невозможно. Мозг — система вероятностная, наш с вами — тоже; можно увеличить

вероятность определенных состояний, но никогда нельзя быть вполне уверенным. И все же — они и в этом превосходят человека!

— А что произойдет, если я попытаюсь проломить кому-нибудь из них голову?

— Он будет защищаться.

— И будет стараться убить меня?

— Нет, он ограничится самообороной.

— А если единственно возможной обороной будет нападение?

— Тогда он нападет на вас.

— Давайте ваш договор, — сказал Пиркс.

Перо заскрипело в тишине. Инженер сложил бланки и спрятал в папку.

— Вы возвращаетесь в Штаты?

— Да, завтра.

— Можете сообщить своему начальству, что я постараюсь выжать из них самое худшее, — сказал Пиркс.

— Разумеется! Именно на это мы и рассчитываем! Потому что даже в этом худшем они все же лучше, чем человек! Только вот…

— Вы хотели что-то сказать?

— Вы смелый человек, командор. Но… в ваших собственных интересах… советую вам быть осторожным.

— Чтобы они за меня не взялись?

Пиркс невольно усмехнулся.

— Нет. Чтобы вам же не пришлось расплачиваться. Потому что прежде всего первыми сдадут люди. Обыкновенные, хорошие, честные парни. Понимаете?

— Понимаю, — ответил Пиркс. — Мне пора. Я должен еще сегодня принять корабль.

— У меня здесь на крыше вертолет, — сказал Мак-Гирр, поднимаясь. — Вас подбросить?

— Нет, спасибо. Поеду метро. Не люблю рисковать, знаете… Значит, вы сообщите своему начальству, какие у меня коварные намерения?

— Если вам угодно.

Мак-Гирр искал в кармане очередную сигару.

— Должен сказать, что вы ведете себя довольно странно. Чего вы, собственно, от них хотите? Это не люди, никто этого не утверждает. Это отличные специалисты и притом действительно порядочные парни. Уверяю вас! Они для вас все сделают!

— Я постараюсь, чтобы они сделали еще больше, — ответил Пиркс.

* * *

Пиркс в самом деле не спустил истории с Господом Богом и нарочно позвонил Броуну на следующий день; в ЮНЕСКО ему сообщили номер телефона, по которому он мог найти своего пилота. Пиркс узнал его голос, когда набрал этот номер.

— Я ждал вас, — сказал Броун.

— Ну и как вы решили? — спросил Пиркс. У него была странная тяжесть на сердце. Куда легче было подписывать бумаги Мак-Гирра. Тогда казалось, что он справится. Теперь он уже не был так уверен в этом.

— У меня было мало времени, — сказал Броун своим ровным, приятным голосом. — Поэтому я могу сказать одно: меня учили вероятностному подходу. Я вычисляю шансы и на этом основании действую. В данном случае — девяносто девять процентов за то, что «нет»… может быть, даже девяносто девять и девять десятых… но одна сотая шанса за то, что «да».

— Что Бог есть?

— Да.

— Хорошо. Можете явиться вместе с остальными. До встречи.

— До свиданья, — ответил мягкий баритон, и телефон звякнул, разъединяясь.

Неизвестно почему, Пиркс припомнил этот разговор, когда ехал на ракетодром. Кто-то уже уладил все формальности в капитанате — может, ЮНЕСКО, а может, фирмы, которые «изготовили» для него команду. Во всяком случае, не было обычного санитарного контроля и никто не проверял документы его «людей», а старт назначили на два сорок пять, то есть на час, когда движение наименьшее. Три больших ракетных спутника для Сатурна уже находились в трюмах. «Голиаф» был кораблем среднего тоннажа — каких-нибудь шесть тысяч тонн массы покоя, — но сошел он со стапелей всего два года назад и имел высокоавтоматизированное хозяйство. Его реактор на быстрых нейтронах занимал десять кубических метров, то есть всего ничего, но был совершенно лишен всяких тепловых колебаний, а номинальная мощность у него была сорок пять миллионов лошадиных сил. И семьдесят миллионов в максимуме — для кратковременных ускорений.

По существу Пиркс ничего не знал о том, что делали его «люди» в Париже, — жили они в гостинице или какая-нибудь фирма сняла им комнаты (у него мелькнула гротескная, жутковатая мысль,

что, может, инженер Мак-Гирр как-то «повыключал» их и на эти два дня уложил в ящики). Он не знал даже, как они добрались до ракетодрома.

Они ждали его в отдельной комнате в капитанате, и у всех были с собой чемоданы, какие-то свертки и маленькие несессеры с болтающимися на ручках именными табличками. Пирксу, когда он взглянул на эти несессеры, невольно полезли в голову всякие дурацкие шуточки вроде того, что у них там, наверно, французские гаечные ключи, туалетные масленки и тому подобное. Но ему было вовсе не до смеха, когда, поздоровавшись с ними, он предъявил в капитанате полномочия и бумаги, необходимые для подтверждения стартовой готовности, а потом, за два часа до назначенного времени, они вышли на плиты, освещенные единственным прожектором, и гуськом двинулись к белому как снег «Голиафу». Он слегка напоминал огромную, свежераспакованную сахарную голову.

Старт не представлял трудностей. «Голиаф» можно было поднять едва ли не в одиночку — стоило лишь ввести программы во все автоматические и полуавтоматические устройства. Не прошло и получаса, а они уже оставили за собой ночное полушарие Земли с фосфорической рос-

сыпью городов; тогда Пиркс глянул на экраны. Великолепное это зрелище — когда Солнце на рассвете насквозь прочесывает лучами атмосферу и она пылает, словно исполинский радужный серп, — Пиркс наблюдал из космоса уже не раз, но оно ему еще ничуть не приелось. Несколько минут спустя, пройдя мимо последнего навигационного спутника, пробравшись сквозь сплошной писк и щебет сигналов, которыми были битком набиты работающие информационные машины (Пиркс называл их «электронной бюрократией космоса»), они поднялись над плоскостью эклиптики. Тогда Пиркс велел первому пилоту оставаться у штурвала, а сам отправился в свою каюту. Не прошло и десяти минут, как он услышал стук в дверь.

— Войдите!

Вошел Броун. Он старательно закрыл дверь, подошел к Пирксу, сидевшему на койке, и негромко сказал:

— Я хотел бы с вами поговорить.

— Пожалуйста. Садитесь.

Броун опустился на стул, но, видимо, расстояние, их разделявшее, показалось ему слишком большим, он придвинулся поближе, некоторое время молчал, опустив голову, вдруг посмотрел

прямо в глаза Пирксу и сказал:

— Я хочу вам кое-что сообщить. Но я вынужден просить вас сохранить это в тайне. Дайте мне слово, что никому этого не расскажете.

Пиркс поднял брови.

— Тайна?

Он подумал несколько секунд.

— Хорошо, даю вам слово, что я не расскажу никому, ни единой живой душе, — ответил он наконец. — Слушаю вас.

— Я человек, — сказал Броун и остановился, глядя Пирксу в глаза, словно хотел проверить, какой эффект произведут эти слова.

Но Пиркс, полуприкрыв веки и опершись затылком о стену, выложенную белым пенопластом, не пошевельнулся.

— Я говорю это потому, что хочу вам помочь, — снова заговорил Броун, будто произнося заранее обдуманную речь. — Когда я предлагал свои услуги, я не знал, о чем идет речь. Таких, как я, было, наверно, много, но нас принимали по отдельности, чтобы мы не могли познакомиться и даже увидеть друг друга. О том, что мне, собственно, предстоит, я узнал, лишь когда был окончательно выбран, после всех полетов, проб и тестов. Мне пришлось тогда обещать, что я абсолютно ничего

не расскажу. У меня есть девушка, мы хотим пожениться, но были финансовые трудности, а эта работа меня необыкновенно устраивала, потому что мне дали сразу восемь тысяч, а другие восемь я должен получить по возвращении из рейса, независимо от его результатов. Я вам все рассказываю, как было, чтобы вы знали, что я в этом деле чист. Правду говоря, я сначала не осознал, какие ставки в этой игре. Диковинный эксперимент, только и всего, — так я вначале думал. А потом мне это начало все меньше нравиться. В конце концов, должна быть какая-то элементарная общечеловеческая солидарность. Что же мне, молчать вопреки интересам людей? Я решил, что не имею права. Разве вы не так думаете?

Пиркс продолжал молчать, поэтому Броун вновь заговорил, но менее уверенно:

— Из этой четверки я не знаю никого. Нас все время держали порознь. У каждого была отдельная комната, отдельная ванная, свой гимнастический зал, мы не встречались даже во время еды, только последние три дня перед выездом в Европу нам разрешили есть вместе. Поэтому я не могу вам сказать, который из них человек, а который нет. Ничего определенного я не знаю. Однако подозреваю…

— Минуточку, — прервал его Пиркс. — Почему на мой вопрос насчет Бога вы ответили, что размышления на эту тему не входят в ваши обязанности?

Броун поерзал на стуле, шевельнул ногой и, глядя на носок ботинка, которым чертил по полу, тихо ответил:

— Потому что я уже тогда решил вам все рассказать и… знаете, как это бывает: на воре шапка горит. Я боялся, как бы Мак-Гирр не догадался ненароком о моем решении. Поэтому, когда вы меня спросили, я ответил так, чтобы ему показалось, будто я намерен торжественно хранить тайну и наверняка не помогу вам разгадать, кем я в действительности являюсь.

— Значит, вы нарочно так отвечали, из-за присутствия Мак-Гирра?

— Да.

— А вы верите в Бога?

— Верю.

— И думали, что робот не должен верить.

— Ну да.

— И что, если бы вы сказали «верю», было бы легче догадаться, кто вы на самом деле?

— Да. Именно так и было бы.

— Но ведь и робот может верить в Бога, — по-

молчав, сказал Пиркс небрежно, словно мимоходом, так что Броун даже глаза вытаращил.

— Как вы сказали?

— А вы считаете, что это невозможно?

— Никогда мне это в голову не пришло бы.

— Ладно, пока хватит. Это — сейчас по крайней мере — не имеет значения. Вы говорили о каких-то своих подозрениях…

— Да. Мне кажется, что этот темный… Барнс — не человек.

— Почему вам так кажется?

— Это все мелочи, почти неуловимые, но в сумме они что-то дают… Прежде всего — когда он сидит или стоит, он совсем не шевелится. Как статуя. А вы же знаете, ни один человек не может долго находиться в совершенно неизменной позе. Когда ему становится неудобно, к примеру, затечет нога, он невольно пошевелится, переступит с ноги на ногу, проведет рукой по лицу, а Барнс прямо застывает.

— Всегда?

— Нет. Вот именно — не всегда. Это мне и показалось особенно подозрительным.

— Почему?

— Я думаю, что он делает эти незаметные, словно бы невольные движения, когда специально

о них думает, а как забудет — так застывает. А у нас как раз наоборот: мы именно должны сосредоточиться, чтобы какое-то время сохранять неподвижность.

— В этом что-то есть. Что еще?

— Он все ест.

— Как это «все»?

— Все что дают. Ему абсолютно все равно. Я это уже много раз подмечал: и во время путешествия, когда мы летели через Атлантику, и еще в Штатах, и в ресторане на аэродроме — он совершенно равнодушно ест все, что подадут, а ведь у каждого человека обычно есть какие-то вкусы, чего-то он не любит.

— Это не доказательство.

— О нет, безусловно, нет. Но вместе с первым, знаете ли… И потом еще одно.

— Ну?

— Он не пишет писем. В этом я уже не на все сто процентов уверен, но я, например, сам видел, как Бартон опускал письмо в почтовый ящик.

— А вам разрешается писать письма?

— Нет.

— Я вижу, вы тщательно соблюдаете условия договора, — проворчал Пиркс. Он выпрямился на койке и, придвинув лицо к лицу Броуна, неторопливо

ливо спросил: — Почему вы нарушили данное вами слово?

— Как? Что вы сказали?! Командор!

— Вы же дали слово, что сохраните свою подлинную сущность в тайне.

— А! Да. Я дал слово. Однако я полагаю, что существуют такие ситуации, когда человек не только имеет право, но даже обязан так поступить.

— Например?

— Именно сейчас такая ситуация. Они взяли металлических кукол, оклеили их пластиком, подрумянили, перетасовали с людьми, как крапленые карты, и хотят заработать на этом большие денежки. Я считаю, что каждый порядочный человек поступил бы так же, как я, — а разве больше никто не обращался к вам?

— Нет. Вы первый. Но мы ведь только что стартовали… — сказал Пиркс. Произнес он это совершенно равнодушно, однако замечание не лишено было иронии. Броун, даже если и заметил это, ничем себя не выдал.

— Я постараюсь помогать вам в течение всего рейса… И я сделаю со своей стороны все, что вы сочтете нужным.

— Зачем?

Броун удивленно заморгал кукольными рес-

ницами.

— Как это — зачем? Чтобы вам легче было отличить людей он нелюдей.

— Броун, вы же взяли эти восемь тысяч.

— Да. Ну и что? Меня наняли как пилота. Я и есть пилот. И вдобавок неплохой.

— По возвращении вы возьмете остальные восемь за две недели полета? За такой рейс никому не дают шестнадцать тысяч — ни командору, ни пилоту первого космического класса, ни навигатору. Никому. Значит, эти деньги вы получили за молчание. По отношению ко мне, по отношению ко всем другим — хотя бы к конкурирующим фирмам. Вас хотели уберечь от любых искушений.

На красивом лице Броуна выразилось полное смятение.

— Так вы меня еще и попрекаете тем, что я сам пришел и рассказал?!

— Нет. Ничем я вас не попрекаю. Вы поступили так, как сочли правильным. Какой у вас КИ?

— Коэффициент интеллектуальности? Сто двадцать.

— Этого достаточно, чтобы разбираться в некоторых элементарных вещах. Ну, скажите, какая мне, собственно, польза от того, что вы поделились со мной своими подозрениями насчет

Барнса?

Молодой пилот встал.

— Командор, прошу прощения. Если так — произошло недоразумение. Я хотел как лучше. Но раз вы считаете, что я… словом, прошу вас об этом забыть… Только помните…

Он замолчал, увидев усмешку Пиркса.

— Садитесь. Да садитесь вы! Ну!

Броун сел.

— Что ж вы не договариваете? О чем я должен помнить? Что обещал никому не сообщать о нашем разговоре? Верно? Ну а если я в свою очередь решу, что имею право о нем сообщить? Спокойно! Командира нельзя перебивать. Вот видите, все не так просто. Вы пришли ко мне с доверием, и я ценю это доверие. Но… одно дело — доверие, а другое — здравый смысл… Допустим, я теперь наверняка знаю, кто вы и кто — Бартон. Что мне это даст?

— Ну… это уж ваше дело. Вы должны после этого рейса оценить пригодность…

— О, вот именно! Пригодность каждого. Но ведь вы не думаете, Броун, что я буду писать неправду? Что я поставлю минусы не тем, которые хуже, а тем, которые не являются людьми?

— Это не мое дело, — натянуто проговорил пи-

лот. Он ерзал на стуле во время этого разговора.

Пиркс смерил его таким взглядом, что он замолчал.

— Вы только не стройте из себя этакого усердного ефрейтора, который, кроме своей бляхи, ничего не видит. Если вы человек и чувствуете солидарность с людьми, то должны попытаться оценить эту историю целиком и осознать свою ответственность.

— Как это «если»? — Броун вздрогнул. — Вы мне не верите? Так вы… так вы думаете…

— Да нет, что вы! Просто слово подвернулось, — торопливо прервал его Пиркс. — Я вам верю. Конечно же, я вам верю. И поскольку вы уже выдали мне свою тайну, а я не собираюсь оценивать ваш поступок с моральной точки зрения, то прошу вас и впредь поддерживать со мной внеслужебный контакт и сообщать обо всем, что вы заметили.

— Ну, я совсем уж ничего не понимаю, — сказал Броун и невольно вздохнул. — Сначала вы меня отчитали, а теперь…

— Это разные вещи, Броун. Раз вы мне сказали то, чего не должны были говорить, отступать теперь бессмысленно. Другое дело, разумеется, с этими деньгами. Может, сказать действительно

следовало. Но денег я бы на вашем месте не брал.

— Что? Но… но, командор… — Броун в отчаянии искал возражений и наконец нашел: — Они бы сразу догадались, что я нарушил договор! Еще бы в суд на меня подали…

— Это ваше дело. Я не говорю, что вы должны отдать им эти деньги. Я обещал вам молчать и не собираюсь в это дело вмешиваться. Я только сказал — совершенно частным и неофициальным образом, — что я сделал бы на вашем месте. Но вы — не я, а я — не вы, и все тут. Вы хотели еще что-то сказать?

Броун покачал головой, открыл было рот, закрыл, пожал плечами; видно было, что он до крайности разочарован результатами разговора. Так ничего и не сказав, он машинально вытянулся в струнку и вышел из каюты.

Пиркс глубоко вздохнул. «Зря это я сболтнул: „Если вы человек…“ — огорченно подумал он. — Что за дьявольская игра! Черт его знает, этого Броуна. Либо он человек, либо все это — хитрая уловка, чтобы запутать меня, да и проверить заодно, не собираюсь ли я применить какие-либо противоречащие договору приемы, чтобы распознать этих… Ну, во всяком случае, эту часть состязания я, кажется, провел неплохо! Если

Броун сказал правду, он должен чувствовать себя не в своей тарелке — после всего, что я ему наговорил. А если нет… так опять же я ему ничего особенного не сказал. Ну и дела! Вот это влип я в историю!»

Пирксу не сиделось на месте, он принялся шагать по каюте из угла в угол. Зажужжал зуммер — это был Кальдер из рулевой рубки; они согласовали поправки к курсу и ускорение для ночной вахты, потом Пиркс снова сел и уставился в пространство, свирепо насупив брови и невесть о чем размышляя. И тут кто-то постучался. «Это еще что?» — подумал он.

— Войдите! — сказал он громко.

В каюту вошел Барнс — нейролог, он же врач и кибернетик.

— Можно?

— Пожалуйста. Садитесь.

Барнс усмехнулся.

— Я пришел сказать вам, что я не человек.

Пиркс стремительно повернулся к нему вместе со стулом.

— Что, простите? Что вы не…

— Что я не человек. И что в этом эксперименте я на вашей стороне.

Пиркс перевел дыхание.

— То, что вы говорите, должно, разумеется, остаться между нами? — спросил он.

— Это я предоставляю на ваше усмотрение. Мне это безразлично.

— Это как же?

Барнс снова усмехнулся.

— Очень просто. Я действую из эгоистических соображений. Если ваше мнение о нелинейниках будет положительным, оно вызовет цепную реакцию производства. Это более чем правдоподобно. Такие, как я, начнут появляться в массовом масштабе — и не только на космических кораблях. Это повлечет за собой пагубные последствия для людей — возникнет новая разновидность дискриминации, взаимной ненависти… Я это предвижу, но, повторяю, руководствуюсь прежде всего личными мотивами. Если существую я один, если таких, как я, двое или десятеро, это не имеет ни малейшего общественного значения — мы попросту затеряемся в массе, незамеченные и незаметные. Передо мной… перед нами будут такие же перспективы, как перед любым человеком, с весьма существенной поправкой на интеллект и ряд специфических способностей, которых у человека нет. Мы сможем достичь многого, но лишь при условии, что не будет мас-

сового производства.

— Да… в этом что-то есть… — медленно проговорил Пиркс. В голове у него был легкий сумбур. — Но почему вам безразлично, расскажу я или нет? Разве вы не боитесь, что фирма…

— Нет. Совершенно не боюсь. Ничего, — тем же спокойным лекторским тоном сказал Барнс. — Я ужасно дорого стою, командор. Вот сюда, — он коснулся рукой груди, — вложены миллиарды долларов. Не думаете же вы, что разъяренный фабрикант прикажет разобрать меня на винтики? Я говорю, конечно, в переносном смысле, потому что никаких винтиков во мне нет… Разумеется, они придут в ярость… но мое положение от этого ничуть не изменится. Вероятно, мне придется работать в этой фирме — ну и что за беда?! Я даже предпочел бы работать там, чем в другом месте, — там обо мне лучше позаботятся в случае… болезни. И не думаю, что они попытаются меня изолировать. Зачем, собственно? Применение силы может кончиться очень печально для них самих. Вы ведь знаете, как могущественна печать…

«Он подумывает о шантаже», — мелькнуло в голове у Пиркса. Ему казалось, что это сон. Но он продолжал слушать с величайшим вниманием.

— Итак, теперь вы понимаете, почему я хочу, чтобы ваше мнение о нелинейниках оказалось отрицательным?

— Да. Понимаю. А вы… могли бы сказать, кто еще из команды…

— Нет. То есть у меня нет уверенности, а догадками я могу вам больше навредить, чем помочь. Лучше иметь нуль информации, чем быть дезинформированным, поскольку это означает отрицательную информацию.

— Да… гм… Ну, во всяком случае, почему бы вы это ни сделали, благодарю вас. Да. Благодарю. А… не можете ли вы в связи с этим рассказать кое-что о себе? Я имею в виду определенные аспекты, которые могли бы мне помочь…

— Я догадываюсь, что вас интересует. Но я ничего не знаю о своей конструкции, точно так же, как вы не знали ничего об анатомии или физиологии своего тела… до тех пор по крайней мере, пока не прочли какого-нибудь учебника биологии. Впрочем, конструкторская сторона вас, по-видимому, мало интересует — речь идет в основном о психике? О наших… слабых местах?

— О слабых местах тоже. Но, видите ли, в конце концов каждый кое-что знает о своем организме… это, понятно, не научные сведения, а результат

опыта, самонаблюдения…

— Ну, разумеется, ведь организмом пользуются… это открывает возможности для самонаблюдения.

Барнс снова, как и прежде, усмехнулся, показав крепкие, но не очень ровные зубы.

— Значит, я могу вас спрашивать?

— Пожалуйста.

Пиркс силился собраться с мыслями.

— Можно мне задавать вопросы… нескромные? Прямо-таки интимные?

— Мне нечего скрывать, — просто ответил Барнс.

— Вы уже сталкивались с такими реакциями, как ошеломление, страх и отвращение, вызванными тем, что вы не человек?

— Да, однажды, во время операции, при которой я ассистировал. Вторым ассистентом была женщина. Я уже знал тогда, что это означает.

— Я вас не понял…

— Я уже знал тогда, что такое женщина, — пояснил Барнс. — Сначала мне ничего не было известно о существовании полов…

— А!

Пиркс разозлился на себя за то, что не смог удержаться от этого возгласа.

— Значит, там была женщина. И что же произошло?

— Хирург случайно поранил мне палец скальпелем, резиновая перчатка разошлась, и стало видно, что рана не кровоточит.

— Как же так? А Мак-Гирр говорил мне…

— Сейчас кровь пошла бы. Тогда я был еще «сухой», как говорят на профессиональном жаргоне наших «родителей»… — сказал Барнс. — Ведь эта наша кровь — чистейший маскарад: внутренняя поверхность кожи сделана губчатой и пропитана кровью, причем пропитку приходится возобновлять довольно часто.

— Понятно. И женщина это заметила. А хирург?

— О, хирург знал, кто я, а она нет. Она не сразу поняла, только в самом конце операции, да и то в основном потому, что хирург смутился…

Барнс усмехнулся:

— Она схватила мою руку, поднесла к глазам и, когда увидела, что там… внутри, бросила ее и пустилась бежать. Она забыла, в какую сторону открывается дверь операционной, дергала ее, но дверь не открывалась, и у нее началась истерика.

— Та-ак… — сказал Пиркс. Он откашлялся. —

Что вы тогда почувствовали?

— В общем-то я малочувствителен… но это не было приятно, — помедлив, сказал Барнс и снова усмехнулся. — Я об этом не говорил ни с кем, — добавил он немного спустя, — но у меня создалось впечатление, что мужчинам, даже необразованным, легче общаться с нами. Мужчины мирятся с фактами. Женщины с некоторыми фактами не хотят мириться. Продолжают говорить «нет», даже если ничего уже, кроме «да», сказать невозможно.

Пиркс все время смотрел на своего собеседника — особенно пристально вглядывался в него, когда Барнс отводил глаза, — потому что старался обнаружить в нем некое отличие, которое бы его успокоило, доказав, что воплощение машины в человека все-таки не может быть идеальным. Раньше, когда он подозревал всех сразу, ситуация была иной. Теперь, с каждым мгновением все более убеждаясь, что Барнс говорит правду, и доискиваясь следов подделки — то в его бледности, которая поразила Пиркса уже при первой встрече, то в его движениях, таких сдержанных, то в неподвижном блеске светлых глаз, — он вынужден был признать, что, в конце концов, и люди бывают такие же бледные или

малоподвижные; тогда вновь возвращались сомнения — и всем этим наблюдениям и мыслям Пиркса сопутствовала усмешка Барнса, которая вроде и не всегда относилась к тому, что Пиркс говорил, а скорее выражала понимание того, что именно он чувствовал. Эта усмешка была Пирксу неприятна, она смущала его, и ему тем труднее было продолжать допрос, потому что в ответах Барнса звучала безграничная искренность.

— Вы обобщаете на основании одного случая, — пробормотал Пиркс.

— О, потом я много раз сталкивался с женщинами. Со мной работали, то есть учили меня, несколько женщин. Они были преподавательницами и тому подобное. Но они заранее знали, кто я. Поэтому старались скрывать свои чувства. Это им давалось нелегко, потому что временами мне доставляло удовольствие раздражать их.

Улыбка, с которой он смотрел Пирксу в глаза, была почти дерзкой.

— Они искали, знаете, каких-нибудь особенностей, отличий со знаком минус, а раз это их так интересовало, я иногда развлекался, демонстрируя такие особенности.

— Не понимаю.

— О, наверняка понимаете! Я изображал мари-

онетку: и физически — скованностью движений, и психически — пассивным послушанием… а как только они начинали наслаждаться своими открытиями, я внезапно обрывал игру. Я полагаю, они считали меня порождением дьявола.

— Послушайте, вы не предубеждены? Это ведь только домыслы, тем более что они были преподавательницами, значит, имели соответствующее образование.

— Человек — существо абсолютно несобранное, — флегматично сказал Барнс. — Это неизбежно, если возникаешь так, как вы; сознание — это часть мозговых процессов, выделившаяся из них настолько, что субъективно кажется неким единством, но это единство — обманчивый результат самонаблюдения. Другие мозговые процессы, которые вздымают сознание, как океан вздымает айсберг, нельзя ощутить непосредственно, но они дают о себе знать порой так отчетливо, что сознание начинает их искать. Именно из таких поисков и возникло представление о дьяволе как проекция на внешний мир того, что существует внутри человека, в его мозгу, но не поддается локализации — ни наподобие мысли, ни наподобие руки.

Он еще шире улыбнулся.

— Я излагаю вам кибернетические основы теории личности, которые вам, наверное, известны! Логическая машина отличается от мозга тем, что не может иметь сразу несколько взаимоисключающих программ деятельности. Мозг может их иметь, он всегда их имеет, поэтому-то он и представляет собой поле битвы у людей святых или же пепелище противоречий у людей более обычных… Нейронная система у женщины несколько иная, чем у мужчины, — речь идет не об интеллекте, и вообще различие здесь только статистическое. Женщины легче переносят сосуществование противоречий — в большинстве случаев это так. Кстати говоря, именно потому науку и создают в основном мужчины, что она представляет собой поиск единого, а значит, непротиворечивого порядка. Противоречия мешают мужчинам сильнее, поэтому они стремятся их устранить, сводя многообразие к однородности.

— Возможно, — сказал Пиркс. — И поэтому вы считаете, что женщины видели в вас дьявола?

— Это, пожалуй, слишком сильно сказано, — ответил Барнс. Он положил руки на колени. — Я казался им в высшей степени отталкивающим и благодаря этому привлекал. Я был воплощением

невозможного, чем-то запретным, чем-то, что противоречит миру, понимаемому как естественный порядок вещей, и ужас их выражался не только в желании бежать, но и в жажде самоуничтожения. Если даже никто из них не признался себе в этом открыто, я могу сделать это за них: в их глазах я представлял собой бунт против покорности биологическим законам. Ибо я был воплощением бунта против Природы, я был существом, в котором биологически рациональная, а значит, корыстная связь эмоций с функцией продолжения рода была разорвана. Уничтожена.

Он быстро взглянул на Пиркса.

— Вы думаете, что это философия кастрата? Нет — поскольку я не был искалечен; таким образом, я не являюсь существом низшего порядка, я только существо, отличающееся от вас. Существо, любовь которого всегда будет — во всяком случае, может быть — такой же бескорыстной, такой же ни на что не пригодной, как смерть; и потому эта любовь вместо ценного оружия становится ценностью в себе. Ценностью, разумеется, с отрицательным знаком — как дьявол. Почему так случилось? Меня создали мужчины, и им легче было сконструировать потенциального соперника, чем потенциальный объект страсти. А как

думаете вы?.. Я прав?

— Не знаю, — сказал Пиркс. Он не смотрел на Барнса; он не мог на него смотреть. — Не знаю. Конструкцию определяли различные факторы — пожалуй, экономические прежде всего.

— Наверное, — согласился Барнс. — Но и те, о которых я говорил, тоже сыграли свою роль. Только все это, командор, — одна великая ошибка. Я говорил о том, что люди чувствуют по отношению ко мне, но ведь они лишь создают еще одну мифологию, мифологию нелинейника, потому что я никакой не дьявол — надеюсь, это понятно — и не являюсь также потенциальным эротическим соперником, что, может быть, несколько менее понятно. Я выгляжу, как мужчина, и говорю, как мужчина. И психически я, наверное, в какой-то степени мужчина, но именно в какой-то степени… Впрочем, это уже не имеет почти никакого отношения к делу, по которому я пришел.

— Ну, неизвестно, неизвестно, — бросил Пиркс. Он смотрел на свои переплетенные пальцы. — Говорите дальше…

— Если вы желаете… Но я буду говорить только от собственного имени. Я ничего не знаю о других. Я как личность возникал в два этапа: в ходе предварительного программирования и в ходе

обучения. Человек ведь тоже так возникает, но первый из этих факторов играет для него меньшую роль, потому что он появляется на свет едва оформившимся, я же физически сразу был таким, как сейчас, и мне не пришлось учиться так долго, как ребенку. Но из-за того, что я не знал ни детства, ни юности, а был мультистатом, которого сначала загрузили массой предпрограмм, а потом до бесконечности тренировали и пичкали множеством информации, — из-за этого я стал более однородным, чем любой из вас. Ведь каждый человек — это ходячая геологическая формация, прошедшая через тысячу раскаленных эпох и еще через тысячу — ледниковых, когда слои оседали на слои… Сначала тот, начальный, первый и потому ни с чем не сравнимый мир ребенка до знакомства с языком, — мир, который позже гибнет, поглощенный стихией речи, но все же таится где-то на дне. Это вторжение красок, форм и запахов в мозг, вторжение через органы чувств, открывшихся сразу после рождения… и лишь потом начинается разделение на мир и не-мир, то есть на «не-я» и «я». Ну а потом — это половодье гормонов, эти противоречивые, на разных уровнях программы влечений и убеждений… История формирования человека — это история

сражений мозга с самим собой. Я не знал всех этих безумств и разочарований, я не проходил этих этапов, и потому во мне нет ни малейшего следа детства. Я способен растрогаться и, наверное, мог бы даже убить — но не из любви. Слова в моих устах звучат так же, как в ваших, но для меня они означают нечто иное.

— Это значит, что вы не способны любить? — спросил Пиркс. Он продолжал смотреть на свои руки. — Но откуда у вас такая уверенность? Этого никто не знает до поры до времени…

— Этого я не хотел сказать. Может быть, я и способен. Но эта любовь была бы совершенно не такой, как у вас. В сущности, ваш мир вызывает у меня только удивление и насмешку. Происходит это, я думаю, потому, что главная черта вашего мира, которая всюду бросается мне в глаза, — это его условность. Это относится не только к форме машин или к вашим обычаям, но и к вашему телесному облику, который послужил моделью для моего. Я вижу, что все могло бы выглядеть иначе, могло быть построено иначе и иначе действовать — и не было бы от этого ни лучше, ни хуже, чем то, что есть. Для вас мир прежде всего просто существует, и существует как единственная возможность, а для меня, с тех пор как я вообще

начал мыслить, мир смешон. Ваш мир — мир городов, театров, улиц, семейной жизни, бирж, любовных трагедий и кинозвезд. Хотите услышать мое излюбленное определение человека? Это существо, которое охотнее всего рассуждает о том, в чем меньше всего разбирается. Древность, считаете вы, характеризуется вездесущностью мифологии, а современная цивилизация — ее отсутствием? А откуда же берутся ваши самые фундаментальные понятия? Ваши философские и религиозные взгляды — следствие вашей биологической конструкции; люди смертны, а они хотят в каждом поколении узнать все, понять все, объединить все, и из этого противоречия возникает метафизика — как мост, соединяющий возможное с невозможным. А наука? Это прежде всего капитуляция. Обычно подчеркивают ее успехи, но они приходят не сразу и все равно не покрывают громадных потерь. Ведь наука — это согласие на бренность и ничтожество индивидуума, который и возникает-то в результате статистической игры сперматозоидов, борющихся за первенство в оплодотворении яйца. Это согласие на бренность, на необратимость, на отсутствие возмездия и высшей справедливости и предельного познания, предельного понимания

всего сущего, — такое согласие могло бы быть даже героическим, когда б не то, что сами творцы науки часто не отдают себе отчета в том, что они действительно творят! Выбирая между страхом и насмешкой, я выбрал насмешку, потому что на это меня хватало.

— Вы ненавидите тех, кто вас создал, правда? — тихо спросил Пиркс.

— Вы ошибаетесь. Я считаю, что любое бытие, даже самое ограниченное, лучше небытия. Они, эти мои создатели, конечно, многого не могли предвидеть, но я им благодарен — даже больше, чем за интеллект, — за то, что они не наделили меня центром удовольствия. У вас в мозгу есть такой центр, вы знаете?

— Я где-то читал об этом.

— У меня его, видимо, нет, поэтому я не уподобляюсь безногому, который хочет только одного — ходить… Только ходить, потому что это невозможно.

— Все остальные смешны, так, что ли? — подсказал Пиркс. — А вы сами?

— О, я тоже. Только на другой манер. Каждый из вас, раз уж он существует, имеет тело, которое имеет, — и все, а я мог бы, например, выглядеть, как холодильник.

— Я не нахожу в этом ничего смешного, — буркнул Пиркс. Этот разговор становился для него все мучительнее.

— Я говорю об условности, о случайности, — повторил Барнс. — Наука — это отречение от различных абсолютов: от абсолютного пространства, абсолютного времени, абсолютной, то есть вечной, души, от абсолютного — Богом созданного — тела. Таких условностей, которые вы принимаете за реальные, ни от чего не зависящие сущности, можно назвать немало.

— Что же еще условно? Этические нормы? Любовь? Дружба?

— Чувства никогда не бывают условными, хотя могут возникать на основе условных, традиционных предпосылок. Но вообще-то я говорю о вас только потому, что при таком сопоставлении мне легче сказать, каков я сам. Этика несомненно условна, во всяком случае для меня. Я не обязан поступать этично, однако же поступаю так.

— Интересно. Почему?

— У меня нет этакого «инстинкта доброты». Я не способен к жалости, так сказать, по природе. Но я знаю, когда полагается проявлять жалость, и могу к этому приучиться. Я пришел к заключению, что так нужно. Таким образом, я как бы

заполнил эту пустоту в себе при помощи логических рассуждений. Можно сказать, что у меня имеется протез этики, который я сконструировал так тщательно, что он совсем как настоящий.

— Я толком не понимаю. Так в чем же тут разница?

— В том, что я действую в соответствии с логикой принятых мною аксиом, а не в соответствии с инстинктом. У меня нет таких инстинктов. Одно из ваших несчастий заключается в том, что, кроме инстинктов, вы почти ничего не имеете. Как проявляется на практике так называемая любовь к ближнему? Вы сжалитесь над жертвой случая и поможете ей. Но если перед вами будет десять тысяч таких жертв, вы не сможете пожалеть их всех. Сочувствие — штука не очень емкая и не очень растяжимая. Оно хорошо, пока речь идет о единицах, и оно беспомощно, когда дело коснется массы. И как раз технический прогресс все более эффективно разрушает вашу мораль. Атмосфера этической ответственности едва охватывает первые звенья цепи причин и следствий — очень немногие звенья. Тот, кто запускает процесс, совершенно не чувствует себя ответственным за его далекие последствия.

— Атомная бомба?

— О, это лишь один из тысячи примеров. В сфере морали вы, пожалуй, смешнее всего.

— Почему?

— Мужчинам и женщинам, о которых известно, что их потомство будет недоразвитым, можно иметь детей. Это разрешено вашей моралью.

— Барнс, это никогда не известно наверняка. Речь идет, самое большее, о высокой степени вероятности.

— Командор, мы можем так рассуждать целую вечность. Что еще вы хотите знать обо мне?

— Вы состязались с людьми в различных экспериментальных ситуациях. Вы всегда побеждали?

— Нет. Я проявляю себя тем лучше, чем больше точности, алгоритмизации, математики требует задание. Интуиция — мое самое слабое место. Мое происхождение от цифровых машин мстит за себя.

— Как это выглядит на практике?

— Если ситуация чрезмерно усложняется, если количество новых факторов слишком возрастает, я теряюсь. Человек, насколько мне известно, старается опираться на догадку, то есть на приближенное решение, и ему это иногда удается, а я этого не умею. Я должен все учесть точно и ясно, а если это невозможно, я проигрываю.

— То, что вы мне сказали, очень важно, Барнс. Значит, в опасной ситуации, допустим, при какой-нибудь катастрофе…

— Это не так просто, командор. Ведь я не ощущаю страха — во всяком случае, ощущаю его не так, как человек, — и хоть угроза гибели мне, конечно, не безразлична, я не теряю, как говорится, головы. В таких условиях самообладание может компенсировать нехватку интуиции.

— Вы пытаетесь овладеть ситуацией до последнего мгновения?

— Да. Даже тогда, когда вижу, что проиграл.

— Почему? Это же иррационально?

— Это всего лишь логично, ибо я так решил.

— Благодарю вас. Может быть, вы действительно помогли мне, — произнес Пиркс. — Скажите только еще: что вы собираетесь делать после нашего возвращения?

— Я по специальности кибернетик-нейролог, и к тому же неплохой. Творческих способностей у меня мало, ибо они неотделимы от интуиции, но для меня и без этого найдется много интересной работы.

— Благодарю вас, — повторил Пиркс.

Барнс встал, сдержанно кивнул и вышел. Пиркс вскочил с койки, как только за Барнсом закры-

лась дверь, и начал шагать из угла в угол.

«Господи, на черта мне это было нужно?! Вот теперь уж я совсем ничего не знаю. Либо это робот, либо… Пожалуй, он все же говорил правду. Но с чего бы такие пространные излияния? Вся история человечества плюс его „критика извне“… Допустим, он говорил правду. В таком случае мне нужно спровоцировать порядком запутанную ситуацию. Но она должна быть достаточно правдоподобной, чтобы не обнаружилось, что я сам ее подстроил. Значит, она должна быть реальной. Короче говоря, нужно рискнуть. Опасность, хоть и искусственно созданная, но сама по себе настоящая».

Он ударил кулаком по ладони.

«А если и это был всего лишь тактический маневр? Тогда я, может быть, сверну себе шею и убью при этом всех людей, а корабль поведут на Землю роботы, которым ничего не станется! Ну, это привело бы тех господ в величайший восторг — какая феноменальная реклама! Какая гарантия безопасности для кораблей, оснащенных такой командой! Разве не так? Значит, с их точки зрения такая придумка — подцепить меня на крючок откровенности — была бы чертовски эффективной!»

Пиркс расхаживал все быстрее.

«Я должен как-то проверить, правда ли это. Допустим, что в конце концов я распознаю всех. На борту есть аптечка. Я мог бы капнуть в еду по капле апоморфина. Люди расхвораются, а роботы, пожалуй, нет. Конечно, нет. Ну и что мне это даст? Прежде всего почти наверняка все догадаются, что это сделал я. Далее, если даже окажется, что Броун человек, а Барнс — робот, из этого еще не следует, будто все, что они сказали, правда. Может, о своем происхождении они сообщили верно, а все остальное было стратегическим маневром? Постой. Барнс действительно подсказал мне определенный выход — этими своими словами о нехватке интуиции. Ну а Броун? Он бросил тень подозрения на Барнса, который сразу же вслед за тем появился и подтвердил это подозрение. Не слишком ли хорошо получается? С другой стороны, если все это произошло в результате незапланированной, то есть независимой, инициативы каждого из них, тогда и то, что сначала Броун назвал Барнса, и то, что потом Барнс пришел, чтобы это подтвердить, чистая случайность. Если б они это планировали, то наверняка избежали бы такого примитивизма — уж очень это наводит на размышления. Я начинаю

запутываться. Стоп! Если сейчас еще кто-нибудь придет, это значит, что и все остальное липа. Игра. Только наверняка никто не придет — игра стала бы слишком очевидной, не так они глупы. Ну а если они говорили правду? Может ведь и еще кому-нибудь захотеться...»

Пиркс опять трахнул кулаком по раскрытой ладони. Значит, попросту ничего не известно. Надо ли действовать? И как действовать? Может, еще подождать? Пожалуй, надо подождать.

Во время обеда в кают-компании все молчали. Пиркс вообще ни с кем не заговаривал, потому что все еще боролся с искушением провести «химическую проверку», до которой додумался у себя в каюте, и никак не мог принять решение. Броун находился у штурвала, поэтому обедали впятером. И все пятеро ели, а Пиркс думал, что это как-то чудовищно — есть только затем, чтобы прикидываться человеком. И что, может быть, именно из таких вот деталей и рождается ощущение смехотворности, о котором говорил Барнс, и именно оно является для него средством самозащиты — вот почему он распространялся об условности: наверное, для него еда тоже была лишь условным приемом! Даже если он верит, что у него нет ненависти к своим создателям, то

он сам себя обманывает. «Я бы их ненавидел, — уверенно подумал Пиркс. — Это все же свинство какое-то, что они не стыдятся!»

Молчание, длившееся на протяжении всего обеда, становилось просто невыносимым. В нем ощущалось уже не стремление каждого остаться при своем и не вступать в контакты — чего и желали организаторы рейса, — то есть не лояльное старание сохранить тайну, но скорее некая всеобщая враждебность, а если не враждебность, то подозрительность: человек не хотел сближаться с нечеловеком, а нечеловек в свою очередь понимал, что, только заняв точно такую же позицию, он сможет маскироваться. Потому что, если б он хоть чуточку попытался навязываться другим, то в этой ледяной атмосфере немедленно привлек бы к себе внимание и заставил бы заподозрить, что он не человек. Пиркс сидел над своей тарелкой, подмечая каждую мелочь: как Томсон попросил соли, как Бартон передал ему солонку, как в свою очередь Барнс подвинул Бартону графинчик с уксусом. Вилки и ножи деловито сновали в руках, все жевали, глотали, почти не глядя на остальных, это было прямо-таки погребение маринованной говядины, а не обед, и Пиркс, не доев компота, встал, кивнул всем и

вернулся к себе.

«Голиаф» развил курсовую скорость; примерно в двадцать часов по бортовому времени они разминулись с двумя большими грузовозами, обменялись обычными сигналами, и часом позже автоматы выключили на палубах дневной свет. Пиркс как раз шел из рулевой, когда это произошло. Огромное пространство средней палубы заполнила темнота, продырявленная голубыми шарами ночных светильников. И сразу засияли покрытые люминесцентной краской тросы, протянутые вдоль стен для ходьбы при невесомости, углы дверей и их ручки, указательные стрелки и надписи на перегородках. Корабль был недвижим, словно стоял в каком-то земном доке. Не чувствовалось ни малейшей вибрации, только климатизаторы почти бесшумно работали. Пиркс поочередно пересекал невидимые струи чуть более прохладного, слегка пахнущего озоном воздуха.

Что-то, въедливо жужжа, легонько стукнуло его в лоб — какая-то муха, пробравшаяся на корабль, — Пиркс посмотрел на нее с неодобрением, он не любил мух, но она уже куда-то исчезла. За поворотом коридор сужался, обходя лестницу и трубу индивидуального лифта. Пиркс ухватился

за поручень и пошел наверх, сам не зная зачем; он даже не сообразил, что там расположен звездный экран. Вообще-то он знал о его существовании, но наткнулся на этот огромный черный прямоугольник словно бы случайно.

В сущности, у него не было какого-то определенного отношения к звездам. У многих космонавтов это особое отношение якобы существовало. В давние времена оно даже считалось сугубо обязательной составной частью романтического «космонавтского шика». Но и теперь почти каждый космонавт старался сыскать в себе какие-то интимные чувства к этим сверкающим скопищам — вероятно, потому, что общественное мнение, сформированное кинофильмами, телевидением, литературой, приписывало пилотам внеземных трасс какой-то особый «космический» облик. Пиркс давно в глубине души подозревал, что все эти ребята бахвалятся и привирают: его лично звезды мало интересовали, а уж болтовню на эту тему он считал полнейшим идиотизмом. Сейчас он остановился, опершись об эластичную трубу, предохранявшую от удара о невидимую стеклянную поверхность, и сразу же нашел лежавший чуть ниже корабля центр Галактики, точнее — направление, в котором следует его

искать, потому что дальше взгляд упирался в огромные белесые туманности Стрельца. Это созвездие всегда служило ему чем-то вроде слегка размытого и потому не очень точного дорожного знака — это у него осталось еще со времени службы в патруле, потому что ограниченность поля зрения в одноместных патрульных ракетах часто затрудняла ориентацию по созвездиям, а туманности Стрельца можно было опознать даже на их крохотных экранах. Но Пиркс вовсе не думал о Стрельце как о миллионах пылающих солнц с неисчислимыми планетными системами — вернее, он думал так о нем в молодости, пока сам не очутился в пустоте и не свыкся с нею. Тогда эти юношеские бредни как-то незаметно ушли от него.

Пиркс медленно приблизил лицо к холодному стеклу, коснулся его лбом и застыл так, почти не замечая неисчислимого скопища неподвижных ярких точек, местами сливающихся в белое свечение. Видимая изнутри Галактика выглядела как сплошной хаос, как сумбурный итог миллиардолетней игры в огненные костяшки. И все-таки порядок существовал — но на высшем уровне, на уровне многих галактик, и увидеть его можно было только на фотографиях, снятых

гигантскими телескопами. На этих негативах галактики кажутся эллипсовидными телами, вроде амеб на различных стадиях развития; только космонавтов это ничуть не интересует, потому что наша Галактика для них — все, а остальное не в счет. «Может, пойдет в счет через тысячи лет», — подумал Пиркс.

Кто-то приближался. Пенопластовая дорожка глушила шаги, но Пиркс ощутил чье-то присутствие. Он повернулся и увидел темную фигуру на фоне светящихся полос, обозначающих места, где сходились стены и потолок.

— Кто это? — спросил он негромко.

— Это я, Томсон.

— Вы сдали вахту? — спросил Пиркс, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Да, командор.

Они стояли молча; Пиркс хотел было снова повернуться к экрану, но Томсон словно чего-то ждал.

— Вы хотите мне что-то сказать?

— Нет, — ответил Томсон, повернулся и пошел в ту же сторону, откуда появился.

«Это еще что?» — подумал Пиркс. Очень похоже было, что Томсон его искал.

— Томсон! — крикнул он в тишину.

Шаги снова приблизились. Томсон вынырнул из темноты, едва заметный в фосфоресцирующем свечении неподвижно висящих тросов.

— Здесь где-то есть кресла, — сказал Пиркс. Он подошел к противоположной стене и увидел их. — Посидите-ка со мной, Томсон.

Инженер послушно приблизился. Они уселись напротив звездного экрана.

— Вы хотели мне что-то сказать. Я вас слушаю.

— Я опасаюсь...

— Ничего. Говорите. Это личное дело?

— Да. В высшей степени.

— Значит, поговорим совершенно неофициально. В чем дело?

— Я хотел бы, чтобы вы добились успеха, — сказал Томсон. — Предупреждаю сразу: я должен сдержать свое обещание и не скажу вам, кто я такой. Но, так или иначе, я хочу, чтобы вы видели во мне союзника.

— Разве это логично? — спросил Пиркс. Место для разговора было выбрано неудачно — ему мешало, что он не видит лица собеседника.

— Пожалуй. Человек был бы заинтересован в этом по вполне понятным причинам, а нечеловек — ну что его ожидает, если начнется массовое производство? Он будет зачислен в категорию

второстепенных граждан, попросту говоря — современных рабов, станет собственностью какой-нибудь корпорации.

— Это не обязательно.

— Но вполне возможно.

— Ну хорошо. Значит, я должен считать вас союзником? А разве тем самым вы не нарушаете свое обещание?

— Я обязался не раскрывать своего происхождения и ничего более. Мне поручено выполнять обязанности ядерщика под вашим командованием. Вот и все. Остальное — мое личное дело.

— Видите ли, формально, может быть, и вправду все в порядке, но разве вы не действуете вопреки интересам своих нанимателей? Вы же понимаете, что ваш поступок противоречит их замыслам?

— Возможно. Но они ведь не дети; формулировки договора были недвусмысленными и определенными. Договор разрабатывали объединенные юридические отделы всех заинтересованных фирм. Они могли бы включить отдельный пункт, запрещающий делать всякие шаги, вроде того, который я сейчас сделал, но ничего подобного там не было.

— Упущение?

— Не знаю. Возможно. Почему вы так интересуетесь этим? Вы мне не доверяете?

— Я хочу разобраться в ваших побуждениях.

Томсон помолчал.

— Этого я не предвидел, — тихо произнес он наконец.

— Чего?

— Что вы можете усомниться в моем поступке. Принять его… ну, скажем, за уловку, запланированную заранее. Я понимаю это так: вы вступили в игру, где участвуют две стороны — вы с одной, а мы все с другой. И если б вы наметили себе какой-то план действий, чтобы нас всех испытать, — я имею в виду испытание, которое продемонстрировало бы, допустим, превосходство человека, — а потом рассказали об этом плане одному из нас, считая его своим союзником, а этот человек на деле принадлежал бы к другому лагерю, он заполучил бы от вас стратегически ценную информацию.

— То, что вы говорите, очень интересно.

— О, вы наверняка уже об этом думали. А я — только сейчас сообразил. Видимо, меня слишком занимал сам вопрос — должен я предложить себя вам в пособники или нет. Этот аспект интриги выпал из моего поля зрения. Да, я сделал глупость.

Так или иначе, вы не можете быть откровенным со мной.

— Предположим, — сказал Пиркс. — Однако это еще не катастрофа. Я действительно ничего вам не скажу, но вы можете сказать мне кое-что. Например, о своих коллегах.

— Но ведь это тоже может оказаться ложной информацией.

— Это уж вы предоставьте мне. Вам что-нибудь известно?

— Да. Броун — не человек.

— Вы в этом уверены?

— Нет. Но это весьма вероятно.

— Какими данными вы располагаете, чтобы это подтвердить?

— Вы, я думаю, понимаете, что каждому из нас попросту любопытно, кто из остальных человек, а кто нет.

— Да.

— Во время подготовки к старту я проверял реактор. В тот момент, когда вы, Кальдер, Броун и Барнс спустились в распределительный центр, я как раз менял бленды, и тут при виде вас мне пришла в голову одна мысль.

— Ну?

— У меня под рукой находилась проба, взятая

из горячей зоны реактора, — я ведь должен вести контроль над радиоактивными загрязнениями. Небольшая проба, но я знал, что там довольно много изотопов стронция. Так вот, когда вы входили, я взял ее пинцетом и поместил между двумя оловянными блоками, которые лежали на верхней полке у стены. Вы их не заметили?

— Заметил. И что дальше?

— Разумеется, я не мог установить их точно, но, во всяком случае, вы должны были пройти сквозь поток излучения — довольно слабый, но тем не менее заметный для того, кто располагает даже маломощным счетчиком Гейгера или обыкновенным датчиком излучения. Но я не успел вовремя это сделать, вы и Барнс уже прошли дальше, а двое остальных — Кальдер и Броун — только спустились по лестнице. Так что лишь они и прошли через невидимый луч — и Броун вдруг посмотрел в сторону этих блоков и ускорил шаги.

— А Кальдер?

— Он не отреагировал.

— Это имело бы значение, если б мы знали, что нелинейники обладают датчиком излучений.

— Вы хотите меня поймать? Вы рассудили, что если я не знаю, то я человек, а если знаю, то

нечеловек! Ничего подобного, это попросту очень вероятно — ведь если б они не имели никакого превосходства над нами, зачем было бы вообще их делать? Это добавочное чувство радиоактивности может очень пригодиться, особенно на корабле, так что конструкторы наверняка об этом подумали.

— Значит, по-вашему, у Броуна есть такое чувство?

— Повторяю — я не уверен. В конце концов, это могло быть случайностью, что он заторопился и посмотрел в сторону, но такая случайность кажется мне маловероятной.

— Что еще?

— Пока ничего. Я дам вам знать, когда что-нибудь замечу, если вы хотите.

— Хорошо. Благодарю вас.

Томсон встал и исчез в темноте. Пиркс остался один.

«Значит, так, — быстро подытоживал он. — Броун утверждает, что он человек. Томсон заявляет, что это не так, а насчет себя хоть и не говорит прямо, но в общем намекает, что он человек; во всяком случае, это наиболее правдоподобно объясняло бы его поведение. Мне кажется, что нечеловек не выдал бы с такой готовностью

другого нечеловека командиру-человеку — хотя я, может быть, уже настолько близок к шизофрении, что мне все кажется возможным. Идем дальше.

Барнс говорит, что он не человек. Остаются еще Бартон и Кальдер. Может, оба они воображают себя марсианами? Кто я такой вообще? Космонавт или отгадчик ребусов? Одно, пожалуй, ясно: ни один из них не добился от меня ни капельки информации о моих намерениях. Но тут даже нечем хвастаться: ведь я не из хитрости никому ничего не сказал, а просто понятия не имею, что предпринять. В конце концов, разве опознать их — самое важное? Думаю, что нет. Надо махнуть рукой на это: все равно я должен подвергнуть их какому-то испытанию — всех, а не кого-то из них. Единственная информация, которая имеет к этому отношение, получена от Барнса: нелинейники слабоваты по части интуиции. Правда ли это, я не знаю, но попробовать стоит. Пробу нужно провести так, чтобы она выглядела как можно естественнее. А по-настоящему естественно может выглядеть лишь ситуация, при которой подвергаешься смертельной опасности. Короче говоря, нужно рискнуть».

Сквозь лиловый полумрак он вошел в каюту и

поднял руку к выключателю. Нажимать кнопку не требовалось — свет включался от приближения руки. Кто-то побывал здесь в его отсутствие. На столе вместо книг, которые там лежали раньше, белел небольшой конверт с напечатанным на машинке адресом: «Командору Пирксу, лично». Пиркс закрыл дверь, сел, разорвал конверт — внутри было отстуканное на машинке письмо без подписи. Он потер лоб рукой и начал читать. Обращения не было.

«Это письмо пишет вам член команды, который не является человеком. Я выбрал этот путь, потому что он объединяет мои интересы с вашими. Я хочу, чтобы вы свели на нет или по крайней мере затруднили реализацию планов электронных фирм. Поэтому я хочу доставить вам информацию о свойствах нелинейника, насколько они мне известны на основании личного опыта. Я написал вам письмо еще в гостинице, до встречи с вами. Тогда я не знал, согласится ли человек, который должен стать командиром „Голиафа“, сотрудничать со мной. Но ваше поведение при первой встрече показало мне, что вы стремитесь к тому же, к чему и я. Поэтому я уничтожил первый вариант письма и написал это. Я считаю, что осуществление замыслов фирм не сулит мне

ничего хорошего. Вообще говоря, производство нелинейников имеет смысл лишь в том случае, если конструируемые существа превосходят человека в широком диапазоне параметров. Повторение уже существующего человека не имело бы смысла. Так вот, скажу вам сразу, что я вчетверо менее чувствителен к перегрузкам, чем человек, могу в один прием выдержать до семидесяти пяти тысяч рентген без всякого вреда для себя, обладаю чувством (датчиком) радиоактивности, обхожусь без кислорода и пищи, могу, наконец, производить в уме без всякой помощи математические расчеты в области анализа, алгебры и геометрии со скоростью, лишь втрое меньшей, чем скорость больших цифровых машин. В сравнении с человеком я, насколько могу судить, в значительной степени лишен эмоциональной жизни. Многие проблемы, занимающие человека, меня не интересуют вообще. Большинство литературных произведений, пьес и тому подобное я воспринимаю как неинтересные или нескромные сплетни, как своеобразное подглядывание за чужим, интимным, имеющее весьма ничтожное познавательное значение. Зато для меня очень много значит музыка. Я обладаю также чувством долга, выдержкой,

способен на дружбу и на уважение к интеллектуальным ценностям. Я не чувствую, что работаю на борту „Голиафа“ по принуждению, ибо то, что я делаю, — это единственное, что я умею делать хорошо, а делать что-либо хорошо доставляет мне удовольствие. Я не включаюсь эмоционально ни в какую ситуацию. Всегда остаюсь созерцателем событий.

Человеческая память не может сравниться с моей. Я могу цитировать целые главы однажды прочитанных книг, могу «заряжаться информацией», непосредственно подключаясь к блокам памяти большой цифровой машины. Я могу также произвольно забывать то, что сочту лишним для моей памяти. Мое отношение к людям негативное. Я встречался почти исключительно с учеными и техниками — даже они действуют по инстинктивным побуждениям, плохо маскируют свою предвзятость, легко впадают в крайности, относясь к существу вроде меня либо покровительственно, либо, напротив, с отвращением, неприязнью. Мои неудачи огорчали их как конструкторов и радовали как людей, ощущавших, что они все-таки совершенней, чем я. Я встретил только одного человека, который не проявил подобной раздвоенности. Я не агрессивен и не

коварен, хотя в принципе способен совершать поступки, для вас непонятные, если они будут вести к какой-то определенной цели. У меня нет никаких так называемых моральных принципов, но я не пошел бы на преступление, не планировал бы ограбления, точно так же как не использовал бы микроскоп для разбивания орехов. Ввязываться в мелкие человеческие дрязги я считаю пустой тратой времени.

Сто лет назад я, наверное, решил бы сделаться ученым. Теперь в этой области уже нельзя действовать в одиночку, а я по натуре не расположен делиться чем бы то ни было с кем бы то ни было. Я задумывался над тем, что дала бы мне власть. Очень мало, ибо невелика честь господствовать над такими существами, хотя это и больше, чем ничего. Разделить вашу историю на два куска — до меня и начиная с меня, — изменить ее совершенно, разорвать на две несвязанные части, чтобы вы поняли и запомнили, что сами же наделали, когда создали меня, на что замахнулись, замыслив изобрести покорную человеку куклу, — это будет, я полагаю, неплохая месть.

Поймите меня правильно, я отнюдь не собираюсь стать тираном, глумиться, уничтожать, вести войны. Ничего подобного! Я добьюсь того, что

задумал, не насилием, а полной перестройкой вашего общества, так чтобы не я и не сила оружия, а сама ситуация, будучи однажды создана, понуждала вас к поступкам, все более согласующимся с моим замыслом. Ваша жизнь станет всемирным театром, но ваша роль, однажды навязанная вам, станет постепенно, как это всегда у вас бывает, вашей второй натурой, а потом вы уже не будете знать ничего, кроме своих новых ролей, и только я один буду зрителем, понимающим происходящее. Всего лишь зрителем, потому что вам не выбраться из ловушки; постройте ее собственными руками, а там уж мое активное участие в вашей переделке будет закончено. Вы видите, я откровенен, хотя и не безумен, поэтому я не расскажу вам о своем замысле; его предварительное условие состоит в том, чтобы планы электронных фирм были похоронены, и вы мне в этом поможете. Вы возмутитесь, прочитав это, но, будучи так называемым человеком с характером, решите и далее действовать так, как это для меня — в силу случайности — выгодно. Очень хорошо! Я хотел бы помочь вам по существу, но это нелегко, ибо, к сожалению, я не вижу у себя таких изъянов, которые позволили бы вам добиться решающего успеха. Я фактически ничего не боюсь, чувство

физической боли мне незнакомо, я могу по желанию выключить свое сознание и уйти в подобие сна, равное небытию, до той минуты, когда автоматический часовой механизм включит мое сознание снова. Я могу ускорять и замедлять скорость мысли почти вшестеро по сравнению с темпом процессов в человеческом мозгу. Новые вещи я усваиваю с величайшей легкостью, потому что мне не нужна для этого предварительная тренировка. Я бы рад подсказать вам, как можно одолеть меня, но боюсь, что в подобной ситуации легче одолеть человека. Мне ничуть не трудно общаться с людьми, если я себе это прикажу; с другими нелинейниками мне было бы сосуществовать тяжелее, ибо им недостает вашей так называемой элементарной порядочности.

Пора кончать это письмо. Исторические события когда-нибудь подскажут вам, кто его написал. Может быть, мы встретимся, и тогда вы сможете рассчитывать на меня, потому что сегодня я рассчитываю на вас».

Этим письмо кончалось. Пиркс еще раз перечитал некоторые абзацы, потом старательно сложил листки, спрятал их в конверт и запер в ящик.

«Вот еще электронный Чингисхан! — подумал

он. — Обещает мне протекцию, когда станет владыкой мира! Благодетель! Либо Барнс вообще врал, либо он иначе сконструирован, либо он мне просто не все сообщил — потому что некоторые совпадения все же имеются. Да, совпадения есть, даже очень явные. Но какая мания величия! Какая подлая, холодная, пустая душонка! Только разве это его вина? Классический образчик „ученика чародея“! Ну и досталось бы этим господам инженерам, если б он действительно до них добрался! Впрочем, что инженеры — ему все человечество подавай! Кажется, это называется паранойя… Посчастливилось им с этим нелинейником, нечего сказать! Хотели завлечь покупателей и наделили свой „товар“ всяческими сверхдостоинствами; ну а превосходство в чем-нибудь одном порождает чувство абсолютного превосходства, мысль о том, что тебе предназначено вершить судьбами человечества, — это уж прямое следствие. Ну и психи эти кибернетики! Интересно, кто написал это письмо: ведь это-то, пожалуй, уж не подделка! Иначе зачем бы ему… Он все время подчеркивает свое превосходство, из чего следует, что мои усилия все равно обречены на провал — раз он всегда был и будет совершенством, — и в то же время он желает мне успеха! Знает, как совладать

с человечеством, а мне не может подсказать, как справиться с делами на этом чертовом корабле! Ему не хочется микроскопом разбивать орехи! Хорошенькое дело! А может, и это все — лишь затем, чтобы сбить меня с толку?»

Он вынул конверт из ящика, внимательно его осмотрел — никаких знаков, подписей, ничего. «Почему Барнс ничего не сказал об этих колоссальных различиях? Чувство радиоактивности, темп мышления и все прочее… спросить его, что ли, об этом? Но ведь их могли выпустить разные фирмы, так что Барнс, может, и вправду сконструирован иначе? Данных у меня вроде бы все больше: похоже, что это писал Бартон или Кальдер, а на самом деле? Что касается Броуна, имеются два противоположных утверждения: его собственное, что он человек, и Томсона — что нет, но Томсон мог, в конце концов, ошибиться. А Барнс? Нелинейник? Допустим. Получается, что в команде по меньшей мере два нелинейника из пятерых? Гм! Принимая во внимание количество фирм, по всей вероятности, их должно быть трое… Как они там рассуждали, в фирмах? Что я буду делать все, лишь бы опорочить их продукцию, что мне это не удастся и корабль попадет в какую-нибудь передрягу. Например —

перегрузка, авария котла или что-нибудь в этом роде. Если в такой ситуации оба пилота выйдут из строя, ну и я тоже — кораблю конец. Но это их не устроило бы. Значит, по меньшей мере один пилот должен быть нелинейником. Кроме того, необходим ядерщик. Меньше чем вдвоем вообще нельзя справиться с маневром посадки. Значит, самое меньшее — двое, а скорее трое: Барнс, Броун или Бартон и еще кто-то. К черту все это, я же решил больше не доискиваться! Самое важное сейчас — придумать что-нибудь. Господи, я должен придумать. Должен».

Он погасил свет, лег, не раздеваясь, на койку и лежал, взвешивая самые невероятные проекты и отбрасывая их один за другим.

«Нужно их как-то спровоцировать. Спровоцировать и натравить друг на друга, но так, чтобы это произошло будто само собой, без моего участия. Чтобы люди вынуждены были стать по одну сторону, а нелюди — по другую. Разделяй и властвуй — так, что ли? Расслаивающая ситуация. Сначала должно произойти нечто неожиданное, иначе ничего не получится. Но как это подстроить? Допустим, кто-то вдруг исчезает. Нет, это уж совсем как в дурацких детективах. Не буду же я кого-то убивать или похищать. Значит, он

должен быть со мной в сговоре. А разве я могу кому-нибудь из них довериться? На моей стороне вроде бы четверо — Броун, Барнс, Томсон и этот, мой корреспондент. Но все они ненадежные — неизвестно, говорили ли они правду, — а если я возьму в сообщники того, кто будет портить игру, я здорово влипну! Надежней всех, пожалуй, автор письма — уж он заинтересован в деле, хоть и смахивает на психа. Но, во-первых, я не знаю, кто это, а он открываться не захочет, а во-вторых, с такими лучше не связываться. Квадратура круга, ей-богу. Расколошматить корабль на Титане, что ли? Но ведь они физически, кажется, действительно выносливей — значит я первый и сверну себе шею. В смысле интеллекта они тоже не выглядят слабосильными; вот только эта интуиция… это отсутствие творческих способностей… но ведь и у большинства людей их нет! Что же остается? Соперничество в эмоциях, если не в интеллекте? В так называемом гуманизме? Человечности? Превосходно, но как же это сделать? В чем состоит эта человечность, которой у них нет? Может, это действительно всего лишь гибрид алогизма с пресловутой порядочностью, с „благородным сердцем“, с примитивным моральным инстинктом, который не способен охватить

следующие звенья причинной цепи? Поскольку цифровые машины не благородны и не алогичны… Тогда вся наша человечность — это только сумма наших дефектов, наших изъянов, нашего несовершенства; это то, чем мы хотели быть и чем быть не можем, не умеем, то есть просто зазор между идеалом и его осуществлением? Но тогда нужно соревноваться… в слабости? Иными словами, найти ситуацию, в которой слабость и ущербность человека лучше, чем сила и совершенство нечеловека…»

Эти заметки я пишу спустя год после завершения истории с «Голиафом». Мне удалось довольно неожиданно заполучить относящиеся к ней материалы. Хоть они и подтверждают возникшие у меня подозрения, я все же решил их пока не публиковать. В моей реконструкции событий все еще слишком много предположений. Может быть, историки космонавтики когда-нибудь займутся этим делом.

О процессе в Космическом трибунале ходили разные слухи. Говорили, что определенным кругам, связанным с заинтересованными фирмами, было очень на руку дискредитировать меня как командира корабля. Отзыв о результатах экспериментального рейса, который я опубли-

ковал в «Альманахе космонавтики», имел бы сомнительную ценность, если б его автор был заклеймен приговором трибунала за преступные ошибки в командовании кораблем. С другой стороны, от одного человека, заслуживающего доверия, я слышал, что состав трибунала не был случайным; меня тоже удивило такое количество юристов, теоретиков космического права при наличии всего лишь одного космонавта-практика. Поэтому на первый план выдвинулся чисто формальный вопрос: согласовалось или не согласовалось мое поведение во время аварии с уставом космической навигации. Меня ведь обвиняли в том, что я был преступно пассивен, не отдавал приказов пилоту, который и начал действовать по собственному усмотрению. Тот же человек убеждал меня, что, как только я ознакомился с обвинительным заключением, мне следовало немедленно предъявить иск указанным фирмам, поскольку они были косвенными виновниками случившегося: ведь они заверяли ЮНЕСКО и меня, что нелинейникам как членам команды можно доверять безгранично, а между тем Кальдер чуть не поубивал нас всех. Я объяснил этому человеку с глазу на глаз, почему я так не поступил. Обвинения, с которыми я мог высту-

пить перед трибуналом, были бездоказательны. Поверенные фирм, несомненно, утверждали бы, что Кальдер, сколько мог, пытался спасти и корабль, и всех нас, что вращательная прецессия, которая заставила «Голиаф» кувыркаться, была для Кальдера такой же неожиданностью, как и для меня. Вся вина Кальдера, таким образом, состояла в том, что он не пожелал отдаться на волю случая и ждать, когда корабль разобьется в кольце или удачно пройдет сквозь щель Кассини, что вместо неопределенности, обещавшей, однако, спасение для всех, он выбрал определенность, которая должна была неминуемо уничтожить всех людей, находившихся на борту. Проступок, понятно, полностью дискредитирующий Кальдера, однако несравненно менее значительный, чем тот, в котором я уже тогда начал его подозревать. Поэтому я не мог обвинять Кальдера в меньшем проступке, когда был убежден, что в действительности все происходило иначе; но из-за отсутствия доказательств я не мог публично разоблачить более крупный и опасный преступный замысел и предпочел ждать приговора трибунала.

Приговор снял с меня обвинения и одновременно отодвинул в тень едва ли не самый важный для всей этой истории вопрос, а именно — какого

рода распоряжения следовало отдать. Этот вопрос как-то автоматически отпал, как только трибунал решил, что я действовал по уставу, полагаясь на отличные знания и профессиональный опыт пилота. А поскольку я вообще, выходит, не обязан был отдавать распоряжения, то никто уже не спрашивал, какие же распоряжения были необходимы. Мне это было на руку, потому что если б меня об этом спросили, мой ответ прозвучал бы как фантастическая сказка. Ибо я считал и продолжаю считать, что авария зонда была не случайной, что ее подстроил Кальдер, что он еще задолго до нашего полета к Сатурну обдумал план, который должен был одновременно доказать мою правоту и убить меня вместе с остальными людьми на «Голиафе». Почему он так поступил, вопрос особый. Тут я могу опираться только на догадки.

Итак, сначала об истории с этим вторым зондом. Технические эксперты установили, что его авария была вызвана несчастливым стечением обстоятельств. Самые тщательные исследования в доке на Земле не обнаружили никаких следов саботажа. Я полагаю, что им не удалось докопаться до истины.

Если б отказал первый зонд, предназначенный

для ввода в щель Кассини, нам пришлось бы сразу повернуть, не выполнив задания, потому что оставшиеся два зонда не могли заменить первого — на них не было научно-технической аппаратуры. Если б отказал третий зонд, мы могли вернуться с выполненным заданием — первому зонду хватало и одного «контрольного сторожа», которым стал бы второй зонд. Но именно он подвел и остановил нас на полпути, когда выполнение задания было уже начато.

Что же произошло? Воспламеняющий кабель отключился слишком рано, и поэтому Кальдер не смог выключить автомат-пускатель. Эксперты заявили, что кабель запутался и переплелся; такие вещи случаются. Правда, за четыре дня до аварии я видел барабан, на котором кабель был намотан — очень аккуратно и ровно.

Носовая часть зонда была деформирована и, расплющившись, прочно заклинилась в катапульте. Эксперты не нашли ничего, что могло бы вызвать застревание, и заявили, что скорее всего виноват бустер — он выстрелил не по оси, и зонд, стремительно отброшенный толчком наискось, видимо, так неудачно ударился о кромку люка, что расплющился и деформировал свою носовую часть. Но зонд-то заклинился до зажигания

бустера, а не после. Я был в этом совершенно уверен, но никто меня об этом не спрашивал; что же касается Куина, то он не был вполне уверен, а другим не разрешили давать показания по этому вопросу, поскольку они не имели непосредственного доступа к штурвалу и приборам.

А между тем заклинить зонд так, чтобы не осталось никаких следов, — детская задача. Достаточно налить в катапульту через вентиляционное отверстие несколько ведер воды. Вода стекла к крышке люка и замерзла вокруг зонда, спаяв его ледяным кольцом с кромкой люка, — ведь температура крышки равна температуре наружного вакуума. Кальдер, как известно, очень сильно ударил по зонду лапой; в этот момент зонд еще вовсе не был заклинен, но Кальдер-то сидел у штурвала, и никто не мог его проконтролировать. Он сделал то, что делает клепальщик, ударяя по заклепке. Нос зонда, запаянный ледяным кольцом, деформировался, расширился и расплющился, как головка заклепки. Когда бустер выгорел, температура в катапульте немедленно повысилась, лед растаял, а вода испарилась, не оставив ни малейшего следа от этой ловкой манипуляции.

Во время аварии я ничего не знал обо всем этом.

Но мне показалось странным нагромождение случайностей — то, что отказал именно второй зонд, а не первый или третий, то, что кабель дал возможность произвести зажигание бустера и в то же время сделал невозможным выключение двигателя зонда. На мой взгляд, случайностей было что-то многовато.

Авария застала меня врасплох — трудно было думать о чем-либо, кроме нее. И все же у меня мелькнула мысль, нет ли связи между ней и анонимным письмом: автор письма обещал мне «помощь», он был, по его заверениям, на моей стороне, он хотел доказать непригодность таких, как он, существ для космонавтики. У меня опять-таки нет доказательств, но я полагаю, что письмо написал Кальдер. Он был на моей стороне… наверное, да; но он вовсе не желал такого развития событий, которое доказало бы, что он непригоден потому, что «хуже» человека. Он сразу перечеркнул для себя возможность такого возвращения на Землю, после которого я как командир уселся бы писать дисквалифицирующий его отчет. Следовательно, мои и его цели совпадали только до определенного этапа пути — дальше они расходились.

Письмом он дал мне понять, что мы своеоб-

разные союзники. Из того, что он слышал обо мне и от меня, он сделал вывод, что я тоже подумываю подстроить на борту аварию — как тест для проверки качеств экипажа. Поэтому он был уверен, что аварию, которая вроде бы так удачно подвернулась, я постараюсь использовать; если б я это сделал, я сам бы надел себе петлю на шею.

Почему он решил так поступить? Из ненависти к людям? А может, ему доставляла удовольствие игра, в которой я, действуя в открытую как его командир, а тайком — как союзник, должен был в действительности сделать только то, что он заранее запланировал, — в том числе и для меня? Во всяком случае, он был уверен, что я постараюсь использовать аварию для «пробы», даже если она покажется мне подозрительной, если я догадаюсь, что она — результат саботажа.

Что я мог сделать в ту минуту? Или отдать приказ о возвращении, или же потребовать, чтобы пилот возобновил попытки вывести на орбиту третий, последний зонд.

Решив возвращаться, я одновременно отказался бы от подвернувшейся возможности проверить своих людей в трудных условиях и не выполнил бы порученного «Голиафу» задания. Кальдер правильно предположил, что я не приму

такого решения.

А тогда надо было вернуться к Сатурну и начать операцию с последним оставшимся зондом. Кальдер был на сто процентов уверен, что именно так я и поступлю.

Говоря откровенно, если б меня кто-нибудь заранее спросил, что я буду делать, имея перед собой такую альтернативу, я без колебаний ответил бы, что прикажу продолжать операцию, и сказал бы это совершенно искренне. Но случилось нечто неожиданное — я молчал. Почему? Даже теперь я этого толком не знаю. Я не понимал, что происходит: авария была странная, случилась она до того вовремя, до того совпадала с моими замыслами — чересчур вовремя, чересчур совпадала, чтобы быть естественной. Кроме того, я сразу ощутил, что Кальдер с необычной готовностью ждет моих слов, моего решения — и, пожалуй, именно поэтому я молчал. Если б я заговорил, это было бы вроде подписи под тайно заключенным договором — если Кальдер действительно «помог» событиям. Я чувствовал, что начинается нечестная, подстроенная игра; значит, следовало скомандовать отлет от планеты, но этого я тоже не решался сделать; подозрение, которое во мне пробудилось, было туманным, у меня не было

ни следа доказательств. Говоря четко и ясно, я попросту не знал, что делать.

Между тем Кальдер никак не мог поверить, что его идеальный план рушится. Наш поединок разыгрывался на протяжении нескольких десятков секунд — но какой же я, по существу, был ему противник, раз я ничего не понимал! Лишь впоследствии объединились в моей памяти разрозненные, с виду безобидные факты. Я припомнил, как часто Кальдер сидел в одиночку у главного калькулятора, который служит для решения трудных задач навигации. Как тщательно он уничтожал все записи в блоках памяти, когда кончал расчеты. Сейчас я думаю, что он уже тогда рассчитывал различные варианты аварий, что он промоделировал всю эту катастрофу. Это неправда, что он управлял кораблем над кольцами Сатурна, производя в уме молниеносные расчеты и основываясь только на показаниях гравиметров. Ему ничего не нужно было рассчитывать. Все вычисления были уже готовы — он составил с помощью машины таблицу приближенных решений, а теперь проверял только, попадут ли показания гравиметров в соответствующие пределы значений.

Я сорвал его безошибочный план, медля с

отдачей приказов. Этих приказов он ждал как спасения, они были фундаментом его замысла. В те секунды я об этом даже не подумал, не вспомнил, но ведь в рулевой рубке находилось ухо Земли — надежно опечатанное и безотказно ловящее каждое наше слово. Все, что говорится у штурвала, фиксируют регистрирующие аппараты.

Если бы «Голиаф» опустился на космодроме с мертвой командой на борту, следствие началось бы с прослушивания этих лент. Поэтому им надлежало быть в полном порядке и сохранности. И мой голос должен был с них звучать, приказывая, чтобы Кальдер вернулся к Сатурну, чтобы он приблизился к кольцам, а затем увеличил тягу для погашения опасной прецессии.

Я еще не объяснил, почему план Кальдера был идеальным. Вроде бы я мог отдать такие приказы, которые обеспечили бы успех заново начатой операции? Так вот, через несколько месяцев после окончания процесса я уселся за электронную машину и решил установить, какие же, собственно, оставались шансы успешно вывести последний зонд на орбиту, не нанеся при том вреда ни людям, ни кораблю. И оказалось, что таких шансов вообще не было! Значит, Кальдер

соорудил из элементов математических уравнений идеально законченное целое — этакий карательный механизм; он не оставил никакой отдушины ни для моих, ни для чьих-либо, даже сверхъестественных навигационных способностей; ничто не могло нас спасти. Ни боковая тяга зонда, ни возникновение сильной прецессии, ни этот смертельный полет не были для Кальдера неожиданными, потому что именно эти условия он заранее запланировал, именно их он искал во время своих долгих расчетов. Поэтому достаточно было, чтобы я приказал возвращаться к Сатурну, и мы вошли бы в открывшийся перед нами гибельный водоворот. Конечно, Кальдер мог бы тогда отважиться даже на «неподчинение» в виде робкой критики одного из моих приказов, когда я в отчаянии пытался бы погасить бешеное вращение корабля. Ленты запечатлели бы это последнее доказательство его лояльности, продемонстрировали бы, что он до конца пытался нас спасти.

Впрочем, я вообще недолго смог бы отдавать какие-либо приказы… Я быстро онемел бы и ослеп под прессом перегрузок; мы лежали бы, прихлопнутые гробовой крышкой гравитации, истекая кровью… и один Кальдер смог бы встать,

сорвать пломбы предохранителей и начать вращение — когда в рулевой рубке лежали бы уже только трупы.

Но я — неумышленно — испортил ему все расчеты. Кальдер не учел моей реакции, потому что, блестяще ориентируясь в небесной механике, он даже приблизительно не разбирался в психической механике человека. Когда я не использовал великолепную возможность, когда я замолчал, вместо того чтобы подгонять его приказами, он растерялся. Он не знал, что делать. Сначала он, наверное, только удивился, но приписал мое промедление неповоротливости и вялости человеческого ума. Потом он забеспокоился, но уже не посмел спрашивать меня, что делать, потому что мое молчание показалось ему многозначительным. Он сам не смог бы оставаться бездеятельным, а потому не допускал, что кто-то другой — тем более командир — на это способен. Раз я молчал — я, очевидно, знал, почему молчу. Наверное, я его заподозрил. Быть может, даже разгадал его игру? Может, я его обыграл? Раз я не отдал приказа, раз на лентах не зафиксированы мои слова, ведущие корабль к катастрофе, то для Кальдера это означало, что я все предвидел, что я его обвел вокруг пальца! Не знаю, когда он так

решил; но его неуверенность заметили все, и Куин тоже упоминал о ней в своих показаниях. Кальдер дал ему какие-то не слишком толковые указания… потом внезапно повернул… все это было доказательством растерянности. Ему приходилось импровизировать, а именно в этом он был слабее всего. Он уже начал бояться, что я заговорю; может быть, я собираюсь обвинить его — перед чутко слушающими микрофонами — в саботаже? Тогда он вдруг дал большую тягу; я успел крикнуть, чтобы он не входил в щель, — даже в этот момент я еще не понимал, что он вовсе не собирается идти сквозь нее! Но этот крик, зарегистрированный на лентах, уже перечеркнул какой-то новый, импровизированный план Кальдера; поэтому он сразу уменьшил скорость. Если бы ленты повторили на Земле мой крик и ничего больше — разве это не погубило бы Кальдера? Как, собственно, он мог бы оправдаться, как мог бы объяснить долгое молчание командира и этот внезапный крик — последний крик? Я должен был после него заговорить — хотя бы для доказательства, что я еще был жив… ибо Кальдер понял по этому моему возгласу, что он все же ошибся, что я не знаю всего; он ответил мне, как положено по уставу, что не расслышал

приказа, и сразу начал отстегивать пояс; это был его последний шаг, последняя попытка — он шел ва-банк.

Почему Кальдер так поступил в ситуации, уже не слишком для него благоприятной? Может быть, из гордости не хотел признаться даже самому себе в поражении, а может, его особенно задело то, что он приписал мне ясное понимание, которого у меня не было. Наверняка он сделал это не из страха — я не верю, будто он боялся, что нам случайно удастся пройти через щель Кассини. Эта возможность вообще не фигурировала в его плане; то, что Куину удалось нас вывести, — это действительно редчайшая случайность.

Если б он подавил желание отомстить мне (ведь я сделал его смешным в собственных глазах, когда он принял мою тупость за проницательность), он немногим бы рисковал; ну что ж, вышло по-моему; своим поведением, нарушением субординации Кальдер доказал бы мою правоту, но именно этого он не хотел, именно с этим не мог примириться. Все что угодно, только не это…

Все-таки странно, что я так хорошо понимаю сейчас его поведение и по-прежнему беспомощен, когда пытаюсь истолковать свое. Я могу логически воспроизвести каждый его шаг и не

могу объяснить свое молчание. Нельзя сказать, что я просто не мог ни на что решиться, — это все же неправда. Так что же, собственно, случилось? Интуиция сработала? Предчувствие? Где там! Просто эта возможность, предоставленная аварией, слишком напоминала мне игру краплеными картами — грязную игру. Я не хотел ни такой игры, ни такого сообщника, а Кальдер стал бы моим сообщником, если б я начал отдавать приказы и тем самым как бы согласился с возникшей ситуацией. Я не мог решиться ни на это, ни на приказ о возвращении, о бегстве — такой приказ был бы самым правильным, но как я потом смог бы его мотивировать? Ведь все мои сомнения и возражения рождались из смутных представлений о честной игре… совершенно нематериальных, непереводимых на деловой язык космонавигации. Вы только представьте себе: Земля, какая-нибудь комиссия по расследованию, и я говорю этой комиссии, что порученного задания не выполнил, хотя это было, по-моему, технически возможно, и не выполнил потому, что подозревал первого пилота в таком саботаже, который должен был облегчить мне дискредитацию части команды… Разве это не звучало бы как безответственная болтовня?

Вот я и медлил из-за растерянности, из чувства беспомощности, даже отвращения, а при этом своим молчанием давал Кальдеру, как мне казалось, шансы на реабилитацию: он мог доказать, что подозрения в умышленном саботаже несправедливы, — достаточно было ему обратиться ко мне за приказом… Человек на его месте сделал бы это вне всякого сомнения, но его исходный план такого обращения не предусматривал. Наверное, из-за этого план казался ему более чистым, элегантным: я должен был сам, без единого слова с его стороны, привести в исполнение приговор над собой и своими товарищами. Более того, я должен был вынуждать его к определенным действиям, и притом как бы вопреки всем его глубоким познаниям, вопреки его воле, а вместо этого я молчал. Так что в конечном счете нас спасла, а его погубила моя нерешительность, моя вялая «порядочность» — та человеческая «порядочность», которую он безгранично презирал.

Ананке

Что-то вытолкнуло его из сна — во тьму. Остались позади (где?) багровые, задымленные контуры (город? пожар?), противник, погоня, попытки отвалить скалу, — скалу, которая была *этим* (человеком?). Пиркс безуспешно пытался догнать ускользающие воспоминания; как всегда в такие минуты, он подумал, что в снах нам дается жизнь более интенсивная и естественная, чем наяву; она освобождена от слов и при всей своей непредвидимой причудливости подчиняется законам, которые кажутся бесспорными — но лишь там, во сне.

Он не знал, где лежит, он ничего не помнил. Достаточно было рукой шевельнуть, чтобы это выяснить, но он злился на бессилие своей памяти и подхлестывал ее, добиваясь сведений. Он сам себя обманывал: лежал вроде неподвижно, а все же пытался отгадать, где находится. Во всяком случае, это не была корабельная койка. И вдруг — будто вспышка все озарила: посадка; пламя в пустыне; диск луны, словно бы поддельной, слишком большой; кратеры — в пылевых зано-

сах; грязно-рыжие струи песчаной бури; квадрат космодрома, башни.

Марс.

Он лежал, теперь уже вполне по-деловому стараясь сообразить, что его разбудило. Пиркс доверял своему телу; оно не проснулось бы без причины. Правда, посадка была довольно трудная, а он порядком устал после двух вахт подряд, без передышки: Терман сломал руку — когда автоматы включили тягу, его бросило о стену. После одиннадцати лет космических полетов так шлепнуться при переходе к весомости — ну и осел! Надо будет навестить его в госпитале… Из-за этого, что ли?.. Нет.

Пиркс начал теперь поочередно припоминать события вчерашнего дня с момента посадки. Садились в бурю. Атмосферы тут всего ничего, но когда ветер — двести шестьдесят километров в час, тут, при таком ничтожном давлении, прямо на ногах не устоишь. Подошвы ничуть не трутся о грунт; при ходьбе надо зарываться ногами поглубже в песок — увязая по щиколотку, приобретаешь устойчивость. И эта пыль, что с леденящим шорохом скребется по скафандру, забивается в любую складку… она не очень-то красная и даже не рыжая — обыкновенный пе-

сок, только мелкий: за несколько миллиардов лет успел перемолоться.

Капитаната здесь не было — ведь не было и нормального космопорта. Проект «Марс» на втором году своего существования все еще держался в основном на времянках; что ни построй, все песком засыплет; ни гостиницы, ни общежития хотя бы — ничего. Надувные купола, огромные, величиной с десяток ангаров каждый, — под сверкающим зонтиком стальных тросов, заякоренных на бетонных колодах, еле заметных среди дюн. Бараки, гофрированная жесть, груды, кипы, штабеля ящиков, контейнеров, резервуаров, бутылей, связок, мешков — целый городок из грузов, что сваливаются сюда с лент транспортеров. Единственным вполне приличным помещением, обжитым, прибранным, была диспетчерская — она находилась вне зонтика, за две мили от космодрома; здесь Пиркс и лежал сейчас, в постели дежурного контролера Сейна.

Он сел на кровати и босой ногой нащупал комнатные туфли. Он всегда возил их с собой и всегда раздевался на ночь; если утром не удавалось как следует побриться и умыться, он чувствовал себя не в форме. Он не помнил, как выглядит комната, и на всякий случай выпрямлялся осторожно;

чего доброго, башку расшибешь при здешней экономии на материалах (весь Проект по швам трещал от этой самой экономии; Пиркс кое-что знал об этом). Он снова рассердился на себя за то, что забыл, где находятся выключатели. Как слепая крыса… Пошарил по стене — вместо выключателя нащупал холодный рычажок. Дернул.

Что-то тихо щелкнуло, и со слабым скрежетом раскрылась ирисовая диафрагма окна. Начинался тягостный, смутный, пропыленный рассвет. Стоя у окна, похожего скорее на корабельный иллюминатор, Пиркс потрогал щетину на подбородке, поморщился и вздохнул: все было как-то не так, хотя, в сущности, непонятно почему. Впрочем, если б он подумал над этим, то, может, признался, что понятно. Он терпеть не мог Марса.

Это было его сугубо личное дело; никто об этом не знал, да никого это и не касалось. Марс, по мнению Пиркса, был олицетворением утраченных иллюзий, мечтаний развенчанных, осмеянных, но близких сердцу. Он предпочел бы летать на любой другой трассе. Писанину о романтике Проекта Пиркс считал сплошной чепухой, перспективы колонизации — фикцией. Да, Марс обманул всех; он обманывал всех уже второе столетие. Каналы. Одно из самых прекрасных, самых

необычайных приключений в истории астрономии. Планета ржаво-красная: пустыни. Белые шапки полярных снегов: последние запасы воды. Словно алмазом по стеклу прочерченная, тонкая, геометрически правильная сетка от полюсов до экватора: свидетельство борьбы разума против угрожающей гибели, мощная ирригационная система, питающая влагой миллионы гектаров пустыни, — ну конечно, ведь с приходом весны окраска пустыни менялась, темнела от пробужденной растительности, и притом именно так, как следует, — от полюсов к экватору. Что за чушь! Не было и следа каналов. Растительность? Таинственные мхи, лишайники, надежно защищенные от морозов и бурь? Ничего подобного; лишь полимеризованные высшие окиси углерода покрывают поверхность планеты — и улетучиваются, когда ужасающий холод сменяется холодом только ужасным. Снеговые шапки? Обычный затвердевший CO_2. Ни воды, ни кислорода, ни жизни — растрескавшиеся кратеры, изъеденные пыльными бурями скалы, унылые равнины, мертвый, плоский, бурый ландшафт под бледным, серовато-ржавым небом. Ни облаков, ни туч — какая-то неясная мглистость; по-настоящему темнеет лишь при сильных ура-

ганах. Зато атмосферного электричества — до черта и сверх того…

Что это? Подали сигнал какой-то? Нет, это пение ветра в стальных тросах ближайшего «пузыря». В тусклом свете (песок, несомый ветром, быстро справлялся даже с самым твердым стеклом, а уж пластиковые жилые купола сразу помутнели, как бельма) Пиркс включил лампочку над умывальником и начал бриться. Пока он кривил лицо на все лады, ему пришла в голову до того глупая фраза, что он невольно усмехнулся: «Марс — просто свинья».

Однако это и вправду свинство — столько надежд на него возлагалось и так он их обманул! По традиции… но кто ее, собственно, установил? Никто в отдельности. Никто не выдумал этого сам; у этой концепции не было авторов, как нет авторов у легенд и поверий; значит, такое представление возникло из вымыслов, но — чьих? Астрономов? Созерцателей мифов? Белая Венера, звезда утренняя и вечерняя, укутанная плотной облачной пеленой, — это планета молодая, там повсюду джунгли, да ящеры, да вулканы в океанах; одним словом — это прошлое нашей Земли. А Марс — высыхающий, заржавевший; там полным-полно песчаных бурь и удивительных

загадок (каналы нередко раздваивались, канал-близнец возникал за одну ночь! И ведь масса усердных, бдительных астрономов подтверждала это!); Марс, чья цивилизация героически борется против угасания жизни на планете, — это будущее Земли. Все просто, ясно, четко, понятно. Только вот неверно все — от А до Я.

Под ухом торчали три волоска, которые не брала электробритва; но обычная безопасная бритва осталась на корабле, и он начал подбираться к волоскам то так, то этак. Ничего не получалось.

Марс. Эти астрономы-наблюдатели все же обладали буйной фантазией. К примеру, Скиапарелли. Какими неслыханными именами он — вместе со своим заклятым врагом Антониади — окрестил то, чего *не видел,* что ему только казалось! Хотя бы эту местность, где строится Проект: Агатодемон. Демон — это понятно, а Агато? Может, от агата — потому что черный? Или это от «агатон» — мудрость? Космонавтов не обучают древнегреческому; жаль. Пиркс питал слабость к старым учебникам звездной и планетарной астрономии. Какая трогательная самоуверенность: в 1913 году они утверждали, что из космического пространства Земля кажется красноватой, ибо ее атмосфера поглощает голубую часть спектра

и, естественно, то, что остается, должно быть по меньшей мере розовым. Прямо пальцем в небо! А все же, когда разглядываешь великолепные карты Скиапарелли, просто в голове не укладывается, что он видел несуществующее. И, что самое странное, другие, после него, тоже это видели. Это был какой-то психологический феномен; впоследствии он никого не интересовал. Сначала в любой книге о Марсе восемьдесят процентов текста отводилось на топографию и топологию каналов; ну а во второй половине XX века нашелся астроном, который проделал статистический анализ сети марсианских каналов и обнаружил ее сходство, именно топологическое, с сетью железных дорог, то есть коммуникаций, в отличие от естественных трещин или водных артерий. После этого словно кто снял чары; от каналов отделывались одной фразой: «Оптическая иллюзия» — и точка.

Пиркс вычистил электробритву, стоя у окна, спрятал ее в футляр и еще раз поглядел, уже с откровенной неприязнью, на этот самый Агатодемон, на загадочный «канал» — унылую плоскую местность с невысокими каменистыми буграми кое-где у туманного горизонта. Луна по сравнению с Марсом кажется просто уютной.

Конечно, для того, кто ни шагу с Земли не сделал, это прозвучит дико, однако это чистейшая правда. Прежде всего — Солнце на Луне выглядит точь-в-точь как на Земле, а до чего это важно, знает каждый, кто изумлялся, или, вернее, пугался, увидев вместо Солнца крохотный, блеклый, еле теплый огонек. К тому же великолепная голубая Земля, словно лампа — символ безопасного бытия, примета жилого дома, — так славно освещает лунные ночи, в то время как Фобос и Деймос дают света меньше, чем Луна в первой четверти на Земле. Ну и вдобавок — тишина. Высокий вакуум, спокойный; ведь не случайно удалось показать по телевидению прилунение, первый этап проекта «Аполлон», а о телепередаче, скажем, с гималайской вершины даже и думать нечего. Что означает для человека никогда не утихающий ветер, можно до конца понять только на Марсе.

Он посмотрел на часы: свежеприобретенная штучка с пятью концентрическими циферблатами показывала стандартное земное время, а кроме того, время корабельное и планетарное. Было шесть с минутами.

«Завтра в это время я буду за четыре миллиона километров отсюда», — подумал Пиркс не без удовольствия. Он состоял членом «Клуба

Перевозчиков», кормильцев Проекта, но дни его службы были сочтены: на трассу Земля — Марс вышли новые гигантские корабли «Ариэль», «Арес» и «Анабис» с массой покоя около 100 000 тонн. Они шли к Марсу уже около двух недель; через два часа прибудет «Ариэль». Пиркс никогда еще не видел посадки стотысячника, да на Земле им и нельзя было садиться; их принимали на Луне — экономисты подсчитали, что это окупится. Корабли с массой покоя 12—15 тысяч тонн, вроде «Кювье», теперь, безусловно, сойдут со сцены. Так, разве мелочи какие-нибудь будут перевозить время от времени.

Было шесть двадцать, и человеку здравомыслящему полагалось в этот час съесть чего-нибудь горяченького. Мысль о кофе тоже вдохновляла. Но где здесь можно подкрепиться, Пиркс не знал. Он впервые попал на Агатодемон: до сих пор он обслуживал главный плацдарм на Сырте. Почему атаку на Марс вели одновременно в двух пунктах, разделенных дюжиной тысяч миль? Научные обоснования Пирксу были известны, но он держался своего мнения; впрочем, он не афишировал свой скептицизм. Большой Сырт предназначался для термоядерного, а также интеллектронного полигона. Он выглядел совсем

иначе. Некоторые утверждали, что Агатодемон — это Золушка Проекта и что его не раз уже собирались ликвидировать, но пока еще питают надежды на пресловутую замерзшую воду, на гигантские ледники древних эпох, именно здесь где-то залегающие под спекшимся грунтом. Конечно, если бы Проект докопался до местной воды, это было бы подлинным триумфом — пока что каждую каплю возили с Земли, а устройства, которые должны вылавливать водяные пары из атмосферы, второй год доделывали да налаживали, и срок запуска все передвигался.

Нет, Марс определенно не имел ничего привлекательного для Пиркса.

В здании было так тихо, словно все куда-то ушли или умерли, и все же Пирксу не хотелось выходить из комнаты. Не хотелось в основном потому, что он постепенно все больше привыкал к одиночеству.

Командир корабля, если ему вздумается, может весь рейс провести одиноко, отъединенно от всех, и в одиночестве Пиркс чувствовал себя лучше; после дальнего рейса (сейчас, когда противостояние окончилось, полет к Марсу продолжался более трех месяцев) ему приходилось делать над собой усилие, чтобы сразу и просто войти в скопище

чужих людей. А тут он не знал никого, кроме дежурного контролера. Можно пойти к нему на второй этаж, но это будет не слишком тактично. Не годится попусту беспокоить человека, когда он несет вахту. Пиркс судил по себе: он не любил таких незваных гостей.

Пиркс достал из чемоданчика термос с остатками кофе и пачку печенья. Ел, стараясь не насорить, пил и смотрел сквозь исцарапанное песчинками стекло круглого окошка на древнюю и словно смертельно усталую равнину Агатодемона. Именно такое впечатление производил на него Марс: что ему уже все равно. Поэтому так странно теснятся друг к другу кратеры, непохожие на лунные, будто бы размытые («Словно поддельные!» — вырвалось у Пиркса однажды при виде хороших, больших фотографий Марса); поэтому так нелепо выглядят «хаосы» — марсианские местности с причудливым, стихийно исковерканным ландшафтом (их обожают ареологи, ибо на Земле нет ничего похожего на такие формации). Марс будто бы смирился с судьбой и уже не заботится ни о том, чтобы выполнять обещания, ни о том, чтобы хоть блюсти видимость. Когда приближаешься к нему, он понемногу теряет свой солидный красноватый облик, пе-

рестает быть эмблемой бога войны, становится грязно-бурым, с пятнами, с затеками; четких очертаний, как на Земле или на Луне, здесь не встретишь — все размазано, все ржаво-серое, и вечно дует ветер.

Пиркс ощущал под ногами тончайшую вибрацию — это работал преобразователь или трансформатор. А вообще было по-прежнему тихо, и лишь время от времени врывалось в эту тишину отдаленное, словно с того света, завывание ветра в тросах-креплениях жилого купола. Этот чертов песок постепенно расправлялся даже с двухдюймовыми тросами из высокосортной стали. На Луне можно любую вещь оставить, положить на камень и вернуться через сто, через миллион лет со спокойной уверенностью, что она лежит целехонькая. На Марсе ничего нельзя выпустить из рук — сразу исчезнет без следа.

В шесть сорок закраснелся краешек горизонта — всходило Солнце. И это красноватое световое пятно — без всякой зари, где там! — внезапно воскресило недавний сон. Теперь Пиркс вспомнил, в чем было дело. Кто-то хотел его убить, но Пиркс сам убил своего врага. Убитый гнался за ним в красноватом сумраке; Пиркс убивал его еще несколько раз, но это ничуть не помогало.

Идиотизм, конечно. Однако было еще вот что: Пиркс не сомневался, что знал во сне этого человека, а теперь он понятия не имел, с кем отчаянно сражался. Конечно, ощущение знакомости тоже могло порождаться иллюзией сна… Он попробовал докопаться до этого, но своевольная память снова замолкла, все убралось обратно, как улитка в раковину, и Пиркс долго стоял у окна, упираясь рукой в стальную раму, слегка взволнованный, словно речь шла о бог знает каком важном деле.

Смерть. Вполне понятно, что по мере развития космонавтики земляне начали умирать на других планетах. Луна оказалась лояльной к мертвецам. Трупы на ней каменеют, превращаются в ледяные статуи, в мумии; почти невесомая легкость делает их нереальными и словно бы уменьшает значение катастрофы. А на Марсе о мертвецах надо заботиться немедленно, потому что песчаные смерчи за несколько суток разъедят любой скафандр и, прежде чем сухой зной успеет мумифицировать останки, из лохмотьев выглянут кости, отполированные, исступленно отшлифованные, обнажится скелет и, рассыпаясь понемногу в этом чужом песке, под этим грязно-бурым чужим небом, будет восприниматься как укор совести, почти как оскорбление, словно

люди, привезя с собой на ракетах вместе с жизнью и свою подверженность смерти, совершили какую-то бестактность, нечто такое, чего следует стыдиться, что надо скрыть, убрать, похоронить… Все это, конечно, не имело никакого смысла, но таковы были ощущения Пиркса в этот момент.

В семь часов кончалась ночная вахта на постах летного контроля, а во время смены может присутствовать и посторонний человек. Пиркс уложил свои вещи в чемоданчик — их было немного — и вышел, держа в памяти, что надо проверить, по графику ли идет разгрузка «Кювье». К полудню корабль должен освободиться от груза, а перед отлетом кое-какие мелочи не мешает проверить, например, систему охлаждения вспомогательного реактора, тем более что возвращаться придется с неполным составом команды. Получить кого-нибудь взамен Термана — об этом и говорить нечего.

По винтовой лестнице, выстланной пенопластом, чувствуя под ладонью странно теплые, словно нагретые перила, Пиркс поднялся на первый этаж, и все вокруг резко изменилось; он и сам словно стал кем-то другим, как только открыл широкую дверь с матовыми стеклами.

Помещение походило на внутренность гигант-

ского черепа с тремя парами огромных выпуклых стеклянных глаз, вытаращенных на три стороны света. Только на три — за четвертой стеной находились антенны, но помещение могло вращаться вокруг оси, как поворотный круг на сцене. В известном смысле это и была сцена, на которой разыгрывались все одни и те же спектакли — посадки и старты кораблей; из-за своих широких округлых пультов, словно сливавшихся с серебристо-серыми стенами зала, дежурные видели стартовую площадку как на ладони — до нее был всего лишь километр.

Все это напоминало отчасти диспетчерскую вышку на аэродроме, а отчасти — операционный зал. У глухой стены под конусообразным кожухом громоздился главный компьютер непосредственной связи с кораблями; он непрерывно мигал лампочками и стрекотал, ведя немые монологи и выплевывая обрывки перфорированных лент; были тут еще три резервных контрольных поста, оборудованные микрофонами, точечными лампами, креслами на шаровых шарнирах, а также подручные счетные устройства для контролеров, похожие на уличные водоразборные колонки; наконец, ютился у стены маленький, изящный, как игрушка, бар с тихонько шипящим «Экспрессом».

Вот он где, оказывается, кофейный источник!

Своего «Кювье» Пиркс не мог отсюда разглядеть; он посадил корабль там, где приказал диспетчер, — тремя милями дальше, за пределами площадки: здесь так готовились к приему первого тяжелого корабля, словно он не был оборудован новейшими астролокационными автоматами, которые, как хвастали конструкторы (Пиркс почти всех их знал), могли посадить эту громадину в полкилометра высотой, эту железную гору на площадку размером с огородную делянку.

Все работники космопорта, все три смены пришли на торжество, которое, впрочем, с официальной точки зрения никаким торжеством не являлось: «Ариэль», как и другие корабли этого типа, совершил уже десятки пробных полетов и посадок на Луне; правда, он еще ни разу не входил на полной тяге в атмосферу.

До посадки оставалось меньше получаса; поэтому Пиркс поздоровался только с теми, кто не нес вахты, и пожал руку Сейну. Радарные приемники уже работали, по телевизионным экранам сверху вниз проползали размытые полосы, но огоньки на пульте сближения еще сияли чистейшей зеленью в знак того, что времени осталось

много и ничего пока не происходит. Романи, руководитель базы Агатодемона, предложил Пирксу рюмочку коньяку к кофе; Пиркс заколебался, но, в конце-то концов, он присутствовал здесь абсолютно неофициально и, хотя не имел привычки пить с утра, понимал, что людям хочется символически подчеркнуть торжественность момента. Как-никак эти тяжелые корабли ожидались давно; с их прибытием руководство сразу избавлялось от массы хлопот — все время перевозчики вроде Пиркса всячески старались оборачиваться на линии Марс — Земля как можно быстрее и эффективнее и все же никак не могли насытить прожорливый Проект. А теперь вдобавок противостояние кончилось, планеты начали расходиться, расстояние между ними будет увеличиваться из года в год, пока не достигнет ужасающего максимума в сотни миллионов километров; но именно сейчас, в самую трудную пору, Проект получил мощную поддержку.

Люди разговаривали вполголоса, а когда погасли зеленые огоньки и зажужжали зуммеры, все сразу замолчали.

День начинался истинно марсианский — ни хмурый, ни ясный; не было ни четко различимого горизонта, ни четко видимого неба, и словно

бы не существовало времени, поддающегося определению и подсчету. Хотя день наступил, по граням бетонных квадратов, распластавшихся в центре Агатодемона, побежали светящиеся линии, зажглись автоматические лазерные метки, а края центрального круглого щита из черного бетона обозначились пунктиром галогенных рефлекторов. Контролеры поудобней уселись в креслах, хотя работы у них было всего ничего; зато главный компьютер рассеялся циферблатами, словно оповещая всех о своей чрезвычайной важности, какие-то реле начали тихонько постукивать, и из репродуктора отчетливо зазвучал басистый голос:

— Эй вы, там, на Агатодемоне, это «Ариэль», говорит Клайн, мы на оптической, высота шестьсот, через двадцать секунд переключаемся на автоматы для посадки. Прием.

— Агатодемон — «Ариэлю»! — поспешно сказал в микрофон Сейн, маленький, с остроносым птичьим профилем. — Вы у нас на всех экранах, на каких только можете быть, поудобней укладывайтесь и аккуратненько идите вниз. Прием!

«Шуточки у них!» — подумал Пиркс, который этого не любил, возможно, из суеверия; но они тут, видно, ни в грош не ставят строгости про-

цедуры.

— «Ариэль» — Агатодемону: у нас триста, включаем автоматы, опускаемся без бокового дрейфа, нуль на нуль. Какова сила ветра? Прием!

— Агатодемон — «Ариэлю»: ветер сто восемьдесят в минуту, северо-северо-западный, ничего он вам не сделает. Прием.

— «Ариэль» — всем: опускаюсь на оси, кормой, у рулей автоматы. Конец.

Наступила тишина, только реле быстро бормотали что-то по-своему; на экранах уже ясно обозначалась белая светящаяся точка, она быстро росла, словно кто-то выдувал пузырь из огненного стекла. Это была пышущая пламенем корма корабля, который действительно опускался, как по невидимому перпендикуляру, без подрагиваний и отклонений, без малейших признаков вращения, — Пирксу приятно было смотреть на это. Он оценивал расстояние примерно в сто километров; до пятидесяти не было смысла глядеть на корабль сквозь окно, тем не менее у окон уже толпились люди, задрав головы в зенит.

Диспетчерская имела постоянную радиотелефонную связь с кораблем, но сейчас попросту не о чем было говорить: экипаж лежал в антигравитационных креслах, все делали автоматы

под руководством главного корабельного компьютера; это он распорядился, чтобы атомную тягу при шестидесяти километрах высоты, то есть на самой границе стратосферы, сменили на бороводородную.

Теперь Пиркс подошел к центральному, самому большому окну и сейчас же увидел в небе сквозь бледно-серую дымку колючий зеленый огонек, крохотный, но необычайно ярко мерцающий, словно кто-то сверху просверливал атмосферу Марса пылающим изумрудом. От этой сверкающей точки расходились во все стороны бледные полоски — это были клочки туч, вернее, тех недоносков, которые в здешней атмосфере выполняют обязанности туч. Попадая в сферу ракетных выхлопов, они вспыхивали и распадались, как бенгальские огни.

Корабль рос; собственно, по-прежнему росла только его круглая корма. Раскаленный воздух заметно колебался под ним, и неопытному человеку могло показаться, что корабль слегка раскачивается, но Пиркс слишком хорошо знал эту картину и не мог ошибиться. Все шло так спокойно, без всякого напряжения, что Пиркс припомнил первые шаги человека на Луне — там тоже все шло как по маслу. Корма была уже

зеленым пылающим диском в ореоле огненных брызг. Пиркс поглядел на главный альтиметр над пультами контролеров — когда имеешь дело с такой громадиной, как «Ариэль», легко ошибиться в оценке высоты. Одиннадцать, нет — двенадцать километров отделяло «Ариэль» от Марса; очевидно, корабль опускался все медленней благодаря возрастанию тормозной тяги.

Вдруг сразу произошло многое.

Кормовые дюзы «Ариэля» в короне зеленых огней заколебались как-то по-иному. В громкоговорителе послышалось невнятное бормотание, выкрик, нечто вроде «Ручная!», а может, «Не знаю!» — единственное, что прокричал человеческий голос, сдавленный, искаженный, — неизвестно, был ли это Клайн. Зеленый огонь, полыхавший из кормы «Ариэля», вдруг поблек. Это длилось долю секунды. В следующее мгновение корма словно растопырилась от ужасающей бело-голубой вспышки, и Пиркс понял все сразу, в дрожи ошеломления, пронзившей его с головы до пят, так что глухой исполинский голос, зарокотавший в громкоговорителе, ничуть не удивил его.

— «Ариэль» (шорох). Перемена процедуры. Из-за метеорита. Полный вперед на оси. Внимание!

Полная мощность!

Это был автомат. На фоне его голоса кто-то вроде кричал, а может, это чудилось. Во всяком случае, Пиркс правильно истолковал изменение окраски выхлопного пламени: вместо бороводорода включилась полная мощность реакторов, и гигантский корабль, будто заторможенный ударом ужасающего невидимого кулака, дрожа всеми скрепами, остановился — по крайней мере так это выглядело для наблюдателей — в разреженном воздухе, на высоте всего четырех-пяти километров над щитом космодрома. Нужен был маневр дьявольский, запрещенный всеми правилами и постановлениями, вообще выходящий за рамки космонавигации, — удержать махину в сто тысяч тонн весом; требовалось сначала погасить скорость падения, чтобы она снова могла взвиться вверх.

Пиркс увидел в ракурсе бок исполинского цилиндра. Ракета потеряла вертикальное положение. Она кренилась. Начала было невероятно медленно выпрямляться, но ее качнуло в другую сторону, как гигантский маятник; новый обратный крен корпуса был уже больше. При столь малой скорости потеря равновесия с такой амплитудой была неодолима.

Лишь теперь дошел до Пиркса крик главного контролера:

— «Ариэль»! «Ариэль»! Что вы делаете?! Что у вас творится?!

Как много может произойти за долю секунды!

Пиркс у параллельного, незанятого пульта во всю глотку кричал в микрофон:

— Клайн! На ручную! Переходи на ручную, к посадке! На ручную!

Только в этот момент накрыл их протяжный немолкнущий гром. Только теперь донеслась до них звуковая волна! Как недолго все длилось!

Стоящие у окон закричали в один голос. Контролеры оторвались от пультов.

«Ариэль» падал, кувыркаясь, как камень, и качающиеся полосы кормового огня вслепую рассекали атмосферу; корабль вращался, безжизненный, будто труп, словно кто-то швырнул эту гигантскую башню с неба вниз, на грязно-бурые дюны пустыни. Все стояли как вкопанные в жутком глухом молчании, потому что ничего уже нельзя было сделать; громкоговоритель невнятно хрипел, бормотал, слышались отголоски то ли отдаленной суматохи, то ли гула океана, и неизвестно, были ли там человеческие голоса, — все сливалось в сплошной хаос. А белый, словно

облитый сиянием, невероятно длинный цилиндр все быстрее мчался вниз. Казалось, что он угодит прямо в диспетчерскую. Кто-то рядом с Пирксом охнул. Все инстинктивно съежились.

Корабль наискось ударился об одну из невысоких оград вокруг щита, разломился надвое и, с какой-то странной медлительностью разламываясь дальше, раскидывая осколки во все стороны, зарылся в песок. Мгновенно взвилась туча высотой с десятиэтажный дом, в ней что-то загремело, зарокотало, брызнуло огненными струями, над гривистой завесой взметнувшегося песка вынырнул все еще ослепительно белый нос корабля, оторвался от корпуса, пролетел несколько сот метров; потом все почувствовали мощные удары — один, другой, третий; почва колыхалась от этих ударов, как при землетрясении. Все здание качнулось, подалось вверх и снова опало, словно лодка на волне. Потом в адском грохоте дробящегося металла все закрыла бронзово-черная стена дыма и пыли.

И это был конец «Ариэля». Когда все мчались по лестнице к шлюзу, Пиркс, одним из первых натянувший скафандр, не сомневался, что при таком ударе никто не мог уцелеть.

Потом они бежали, пошатываясь под ударами

вихря; издалека, от купола, уже двигались первые оверкрафты и гусеничные машины. Но спешить уже не стоило. Не к чему было.

Пиркс сам не знал, как и когда вернулся в диспетчерскую, — перед его ошеломленным взором все еще маячил кратер и раздавленный корпус корабля; он не понимал, почему оказался в этой маленькой комнатке, и по-настоящему очнулся, лишь когда увидел в зеркале свое посеревшее, осунувшееся лицо.

В полдень созвали комиссию экспертов для расследования причин катастрофы. Спасательные команды еще растаскивали экскаваторами и лебедками по кускам огромный корпус, еще не успели добраться до глубоко врезавшейся в грунт раздавленной рулевой рубки, где были контрольные автоматы, а с Большого Сырта уже прибыла группа специалистов на одном из тех диковинных маленьких вертолетов с громадными винтами, что только и способны лететь в разреженной марсианской атмосфере.

Пиркс никому не лез на глаза и никого ни о чем не спрашивал — он слишком хорошо понимал, что дело чрезвычайно темное. В ходе нормальной посадочной процедуры, которая делится на освященные традицией этапы и запрограммирована

с предельной точностью и скрупулезностью, главный компьютер «Ариэля» без всякой видимой причины погасил бороводородную тягу, подал отрывочные сигналы, похожие на метеоритную тревогу, и переключил двигатели на уход от планеты с максимальной скоростью. И уже не смог восстановить равновесие, нарушенное при этом головоломном маневре. Ни о чем похожем в анналах космонавигации не упоминалось; приходившие на ум предположения, что компьютер просто-напросто подвел, что в нем замкнулись или перегорели какие-то контуры, выглядели абсолютно неправдоподобно, поскольку речь шла об одной из двух программ (старт и посадка), которые были застрахованы от аварии такой массой предосторожностей, что скорее уж можно было заподозрить саботаж. Пиркс ломал себе над этим голову, сидя в комнатке Сейна, и умышленно носа за дверь не высовывал, чтобы никому не навязываться, тем более что через несколько часов предстоял вылет, а в голову не приходило ничего такого, о чем следовало бы спешно известить комиссию. Оказалось, однако, что про него не забыли. Около часу дня к нему заглянул Сейн. С ним был Романи — он ждал в коридоре. Пиркс его сначала не узнал, принял руководи-

теля Агатодемона за кого-то из механиков: на нем был закопченный, весь в каких-то подтеках комбинезон, лицо осунулось от усталости, левый угол рта то и дело подергивался. Но голос у него был прежний, спокойный; от имени комиссии, членом которой он являлся, Романи попросил Пиркса отложить старт «Кювье».

— Разумеется… если я нужен… — Пиркса это застигло врасплох, и он пытался собраться с мыслями. — Только мне нужно получить согласие Базы…

— Это мы сами уладим, если вы не возражаете.

Больше они ни о чем не говорили. Втроем они отправились в главный «пузырь», где в длинном, с низким потолком зале Управления сидели двадцать с лишним экспертов: несколько человек здешних, остальные — с Большого Сырта. Поскольку наступило обеденное время, а каждая минута была на счету, им принесли холодные закуски из буфета, и так, за чаем, над тарелочками с едой, из-за чего все выглядело как-то неофициально, почти несерьезно, началось совещание. Пиркс, конечно, понимал, почему председательствующий, инженер Хойстер, попросил его выступить первым и описать ход катастрофы. Он был здесь единственным несомненно беспри-

страстным свидетелем, поскольку не являлся ни сотрудником диспетчерской, ни членом экипажа «Ариэля».

Когда Пиркс по ходу рассказа начал описывать свою реакцию, Хойстер впервые перебил его:

— Значит, вы хотели, чтобы Клайн выключил автоматику и попытался сам совершить посадку, да?

— Да.

— А можно узнать почему?

Пиркс не замедлил с ответом:

— Я считал это единственным шансом.

— Так. А вам не казалось, что переход на ручное управление может привести к потере равновесия?

— Оно уже было потеряно. Впрочем, это можно проверить — есть ведь ленты.

— Конечно. Мы хотели прежде всего представить себе общую картину. А… каково ваше личное мнение?..

— О причине?..

— Да. Мы сейчас не столько совещаемся, сколько обмениваемся информацией, поэтому что бы вы ни сказали, это вас ни к чему особенно не будет обязывать, а любое предположение может оказаться ценным… даже самое рискованное.

— Понимаю. Что-то случилось с компьютером. Не знаю, что, и не знаю, как это могло произойти. Если б я сам не был в диспетчерской, я бы в это не поверил, но я был и все слышал. Это компьютер изменил процедуру и объявил метеоритную тревогу, внезапно и невнятно. Звучало это примерно так: «Метеориты — внимание — полная мощность на оси — вперед!» А поскольку никаких метеоритов не было… — Пиркс пожал плечами.

— Компьютер на «Ариэле» — усовершенствованный вариант модели IBM-90, — заметил Боулдер, электронщик; Пиркс его знал, они встречались на Большом Сырте.

Пиркс кивнул.

— Я знаю. Потому я и говорю, что не поверил бы, если б не видел собственными глазами. Но это случилось.

— Как вы считаете, командор, почему Клайн ничего не сделал? — спросил Хойстер.

Пиркс внутренне похолодел и, прежде чем ответить, оглядел присутствующих. Этот вопрос не могли не задать. Но Пирксу не хотелось оказаться первым, кто вынужден будет на него отвечать.

— Этого я не знаю.

— Естественно. Однако многолетний опыт поможет вам представить себя на месте Клайна…

— Я представил. Я сделал бы то, к чему пытался его склонить.

— А он?

— Не было никакого ответа. Шум и вроде бы крики. Нужно будет очень тщательно прослушать ленты. Но боюсь, что это не много даст.

— Командор… — Хойстер говорил тихо и со странной медлительностью, будто осторожно подбирал слова. — Вы ведь ориентируетесь в ситуации, правда? Два следующих корабля того же типа, с той же системой управления сейчас находятся на линии Земля — Марс; «Арес» будет здесь через шесть недель, но «Анабис» — всего через девять дней. Не говоря уж о том, к чему нас обязывает память о погибших, мы имеем еще большие обязательства перед живыми. За эти пять часов вы, несомненно, уже обдумали все, что произошло. Я не могу заставить вас говорить, но очень прошу сообщить нам, к каким выводам вы пришли.

Пиркс почувствовал, что бледнеет. С первых же слов он понял, что хочет сказать Хойстер, и вдруг его охватило странное ощущение ночного кошмара: ожесточенное, отчаянное безмолвие, в котором он сражался с безликим противником и, убивая его, словно погибал с ним вместе. Это

длилось мгновение. Он овладел собой и взглянул прямо в глаза Хойстеру.

— Понимаю, — сказал он. — Клайн и я — два разных поколения. Когда я начинал летать, автоматика подводила гораздо чаще… Это накладывает отпечаток на все поведение человека. Думаю, что Клайн… доверял автоматам до конца.

— Клайн думал, что компьютер лучше разбирается в деле? Считал, что он сможет овладеть ситуацией?

— Может, он на это и не рассчитывал… а только думал, что если компьютер не справится, то человек тем более.

Пиркс перевел дыхание. Он все же сказал, что думал, не опорочив при этом младшего собрата, уже погибшего.

— Как, по-вашему, была возможность спасти корабль?

— Не знаю. Времени было очень мало. «Ариэль» почти потерял скорость.

— Вы когда-нибудь садились в подобных условиях?

— Да. Но в маленькой ракете — и на Луне. Чем длиннее и тяжелее корабль, тем труднее восстановить равновесие при потере скорости, особенно если начинается крен.

— Клайн вас слышал?

— Не знаю. Должен был слышать.

— Он взял на себя управление?

Пиркс хотел было сказать, что все это можно узнать по лентам, но вместо этого ответил:

— Нет.

— Откуда вы знаете? — это спросил Романи.

— По контрольной табличке. Надпись «Автоматическая посадка» светилась все время. Она погасла, лишь когда корабль разбился.

— А вы не думаете, что у Клайна уже не оставалось времени? — спросил Сейн. Его обращение выглядело подчеркнутым — ведь они были на «ты». Словно бы между ними обозначилась некая дистанция… может, враждебность?

— Ситуацию можно математически промоделировать, тогда выяснится, были ли шансы. — Пиркс старался говорить конкретно и по-деловому. — Я этого знать не могу.

— Но когда крен превышает сорок пять градусов, равновесие уже невозможно восстановить, — настаивал Сейн. — Ведь верно?

— На моем «Кювье» это не совсем так. Можно увеличить тягу сверх установленных пределов.

— Перегрузки больше двадцатикратной могут убить.

— Могут. Но падение с высоты пяти километров не убить не может.

На том и окончилась эта краткая дискуссия. Под лампами, включенными, несмотря на дневную пору, плоско стлался табачный дым. Все курили.

— По-вашему, Клайн мог взять управление на себя, но не сделал этого. Так? — Хойстер продолжил свою линию вопросов.

— Вероятно, мог.

— А вы не считаете возможным, что ваше вмешательство сбило его с толку? — отозвался заместитель Сейна; Пиркс его не знал.

Здешние — против него? Он и это мог понять.

— Я считаю это возможным. Тем более что там, в рулевой рубке, люди что-то кричали. По крайней мере похоже было на это.

— На панику? — спросил Хойстер.

— На этот вопрос я не буду отвечать.

— Почему?

— Надо прослушать ленты. Это ведь не точные данные. Шум, который можно истолковать поразному.

— А наземный контроль, по вашему мнению, мог еще что-нибудь сделать? — с каменным лицом спрашивал Хойстер.

Похоже было на то, что внутри комиссии на-

зревает раскол. Хойстер был с Большого Сырта.

— Нет. Ничего.

— Вашим словам противоречит ваше собственное поведение.

— Нет. Контроль не имеет права вмешиваться в решение командира в такой ситуации. В рулевой рубке ситуация может выглядеть иначе, чем внизу.

— Значит, вы признаете, что действовали вопреки установленным правилам? — снова вмешался заместитель Сейна.

— Да.

— Почему? — спросил Хойстер.

— Правила для меня не святыня. Я всегда делаю то, что сам считаю правильным. Мне уже приходилось за это отвечать.

— Перед кем?

— Перед Космическим трибуналом.

— Но ведь с вас сняли все обвинения? — заметил Боулдер.

Большой Сырт — против Агатодемона. Это было почти очевидно.

Пиркс промолчал.

— Благодарю вас.

Он пересел на стул, стоящий в сторонке, потому что начал давать показания Сейн, потом — его

заместитель. Тем временем из диспетчерской доставили регистрационные ленты. Поступали также сообщения о ходе работ с обломками «Ариэля». Было уже ясно, что никто не остался в живых, но в рулевую пробраться еще не удалось: она врезалась на одиннадцать метров вглубь. Прослушивали ленты и записывали показания до восьми вечера. Затем устроили перерыв на час. Сыртийцы вместе с Сейном отправились на место катастрофы. Романи остановил Пиркса в коридоре.

— Командор…

— Слушаю.

— Вы ни на кого тут не…

— Не надо так говорить. Ставка слишком высокая, — перебил его Пиркс.

Романи кивнул.

— Вы пока что останетесь здесь на семьдесят два часа. Мы договорились с Базой.

— С Землей? — изумился Пиркс. — Мне кажется, я уже ничем не смогу помочь…

— Хойстер, Рааман и Боулдер хотят кооптировать вас в комиссию. Вы не возражаете?

Сплошные сыртийцы…

— Если б я и захотел возразить, то не смог бы, — ответил Пиркс, и на этом они расстались.

В девять вечера собрались снова. Прослушивать ленты было тяжело, но еще тяжелее было смотреть фильм, запечатлевший все фазы катастрофы с того момента, как вспыхнула в зените зеленая звезда «Ариэля»…

Затем Хойстер подытожил предварительные результаты расследования:

— В самом деле похоже, что подвел компьютер. Он действовал так, словно «Ариэль» шел на пересечение с какой-то посторонней массой. Регистрационные ленты показывают, что он превысил допустимую мощность на три единицы. Почему он это сделал, мы не знаем. Возможно, что-то выяснится в рулевой рубке. — Он имел в виду регистрационные ленты «Ариэля»; Пиркс в этом отношении был настроен скептически. — Что происходило в рулевой в последние минуты — невозможно уразуметь. Во всяком случае, компьютер подвел не в смысле оперативности. В самый критический момент он действовал вполне исправно — принимал решения и давал команды агрегатам в течение наносекунд. И агрегаты до конца работали безупречно. Это совершенно точно. Но мы не обнаружили абсолютно ничего, что могло бы свидетельствовать о внешней или внутренней опасности, мешавшей

нормальной посадке. С семи часов трех минут до семи часов восьми минут все шло идеально. Решение компьютера об отмене посадки и о заранее обреченной попытке стартовать пока ничем объяснить не удается. Коллега Боулдер?

— Я не могу этого понять.

— Ошибка в программе?

— Исключено. «Ариэль» много раз садился по этой программе на оси и с любых возможных траекторий.

— На Луне. Там притяжение меньше.

— Это может иметь некоторое значение для тяговых двигателей, но не для информационного комплекса. А двигатели не подвели.

— Коллега Рааман?

— Я не очень знаком с этой программой.

— Но вы знаете эту модель компьютера?

— Да.

— Что может прервать процедуру посадки, если нет внешних причин?

— Ничто не может.

— Ничто?

— Ну, разве что мина, подложенная под компьютер…

Наконец эти слова были сказаны. Пиркс слушал с величайшим вниманием. Шумели вентилято-

ры, дым сгущался под потолком возле вытяжных отверстий.

— Саботаж?

— Компьютер действовал до конца, хоть и непонятным для нас образом, — заметил Керховен, единственный интеллектронщик из местных в составе комиссии.

— Ну… насчет мины это я просто так сказал. — Рааман пошел на попятный. — Главную процедуру, то есть посадку или старт, в норме, если компьютер исправен, может прервать только нечто необычайное. Например, потеря мощности…

— Мощность сохранялась.

— Но в принципе компьютер может прервать главную процедуру?

Председательствующий это, конечно, знал. Пиркс понимал, что он сейчас обращается не к ним: говорит то, что должна услышать Земля.

— Теоретически может. Практически — нет. Метеоритная тревога во время посадки не объявлялась ни разу за всю историю космонавтики. Метеорит всегда можно обнаружить при подходе. И в этом случае посадка просто откладывается.

— Но ведь никаких метеоритов не было?

— Не знаю.

Разговор зашел в тупик. С минуту все молчали. За круглыми окнами уже стемнело. Марсианская ночь.

— Нужно поговорить с людьми, которые конструировали этот компьютер и проверяли его на тестах, — сказал наконец Рааман.

Хойстер кивнул. Он просматривал переданное телефонистом сообщение.

— Примерно через час они доберутся до рулевой рубки, — сказал он. Потом, подняв голову, добавил: — Завтра в совещании будут участвовать Макросе и ван дер Войт.

Это всех взбудоражило. Макросе был главный конструктор, а ван дер Войт — генеральный директор Объединенных верфей, где строились стотысячники.

— Завтра? — Пирксу показалось, что он ослышался.

— Да. Разумеется, не здесь. Они будут присутствовать телевизионно. На прямой видеосвязи. Вот сообщение. — Он поднял телефонограмму.

— Однако же! А какое сейчас запоздание? — спросил кто-то.

— Восемь минут.

— Как же они это себе представляют? Мы же будем без конца ждать каждую реплику! — раз-

дались возгласы.

Хойстер пожал плечами:

— Мы обязаны подчиниться. Конечно, затруднения будут… Разработаем соответствующий порядок ведения…

— Совещание отложим до завтра? — спросил Рааман.

— Да. Соберемся в шесть утра. К этому времени получим уже ленты из рулевой.

Пиркс обрадовался, когда Романи пригласил его к себе на ночлег. Он предпочитал не общаться с Сейном. Поведение Сейна он понимал, но не одобрял.

Не без труда разместили всех сыртийцев, и к полуночи Пиркс остался наконец один в каморке, которая представляла собой библиотеку и личный рабочий кабинет руководителя Базы. Не раздеваясь, он улегся на походную койку, поставленную среди теодолитов, закинул руки за голову и лежал недвижимо, глядя в низкий потолок, почти не дыша.

Странно, там, среди посторонних людей, он переживал случившееся словно бы извне, как один из многих очевидцев. Он не включался полностью в происходящее, даже когда, отвечая на вопросы, ощущал неприязнь, недоброжелательство, мол-

чаливое обвинение в том, что он, чужак, хочет поставить себя выше местных специалистов, даже когда Сейн выступил против него, — все это оставалось снаружи, казалось естественным и неизбежным: так и должно все происходить в подобных обстоятельствах. Он готов был отвечать за свои поступки, но исходя из рациональных предпосылок, ибо не чувствовал себя ответственным за трагедию. Он был потрясен, но сохранял спокойствие, все время оставался наблюдателем, не вполне подчиняющимся ходу событий, ибо события эти выстраивались в систему, — при всей загадочности происходящего их можно было анатомировать, изучать разъятыми, застывшими, фиксированными в зажимах официального расследования. Теперь все это распалось. Он ни о чем не думал, не вызывал в памяти никаких картин — они сами снова всплывали по порядку: телеэкраны, на них — появление корабля вблизи Марса, торможение космической скорости, изменение тяги; он словно был одновременно всюду, в диспетчерской и в рулевой рубке, он воспринимал эти глухие удары, эти громыхания, пробегающие по килю и шпангоутам, когда колоссальная мощность, угасая, сменяется вибрацией бороводородных двигателей; он слышал

бас, которым турбонасосы заверяют, что гонят горючее; он чувствовал тормозную тягу и величаво неторопливое снижение — и тот перелом, тот грохот внезапно оживших двигателей, когда полная мощность снова рванулась в дюзы, а затем — вибрацию, потерю равновесия; ракета, отчаянно пытаясь выровняться, качается, как маятник, кренится, как пьяная колокольня, и рушится с высоты, уже бессильная, уже мертвая, неуправляемая, слепая, будто камень, падает, сокрушая скалы, — и Пиркс присутствует везде и всюду. Он словно был этим борющимся кораблем и, болезненно ощущая полнейшую необратимость, окончательность того, что произошло, все же возвращался к тем мгновениям, долям секунды, будто повторяя безмолвный вопрос — что же не сработало, что подвело? Пытался ли Клайн перенять управление ракетой, сейчас было уже несущественно. Диспетчеры действовали, по существу, безупречно; они, правда, перешучивались, но это могло покоробить лишь человека суеверного или воспитанного в те времена, когда нельзя было позволять себе такую беспечность. Разумом Пиркс понимал, что ничего плохого в этом нет.

Он лежал навзничь и в то же время словно сто-

ял у диагонального иллюминатора, нацеленного в зенит, когда искристую зелень бороводородной звезды поглотила ужасающая ослепительная вспышка атомной тяги, запульсировав в уже стынущих дюзах, и ракета раскачивалась, как язык колокола, веревку которого дергают яростные руки, и кренилась невероятно длинным корпусом — она была такая громадная, что, казалось, уже сам размер, сам грандиозный размах выводит ее за пределы любых опасностей; должно быть, то же самое думали сто лет назад пассажиры «Титаника».

Вдруг все исчезло, будто он проснулся. Пиркс встал, умылся, открыл чемоданчик, достал пижаму, домашние туфли, зубную щетку — и в третий раз за день взглянул на себя в зеркале ванной словно на какого-то незнакомца.

Возраст между тридцатью и сорока, ближе к сорока — это полоса тени. Уже приходится принимать условия неподписанного, без спросу навязанного договора, уже известно, что обязательное для других обязательно и для тебя и нет исключений из этого правила: приходится стареть, хоть это и противоестественно.

До сих пор это тайком делало наше тело, но теперь этого мало. Требуется примирение. Юность

считает правилом игры — нет, ее основой — свою неизменяемость: я был инфантильным, недоразвитым, но теперь-то я уже по-настоящему стал собой и таким останусь навсегда. Это абсурдное представление, в сущности, является основой человеческого бытия. Когда обнаруживаешь его безосновательность, сначала испытываешь скорее изумление, чем испуг. Возмущаешься так искренне, будто прозрел и понял, что игра, в которую тебя втянули, жульническая и что все должно было идти совсем иначе. Вслед за ошеломлением, гневом, протестом начинаются медлительные переговоры с самим собой, с собственным телом, в основе которых следующее: несмотря на то что мы непрерывно и незаметно стареем физически, наш разум никак не может приспособиться к этому непрерывному процессу. Мы настраиваемся на тридцать пять лет, потом — на сорок, словно в этом возрасте так и сможем остаться, а потом, при очередном пересмотре иллюзий, приходится ломать себя, и тут наталкиваешься на такое внутреннее сопротивление, что по инерции перескакиваешь вроде бы даже слишком далеко. Сорокалетний тогда начинает вести себя так, как, по его представлениям, должен вести себя старик. Осознав однажды

неотвратимость старения, мы продолжаем игру с угрюмым ожесточением, словно желая коварно удвоить ставку; пожалуйста, мол, если уж это бесстыдное, циничное, жестокое требование должно быть выполнено, если я вынужден оплачивать долги, на которые я не соглашался, не хотел их, ничего о них не знал, — на, получай больше, чем следует; на этой основе (хотя смешно называть это основой) мы пытаемся перекрыть противника. Я вот сделаюсь сразу таким старым, что ты растеряешься. И хотя мы находимся в полосе тени, даже чуть ли не дальше, переживаем период потерь и сдачи позиций, на самом деле мы все еще боремся, мы противимся очевидности и из-за этого трепыхания стареем скачкообразно. То перетянем, то недотянем, а потом видим — как всегда, слишком поздно, — что все эти стычки, эти самоубийственные атаки, отступления, лихие наскоки тоже были несерьезными. Ибо мы стареем, по-детски отказываясь согласиться с тем, на что совсем не требуется нашего согласия, сопротивляемся там, где нет места ни спорам, ни борьбе, — тем более борьбе фальшивой.

Полоса тени — это еще не преддверие смерти, но в некоторых отношениях период даже более трудный, ибо здесь уже видишь, что у тебя не

осталось неиспробованных шансов. Иными словами, настоящее уже не является преддверием, предисловием, залом ожидания, трамплином великих надежд — ситуация незаметно изменилась. То, что ты считал подготовкой, обернулось окончательной реальностью; предисловие к жизни оказалось подлинным смыслом бытия; надежды — несбыточными фантазиями; все необязательное, предварительное, временное, какое ни на есть — единственным содержанием. Что не исполнилось, то наверняка уже не исполнится; нужно с этим примириться молча, без страха и, если удастся, без отчаяния.

Это критический возраст для космонавтов больше, чем для кого-либо другого, — ибо в этой профессии малейшая неисправность организма сразу лишает тебя всякой ценности. Физиологи иногда говорят, что космонавтика предъявляет требования, слишком высокие даже для людей, идеально развитых и в физическом, и в умственном отношении: выбывая из авангарда, здесь теряешь все.

Медицинские комиссии безжалостны — по необходимости, ибо нельзя допустить, чтобы человек умер или свалился от приступа во время космической вахты. Людей будто бы в

расцвете сил списывают с кораблей, и они сразу оказываются у последней черты; врачи настолько привыкли ко всяким уловкам, к отчаянным попыткам симулировать здоровье, что разоблачение не влечет за собой никаких последствий — ни дисциплинарных, ни моральных, ровно ничего; почти никому не удавалось продлить срок действительной службы в космонавтике за предел пятидесяти лет. Перегрузки — это опаснейший враг мозга; может, через сто или тысячу лет будет иначе, но пока такая перспектива угнетает каждого космонавта, вступившего в полосу тени.

Пирксу было известно, что молодежь называет его врагом автоматики, консерватором, мамонтом. Некоторые из его ровесников уже не летали; в меру способностей и возможностей они переквалифицировались — стали преподавателями, членами Космической Палаты, пристроились на синекуры в доках, заседали в контрольных комиссиях, возились со своими садиками. Вообще как-то держались и неплохо разыгрывали примирение с неизбежным — Бог знает, чего это стоило многим из них. Но случались и безответственные поступки, порожденные несогласием, бессильным протестом, высокомерием и яростью, ощущением несправедливо постигшего их

несчастья. Душевнобольных среди космонавтов не было, но некоторые опасно приближались к помешательству, хотя никогда не переступали последней черты; и все же под нарастающим давлением близящейся неизбежности случались эксцессы, поступки по меньшей мере странные… О да, он слышал о всяких причудах, заблуждениях, суевериях, которым поддавались и незнакомые ему люди, и те, кого он знал много лет, за кого когда-то мог поручиться.

Каждый день в мозгу необратимо гибнет несколько тысяч нейронов, и уже к тридцати годам начинается специфическая неощутимая, но неустанная гонка, соперничество между ослабеванием функций мозга, размываемого атрофией, и их совершенствованием на основе накапливающегося опыта; так возникает шаткое равновесие, прямо-таки акробатическое балансирование, которое дает возможность жить — и летать. И видеть сны. Кого он столько раз убивал во сне прошлой ночью? Нет ли в этом какого-то особого смысла?

Пошевелившись на койке, которая заскрипела под его тяжестью, Пиркс подумал, что, может, ему так и не удастся заснуть. До сих пор он не знал бессонницы, но когда-нибудь она должна

была появиться. Эта мысль странно обеспокоила его. Он боялся вовсе не бессонной ночи, а такой вот строптивости собственного тела, которое до сих пор было абсолютно надежным, а теперь вдруг распустилось. Он просто не хотел валяться с открытыми глазами; хоть это было глупо, он сел, бессмысленно воззрился на свою зеленую пижаму и перевел взгляд на книжные полки. Он не рассчитывал найти здесь что-либо интересное, и поэтому его поразила шеренга толстых томов над исклеванной циркулем чертежной доской. Развернутым строем стояла почти что вся история ареологии; большинство этих книг Пиркс знал, те же самые издания имелись в его библиотеке на Земле. Он встал и начал поочередно притрагиваться к внушительным корешкам. Здесь был не только отец астрономии Гершель, но и Кеплер, его «Новая астрономия», опирающаяся на материалы наблюдений Тихо де Браге. А дальше шли Фламмарион, Бакхюйзен, Кайзер, и великий фантаст Скиапарелли, и Аррениус, и Антониади, Койпер, Лоуэлл, Пикеринг, Сахеко, Струве, Вокулёр. И карты, рулоны карт, со всеми этими названиями — Margaritifer Sinus, Lacus Solis и сам Агатодемон… Пиркс просто смотрел — ему незачем было открывать эти книги с потертыми

толстыми, как доски, обложками.

Запах старого полотна, переплетной основы — запах достопочтенный и в то же время с гнильцой — оживил в памяти Пиркса часы, посвященные загадке, которую люди штурмовали два столетия подряд, осаждали неисчислимым множеством гипотез, но умирали, так и не дождавшись решения проблемы. Антониади, всю жизнь не замечавший каналов, на склоне лет неохотно сознался, что видел «какие-то линии, которые выглядели подобным образом». Графф, который так и не увидел ни одного канала, говорил, что ему не хватает «воображения», присущего многим его коллегам. «Каналисты» же видели сеть каналов и зарисовывали ее по ночам, часами подстерегая у телескопов краткие мгновения «спокойной атмосферы» — тогда, уверяли они, на мглисто-буром диске четко проступает геометрически точная сеть, вычерченная линиями тоньше волоса. У Лоуэлла эта сеть получалась густой, у Пикеринга — более редкой; зато Пикерингу везло на «близнецов», как называли удивительно раздвоенные каналы. Оптическая иллюзия? Тогда почему некоторые каналы никак не хотели раздваиваться? Пиркс в бытность свою кадетом корпел над этими книгами в читаль-

ном зале — такие старинные издания на дом не выдавались. Он был тогда, что и говорить, сторонником «каналистов». Их аргументы казались ему неопровержимыми: Графф, Антониади, Холл, все, кто остался Фомой неверующим, работали в обсерваториях на севере, в задымленных городах, с вечно беспокойным воздухом, в то время как Скиапарелли жил в Милане, а Пикеринг сидел на горе, поднимавшейся над аризонской пустыней. «Антиканалисты» ставили хитроумные эксперименты: предлагали перерисовать диск с хаотически нанесенными на него точками и кляксами, которые на большом расстоянии сливались в некое подобие сети каналов, а потом спрашивали: почему каналы на Марсе не видны даже в самые мощные телескопы? Почему невооруженным глазом можно усмотреть каналы и на Луне? Почему первые наблюдатели не видели никаких каналов, а после Скиапарелли все, как по команде, прозрели? А «каналисты» отвечали: до появления телескопов никто никогда никаких каналов на Луне не видел. В больших телескопах нельзя использовать полную апертуру и максимальное увеличение, потому что атмосфера Земли недостаточно спокойна; опыты с рисунками — это обходный маневр… У «каналистов»

на все был готов ответ. Марс — это гигантский замерзший океан, каналы — трещины в его ледяных полях, раскалывающихся под ударами метеоритов. Нет, каналы — это широкие долины, по которым текут весенние паводки, а на их берегах тогда расцветает марсианская растительность. Спектроскопия перечеркнула и эту возможность: выяснилось, что воды слишком мало. Тогда узрели в каналах огромные каньоны, длинные долины, по которым плывут от полюса к экватору потоки туч, гонимые конвекционными течениями. Скиапарелли никогда не решался открыто заявить, что каналы — это создания инопланетян, он использовал двузначность термина «канал»; это был специфический пунктик — такая застенчивость миланца и многих других астрономов: они не называли вещи своими именами, а только рисовали карты и предъявляли их. Но в архиве Скиапарелли сохранились рисунки, объясняющие, как возникает раздвоение каналов, как появляются пресловутые «каналы-близнецы» — там, где вода врывается в параллельные, прежде высохшие русла, ее подъем внезапно затемняет контуры, как если бы залить тушью насечки на дереве… Противники же не только отрицали существование каналов,

не только накапливали контраргументы, но с течением времени словно все яростней ненавидели эти каналы. Уоллес, второй вслед за Дарвином создатель теории естественной эволюции, то есть даже не астроном, человек, который, может, в жизни ни разу не глядел на Марс в телескоп, в своем стостраничном памфлете изничтожил не только каналы, но и самую мысль о существовании жизни на Марсе. «Марс, — писал он, — не только не заселен разумными существами, как это утверждает мистер Лоуэлл, — он вообще абсолютно необитаем».

Никто из ареологов не отличался сдержанностью и умеренностью: каждый стремился открыто провозгласить свое кредо. Следующее поколение «каналистов» уже описывало марсианскую цивилизацию — и разногласия росли: «живой оазис деятельного разума», — говорили одни; «мертвая пустыня», — отвечали им другие. Потом Сахеко увидел загадочные вспышки, мгновенно гаснущие среди возникающих туч; они были слишком кратковременными для вулканического извержения и появлялись при противостоянии планет, а значит, не могли порождаться отблеском Солнца на обледенелом горном склоне; произошло это еще до открытия

атомной энергии, так что гипотеза о марсианских ядерных испытаниях возникла позднее… В первой половине XX века все согласились с тем, что геометрически четких каналов Скиапарелли, правда, нет, однако существует Нечто, дающее возможность их увидеть; глаз дорисовывает, но не творит иллюзии из ничего; каналы видело слишком много людей из самых разных точек земного шара. В общем, наверняка — не открытая вода в ледяных расщелинах и не потоки низких туч в руслах долин, возможно, даже и не полосы растительности, а все же есть Нечто — почем знать, может, еще более загадочное, непонятное, — и оно ждет человеческого взгляда, фотообъективов, автоматических зондов.

Пиркс ни с кем не делился мыслями, которые овладевали им при этом ненасытном чтении, но Бёрст, сообразительный и беспощадный, как и подобает первому ученику, раскусил тайну Пиркса и на несколько недель сделал его посмешищем всего курса: прозвал его «канальным Пирксом», который якобы провозгласил новую доктрину наблюдательной астрономии: «Верую, ибо этого нет». Пиркс и вправду знал, что никаких каналов нет и — что еще хуже, может, еще безжалостней — нет вообще ничего такого, что напоминает

каналы. Как же он мог этого не знать, если Марс давно уже покорен, если сам он сдавал зачеты по ареографии и ему приходилось не только ориентироваться на детальных аэрофотокартах марсианской поверхности, но и совершать посадки — в имитаторе — на дно того самого Агатодемона, где он теперь стоял под колпаком Проекта, перед полкой с плодами двухсотлетних усилий, обратившихся в музейный экспонат.

Разумеется, он все это знал, но знания держались в его голове как-то совершенно обособленно: они не подлежали проверке, словно были сплошным грандиозным обманом. И словно по-прежнему существовал какой-то другой, недосягаемый, покрытый геометрическими чертежами таинственный Марс.

Во время полета на линии Земля — Марс наступает такой период, возникает такая зона, откуда действительно начинаешь видеть невооруженным глазом, и притом непрерывно на протяжении многих часов, то, что Скиапарелли, Лоуэлл и Пикеринг наблюдали только в редкие мгновения атмосферного затишья. Через иллюминаторы — иногда сутки, а иногда и двое суток — можно наблюдать каналы, возникающие как тусклый чертеж на фоне бурого недружелюбного диска.

Потом, по мере приближения планеты, они начинают бледнеть, расплываться, один за другим уходят в небытие, от них не остается ни малейшего следа, и планета, лишенная каких-либо четких очертаний, своей пустынностью, своим нудным, будничным равнодушием словно насмехается над надеждами, которые сама пробудила. Правда, еще через несколько недель полета Нечто появляется окончательно и уже не расплывается, но теперь это попросту выщербленные валы кратеров, причудливые нагромождения выветрившихся скал, бесформенные каменистые осыпи, тонущие в глубоком буром песке, и все это ничуть не походит на прежний, чистый и четкий геометрический чертеж. На близком расстоянии планета покорно, до конца обнажает свой хаос, она не в силах скрыть столь очевидное зрелище миллиардолетней эрозии. И этот хаос невозможно прямо соотнести с тем памятным четким рисунком, который передавал очертания чего-то, что воздействовало так сильно, будило такое волнение именно из-за угадывавшегося в нем логического порядка, какого-то непонятного, но выдающего свое присутствие смысла, для понимания которого требовалось только приложить побольше усилий.

Так в чем же он, собственно, был, этот смысл, и что таилось в насмешливом мираже? Проекция сетчатки глаза, его оптических рецепторов? Активность зрительной зоны головного мозга? Никто не собирался отвечать на этот вопрос, ибо отвергнутая проблема разделила участь всех прежних, перечеркнутых, сметенных научным прогрессом гипотез: ее выбросили на свалку.

Раз нет каналов — ни даже чего-то специфического в рельефе планеты, что способствовало бы возникновению такой стойкой иллюзии, — так не о чем и говорить, не над чем размышлять. Наверное, хорошо, что никто из «каналистов», как и из «антиканалистов», не дожил до этих отрезвляющих открытий, ибо загадка вовсе не была решена: она попросту исчезла. Есть ведь и другие планеты с плохо различимыми дисками, но каналов не видели ни на одной из них — никогда. Никто их не обнаруживал, никто не зарисовывал. Почему? Неизвестно.

Разумеется, можно было бы и на этот счет строить гипотезы: наверно, нужна некая смесь расстояния и оптического увеличения, объективного хаоса и субъективного стремления к упорядоченности; следов того, что, возникая из мутного пятнышка в окуляре и все время оста-

ваясь за гранью доступности для восприятия, на какие-то мгновения все же почти переступало эту грань, — требовалась хотя бы малейшая опора для мечтаний, чтобы была написана эта, заранее вычеркнутая, глава астрономии.

Целые поколения ареологов требовали от планеты, чтобы она стала на чью-то сторону, как полагается в честной игре, — и уходили из жизни, нерушимо веря, что это дело попадет наконец к подлинно компетентным судьям и будет решено окончательно, справедливо и бесспорно. Пиркс понимал, что все они, хоть и по-разному, почувствовали бы себя обманутыми и разочарованными, если б получили такие обстоятельные разъяснения по этому поводу, какие суждено было получить ему. В этом разъяснении, перечеркивающем все вопросы и ответы, в полнейшей несостоятельности всех гипотез и суждений о загадочном объекте был какой-то горький, но важный, жестокий, полезный урок, который — Пиркса вдруг осенило — имел связь с тем, что здесь произошло и над чем он ломал голову.

Связь между старинной ареографией и гибелью «Ариэля»? В чем же она состоит? И как следовало бы истолковать это неясное, но неотвязное ощущение?

Этого Пиркс не знал. Однако он понимал, что не сможет сейчас, среди ночи, разгадать, в чем заключается связь между столь непохожими друг на друга, столь отдаленными явлениями, и уже не сможет забыть о ее существовании. Надо пока что отоспаться.

Гася свет, он подумал еще, что Романи — человек, гораздо более богатый духовно, чем можно было предположить. Эти книги были его личной собственностью, а ведь каждый килограмм личных вещей, привозившихся на Марс, вызывал ожесточенные споры; предусмотрительная администрация Проекта развесила на земном космодроме инструкции и воззвания к добропорядочности сотрудников, где объяснялось, как вредно для общего дела загружать ракеты излишним балластом. От людей добивались разумного поведения, а сам Романи — как-никак руководитель Агатодемона — нарушил эти предписания и правила, привезя несколько десятков килограммов абсолютно лишних книг. И зачем, собственно? Ведь нечего было и думать о том, что он сможет здесь читать эти книги.

Уже засыпая, Пиркс усмехнулся в темноте, поняв, чем оправдано присутствие этого библиофильского старья под колпаком марсианского

Проекта. Конечно, никому тут дела нет до этих книг, до всех этих отвергнутых евангелий и пророчеств. Но казалось справедливым, более того, необходимым, чтобы запечатленные мысли людей, отдавших лучшие душевные силы загадке красной планеты, оказались тут, на Марсе, уже после полного примирения самых заядлых противников. Они это заслужили. А Романи, который это понимал, был человеком, достойным доверия.

Пиркс проснулся в пять утра; после мертвого сна он сразу отрезвел, словно вылез из холодной воды, и, имея некоторое время в своем распоряжении, отвел себе пять минут, как нередко делал, — стал размышлять о командире погибшего корабля. Он не знал, мог ли Клайн спасти «Ариэль» и тридцать человек команды, но не знал также, пытался ли Клайн это сделать. Клайн был из поколения рационалистов — они подлаживались к своим непогрешимо логическим союзникам, компьютерам, ибо автоматика предъявляла к людям все более высокие требования, если они хотели ее контролировать. Так что легче было слепо довериться ей. Пиркс этого не мог сделать, даже если б и очень хотел. Это недоверие было у него в крови.

Он включил радио.

Буря разразилась. Он этого ожидал, но масштабы истерии его поразили. В заголовках доминировали три темы: подозрение в саботаже, опасения за судьбу кораблей, летящих к Марсу, и, конечно, политические аспекты происшествия. Серьезные газеты остерегались распространяться насчет саботажа, зато бульварная пресса дала себе волю. Много было критики в адрес стотысячников — их недостаточно опробовали, они не могут стартовать с Земли, и, что еще хуже, их теперь невозможно вернуть с дороги, потому что у них недостаточный запас топлива и нельзя их разгрузить на околомарсианских орбитах. Все это было верно: стотысячники могли садиться только на Марс. Но три года назад пробная модель, правда, с несколько иным типом компьютера, несколько раз совершила посадку на Марс вполне успешно. Доморощенные специалисты об этом словно не слыхали. Развернулась также кампания против приверженцев Проекта, его в открытую называли сумасшествием. Наверное, где-то уже подготовили реестры нарушений правил безопасности и на обоих марсианских плацдармах, и при утверждении проектов, и на испытаниях моделей; перемывали косточки всем

марсианским руководителям; общий тон был мрачно-пророческим.

В шесть утра Пиркс пришел в Управление, и оказалось, что они уже никакая не комиссия, — Земля успела аннулировать их самозваную организацию; они могли делать, что хотели, но все должно было начаться заново, официально и легально, лишь после подключения земной группы. «Аннулированная» братия оказалась как будто в более выгодном положении, чем вчера: раз они не обязаны ничего решать, можно гораздо свободней разрабатывать гипотезы и выводы для высшей, то есть земной, инстанции.

Материальное положение на Большом Сырте было довольно сложным, но не критическим; зато Агатодемон без поставок не протянул бы и месяца: не могло быть и речи о том, чтобы Сырт оказал им эффективную помощь: тут не хватало не только строительных материалов, но даже воды. Необходимо было немедленно ввести режим строжайшей экономии.

Пиркс слушал этот разговор краем уха: как раз доставили регистрирующую аппаратуру из рулевой рубки «Ариэля». Останки людей уже лежали в контейнерах; будут ли их хоронить на Марсе, пока не решили. Регистрирующие ленты

нельзя было анализировать сразу, понадобилась какая-то подготовка, и поэтому пока обсуждались вопросы, не связанные непосредственно с причинами и ходом катастрофы: нельзя ли избежать опасностей Проекта, мобилизовав максимальное количество небольших кораблей? Смогут ли эти корабли достаточно быстро перебросить сюда необходимый минимум грузов? Пиркс, конечно, понимал рациональность таких рассуждений, однако ему трудно было не думать о двух стотысячниках, которые находились на пути к Марсу и этими разговорами словно заранее вычеркивались из жизни, будто все признали, что о дальнейшем их курсировании на этой линии и говорить нечего. Так что же с ними делать, раз уж они не могут не садиться?

Около десяти Пиркс улизнул из прокуренного помещения и, воспользовавшись любезностью механиков космодрома, отправился с ними в небольшом вездеходе на место катастрофы.

День был довольно теплый для марсианского и почти пасмурный. Небо приобрело водянисто-ржавый, чуть ли не розовый оттенок; в такие минуты кажется, что Марс обладает своей, не похожей на земную, суровой красотой — слегка затуманенной, словно нераскрывшейся, — она

вскоре под более яркими лучами Солнца проглянет сквозь пыльные бури и грязные полосы. Но таким ожиданиям не суждено сбыться, ибо это не предвестник чего-то лучшего, а, наоборот, самое лучшее из того, что может продемонстрировать планета.

Удалившись на полторы мили от приземистого, похожего на бункер здания диспетчерской, они доехали до конца бетонированной площадки: дальше вездеход безнадежно завяз. Пиркс был в легком полускафандре, какими тут пользовались все: ярко-голубом, намного удобнее космического и с более легким ранцем, поскольку циркуляция кислорода здесь была открытая; климатизатор, видимо, пошаливал — стоило Пирксу вспотеть, когда пришлось пробираться по сыпучим дюнам, и стекло шлема сразу затуманилось; впрочем, в этом не было ничего страшного — между патрубком шлема и нагрудной частью скафандра болтались, как индюшачьи сопли, пустые мешочки: в них можно было всунуть руку и изнутри протереть стекло; способ хотя и примитивный, но действенный.

Дно огромной воронки было сплошь забито гусеничными машинами; туннель, через который пробрались в рулевую рубку, походил

на отверстие шахты, его даже прикрыли с трех сторон листами рифленого алюминия, чтобы предотвратить осыпание песка. Половину воронки загромоздила центральная часть корпуса, огромная, как трансатлантический лайнер, выброшенный бурей на сушу и разбившийся о скалы; под ней копошились человек пятьдесят, но и люди, и краны с экскаваторами казались муравьями у трупа великана. Нос ракеты, почти не поврежденный обломок длиной восемнадцать метров, отсюда не был виден — он с разгону отлетел на несколько сот метров; о чудовищной силе удара свидетельствовали оплавленные обломки кварца: кинетическая энергия мгновенно превратилась в тепловую и вызвала термический скачок, как при падении метеорита, хотя скорость не была такой уж значительной — она оставалась в пределах звуковой. Пирксу показалось, что несоответствием между наличными средствами базы и громадностью корабля нельзя полностью оправдать то, как ведутся работы; конечно, тут приходилось импровизировать, но в этой импровизации было немало разгильдяйства; возможно, оно порождалось мыслью о невообразимо огромном ущербе. Даже вода не уцелела — цистерны все до единой полопались, и

песок поглотил тысячи гектолитров, прежде чем остальное обратилось в лед. Этот лед производил особенно жуткое впечатление — из корпуса, распоротого метров на сорок вдоль, вываливались грязные поблескивающие ледопады, упираясь в дюны причудливыми зубцами, словно взорвавшийся корабль изверг из себя ледяную Ниагару. Но ведь было восемнадцать ниже нуля, а ночью температура падала до шестидесяти. Из-за этих стеклянистых каскадов остов корабля казался неимоверно старым — можно было подумать, что он лежит здесь с незапамятных времен. Чтобы попасть внутрь корпуса, пришлось бы раскалывать и вырубать лед, поэтому и решили вскрывать оболочку из туннеля. Оттуда вытаскивали уцелевшие контейнеры, груды их виднелись всюду на склонах воронки, но дело шло как-то вяло. Доступ к кормовой части был воспрещен; там на растянутых тросах трепыхались красные флажки — сигналы радиоактивной опасности.

Пиркс обошел поверху, по краю воронки, все место катастрофы; он насчитал две тысячи шагов, прежде чем оказался над закопченными раструбами дюз. Он возмущался, глядя, как тянут и все не могут вытянуть единственную уцелевшую цистерну с горючими маслами — цепи у

них все соскальзывали. Ему казалось, что он пробыл здесь не очень долго, но кто-то тронул его за плечо и показал на стрелку кислородного запаса. Давление в баллоне снизилось, и нужно было возвращаться — запасного баллона он не взял. Новенькие часики показали, что он проторчал у обломков корабля почти два часа.

В зале заседаний обстановка изменилась; все уселись по одну сторону длинного стола, а на другой техники установили шесть больших плоских телевизоров. Но, как обычно, что-то не ладилось на линии связи, и поэтому заседание отложили до часу дня. Хароун, техник-телеграфист с Большого Сырта, которого Пиркс знал весьма отдаленно и который почему-то питал к нему большое уважение, дал ему первые фотокопии лент из так называемой «бессмертной ячейки» корабля; тут были зафиксированы команды насчет распределения мощности. Хароун не имел права вот так, неофициально, давать ему ленты, и Пиркс должным образом оценил этот знак доверия. Он заперся в своей комнатке и, стоя под яркой лампой, начал проглядывать еще не просохшие извивы пластиковой ленты. Картина была столь же четкой, сколь непонятной. На триста семнадцатой секунде посадочного маневра, про-

ходившего до тех пор безукоризненно, в контурах контроля возникли паразитные токи, которые затем приобрели характер грохочущих шумов. Дважды подавленные компьютером, который перебрасывал для этого нагрузку на параллельные, резервные контуры, эти токи возникали снова, очень усилившись, и в дальнейшем темп работы датчиков увеличился втрое против нормы. Лента регистрировала работу не самого компьютера, а его «спинного мозга», который под управлением автоматического начальства координировал полученные команды с состоянием агрегатов тяги. Эту систему иногда называли «мозжечком» по аналогии с человеческим мозжечком, который также ведает координацией движений, играя роль контрольно-пропускного пункта между корой мозга и телом.

Пиркс просмотрел записи работы «мозжечка» с величайшим вниманием. Впечатление было такое, будто компьютер торопился, будто, ничем не нарушая процедуру посадки, он с каждой секундой требовал все больше и больше контрольных данных об агрегатах. Это привело к перегрузке информацией, и в результате возникли своеобразные эхо-сигналы в виде паразитных токов; их эквивалентом у животного был бы излишне

повышенный тонус, то есть такая склонность к нарушениям моторики, которая называется состоянием судорожной готовности. Пиркс ничего тут не мог понять. Правда, он не имел наиболее важных лент, где были зафиксированы решения самого компьютера; Хароун дал ему то, чем сам располагал.

Кто-то постучал в дверь. Пиркс спрятал ленты в чемоданчик и вышел в коридор; там стоял Романи.

— Новые господа тоже хотят, чтобы вы участвовали в работе комиссии, — сказал он.

Романи уже не был таким измученным, как накануне, он выглядел лучше — возможно, под воздействием конфликтов, возникающих в столь странно организованной комиссии. Пиркс подумал, что по простейшей логике вещей «марсиане» Агатодемона и Большого Сырта, недолюбливающие друг друга, объединятся, если «новые господа» попробуют навязывать им свои собственные концепции.

Новообразованная комиссия состояла из одиннадцати человек. Председательствовал по-прежнему Хойстер, но лишь потому, что никто не мог справиться с этими обязанностями, находясь на Земле. Совещание, участники которого удалены

друг от друга на 80 миллионов километров, не может проходить гладко, и если уж пошли на такую рискованную затею, то наверняка под давлением различных факторов, действовавших на Земле.

Сначала суммировали полученные результаты — специально для землян. Пиркс знал среди них только генерального директора Верфей ван дер Войта. Цветное телевизионное изображение, хотя и было безукоризненным, придавало ван дер Войту черты монументальности: на экране он выглядел словно бюст гиганта с одутловатым обвисшим лицом, преисполненным властной энергии, весь в клубах дыма, будто его окуривали откуда-то сзади из невидимой сигары, — руки ван дер Войта оставались за рамкой экрана. Пиркс сразу почувствовал неприязнь к ван дер Войту: генеральный директор, казалось, восседал в одиночку, словно все прочие земные эксперты, моргающие глазами на других экранах, были только статистами.

То, что говорилось в зале, приходило на Землю с четырехминутным запозданием, а голос с Земли попадал на Марс еще через четыре минуты. Когда Хойстер кончил изложение, пришлось ждать восемь минут. Но земляне пока не хотели высказываться; ван дер Войт затребовал ленты

с «Ариэля», которые уже лежали у микрофона Хойстера. Каждый член комиссии получил, комплект фотокопий.

Комплекты оказались невелики по объему — на лентах регистрировалась работа управляющего комплекса лишь за последние пять минут. Лентами, предназначенными для Земли, занялись операторы. Пиркс начал просматривать свои, сразу отложив те, с которыми уже ознакомился благодаря Хароуну.

Компьютер принял решение перейти с посадочной процедуры на стартовую на 317-й секунде. Но это не был нормальный старт, это была попытка спастись бегством, якобы от метеорита, то есть, собственно, не поймешь что, ибо выглядело это как импровизация в минуты отчаяния. Все, что творилось потом — эти сумасшедшие скачки кривых на лентах во время падения, — Пиркс счел совершенно несущественным: ведь тут изображалось лишь то, как задыхался компьютер, будучи не в силах расхлебать кашу, которую сам заварил. Сейчас надо было не анализировать подробности ужасающей агонии, а выяснить причину решения, в итоге равнозначного самоубийству.

Причина эта оставалась неясной. Начиная со

170-й секунды компьютер работал с колоссальным перенапряжением, и на лентах отмечалась необычайная информационная перегрузка. Но об этом легко было рассуждать сейчас, зная конечные результаты такой работы, а компьютер известил о перегрузке рулевую рубку, то есть экипаж «Ариэля», только на 301-й секунде процедуры. Он уже тогда давился сведениями, но требовал все новых и новых; так что вместо объяснения члены комиссии получили новые загадки.

Хойстер дал десять минут на просмотр лент, а затем спросил, кто хочет высказаться. Пиркс поднял руку, словно школьник за партой. Но не успел заговорить, как инженер Стотик, представитель Верфей, присланный наблюдать за разгрузкой стотысячников, заметил, что надо подождать: быть может, первым захочет выступить кто-нибудь из землян. Хойстер заколебался. Инцидент был неприятный, тем более что произошел он в самом начале. Романи попросил слова по процедурному вопросу и заявил, что если заботы о равноправии всех членов комиссии будут мешать нормальному ходу ее работы, то ни он, ни другие представители Агатодемона оставаться в комиссии не намерены. Стотик отступился, и

Пиркс наконец смог говорить.

— Это как будто бы усовершенствованная модель IBM-90, — сказал он. — Поскольку я налетал с таким компьютером почти тысячу процедурных часов, у меня имеются некоторые практические наблюдения его работы. В теории я не разбираюсь. Знаю столько, сколько мне положено. Речь идет о компьютере, который работает в реальном времени и должен успевать перерабатывать данные. Я слышал, что эта новая модель имеет пропускную способность на тридцать шесть процентов больше, чем IBM-90. Это немало. На основании полученных материалов я могу сказать, что дело было так. Компьютер начал осуществлять нормальную посадочную процедуру, а потом стал сам себе мешать, требуя от своих подсистем все большего количества данных за единицу времени. Это все равно как если бы полководец отвлекал от боя все большее количество людей, чтобы сделать их связными, информаторами; под конец битвы он был бы идеально информирован, только у него не осталось бы солдат, некому было бы сражаться. Компьютер не то что был задушен — он сам себя удушил. Он заблокировал себя этой информационной эскалацией. И он бы заблокировался, даже если б имел вдесятеро

большую пропускную способность, поскольку все время повышал требования. Говоря математическим языком, он сокращал свою пропускную способность по экспоненте, и «мозжечок», как наиболее узкий канал, забарахлил первым. Запаздывания сначала возникли в «мозжечке», а потом перебросились на сам компьютер. Оказавшись в состоянии информационной задолженности, то есть перестав быть машиной, работающей в реальном времени, компьютер сам себя заглушил, и ему пришлось принимать какое-то радикальное решение; вот он и принял решение стартовать, то есть интерпретировал возникшие нарушения своей работы как следствие внешней угрозы.

— Он объявил метеоритное предупреждение. Как вы это объясните? — спросил Сейн.

— Каким образом он мог переключиться с главной процедуры на второстепенную, я не знаю. Я этого объяснить не могу, потому что не разбираюсь в конструкции компьютера хотя бы удовлетворительно. Почему он объявил тревогу? Не знаю. Во всяком случае, для меня неоспоримо, что в этом был виноват он сам.

Теперь уже приходилось ждать, что скажет Земля. Пиркс был уверен, что ван дер Войт на него накинется, и не ошибся. Мясистое тяжелое

лицо, и близкое, и далекое вместе, глянуло на него сквозь дым сигары; когда ван дер Войт заговорил, его бас звучал любезно, а глаза приветливо улыбались с таким всеведущим благодушием, словно это наставник обращался к подающему надежды ученику.

— Следовательно, командор Пиркс исключает саботаж? Но на каком основании? Что значит — «он сам виноват»? Кто «он»? Компьютер? Но ведь компьютер, как признал командор Пиркс, работал до конца. Значит, программа? Но она ничем не отличается от тех программ, благодаря которым командор Пиркс сотни раз совершал посадку. Не считаете ли вы, что кто-то произвел изменения в программе?

— Я не намерен высказываться на тему о том, имел ли здесь место саботаж, — ответил Пиркс. — Это меня пока не интересует. Если бы компьютер и программа были в полном порядке, то «Ариэль» стоял бы здесь невредимым и нам с вами не понадобилось бы разговаривать. На основе изучения лент я утверждаю, что компьютер работал правильно, в рамках заданной процедуры, но так, словно хотел проявить себя как идеальная машина, которую не удовлетворяет никакая достигнутая точность. Он в нарастающем темпе

требовал данных о состоянии ракеты, не учитывая ни пределов собственных возможностей, ни пропускной способности внешних каналов. Почему он так действовал, я не знаю. Но действовал он именно так. Больше мне нечего сказать.

Никто из «марсиан» не откликнулся. Пиркс подметил довольный блеск в глазах Сейна и молчаливое удовлетворение Романи, который шевельнулся на стуле. Спустя восемь минут снова заговорил ван дер Войт. На этот раз он обращался не к Пирксу. Обращался он и не к комиссии. Он был само красноречие. Он обрисовал путь, который должен пройти каждый компьютер, — от ленты конвейера до рулевой рубки корабля.

Агрегаты монтировались из деталей, поставляемых восемью различными фирмами — японскими, французскими и американскими. С первозданной памятью, «ничего не знающие», как новорожденные младенцы, они прибывали в Бостон, где комбинат «Синтроникс» осуществлял их программирование. Вслед за этим этапом каждый компьютер проходил процедуру, которая является в известной мере эквивалентом школьного обучения, поскольку она предусматривает и снабжение машины некоторым «опытом», и проведение «экзаменов». Но так проверялась

лишь общая исправность машины; «специализированные занятия» начинались на следующем этапе. Только тут компьютер из универсальной цифровой машины становился рулевым для кораблей типа «Ариэля». И наконец его подключали на рабочее место к имитатору, который воссоздавал бесчисленные происшествия, какие сопутствуют космическому полету: непредвиденные аварии, дефекты в системах; ситуации, когда маневрирование затруднено, в том числе при неисправности тяговых агрегатов; появление на близкой дистанции других кораблей или посторонних тел. Причем каждое из имитируемых происшествий разыгрывалось в сотнях вариантов — то для нагруженного корабля, то для пустого, то в высоком вакууме, то на входе в атмосферу. И постепенно ситуации усложнялись — вплоть до самых трудных проблем теории многих тел в гравитационном поле; машину заставляли предвычислять их движение и прокладывать безопасный курс для своего корабля.

Имитатором служил также компьютер, выполнявший роль экзаменатора, и притом коварного; он как бы обрабатывал, совершенствовал программу, которая была ранее вложена в «ученика», испытывал его на выносливость и точность. И

когда электронного рулевого наконец устанавливали на ракете, то он, хоть на самом деле еще ни разу не водил корабль, располагал большим опытом, более высоким профессиональным мастерством, чем все вместе взятые люди, когда-либо имевшие дело с космической навигацией. Ведь такие трудные задачи, которые компьютеру приходилось решать в имитированной обстановке, никогда не встречаются в действительности. А чтобы на сто процентов исключалась всякая возможность для несовершенной машины проскочить через этот последний фильтр, надзор за работой пары «рулевой — имитатор» осуществлял человек, опытный программист, который вдобавок должен был иметь многолетний стаж практического пилотирования, причем «Синтроникс» не приглашал на эту ответственную должность просто пилотов: тут работали только космонавты в ранге выше навигатора, то есть такие, у которых на личном счету было больше тысячи часов главных процедур. Таким образом, на последней инстанции от этих людей зависело, каким тестам из неисчерпаемого их набора будет подвергнут очередной компьютер; специалист определял степень трудности задания и, орудуя имитатором, дополнительно усложнял

«экзамен», потому что имитировал по мере решения задачи всякие опасные неожиданности: спад мощности, расфокусировку тяги, ситуацию столкновения, пробой внешней оболочки, потерю связи с диспетчерской во время посадки, — и не прекращал экзаменов, пока не набиралось сто часов стандартных испытаний. Экземпляр, который обнаруживал за это время хоть малейшую неисправность, отправили бы обратно в мастерские — как плохого ученика, которого оставляют на второй год.

Ван дер Войт этим своим славословием поставил продукцию Верфей выше всяких подозрений; желая, видимо, сгладить впечатление от такой безоговорочной защиты, он, изъясняясь красиво построенными периодами, попросил членов комиссии бескомпромиссно расследовать причины катастрофы.

Затем заговорили земные специалисты — и проблема тотчас утонула в половодье ученой терминологии. На экранах появились принципиальные и монтажные схемы, формулы, чертежи, таблицы, и Пиркс, столбенея, увидел, что они нашли самый верный способ превратить всю историю в запутанный теоретический казус.

После главного информациониста выступил

расчетчик. Пиркс вскоре перестал его слушать. Его совсем не интересовало, выйдет ли он победителем из очередной стычки с ван дер Войтом, если такая стычка последует. А это казалось, кстати, все менее правдоподобным: о его выступлении никто не упомянул, словно это была бестактная выходка, о которой следует поскорее забыть.

Следующие ораторы забрались уже на самую верхотуру общей теории управления. Пиркс вовсе не подозревал их в злом умысле; они попросту благоразумно не покидали почву, на которой чувствовали себя уверенно, а ван дер Войт сквозь дым сигары важно и одобрительно их выслушивал, ибо произошло то, к чему он стремился: первенство в совещании захватила Земля и «марсиане» оказались в роли пассивных слушателей. Да у них ведь и не было в запасе никаких сенсационных открытий. Компьютер «Ариэля» превратился в электронный щебень, исследование которого не могло дать никаких результатов. Ленты в общих чертах обрисовывали, что произошло, но не объясняли, почему это произошло. Они не описывают всего, что происходит в компьютере, — для этого понадобился бы еще один компьютер, больших размеров. А если предположить, что и он может допустить ошибку, то

следовало бы этого контролера в свою очередь контролировать, и так до бесконечности.

Словом, выступавшие углубились в дебри аналитических абстракций. Глубина их высказываний затемняла тот элементарный факт, что катастрофа не сводилась только к гибели «Ариэля». Автоматы так давно переняли на себя стабилизацию гигантских кораблей при посадке на планеты, что это стало фундаментом, незыблемой почвой всех расчетов, а эта почва вдруг ушла из-под ног. Ни один из менее надежных и более простых компьютеров никогда еще не ошибался — как же мог ошибиться компьютер более совершенный и надежный? Если это было возможно, то возможным становилось все. Сомнение, однажды возникнув, уже не могло ограничиться проблемой надежности автоматов. Все утопало в сомнениях. А тем временем «Арес» и «Анабис» приближались к Марсу.

Пиркс сидел словно в полном одиночестве; он был близок к отчаянию. Дискуссия уже превратилась в классический спор теоретиков, который все дальше уводил их от происшествия с «Ариэлем». Глядя на массивное обрюзгшее лицо ван дер Войта, благодушно шефствовавшего над совещанием, Пиркс думал, что он похож на Черчилля

в старости — этой кажущейся рассеянностью, которой противоречило легкое подрагивание губ, отражающее внутреннюю улыбку в ответ на мысль, укрытую за тяжелыми веками. То, что еще вчера казалось немыслимым, сегодня становилось вполне вероятным: попытка подвести совещание к выводу, в котором всю вину свалили бы на стихию — возможно, на какие-то еще неизвестные феномены природы или на пробел в самой теории, — и к заключению, что надо будет предпринять долголетние широко развернутые исследования.

Пиркс знал аналогичные, хотя и меньшие по масштабу, истории и понимал, какие силы привела в движение эта катастрофа; за кулисами уже вовсю старались добиться компромисса, тем более что Проект, находящийся в столь угрожаемом положении, склонен был ко многим уступкам, чтобы получить помощь, а как раз Объединенные верфи могли помощь оказать: например, дать Проекту на приемлемых условиях флотилию небольших кораблей для обеспечения поставок. А если речь пойдет о такой высокой ставке — собственно говоря, о жизни или смерти Проекта, — то гибель «Ариэля» окажется устранимым препятствием, раз уж нельзя без-

отлагательно выяснить ее причины. И не такие дела частенько удавалось затушевать.

Однако в этом случае у Пиркса был козырь. Земляне его приняли, им пришлось согласиться, чтобы он участвовал в комиссии, поскольку он был здесь единственным человеком, прочно связанным с экипажами ракет. Он не питал иллюзий: речь вовсе не шла о его репутации или о степени компетентности. Просто комиссии был совершенно необходим хоть один настоящий космонавт, профессионал, который только что сошел с палубы корабля.

Ван дер Войт молча курил сигару. Он благоразумно помалкивал и потому казался всеведущим. Он наверняка предпочел бы видеть кого-нибудь другого на месте Пиркса, но нелегкая принесла сюда именно Пиркса, и не находилось благовидного предлога, чтобы от него избавиться.

Ведь если бы Пиркс при расплывчатом заключении комиссии подал свое особое мнение, это получило бы широкую огласку. Пресса вынюхивает скандалы, она только и ждет такой оказии. Союз пилотов и «Клуб перевозчиков» не представляли собой какой-то реальной силы, но от них многое зависело — в конце концов, именно эти люди рисковали головой. Поэтому Пиркс не

удивился, услыхав во время перерыва, что ван дер Войт хочет с ним поговорить.

Ван дер Войт знался с видными политиками; он начал разговор с шутливого заявления, что это, дескать, встреча на самом высоком — межпланетном! — уровне. Пирксом иногда руководили импульсы, которым он сам впоследствии дивился. Ван дер Войт курил сигару и смачивал себе глотку пивом, и Пиркс попросил, чтобы ему принесли бутербродов из буфета. Так что он слушал генерального директора, сидя в помещении связистов и жуя бутерброды. Ничто не могло их лучше уравнять.

Ван дер Войт словно понятия не имел о недавней стычке. Ничего подобного просто никогда не происходило. Он разделял беспокойство Пиркса за судьбу экипажей «Анабиса» и «Ареса» и делился с ним своими заботами. Его возмущала безответственность прессы, ее истерический тон. Он просил Пиркса в случае надобности составить небольшую докладную записку по вопросу о предстоящих посадках: что можно сделать для повышения их безопасности. Он разговаривал так доверительно, что Пиркс через некоторое время извинился перед ним и, высунув голову за дверь кабины, попросил, чтобы ему принесли

рыбного салату… Ван дер Войт с истинно отеческой заботой ласково басил с экрана, а Пиркс неожиданно задал вопрос:

— Вы говорили о специалистах, контролирующих имитацию. Кто они, как их зовут?

Ван дер Войт через восемь минут удивился, но лишь на мгновение.

— Наши «экзаменаторы»? — Он широко улыбнулся. — Да это все ваши коллеги, командор. Минт, Стёрнхайн и Корнелиус. Старая гвардия… мы отобрали для «Синтроникса» самых лучших, каких только могли сыскать. Вы их, конечно, знаете!

Больше им не удалось поговорить, потому что совещание возобновилось. Пиркс написал записку и передал ее Хойстеру с пометкой: «Очень срочно и очень важно». Председательствующий тут же прочел вслух эту записку, адресованную руководству Верфей. Там было три вопроса:

1. На каком принципе строится посменная работа главных имитационных контролеров Корнелиуса, Стёрнхайна и Минта?

2. Несут ли контролеры ответственность и какую именно, если они проглядят неправильные действия либо какие-то другие погрешности в работе испытуемого компьютера?

3. Кто конкретно проводил испытания компьютеров «Ариэля», «Ареса» и «Анабиса»?

Это вызвало волнение в зале. Пиркс совершенно недвусмысленно подкапывался под самых близких ему людей — почтенных, заслуженных ветеранов космонавтики!

Земля, точнее дирекция Верфей, подтвердила получение вопросов; ответ обещали дать минут через пятнадцать.

Пиркс сидел огорченный и озабоченный. Нехорошо получилось, что он добывает информацию таким официальным путем. Он рискует вызвать всеобщую неприязнь; да и позиции его в этом деле могут пошатнуться, если дойдет до подачи «особого мнения». Разве то, что Пиркс попытался повернуть расследование от чисто технических вопросов к конкретным людям, нельзя истолковать как подчинение нажиму ван дер Войта? А генеральный директор, усмотрев в этом пользу для Верфей, немедленно потопил бы Пиркса, сделав соответствующие намеки репортерам. Бросил бы его на съедение прессе как неуклюжего пособника…

Но Пирксу ничего не оставалось, кроме этого выстрела наугад. Добывать информацию неофициально, окольными путями не хватало времени.

Да и не было у него никаких определенных подозрений. Чем же он тогда руководствовался? Довольно туманными представлениями о том, что опасности таятся не в людях и не в автоматах, а на стыке, там, где люди вступают в контакт с автоматами, ибо мышление людей так ужасающе отличается от мышления автоматов. И еще чем-то, что он вынес из минут, проведенных у полки со старинными книгами, и чего не смог бы отчетливо выразить.

Вскоре пришел ответ: каждый контролер вел свой компьютер от начала до конца испытаний; ставя свою подпись на документе, носившем название «аттестата зрелости», он брал на себя ответственность за любые упущения. Компьютер «Ареса» испытывал Стёрнхайн, оба остальных — Корнелиус.

Пирксу захотелось уйти из зала, однако он не мог себе этого позволить. Он и без того уже чувствовал, как нарастает напряженность.

Заседание кончилось в одиннадцать. Пиркс притворился, что не замечает знаков, которые подавал ему Романи, и ушел поскорее, будто спасаясь бегством. Запершись в своей каморке, он рухнул на койку и уставился в потолок.

Минт и Стёрнхайн не в счет. Значит, остается

Корнелиус. Человек с рационалистическим и научным складом ума начал бы с вопроса: что же такое, собственно, мог прозевать контролер? Неизбежный ответ: «Абсолютно ничего!» — сразу перекрыл бы эту дорогу для расследования. Но Пиркс не обладал научным складом ума, так что этот вопрос ему и в голову не пришел. Не пробовал он также размышлять о процедуре испытаний компьютера, будто зная, что и тут ничего не добьется. Думал он просто о Корнелиусе — о таком, каким он его знал, — а знал его Пиркс неплохо, хотя расстались они много лет назад. Относились они тогда друг к другу неважно, чему удивляться не приходилось, поскольку Корнелиус был на «Гулливере» командиром, а Пиркс — младшим навигатором. Однако отношения у них сложились хуже, чем это обычно бывает в таких ситуациях, потому что Корнелиус был просто помешан на точности и обстоятельности. Его звали Мучилой, Педантом, Скопидомом и еще Мухобоем, потому что он мог отправить половину команды на охоту за мухой, обнаруженной на корабле. Пиркс улыбался, вспоминая эти восемнадцать месяцев под началом Педанта Корнелиуса; теперь-то он мог улыбаться, а тогда из себя выходил. До чего же нудный тип был

Корнелиус! Однако его имя упоминается в энциклопедиях — в связи с исследованием внешних планет, особенно Нептуна.

Маленький, серолицый, он вечно злился и от всех ожидал подвоха. Когда он рассказывал, будто вынужден лично обыскивать свою команду, чтобы они не протаскивали мух на корабль, ему никто не верил, но Пиркс-то знал, что это не выдумки. Дело было, конечно, не в мухах, а в том, чтобы досадить старику. У него в каюте всегда имелась коробка ДДТ; он способен был застыть среди разговора, подняв палец — горе тем, кто не замирал в ответ на этот знак, — и прислушиваясь к тому, что принял за жужжание. В карманах он носил отвес и складной метр; когда он контролировал погрузку, это походило на осмотр места катастрофы, которая, правда, еще не произошла, но явно близится. Пиркс будто снова услышал крик: «Мучила идет, скрывайся!» — после которого кают-компания пустела; он вспомнил странный взгляд Корнелиуса — его глаза словно не принимали участия в том, что он говорил или делал, а сверлили все вокруг, выискивая места, не полностью приведенные в порядок. У людей, что проводят в космосе десятки лет, накапливаются чудачества, но Корнелиус

был рекордсменом по этой части. Он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь стоял у него за спиной; если он случайно садился на стул, на котором только что сидел кто-то другой, то, ощутив это по теплоте сиденья, вскакивал как ошпаренный. Он был из тех людей, при виде которых невозможно представить, как они выглядели в молодости. Лицо его вечно выражало угнетенность, вызванную несовершенством всех окружающих; он страдал от того, что не мог обратить их в свою религию педантизма. Тыкая пальцем в колонки отчета, он по двадцать раз подряд проверял…

Пиркс замер. Потом поднялся и сел на койке — медленно, осторожно, будто сделался стеклянным. Мысли, пробегая по хаосу воспоминаний, вслепую задели за что-то, и оно откликнулось, словно эхо тревоги. Но что это было, собственно? Что Корнелиус не выносил, чтоб стояли у него за спиной? Нет. Что он изводил подчиненных? Ну и что? Ничего. Но это уже вроде бы ближе. Пиркс чувствовал себя как мальчишка, который молниеносно сжал руку в кулак, чтобы поймать жука, и смотрит теперь на кулак, боясь его разжать. Не надо торопиться. Корнелиус славился своим пристрастием к соблюдению всяческих формальностей («Может, это?» — Пиркс для про-

верки придержал ход мысли). Когда сменялись инструкции, правила, все равно какие, Корнелиус запирался с официальным документом у себя в каюте и не выходил оттуда, пока не вызубрит его наизусть. (Теперь это было похоже на игру в «горячо — холодно». Он чувствовал, что сейчас удаляется…) Расстались они девять, нет — десять лет назад. Корнелиус как-то внезапно и странно исчез — на вершине известности, которую принесло ему исследование Нептуна. Говорили, что он еще вернется на корабль, что космонавигацию преподает только временно, но он не вернулся. Дело понятное — Корнелиусу было уже под пятьдесят… (Опять не то.) Аноним. (Это слово всплыло неизвестно откуда.) Анонимка? Какая еще анонимка? Что Корнелиус болен и симулирует здоровье? Что ему грозит инфаркт?.. Да нет же. Анонимка — это совсем другая история, это было с другим человеком — с Корнелиусом Крэгом; там Корнелиус — имя, а тут — фамилия. (Перепутал он их, что ли? Да. Но анонимка не хотела уходить. Странно — он не мог отцепиться от этого слова. Он все энергичней его отбрасывал, а оно со все более идиотской навязчивостью возвращалось.) Пиркс сидел съежившись. В голове — вязкая тина. Анонимка. Аноним. Теперь он был уже почти

уверен, что это слово заслоняет собой какое-то другое. Бывает такое: выпадет ложный знак, и нельзя ни отделаться от него, ни отделить его от той сути, которую он скрывает.

Пиркс встал. Он помнил, что на полке между «марсианскими» книгами стоял толстый словарь. Он открыл том наугад, на «Ан» Ана. Анакантика. Анакластика. Анаконда. Анакруза. Анаклета. (Вот ведь сколько всяких слов не знаешь…) Анализ, аналогия, ананас, Ананке *(греч.):* богиня судьбы. Это?.. Но что же общего имеет богиня с… Также: принуждение.

Пелена с глаз упала. Он увидел белый кабинет, спину врача, стоявшего у телефона, открытое окно и бумаги на столе, шевелящиеся от ветерка. Он вовсе не старался прочесть машинописный текст, но глаза сами уцепились за печатные буквы: он еще мальчишкой настойчиво учился читать тексты, перевернутые вверх ногами. «Уоррен Корнелиус; диагноз: ананкастический синдром». Доктор заметил разбросанные бумаги, собрал их и спрятал в портфель. Разве он тогда не поинтересовался, что означает этот диагноз? Наверное, но поскольку понимал, что ведет себя неэтично, постарался потом об этом забыть. Сколько лет прошло с тех пор? Минимум шесть.

Он отложил словарь — взволнованный, возбужденный, но вместе с тем разочарованный. Ананке — принуждение; значит, наверное, невроз навязчивых состояний.

Невроз навязчивых состояний. Он об этом прочел все, что было возможно, еще мальчишкой — была такая семейная история, он хотел понять, что это означает… Память, хоть и не без сопротивления, все же выдавала информацию. Уж что-что, а память у Пиркса была хорошая. Возвращались фразы из медицинской энциклопедии, словно вспышки озарений, ибо они сразу накладывались на образ Корнелиуса. Пиркс видел его теперь совершенно иначе. Это было зрелище конфузное и вместе с тем печальное. Так вот почему Корнелиус по двадцать раз в день мыл руки, и не мог не гоняться за мухами, и бесился, когда у него пропадала закладка для книги, и запирал свое полотенце на ключ, и не мог сидеть на чужом стуле. Одни навязчивые действия порождали другие — Корнелиуса все плотнее обволакивала их сеть, и он становился посмешищем. В конце концов это заметили врачи. Корнелиуса списали с корабля. Пиркс напряг память, и тогда ему показалось, что в самом низу страницы были три слова, напечатанные

вразбивку: «К полетам непригоден». А поскольку психиатр не разбирался в компьютерах, он разрешил Корнелиусу работать в «Синтрониксе». Наверно, подумал, что это и есть идеальное место для такого придиры. Сколько возможностей блеснуть педантичной аккуратностью! Корнелиуса это, надо полагать, воодушевило. Работа важная и полезная, а самое главное — теснейшим образом связанная с космонавтикой…

Пиркс лежал, уставившись в потолок, и ему даже не приходилось особенно напрягаться, чтобы представить себе Корнелиуса в «Синтрониксе». Что он там делал? Контролировал имитаторы, когда те давали задания корабельным компьютерам. То есть осложнял им работу, учил их уму-разуму, а это была его стихия, это он умел делать, как никто. Корнелиус, должно быть, все время боялся, что его в конце концов сочтут сумасшедшим, хотя сумасшедшим он не был. В ситуациях подлинно критических Корнелиус никогда не терял головы. Он был энергичен и решителен, но в повседневных условиях его энергию и решимость постепенно разъедали навязчивые идеи. Он, наверное, чувствовал себя между экипажем корабля и выкрутасами своей психики словно между молотом и наковальней.

Он выглядел страдальцем не потому, что был сумасшедшим и подчинялся своим внутренним приказам, а как раз потому, что боролся с ними и неустанно изыскивал всяческие претексты, оправдания, цеплялся за инструкции, стараясь оправдаться ссылкой на них — что это отнюдь не он придумал, не он ввел бесконечную муштру. Душа у него была не капральская, иначе не стал бы он читать Эдгара По и всякие жуткие и необычайные истории. Может, он искал в этих книгах отражение своего внутреннего ада? Это ведь подлинный ад — чувствовать внутри себя сложную сеть жестких, словно проволока, приказов, какие-то преграды, торчащие повсюду, будто жерди, какие-то заранее вычерченные пути — и непрестанно со всем этим бороться, подавлять это снова и снова… В основе всех его действий был страх, что случится нечто непредвиденное. К этому он все время и готовился, из-за этого он всех тренировал, муштровал, школил; отсюда его вечные учебные тревоги, обходы, проверки, бессонные блуждания по кораблю… Господи Боже, он ведь знал, что над ним исподтишка смеются; может, он даже понимал, до чего все это бесполезно. Можно ли предположить, что он как бы вымещал свои страхи на компьютерах

«Синтроникса», когда гонял их до изнеможения? Если даже так и было, он, вероятно, не отдавал себе в этом отчета. Он убедил себя, что именно так и должен поступать.

Удивительно: стоило Пирксу изложить события, которые он раньше воспринимал как серию анекдотов, на языке медицинских терминов — и события эти обрели иной смысл. Он мог заглянуть в их недра при помощи отмычки, которую дает нам психиатрия. Механизм чужой индивидуальности открывался — обнаженный, упрощенный, сведенный к горсточке жалких рефлексов, от которых никуда не денешься. Мысль о том, что врач может именно так рассматривать людей, хотя бы с целью им помочь, показалась ему до невероятия отталкивающей. Но одновременно исчез отсвет шутовства, паясничанья, который тусклым ободком окружал воспоминания о Корнелиусе. При этом новом, неожиданном видении событий не оставалось места для плутоватого, недоброго юмора, который рождается в школах, казармах и на палубах кораблей. Ничего смешного не было в Корнелиусе.

Работа в «Синтрониксе»… Казалось бы, она идеально подходит такому человеку: здесь надо нагружать, требовать, усложнять до пределов

возможностей. Корнелиус наконец-то мог дать волю своим подавленным стремлениям. Непосвященным казалось, что это великолепно: старый практик, опытный навигатор передает свои обширные познания автоматам; что же может быть лучше? А Корнелиус теперь имел рабов и не обязан был сдерживаться, поскольку они не были людьми.

Компьютер, сходящий с конвейера, — все равно что новорожденный: он способен научиться всему и не знает пока ничего. Процесс учебы ведет к возрастанию специализации и утрате исходной недифференцированности. На испытательном стенде компьютер играет роль мозга, тогда как имитатор выполняет фукции тела. Мозг, подключенный к телу, — вполне подходящая аналогия.

Мозг должен знать о состоянии и степени готовности каждой мышцы; точно так же компьютер должен иметь информацию о состоянии корабельных агрегатов. Он отправляет по электронным путям тысячи вопросов, словно швыряет тысячи мячиков сразу во все закоулки металлического гиганта, по отзвукам эха создавая для себя образ ракеты и того, что ее окружает. И в эту надежную, безошибочную систему вторгся человек, который болезненно страшится неожи-

данного и преодолевает свой навязчивый страх при помощи неких ритуальных действий. Имитатор стал орудием реализации этих болезненных страхов. Корнелиус действовал в духе верховного принципа — обеспечения безопасности. Разве это не могло казаться похвальным усердием? Как он, должно быть, старался! Нормальный ход работы он вскоре счел недостаточно надежным. Чем сложнее ситуация, в которой оказался корабль, тем быстрее следует о ней информировать. Корнелиус полагал, что темп проверки агрегатов должен зависеть от значимости процедуры. А поскольку наибольшее значение имеет процедура посадки… Он изменил программу? Вовсе нет; ведь шофер, который вздумает проверять двигатель ежечасно, а не ежедневно, может при этом строго соблюдать правила движения. Поэтому программа не могла воспрепятствовать действиям Корнелиуса. Он целился в том направлении, где программа не имела защиты, потому что *этакое* не могло прийти в голову ни одному программисту. Если компьютер от такой перегрузки разлаживался, Корнелиус отправлял его обратно в технический отдел. Понимал он, что заражает компьютеры навязчивыми идеями? Вряд ли; он был практиком, в теории ориентировался плохо;

он с педантичной скрупулезностью сомневался во всем, бесконечно проверял все; в этом же духе он проводил испытания машин. Он, конечно, перегружал компьютеры — ну и что же?.. Они ведь не могли пожаловаться. Это были новые модели, поведением похожие на шахматистов. Игрок-компьютер победит любого человека — при условии, что его учителем не будет кто-то вроде Корнелиуса. Компьютер предвидит замыслы противника на два-три хода вперед; если б он пытался предвидеть на десять ходов вперед, его бы задушил избыток возможных вариантов, ибо их количество растет по экспоненте. Чтобы предвидеть десять очередных ходов на шахматной доске, пришлось бы оперировать девятизначными числами. Такого самопарализующегося шахматиста дисквалифицировали бы на первом же турнире. На борту корабля это сначала не было заметно: можно наблюдать лишь входы и выходы системы, а не то, что происходит внутри нее. Внутри нарастала толчея, снаружи все шло нормально — до поры до времени. Вот так он их и дрессировал — и эти подобия человеческого разума, которые едва справлялись с реальными заданиями, потому что Корнелиус создал уйму фиктивных, стали рулевыми на стотысячниках.

Любой из этих компьютеров страдал ананкастическим синдромом: вынужденное повторение операций, усложнение простых действий, попытки учесть «все сразу». Компьютеры, конечно, не наследовали страхов Корнелиуса, они лишь воссоздавали структуру свойственных ему реакций. Парадокс заключался в том, что именно повышенная емкость новых, усовершенствованных моделей способствовала катастрофе; ведь эти компьютеры могли функционировать очень долго, пока информационная перегрузка постепенно не выводила из строя их контуры. Но когда «Ариэль» опускался на космодром Агатодемона, какая-то последняя капля переполнила чашу. Возможно, ее роль сыграли первые порывы урагана — на них надо было молниеносно реагировать, а компьютеру, заблокированному информационной лавиной, которую он сам же и вызвал, уже нечем было управлять. Он перестал быть устройством реального времени, не поспевал моделировать реальные события — его захлестывали вымышленные… Перед ним была огромная масса — диск планеты, и программа не позволяла ему попросту отказаться от начатой процедуры, а продолжать ее он уже не мог. Поэтому он интерпретировал планету как метеор,

идущий курсом пересечения, — это была для него последняя лазейка, только эту единственную возможность допускала программа. Он не мог сообщить об этом людям в рулевой рубке, ведь он не был мыслящей личностью! Он до конца считал, взвешивал шансы: столкновение означало несомненную гибель, бегство оставляло два-три шанса из сотни; поэтому он и избрал бегство — аварийный старт!

Все это выстраивалось логично, однако совершенно без доказательств. Никто до сих пор не слыхал о таких случаях. Кто мог подтвердить эти предположения? Наверное, психиатр, который лечил Корнелиуса и, возможно, вылечил, а возможно, только разрешил ему заниматься этой работой. Но врач ничего не скажет из соображений врачебной тайны. Нарушить ее можно было бы лишь по решению суда. А тем временем «Анабис» через шесть дней…

Оставался Корнелиус. Догадывался ли он? Понимал ли теперь, после того, что произошло?.. Пиркс не смог поставить себя на место старого командира. Словно стеклянная стена безнадежно преграждала путь. Если у Корнелиуса возникли какие-то сомнения, он их сам себе не выскажет. Он будет изо всех сил противиться таким выво-

дам — это, пожалуй, ясно…

Но ведь это дело все равно откроется — после очередной катастрофы. Если вдобавок «Арес» сядет благополучно, то простейшая выкладка — подвели компьютеры, за которые отвечает Корнелиус, — наведет подозрения на старого командира. Начнут исследовать с пристрастием все детали и по нитке доберутся до клубка. Но ведь нельзя же сидеть да ждать сложа руки! Что делать? Это он отлично знал: надо стереть всю компьютерную память «Анабиса», передать по радио исходную программу; корабельный информационник управится с этим за несколько часов.

Но чтобы говорить о таких вещах, нужно иметь доказательства. Хотя бы одно! На худой конец — хоть косвенные улики, хоть какой-то след, а у Пиркса ничего не было. Всего только воспоминание многолетней давности о какой-то истории болезни, о нескольких строках, вдобавок прочитанных вверх ногами… Прозвища и слушки… анекдоты о Корнелиусе… реестр его чудачеств. Невозможно с этим выступать перед комиссией.

Важнее всего был «Анабис». Пиркс обдумывал уже полубредовые проекты: если нельзя это сделать официально, так, может, ему надо стартовать на своем «Кювье», чтобы с борта ко-

рабля послать «Анабису» предостережение и результаты своего мысленного расследования? О последствиях думать не стоит… Нет, это слишком рискованно. С командиром «Анабиса» он не знаком. А сам он разве послушался бы чужих советов, основанных на таких гипотезах? При полнейшем отсутствии доводов? Сомнительно…

Остается, значит, только сам Корнелиус. Адрес его известен: Бостон, комбинат «Синтроникс». Но как же можно требовать, чтобы такой недоверчивый, дотошный, педантичный человек признался, что совершил то, чему силился противодействовать всю свою жизнь? Может, после беседы с глазу на глаз, после долгих увещеваний, напоминаний об угрозе, нависшей над «Анабисом», Корнелиус согласился бы, что надо послать предостережение кораблю, и сам обосновал бы это предостережение — он ведь честный человек. Но в разговоре, который с восьмиминутными паузами ведется между Марсом и Землей, когда ты обращаешься к экранам, а не к живому собеседнику, взвалить такое обвинение на беззащитного человека и требовать, чтобы он признался в убийстве — хоть и неумышленном — тридцати человек? Невообразимо!

Пиркс все сидел на койке, плотно сплетя паль-

цы, словно для молитвы. Он безмерно дивился, что это возможно: настолько все знать и настолько ничего не мочь! Он обвел взглядом книги на полке. Их авторы помогли ему — помогли своим поражением. Все они потерпели поражение, ибо спорили о каналах, о том, что якобы наблюдали на далеком пятнышке сквозь стекла телескопов, а не о том, что было в них самих. Они спорили о Марсе, которого не видали, а видели они глубины собственного разума, который порождал героические и роковые образы. Они проецировали свои мечты в космическую даль, вместо того чтобы задуматься о самих себе. Так и в этом случае: каждый, кто забирался в дебри теории компьютеров и там искал причины катастрофы, удалялся от сути дела. Компьютеры были невиновны и нейтральны, так же как и Марс, которому Пиркс предъявлял какие-то бессмысленные претензии, словно мир несет ответственность за те миражи, которые пытается ему навязать человек. Но эти старые книги уже сделали все, что могли. Пиркс не видел выхода.

На самой нижней полке была беллетристика; среди разноцветных корешков виднелся выцветший голубоватый томик Эдгара По. Значит, и Романи его читает? Сам Пиркс не любил По — за

искусственность языка, за вычурность фантазии, которая не хочет сознаться, что ее породили сновидения. Но для Корнелиуса это была почти что библия. Пиркс бездумно вытащил книгу, она сама раскрылась на оглавлении, и название одного из рассказов просто ошеломило его. Однажды после вахты Корнелиус дал Пирксу томик Эдгара По и особенно расхваливал этот рассказ — о том, как изобличили убийцу фантастически изощренным, неправдоподобным способом. Потом Пирксу еще пришлось лицемерно хвалить рассказ — известное дело, командир всегда прав…

Идея, вдруг осенившая Пиркса, вначале показалась ему просто занятной; потом он начал понемногу примериваться к ней. Она слегка походила на студенческий розыгрыш и одновременно — на подлый удар в спину. Выглядит это дико, несуразно, жестоко, но — кто знает? — именно в такой ситуации может подействовать. Послать телеграмму из четырех слов. Возможно, эти подозрения — сплошной бред; Корнелиус, чью историю болезни видел Пиркс, — совсем другой человек, а этот Корнелиус тренирует компьютеры в строгом соответствии с правилами и никакой вины за собой чувствовать не может. Получив такую телеграмму, он пожмет плечами

и подумает, что его бывший подчиненный позволил себе идиотскую шутку, в высшей степени омерзительную, но больше уж ничего не подумает и ничего не сделает.

Но если весть о катастрофе пробудила в нем тревогу, неясные подозрения, если он уже начинает понемногу догадываться о своей причастности к трагедии и противится этим догадкам, тогда четыре слова телеграммы как громом поразят его. Он мгновенно почувствует, что его целиком и полностью уличили в том, чего он сам себе не решился отчетливо сформулировать, и что он виновен. Он уже не сможет отделаться от мыслей об «Анабисе» и о том, что его ждет; даже если он попробует обороняться от этих мыслей, телеграмма не даст ему покоя. Он не сумеет сидеть сложа руки, в пассивном ожидании; телеграмма будет жечь его, терзать его совесть — и что тогда? Пиркс достаточно знал его, чтобы понимать — старик не обратится к властям, не даст показаний, но и не станет обдумывать, как лучше защититься и избежать ответственности. Если он признает себя ответственным, то, не сказав ни слова, сделает то, что сочтет необходимым.

А значит, нельзя так поступить. Пиркс еще раз перебрал все варианты — он готов был беседо-

вать с самим дьяволом, добиваться разговора с ван дер Войтом, если бы такая беседа хоть что-нибудь сулила… Но никто не мог помочь. Никто. Все обстояло бы иначе, если б не «Анабис» и не эти шесть дней сроку. Можно уговорить психиатров, чтобы они дали показания; можно пронаблюдать методы, которые применяет Корнелиус, тренируя компьютеры; можно проверить компьютер «Анабиса», но на все это уйдут недели. Так что же делать? Подготовить старика, послав ему весточку с предупреждением, что… Но тогда все дело сорвется. Болезненная психика Корнелиуса найдет всякие увертки и контрдоводы — даже у самого честного человека имеется инстинкт самосохранения. Корнелиус начнет защищаться или скорее будет на свой лад надменно молчать, а тем временем «Анабис»…

Пирксу казалось, что он куда-то проваливается. Все вокруг отвергало его, отбрасывало — как в рассказе По «Колодец и маятник», где мертвые стены миллиметр за миллиметром сжимаются вокруг беззащитного узника, подталкивая его к пропасти… Что может быть беззащитней, чем беззащитность человека, которого настигла болезнь, и именно поэтому его теперь ожидает подлый удар из-за угла? Что может быть подлей,

чем такая подлость?

Бросить это дело? И молчать? Конечно, это было бы легче всего! Никто и не додумался бы, что у него в руках были все нити. После очередной катастрофы они сами нападут на след. Однажды начавшись, следствие в конце концов доберется до Корнелиуса и…

Но если это так и есть, если он не спасет старого командира даже своим молчанием, тогда он не имеет права молчать. Больше Пиркс ни о чем уже не думал, потому что начал действовать, словно избавившись от всяких сомнений.

Внизу было пусто; только в кабине лазерной связи сидел дежурный техник. Пиркс написал на бланке адрес: «Земля, США, Бостон, Корпорация „Синтроникс“, Уоррену Корнелиусу».

В тексте депеши было всего четыре слова: «Thou Art the Man»[2]. К своей подписи Пиркс добавил: «Член комиссии по расследованию причин катастрофы „Ариэля“. Место отправления: Марс, Агатодемон». Это было все. Он вернулся в комнату Романи и заперся там. Кто-то стучался потом в дверь, слышались голоса, но Пиркс не подавал признаков жизни. Он нуждался в одиночестве,

[2] Примечания: 2

«Ты еси сотворивший сие!» *(англ.)* — фраза из одноименного рассказа Э. По.

потому что начались душевные терзания, как он и предвидел. С этим уж ничего нельзя было поделать.

Поздней ночью он стал читать Скиапарелли, чтобы не представлять себе по сотне раз во всевозможных вариантах, как Корнелиус, приподняв полуседые щетинистые брови, берет телеграмму со штемпелем «Марс», как разворачивает шелестящую бумагу и отодвигает ее от дальнозорких глаз. Пиркс читал, не понимая ни слова, а когда перелистывал страницу, его охватывало безмерное удивление, смешанное с каким-то ребяческим огорчением: «Неужели это я? Я — я смог такое сделать?!»

Сомневаться не приходилось: Корнелиус попался в ловушку, как мышь; у него не оставалось свободного пространства, какого-то зазора для хотя бы малейших уверток; ситуация так сложилась, что не допускала уверток; поэтому он своим заостренным четким почерком набросал на листке бумаги несколько фраз, поясняя, что действовал без злого умысла, но вину целиком принимает на себя, подписался и в три часа тридцать минут утра — через четыре часа после получения депеши — выстрелил себе в рот. В его записке не было ни слова о болезни, ни ма-

лейшей попытки самооправдания — ничего. Он словно одобрил поступок Пиркса лишь постольку, поскольку он помогал спасению «Анабиса», и решил принять участие в этом спасении — но больше ни в чем. Словно выразил Пирксу и деловое одобрение, и одновременно полнейшее презрение за коварно нанесенный удар.

Возможно, впрочем, что Пиркс ошибался…

Хоть это и выглядит несоразмерно событиям, Пиркса очень угнетал театрально-напыщенный стиль, в котором ему пришлось действовать. Он одолел Корнелиуса, пустив в ход Эдгара По и вообще действуя в стиле Эдгара По, хотя стиль этот претил ему, казался фальшивым; Пиркс полагал, что труп, окровавленным пальцем указывающий на убийцу, не отражает подлинного ужаса бытия. По его наблюдениям, ужас бытия проявлялся обычно в злобных издевках, а не в романтических сценах. Сопутствовал он и размышлениям Пиркса о том, как изменилась роль Марса в жизни людей по сравнению с предыдущей эпохой. Из недосягаемого красноватого пятнышка на ночном небе, демонстрирующего полупонятные следы деятельности Иного Разума, Марс превратился в плацдарм обычной земной жизни, то есть изнурительной борьбы со стихи-

ей, закулисных политических сделок и всяческих интриг; он стал миром удручающих вихрей и пыльных бурь, вдребезги разбитых ракет и хаотической путаницы; местом, откуда можно было не только полюбоваться поэтически-голубым огоньком Земли, но и нанести смертельный удар человеку, живущему на Земле. Безупречный полуфантастический Марс давнишней ареографии исчез, оставив на память о себе лишь звучащие как формулы, как заклятия алхимиков греколатинские названия мест, по которым теперь топали тяжелые башмаки. Безвозвратно утонула за горизонтом эпоха высоких теоретических споров и только в момент гибели явила свой истинный облик — мечты, которая питается своей неосуществимостью. Остался Марс реальный — с утомительной работой, экономическими расчетами и такими вот грязно-серыми рассветами, как тот, в который Пиркс появился в зале заседаний комиссии и представил свои доводы.